

Учреждение образования
«Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина»

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ НАУКИ О ЯЗЫКЕ

Электронный сборник материалов
Республиканской научно-практической конференции
аспирантов, магистрантов, студентов

Брест, 21 марта 2025 года

Брест
БрГУ имени А. С. Пушкина
2025

ISBN 978-985-22-0927-4

© УО «Брестский государственный
университет имени А. С. Пушкина», 2025

Об издании – [1](#), [2](#)

1 – сведения об издании

УДК УДК 81-13:316.77(082)
ББК 81.2+76.0+60.524.224я431

Редакционная коллегия:
Е. Г. Сальникова, М. В. Романюк (отв. ред.)

Рецензенты:
заведующий кафедрой теории и практики английского языка
УО «Белорусский государственный университет иностранных языков»
кандидат филологических наук, доцент **Т. И. Свистун**

декан факультета иностранных языков
УО «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина»
кандидат педагогических наук, доцент **Е. Д. Осипов**

Актуальные вопросы науки о языке : электрон. сб. материалов Респ. науч.-практ. конф. аспирантов, магистрантов, студентов, Брест, 21 марта 2025 г. / Брест. гос. ун-т им. А. С. Пушкина ; редкол.: Е. Г. Сальникова, М. В. Романюк (отв. ред.). – Брест : БрГУ, 2025. – 292 с. – URL: <https://rep.brsu.by/handle/123456789/>.

ISBN 978-985-22-0927-4.

В материалах сборника рассматриваются проблемы развития языка с позиций когнитологии, лингвопрагматики, культурологии, социолингвистики, а также инновационной методики обучения иностранным языкам

Адресуется научным сотрудникам, преподавателям учреждений высшего образования, аспирантам, студентам.

Разработано в формате pdf.

УДК 81-13:316.77(082)
ББК 81.2+76.0+60.524.224я431

Текстовое научное электронное издание

Системные требования: тип браузера и версия любые;
скорость подключения к информационно-телекоммуникационным сетям любая;
дополнительные надстройки к браузеру не требуются.

© УО «Брестский государственный
университет имени А. С. Пушкина», 2025

В НАЧАЛО

2 – производственно-технические сведения

- Использованное ПО: Windows 10, Microsoft Office Word;
- ответственный за выпуск Ж. М. Селюжицкая, технический редактор Е. Г. Марченкова, корректор Е. Г. Марченкова, компьютерный набор и верстка О. В. Харик;
- дата размещения на сайте: 25.11.2025;
- объем издания: 2,51 Мб;
- производитель: учреждение образования «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина», 224016, г. Брест, ул. Мицкевича, 28. Тел.: 8(0162) 21-70-55. E-mail: rio@brsu.by.

В НАЧАЛО

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Матиевская В. Ю. Феномен политкорректности в контексте межкультурной образовательной парадигмы	9
Суббота Н. С. Речевые особенности и коммуникативные стратегии хайтеров.....	13
Ятченко М. В. Использование ролевой игры как разновидности активных методов обучения на уроках английского языка в средней школе.....	17

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

Амирян А. К. Культурно-специфичные различия кодовых переключений в онлайн-коммуникации представителей разных лингвокультур.....	20
Антонович М. Н. О грамматической функции инверсии в современном английском языке	23
Завадская Д. Э. К вопросу о способах выражения речевого акта приказа в современном английском языке	26
Ильючик Д. А. Язык и культура в контексте лингвокультурологии	30
Коляда А. А. Отображение концепта «деньги» в английской фразеологической картине мира.....	32
Лапус А. В. К вопросу о взаимодействии категорий футуральности и модальности в английском и русском языках.....	34
Огневич А. А. Auswirkungen und Herausforderungen der Corona-Krise auf Bildungsträger	37
Пилипчук П. А. К вопросу о структуре английского сложного предложения	41
Резюк Е. Р. Ядро и сопутствующие феномены концепта «тоска» в русской языковой картине мира	44
Суханицкий Н. А. Реалии как носители культурной идентичности	47
Троцюк Д. В. Фонетическая адаптация английских заимствований в сфере современной музыки	51
Угляница Д. Д. Категория модальности и ее типы с позиций современной лингвистики	53
Шпильчук С. В. Языковые средства выражения категории вежливости в современном английском языке	56

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПЕРЕВОДА. МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Бисултанов А. А. Роль заголовков в немецкоязычной литературе:	
анализ функций и стратегий перевода на русский	59
Борисова А. А. Эпитет как средство выразительности в романе	
Кристин Ханны «Четыре ветра».....	63
Горщарик А. В. Особенности передачи стилистических средств	
характеристики персонажей при переводе (на основе романа	
Э. М. Ремарка «Жизнь взаймы»)	66
Дорогокупец А. А. Использование приема антонимического перевода	
в русскоязычных переводах романа Г. Гессе «Демиан».....	69
Зосимова П. А. Политкорректность в международных отношениях:	
инструмент мира или дипломатическая маска.....	73
Куриенко Е. В. Стратегии формирования потребительской	
лояльности в ОАО авиакомпания «Белавиа»	75
Рыбак В. Д. Коммуникативная культура педагогов-лингвистов	
СШ № 6 г. Слуцка	78
Сахарчук Е. В. Лингвистические аспекты художественного	
перевода с немецкого языка на русский	83
Селюжицкая В. Д. Лингвоконфликтогенность	
в англоязычной коммуникации.....	85
Цветкова В. А. Проблемы перевода научных текстов.....	88
Цикоридзе А. Г. Особенности перевода английских аббревиатур и	
сокращений на русский язык	92

АКТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ДИСКУРСА

Апанович В. В. Дискурсивные маркеры как инструмент молодежной	
онлайн-коммуникации	95
Борисовская Е. А. Особенности функционирования наименований	
болезней в газетном тексте.....	98
Волосюк А. А. Фразеологические конструкции как инструмент	
воздействия в медиа	101
Гомзюк К. В. Особенности функционирования сленга в современном	
англоязычном интернет-дискурсе	103
Дашкевич Д. А. Рекламный текст как объект лингвистического	
анализа.....	108
Замалетдинова И. Р. Анализ использования стилистических	
приемов лингвокреативности в книге “ <i>Difficult Conversation</i> ”	
серии Harvard Business Review	112

Исламова А. И. Приемы стилистического синтаксиса в публицистическом дискурсе сферы культуры на материале газеты “The Independent”	116
Козак Д. М. Языковая манипуляция в англоязычном газетном дискурсе.....	120
Федосова М. В. Классификация молодежного сленга в англоязычном песенном дискурсе	124
Хлебовец Т. В. Синтаксические особенности музыкального сленга в англоязычном музыкальном дискурсе	127
Шаш В. В. Лексические средства выразительности в англоязычных рекламных текстах	130
Шиловец А. А. От агрессии к норме: как кибербуллинг становится частью игровой культуры.....	132

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО КОДА

Абоимова Ю. С. Гибридные и негибридные формы компьютерной лексики в современном немецком языке	137
Абрамова А. А. Продуктивные способы словообразования в современном английском языке	140
Алексеюк Р. С. The Structural Characteristics of Phraseological Units With a Somatic Component.....	142
Богуш С. Ю. Роль ландшафтной лексики в английском языке	145
Боднарчук Р. М. Эволюция проекта «Слова года» в Германии: от истоков до современности.....	148
Бубен Е. С. Отражение публичного образа персоны в коллокациях с именем Meghan Markle в корпусе <i>News on the Web</i>	150
Войтович М. А. Семантические особенности соматических фразеологизмов с компонентом «рука»/‘hand’ в белорусском и английском языках	154
Дорошевич Ю. Т. Особенности функционирования вербальных коррелятов <i>wedding–вяселле</i> : сопоставительный аспект.....	158
Егиазарян А. Г. Основные характеристики биномиальных образований в английском языке.....	162
Заносова Э. С. Лексикографическая интерпретация концепта <i>порядок</i> в русской языковой картине мира	166
Зеленевский П. А. Вербализация концепта «родина» в современном английском языке	168
Зубрицкая В. А. Англицизмы как способ выражения новых концептов: социально-психологический аспект	170

Игнашев И. В. Фразеологические единицы как индикатор человеческого интеллекта	173
Каравай Е. О. Ассоциативная связь цитатного типа между компонентами фразеологических единиц	176
Клим К. Ю. Ассоциативные связи лексемы <i>star</i> ‘звезда’ в языковом сознании лиц разного возраста	179
Лаврукович А. А. Концепт «продукты питания» в англоязычной культуре	182
Латышева М. С. Вариативность ассоциативной связи наименований человека и базовых эмоций (по данным психолингвистического эксперимента)	187
Мироненко К. В. Лексико-семантические особенности вербальных коррелятов <i>garden – сад</i>	190
Полянская А. А. Заимствования в английском языке: исторический аспект	193
Радковец А. О. Лексические инновации в мире информационных технологий	196
Сазонова Е. С. Лингвистическая трактовка лексико-семантического поля	198
Сидоренко О. С. Явление номинации в языке	202
Чеб М. А. Специфика молодежного сленга современного английского языка	205
Щерба Д. Р. Культурный аспект динамического развития концепта «Флора» во фразеологии современного английского языка	207

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

Афанасьева А. Р. Викторианский идеал и женские образы в романе Чарльза Диккенса «Оливер Твист»	212
Гойнаш Р. Д. Ароматы как язык взаимодействия с обществом в романе П. Зюскинда «Парфюмер. История одного убийцы»	214
Григорян Т. В. Тематика детской поэзии Кенна Несбитта	218
Данюк Д. И. Роль персонализма в формировании художественного метода Ф. О'Коннор	222
Зиновенко А. Д. Роман З. Ленца «Урок немецкого» и исторический контекст	227
Климчук И. В. Использование графических выразительных средств в романе Р. Риггза «Дом странных детей»	230
Кулик С. В. Способы выражения художественного времени в повести К. С. Льюиса «Племянник чародея»	235
Ливадина Е. А. Синтез культур и философских традиций в романе Грегори Дэвида Робертса «Шантарам»	238

Масловский К. В. Комическое как средство социальной критики в романах Курта Воннегута.....	240
Новик Л. В. Литературная сказка эпохи постмодернизма (на примере романа Михаэля Энде «История, которой нет конца»).....	243
Пилипенко К. Р. Тема поэзиотерапии в романе Пэт Баркер «Возрождение»	246
Рыжковская Ю. А. Анализ внутреннего мира персонажей романов Ф. С. Фицджеральда «Великий Гэтсби» и «Ночь нежна»	249
Сашко А. Е. Пространственные образы в романе Н. Геймана «Никогда».....	252
Токун А. И. Образ кардинала Томаса Уолси в романе Х. Мантел «Вулфхолл».....	254
Чабан А. Н. Мифологические образы в романе Д. Сеттерфилд «Пока течет река»	256
Чирик К. С. Немецкий эмигрантский роман: исторический и литературный феномен.....	259
Шеремета П. Ю. Особенности поэтики сказки Дж. Тёрбера «13 часов»	263
Шпак Е. Ю. Способы выражения интертекстуальности в романе Т. Пратчетта «Цвет волшебства».....	266

ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СФЕРЕ ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ЛИНГВОДИДАКТИКА

Андренко К. В. Тональность текста в лингводидактике.....	269
Качановская А. С. Аутентичные видеоматериалы как средство развития коммуникативной компетенции на уроках английского языка: преимущества и недостатки	273
Кулеш К. С. Роль фонетических навыков в обучении иностранному языку	275
Матусевич Ю. В. Поисковое чтение как эффективный способ работы с англоязычными текстами на уроках английского языка в школе.....	277
Селезнёв И. С. Искусственный интеллект в преподавании английского языка в средней школе: обзор образовательных платформ.....	280
Стасюк К. А. Образовательный потенциал современных медиа в обучении иностранным языкам	285
Чижик Е. С. К вопросу использования икт на занятиях по иностранному языку	288

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

В. Ю. МАТИЕВСКАЯ

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – Л. Я. Дмитрачкова

ФЕНОМЕН ПОЛИТКОРРЕКТНОСТИ В КОНТЕКСТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПАРАДИГМЫ

Феномен политкорректности в контексте межкультурной образовательной парадигмы представляет собой сложный конструкт, связанный с соотношением между соблюдением культурных норм и ценностей различных культур и обеспечением уважения к разнообразию в мультиязыковой образовательной среде.

Язык как основной способ коммуникации между людьми, установления общественных или международных отношений – это постоянно развивающаяся система, отражающая изменения, которые связаны с развитием конкретного общества и культуры данного общества. Неразрывно связанный с социумом, он и меняется с самим обществом и его культурой, отображая социальную и культурную реальность, в которой он существует и применяется.

В течение многих десятилетий английский язык, например, претерпевал значительные изменения под воздействием разнообразных факторов, внешних и внутренних, в официальных сферах общения, в частности, что способствовало пересмотру отношений с различными социальными группами. Эти изменения привели к появлению термина «политическая корректность». Сегодня термин «политкорректность» широко используется как в англоязычных странах, так и за их пределами, что привело к увеличению внимания к этому феномену со стороны исследователей по всему миру. Современное понятие политкорректности охватывает различные аспекты жизни, связанные с политикой, философией, этикой, лингвистикой и другими областями знаний. В результате определение этого термина остается многогранным:

1. «Политическая корректность – соответствие представлениям, что язык и действия, которые могут задеть политически чувствительные вопросы, должны быть устраниены» [1].

2. «Политическая корректность – это осторожно выбранные слова, обдуманные поступки и внимательное отношение. Термин особенно применим в тех случаях, когда человек чрезмерно осторожен в выборе слов или в своем поведении» [2, с. 46].

3. «Политическая корректность языка выражается в стремлении найти новые способы языкового выражения взамен тех, которые задевают чувства и достоинства индивидуума, ущемляют его человеческие права привычной языковой бес tactностью и/или прямолинейностью в отношении расовой и половой принадлежности, возраста, состояния здоровья, социального статуса, внешнего вида и т. п.» [3, с. 216].

В общем и целом, политкорректность в английском языке (*political correctness* или *PC*) используется для описания поведения, которое призвано уважать или не оскорблять определенные группы людей, особенно тех, которые исторически были объектами дискриминации. Однако в англоязычных странах этот феномен иногда становится объектом споров. Если некоторые считают, что политкорректность способствует созданию более инклюзивной и безопасной среды для всех, учитывающей чувства и переживания других людей, то другие, возражая против политкорректности, утверждают, что она ограничивает свободу выражения и приводит к чрезмерной цензуре. Несмотря на то, что общепринятая цель политкорректности в английском языке – это создание более равноправного и уважительного общества, где каждый чувствует себя включенным и уважаемым, очевидно, что нужно находить баланс между политкорректностью и свободой слова, чтобы избежать чрезмерной цензуры и сохранить возможность откровенного обсуждения сложных тем.

Как правило, термин «политическая корректность» используется для описания людей, относящихся к различным социальным группам. Причем каждая из них обладает своими индивидуальными особенностями в использовании лингвистических терминов для их обсуждения. Такое разнообразие неразрывно связано с историческими факторами: дискриминацией людей по различным социальным и физическим признакам и, в ответ на дискриминацию, борьбой против оскорбительного отношения со стороны других социальных групп. Например, одной из составляющих политкорректности считается лексическая группа, описывающая гендерные различия. При этом гендер конструируется (строится) «1) посредством социализации, разделения труда, системой гендерных ролей, средствами массовой информации; 2) самими индивидами – на уровне их сознания (т. е. гендерной идентификации), принятия заданных обществом норм и ролей и подстраивания под них (в одежде, внешности, манере поведения и т. д.)» [4].

Из-за устоявшихся в обществе с древних времен традиционных ролей мужчины и женщины прослеживается наличие у мужчин более высокого социального статуса по отношению к женщинам. В связи с этим возникают различные конфликты и недовольства со стороны женской части населения,

проявившиеся, например, в движении «феминизма» за равенство прав, что также приводит к изменению языковой системы.

Политически корректным считается заменять корень *man* и суффиксы, идентифицирующие слова по родам, на гендерно нейтральные лексемы: *chairperson* вместо *chairman*; *fisher* вместо *fisherman*; *police officer* вместо *policeman*; *salesperson* вместо *salesman*; *waitron/server* вместо *waiter/waitress*. Важным изменением стало использование местоимения *they* вместо *he* или *she*.

Следующая группа лексики относится к теме расизма. Возникновение политкорректной лексики этой группы связано, как известно, со многими историческими причинами. Например, с момента открытия Америки Христофором Колумбом на колонизированных землях стали работать люди с темным цветом кожи вместо самих колонизаторов. Их привозили с земель Африки, и, как следствие, они получили статус рабов. Соответственно, на протяжении многих лет именно они выполняли всю трудную работу. Позже со стороны темнокожих людей стали возникать движения за свободы и свои права. Наиболее известным движением современности считается *Black Lives Matter* ‘Жизнь черных имеет значение’.

Другой проблемой, связанной с угнетением народов, считается ущемление и уничтожение коренных жителей Америки с началом колонизации континента.

В рамках обсуждения политической корректности становится важным обращать внимание на проблему притеснения азиатов и американцев азиатского происхождения, т. е. на увеличение случаев дискриминации и насилия в отношении данных групп, вызванных различными факторами, включая стереотипы, предвзятость и даже политические настроения. Так, иногда наблюдается исключение азиатов и азиатов американского происхождения из общественного диалога или стереотипное изображение их в негативном свете, что противоречит принципам политической корректности. В подобных случаях рекомендуется применять: *Asian-American* вместо *Oriental*; *African-American* вместо *black* или *negro*; *Latino* вместо *Hispanic*; *Native American* вместо *Indian*.

Еще одной важной социальной группой является объединение людей с низким социальным статусом, непрестижной по мнению общественности, профессией, определенным возрастом, психическими или физическими особенностями. В соответствии с новыми тенденциями политкорректного общества возникают новые словесные описания людей с такими характеристиками: *people with disabilities/physically challenged/differently abled* вместо *disabled/invalid/cripple*; *hard-of-hearing/visually oriented* вместо *deaf/silent/dumb*; *visually impaired* вместо *blind*; *mentally challenged* вместо *mad*; *longer-living/mature/senior citizen* вместо *old*.

Относительно профессий можно сказать *sanitation engineer/garbologist* вместо *garbage collector*; *environmental hygienist/custodian* вместо *janitor*; *housekeeper* вместо *servant*.

В соответствии с вышеописанными особенностями функционирования современного мира изучение феномена политкорректности имеет, подчеркнем, определяющее значение в освоении межкультурной коммуникации студентами профильных специальностей, языково-педагогических, в частности. Значимость обуславливается такими факторами, как:

1) формирование языковой чувствительности. Речь идет об осведомленности о том, как использование языковых средств влияет на разные культурные и социальные группы. Понимание политкорректности поможет студентам избегать языковых ошибок и обеспечивать уважительное общение с людьми разных культур и культурных фонов;

2) формирование культурной компетенции, понимание особенностей своей культуры и различий между своей и чужой культурами. Это поможет студентам быть более успешными в образовательной и профессиональной деятельности – в межличностном общении, которое обеспечивается выбором языковых элементов (в зависимости от ситуации и аудитории) во избежание недоразумений и конфликтов;

3) развитие эмпатии, уважения к «другим», толерантности и других качеств и свойств личности, необходимых для успешной работы в качестве преподавателей, переводчиков, лингвистов и для других профессий, связанных с английским языком.

Таким образом, изучение феномена политкорректности в обучении студентов профильных специальностей английскому языку обуславливает эффективность межкультурного общения и развитие межкультурной коммуникативной компетентности будущих специалистов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Merriam-Webster Dictionary : [site]. – URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/political%20correctness> (date of access: 03.03.2025).
2. Шарапова, И. В. История возникновения понятия “Political correctness” и способы его интерпретации / И. В. Шарапова, Ю. В. Кобенко // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2014. – № 10 (151). – С. 46–50.
3. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация : учебное пособие / С. Г. Тер-Минасова. – М. : Слово, 2000. – 262 с.
4. Словарь гендерных терминов : [сайт]. – URL: <http://www.owl.ru/gender/010.htm> (дата обращения: 03.03.2025).

[К содержанию](#)

Н. С. СУББОТА

Минск, МГЛУ

Научный руководитель – Т. В. Поплавская

РЕЧЕВЫЕ ОСОБЕННОСТИ И КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ ХЕЙТЕРОВ

Хейтеринг (от англ. *hate* ‘ненависть’) – это феномен коммуникации в интернет-среде, при котором отдельные пользователи (именуемые **хейтерами**) систематически выражают немотивированно негативные, оскорбительные и агрессивные оценки в адрес других людей или явлений [1]. Другими словами, хейтер есть никто иной, как ненавистник, человек, который пишет злобные и уничижительные комментарии, часто переходящие на личности, без достаточных на то оснований и доказательств. В отличие от конструктивной критики или выражения мнения, которое обычно подкреплено аргументами и соблюдением уважительного тона, высказывания хейтеров характеризуются именно отсутствием объективности и резким лексическим наполнением [2].

С точки зрения социолингвистики большой интерес представляет то, как именно выражается хейт в речи – какими языковыми средствами и коммуникативными тактиками пользуются хейтеры. Исследования последних лет подтверждают, что хейтерские высказывания обладают рядом характерных черт. Рассмотрим некоторые из них.

Прежде всего, это нарушение норм речевого этикета и кооперации. Коммуникация хейтера по определению не стремится к взаимопониманию или вежливости – напротив, она агрессивна и конфликтна. Так, Т. В. Поплавская отмечает, что высказывания хейтеров и троллей в комментариях «нарушают не только этикет (предусматривающий недопустимость уничижительного тона, обсценной лексики и перехода на личности), но и принцип кооперативности общения» [3, с. 104]. Другими словами, хейтеры пренебрегают базовыми правилами вежливости и конструктивности: их сообщения часто являются намеренно грубыми, унизительными, «неэкологочными» по отношению к собеседнику. В психолингвистике понятие «экология общения» определяется как «природное (естественное), здоровое, экологически чистое, культурное и бережное отношение к слову, языку, а также духовное взаимодействие человека как с другими людьми, так и с самим собой» [4, с. 393]. С этой точки зрения, хейтеринг предстает едва ли не самым ярким видом нарушения коммуникативной экологичности, наносящим ощутимый ущерб личности собеседника как части окружающей среды общения. Иными

словами, хейтерские реплики – это словесный «выброс токсинов» в речевое пространство, своего рода «коммуникативное загрязнение».

Для языка хейтеров характерно изобилие пейоративной (уничижительной) лексики – оскорблений, ярлыков, саркастичных замечаний. Например, Т. В. Поплавская в своем исследовании русскоязычных и англоязычных комментариев к видеоблогам выявила частое использование хейтерами языковых ярлыков – уничижительных прозвищ и клише, направленных на обесценивание чужих достижений. Хейтеры активно пользуются просторечием, жаргоном, иногда обсценной лексикой, чтобы задать уничижительный тон дискуссии. Отмечается склонность к переходу на личности: вместо обсуждения сути вопроса, хейтер переключается на *личные характеристики оппонента* (внешность, возраст, умственные способности и т. д.) [3, с. 102]. Например, вместо критики содержания видеоролика хейтер атакует внешность видеоблогера: «*с таким лицом только в цирке выступать*», или указывает на возраст: «*старая кошелка учит жизни*».

Контент и по существу деятельность автора при этом часто остаются вне поля внимания хейтера. Подтверждение этому можно найти в исследовании Д. Ф. Даутова, в котором анализ 205 хейтерских комментариев показал, что 87 касались внешности блогеров и 50 – возраста, тогда как профессиональные аспекты практически игнорировались [5, с. 141]. Этот факт доказывает склонность хейтеров к неконструктивной критике, бьющей по личности, а не по делу.

Анализируя типовые приемы и формы высказываний хейтеров, можно выделить следующие распространенные речевые тактики, к которым прибегают хейтеры чаще всего:

1. Прямое оскорбление и обзвывание. Самый простой и частый вариант – непосредственное употребление оскорбительных прозвищ, негативных оценочных прилагательных и существительных в адрес оппонента: «*идиот*», «*уродливый*», «*ничтожество*» и пр. Это ядро хейтерской речи – атака прямиком в лоб на самооценку другого человека.

2. Сарказм, язвительность. Хейтер нередко прибегает к саркастическим замечаниям, риторическим вопросам, едким насмешкам. Например: «*Ну да, конечно, ты же у нас гений*» (сарказм). Риторические вопросы вроде «*И этот псевдоэксперт считает себя умным?*» позволяют хейтеру одновременно выразить сомнение в способностях оппонента и унизить его. Сарказм создает видимость остроумия, хотя по сути служит той же цели – задеть человека.

3. Обесценивание достижений. Еще одна тактика – отрицание или принижение любых успехов и качеств цели. Хейтер может сетовать на случайную удачу оппонента или обвинять его в нечестности, хитрости

(например: «*Получил должность, наверное, по блату*». Любые позитивные сведения о жертве нивелируются: «*ничего особенного не сделал*», «*тоже мне, герой*». Подобная дискредитирующая стратегия, часто применяется из чувства зависти.

4. Выражение злорадства или агрессии по поводу уязвимостей.

Если у оппонента имеются очевидные уязвимые места (например, публично известные проблемы, ошибки, неудачи), хейтеры концентрируются на них. Они могут откровенно злорадствовать: «*Сама виновата, так тебе и надо!*». Типичен феномен *victim blaming* – обвинение жертвы: мол, «он сам виноват, раз его травят / он потерпел неудачу». Это позволяет хейтеру оправдать свою жестокость.

5. Имитирование «конструктивной» критики. Некоторых

хейтеров можно назвать *квази-критиками*: они делают вид, что высказывают обоснованные претензии, но на деле их тон и общий посыл остаются оскорбительными. Например: «*Да, картина, может, и неплоха, но автор – бездарность, просто тут повезло с сюжетом*». Здесь присутствует внешне критическая структура, но главная цель – уколоть автора, заставить его усомниться в собственном таланте.

6. Доведение до абсурда, гиперболизация. Хейтер может утрировать позицию оппонента или доводить ситуацию до абсурда, чтобы выставить ее смешной или нелепой. Например: «*Конечно, продолжай в том же духе, может, тебя сразу президентом сделают, ха-ха*». Гипербола служит для насмешки и обесценивания серьезности темы.

7. Коллективное набрасывание («догпайл»). В групповых обсуждениях хейтеры иногда действуют стаей: один начинает агрессию, другие подхватывают, и негативные комментарии лавинообразно нарастают (*dogpiling*) [6]. В таких ситуациях риторика озлобленности усиливается групповым эффектом. Индивидуальные особенности высказываний стираются – начинается *флейм* (flame war), когда участники просто соревнуются в грубости.

Стоит упомянуть, что статистический анализ больших массивов токсичных комментариев выявляет интересные тенденции в языке хейтеров. Например, эксперты выяснили, что для выражения агрессии в русскоязычных соцсетях хейтеры чаще всего используют наречия и междометия – около 70 % агрессивных сообщений содержали именно такие части речи. Вероятно, это отражает склонность к эмоциональным, восклицательным формулам (типа: «*просто отвратительно!*», «*кужасно бесит!*» и т. п.). Несколько реже встречаются оскорбительные глаголы («*ненавижу*», «*презираю*») и прилагательные («*тупой*», «*жалкий*») [7]. Таким образом, язык хейтеров тяготеет к экспрессивным, часто кратким выпадам: междометия, эмотиконы отвращения, разгневанные возгласы.

Можно сказать, что стиль коммуникации хейтера реактивно-эмоциональный, а не рассудительный: это чаще крик «*фу!*» или «*бесит!*», нежели развернутое осуждение.

Наконец, коммуникация хейтеров характеризуется специфическими тактиками взаимодействия в процессе дискуссии. Если обычная цель диалога – обмен мнениями или поиск истины, то цель хейтера – «сломать общение», вывести разговор на конфликт. Поэтому часто применяется тактика *ухода от темы к личности*, о которой уже говорилось. Другая типичная тактика – *provokacija na otvetnuyu agressiyu*: хейтер стремится вызвать у оппонента вспышку эмоций (ответный гнев, грубость), после чего может обвинить его же в неадекватности. Например, сначала хейтер оскорбляет: «*Vаш комментарий – бред собачий, видно, что вы дилетант*», – если ему отвечают раздраженно, он возражает: «*Ага, сразу на личности переходите, культуры ноль*». Таким образом, хейтер ставит человека в заведомо проигрышную ситуацию: либо терпеть оскорблений молча, либо отвечать и «опускаться» до его уровня. В обоих случаях хейтер получает удовлетворение – или от своей безнаказанности, или от того, что втянул оппонента в склоку.

Резюмируя, речевая агрессия хейтеров имеет следующие ключевые признаки: неуважительный, оскорбительный тон; фокусирование на обесценивании личности; обилие экспрессивно-уничижительной лексики; нарушения норм диалога и этикета. Это позволяет говорить о хейтеринге как об особом жанре коммуникации, со своей риторикой и стратегиями, противопоставленными конструктивному общению.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хейтер: кто это и как дать ему отпор // РБК Тренды. – URL: <https://trends.rbc.ru/trends/social/61b30ed39a7947a036321b0b> (дата обращения: 15.03.2025).
2. Кто такие хейтеры и как бренду им противостоять // MANGO OFFICE [облачные сервисы для коммуникаций]. – URL: <https://www.mango-office.ru/journal/for-marketing/osnovy/hejtery> (дата обращения: 15.03.2025).
3. Поплавская, Т. В. Троллинг как технология самопрезентации / Т. В. Поплавская // Terra Linguistica. – 2024. – Т. 15, № 2. – С. 102–110.
4. Мутилина, Ю. Г. Экология общения как фактор благоприятной социальной адаптации личности: возрастной аспект / Ю. Г. Мутилина // Мир науки, культуры, образования. – 2018. – №6 (73). – С. 391–394.
5. Даутов, Д. Ф. Феномен хейтеров и хейтеринг в интернет-общении / Д. Ф. Даутов // Материалы съезда Рос. психол. о-ва / Казан. федер. ун-т; сост. Л. В. Артищева; под ред. А. О. Прохорова [и др]. – Казань. – Казан. ун-т., 2017. – Т. 2. – С. 141–142.
6. Recognize and understand online harassment // Center for Health Communication. – URL: <https://hsppharvard.edu/research/health-communication/resources/digital-safety-kit-for-public-health/recognize-and-understand-online-harassment> (date of access: 15.03.2025)

7. Эксперты составили портрет типичного хайтера в Рунете // РБК – новости в реальном времени. – URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/20/03/2019/5c927e009a794733cb82f525 (дата обращения: 15.03.2025).

[К содержанию](#)

М. В. ЯТЧЕНКО

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Ю. А. Тищенко

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РОЛЕВОЙ ИГРЫ КАК РАЗНОВИДНОСТИ АКТИВНЫХ МЕТОДОВ ОБУЧЕНИЯ НА УРОКАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ

Ролевая игра – это активный метод обучения, который широко используется в преподавании английского языка. Этот подход представляет собой моделирование различных жизненных ситуаций прямо на уроке, что позволяет учащимся погружаться в языковую среду и применять свои знания на практике. Ролевые игры не только способствуют освоению нового учебного материала и закреплению пройденного, но и развивают творческие способности учащихся, а также помогают им раскрепоститься и избавиться от языкового барьера [1].

Погружение в ролевую игру позволяет учащимся действовать в условиях, приближенных к реальным, что делает обучение более увлекательным и эффективным. Создавая обычные жизненные ситуации, такие как общение в магазине, на вокзале или в ресторане, учащиеся начинают думать и говорить на иностранном языке менее скованно. Эта методика уже доказала свою эффективность в педагогике, и ее применение приносит множество преимуществ.

Одним из ключевых положительных аспектов использования ролевых игр на уроках английского языка является развитие лексических навыков учащихся [2]. Во время игры происходит активное пополнение словарного запаса, а новые слова запоминаются быстрее, поскольку они используются в контексте. Учащиеся имеют возможность применить ранее пройденный материал на практике, что помогает «разбудить» «пассивный» словарный запас и перевести его в «активный». Чем чаще учащиеся говорят на иностранном языке, тем легче им «извлекать» из памяти нужные слова, что создает прочный фундамент для дальнейшего изучения иностранного языка.

Фонетическая сторона ролевых игр также играет важную роль. Благодаря таким заданиям ученикам проще говорить и воспринимать иностранную речь «на слух». Использование ролевых игр способствует улучшению произношения и интонации, а также повышает уверенность учащихся в своих коммуникативных способностях [3].

Грамматический аспект обучения иностранному языку также не остается в стороне, т. к. участие в ролевых играх требует от учащихся знания и активного применения грамматики. Именно с помощью таких занятий можно не только обнаружить свои «слабые» грамматические стороны, но и эффективно их «прокачать». Во время ролевых игр учащиеся совершенствуют навыки построения грамматически правильных предложений, что является важным аспектом для успешного общения на иностранном языке.

Практическое применение ролевых игр не ограничивается лишь языковыми аспектами. Каждая игровая ситуация, предложенная учащимся на уроке иностранного языка, должна быть построена по определенному сценарию и тематике, чтобы быть понятной и интересной учащимся. Например, можно разыграть ситуации в магазине, в аэропорту, у врача или в ресторане, в школе или в музее, на собеседовании или на работе. Это не только развивает языковые навыки, но и формирует у обучающихся представление о различных сферах жизни, делая их более подготовленными к реальным ситуациям общения.

Необходимо отметить, что одним из значительных преимуществ использования ролевых игр является повышение мотивации к дальнейшему обучению [3]. Во время участия в ролевых играх учащиеся начинают осознавать ценность вложенных усилий и полученных навыков и знаний, они видят свои «пробелы» в знаниях и начинают лучше понимать, над чем им стоит «поработать» и зачем им это нужно. Это осознание становится мощным стимулом для дальнейшего изучения иностранного языка.

Общее развитие учащихся также является важным аспектом ролевых игр. Такие занятия развивают творческое начало, раскрепощают и расширяют кругозор учеников. Социально-командная ориентированность ролевых игр направлена на взаимодействие друг с другом, общение, решение проблем и задач, что учит обучаемых работать сообща.

Как отмечают исследователи, ролевые игры на уроках английского языка можно классифицировать на две группы: по степени вовлеченности учителя в процесс и по длительности. По степени вовлеченности игры делятся на контролируемые, умеренно-контролируемые и свободные [3, с. 218].

Контролируемые игры строятся на основе уже существующего образца и могут быть представлены учащимся в виде диалога или текста. Умеренно-контролируемые игры требуют от учащихся импровизации, но они должны придерживаться определенного сценария. Свободные игры позволяют ученикам самостоятельно выбирать лексику и форму общения, что развивает их креативность.

По длительности ролевые игры могут быть эпизодическими и длинными [3, с. 218]. Эпизодические игры проводятся в рамках одного урока, тогда как

длинные могут растягиваться на несколько занятий, позволяя углубиться тему и развить навыки учащихся. Длинные ролевые игры могут включать в себя более сложные сценарии, требующие от учащихся детального планирования и подготовки, что способствует более глубокому пониманию темы и активному использованию языка.

Важно отметить, что успешное проведение ролевых игр требует предварительной подготовки как со стороны учителя, так и со стороны учащихся. Учителю необходимо разработать сценарий, который будет интересен и актуален для учащихся, а также учесть уровень их языковой подготовки. Учащиеся, в свою очередь, должны быть готовы к участию в игре, изучить необходимую лексику и грамматические конструкции, которые они будут использовать в процессе. После каждой ролевой игры необходимо проводить рефлексию – анализ того, что произошло во время занятия [3]. Учитель может задавать вопросы о том, что учащиеся узнали, какие трудности возникли, что удалось лучше всего. Это поможет учащимся осознать свои успехи и области, требующие дополнительной работы. Рефлексия также способствует формированию критического мышления и саморефлексии, что является важным аспектом обучения.

Интересным представляется тот факт, что ролевые игры могут быть адаптированы для различных уровней обучения, от начального до продвинутого. Для начинающих учащихся можно использовать простые сценарии с ограниченной лексикой, тогда как для продвинутых – более сложные ситуации, требующие использования специализированной лексики и сложных грамматических структур. Это позволяет каждому ученику работать в своем темпе и на своем уровне, что делает обучение более эффективным и персонализированным.

Таким образом, ролевые игры представляют собой мощный академический инструмент, который не только развивает языковые навыки учащихся, но и способствует их личностному росту, формированию социальных навыков и уверенности в себе. Они делают процесс обучения более увлекательным и динамичным, создавая условия для активного участия и взаимодействия между учениками. В результате, чем больше обучающиеся участвуют в ролевых играх, тем больше знаний и опыта они получают, что делает этот метод незаменимым в современном иноязычном образовании.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Курьянов, М. А. Активные методы обучения : метод. пособие / М. А. Курьянов, В. С. Половцев. – Тамбов : ТГТУ, 2011. – 80 с.
2. Игнатович, М. И. Ролевая игра в обучении иностранному языку в средней школе / М. И. Игнатович // Образовательные технологии. – 2013. – № 4. – С. 21–25.

3. Наприенко, Е. В. Активные формы обучения на уроках информатики // Молодой ученый. – 2017. – № 47. – С. 217–219.

[К содержанию](#)

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

А. К. АМИРЯН

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – О. С. Корнеева

КУЛЬТУРНО-СПЕЦИФИЧНЫЕ РАЗЛИЧИЯ КОДОВЫХ ПЕРЕКЛЮЧЕНИЙ В ОНЛАЙН-КОММУНИКАЦИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РАЗНЫХ ЛИНГВОКУЛЬТУР

Интернет-коммуникация является неотъемлемой частью жизни современного общества. Коммуникативные стратегии в онлайн-коммуникации зависят от множества различных факторов, включающих лингвокультурные особенности, возраст, социальный статус, гендер пользователя, а также особенности используемой платформы. Таким образом, в зависимости от вышеуказанных факторов могут варьироваться лексические, стилистические и грамматические речевые средства. Особенности интернет-коммуникации проявляются и на семиотическом уровне, где могут происходить кодовые переключения как в рамках вербальных знаковых систем, так и на поликодовом уровне. Таким образом, словесные средства могут дополняться либо заменяться разного рода невербальными средствами параграфемики.

Изучив результаты проведенных ранее исследований по тематике кодовых переключений в американской лингвокультуре, мы пришли к выводу о том, что кодовые переключения с родного на иностранный язык не являются характерной чертой коммуникативного поведения американцев. Согласно Л. И. Богатиковой, для американца характерна замкнутость на собственных (национальных и местных) интересах. Другие страны и регионы их не интересуют [1, с 189]. Американец мало интересуется тем, что не окружает его, не касается или не может коснуться лично. В связи с этим американцы мало знают о других странах, о мире в целом, демонстрируя подчас удивительную для европейца неосведомленность в географии, истории, культуре. В данном контексте известный писатель-сатирик М. М. Жванецкий приводил следующий диалог: «– Как называется этот океан? – Не знаю, вон сидит парень, он любит географию, спросите у него». В большей степени это обусловливается национальным эгоцентризмом американцев. Безусловно,

кодовые переключения присутствуют, но только среди определенной группы людей, прямо или косвенно имеющей отношение к языку, на который переключаются в интернет-дискурсе.

Несмотря на то, что основной чертой и целью интернет-коммуникации является краткость изложения мысли, эта цель достигается разными способами, в зависимости от принадлежности говорящего к определенной лингвокультуре. Если в русскоговорящем интернет-пространстве наблюдается замена лексических единиц невербальными знаками, то среди англоговорящих пользователей большой популярностью пользуется лексический прием аббревиации.

Нами было проведено комплексное исследование, с целью выявить, используются ли разного рода кодовые переключения носителями русского языка, являющимися жителями Брестской области. В части исследования, посвященного верbalным кодовым переключениям, было опрошено 56 человек, 16 из которых являются учениками 10 класса ГУО «Средняя школа а. г. Остромечево», а 37 человек являются студентами УО «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина». Около 77 % (43 человека) опрошенных находят своим родным языком русский, однако 87,5 % опрошенных используют русский язык в интернет-пространстве. Почти 95 % процентов являются представителями молодого или подросткового слоя населения возрастом в пределах от 14 до 25 лет. Относительно небольшой процент опрошенных, чуть более 20 %, используют вербальные кодовые переключения, т. е. переходят на иностранный язык (в данном случае английский) в онлайн-дискурсе. Это обусловливается тем, что большая часть из них являются представителями молодого поколения, которые активно используют англицизмы в повседневном общении и интернет-пространстве. Из предложенного в опросе списка иностранных заимствований наиболее часто употребляемыми являются: *slay, swag, experience, venom, dead*. Часто эти заимствования используются как сленговые выражения. Тем не менее, стоит учитывать тот факт, что в русском языке существуют и часто используются ассимилированные с английского языка сленговые выражения, примерами которых являются: вайб, треш, чекать, трек, имба, чилить, хейт и др.

Технические возможности современных медиаплатформ и поликультурный состав пользовательского сообщества способствуют расширению спектра параграфемных знаковых средств, используемых пользователями. По мнению Н. Л. Шубиной, параграфемика охватывает широкое поле невербальных семиотических единиц и включает цифры, графики, символы, схемы, фотографии, рисунки, таблицы, пунктуационные знаки в узком понимании и др. [2, с 185].

Сейчас практически во всех клавиатурах гаджетов есть встроенная функция, позволяющая использовать эмодзи в тексте, тем самым осложняя семантику текста и добавляя ему эмоциональную окраску. Однако независимо от оригинального значения и функции того или иного эмодзи, пользователи часто пополняют список значений, придавая им новые смыслы, зависящие от контекста. Таким образом, представители разных лингвокультур могут придавать одному и тому же эмодзи различные, иногда кардинально отличающиеся друг от друга, значения.

Помимо вербальных кодовых переключений нами также были изучены и интерсемиотические кодовые переключения. На подготовительном этапе нашего исследования был проведен сопоставительный анализ культурно-специфичных различий в вербально-невербальных кодовых переключениях русскоговорящих и англоговорящих пользователей новых медиа. В данном случае рассматривались невербальные эмотивные средства синграфемики, представленные эмотиконами, а также изобразительные средства (эмодзи). Далее, с целью подтверждения гипотезы о том, что использование невербальных эмотивных средств обусловлено различиями лингвокультур, было проведено тестирование среди 54 студентов факультета иностранных языков УО «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина» как представителей русскоязычной лингвокультуры. Тестирование было направлено на выявление уровня осведомленности о значениях эмотиконов и эмодзи в англоязычной онлайн-среде. Тестовые задания были представлены в формате выбора вербализованных значений представленных эмодзи.

По результатам данного опроса только 37,5 % опрошенных ответили правильно, следовательно, осведомленность является довольно низкой. Такой процент обусловлен недостаточностью непосредственной коммуникации студентов с представителями англоязычной лингвокультуры. Самыми сложными вопросами, набравшими менее 20 % правильных ответов, оказались вопросы, о возможных значениях в американской интернет-коммуникации следующих эмодзи: «😊», «🌻», «♫», « Milf », «⚡», «💀», «🖕». В отдельных случаях эмодзи имеют схожие «вторичные» значения в русско- и англоязычном интернет-пространствах, что обуславливает довольно высокий процент правильных ответов.

С целью повышения осведомленности студентов, мы считаем уместным проводить семинары и тренинги, посвященные особенностям иноязычной интернет-коммуникации, а также мотивировать их к активному участию в самостоятельной познавательной деятельности в интернет-пространстве.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богатикова, Л. И. Основы межкультурной коммуникации : тексты лекций для студентов специальностей 1–02 03 06 01 «Английский язык. Немецкий язык», 1–02 03

06 02 «Английский язык. Французский язык» / Л. И. Богатикова. – М-во образования РБ, Гомел. гос. ун-т им. Ф. Скорины. – Гомель : ГГУ, 2009. – 280 с.

2. Шубина, Н. Л. Невербальная семиотика печатного текста как область лингвистического знания / Н. Л. Шубина // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. – 2009. – № 97. – С. 184–192.

[К содержанию](#)

М. Н. АНТОНОВИЧ

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Д. В. Архипов

О ГРАММАТИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ ИНВЕРСИИ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Язык, как известно, является самым важным средством общения. Но даже когда мы разговариваем друг с другом, мы сопровождаем нашу речь жестами, позами, мимикой. При помощи невербальной коммуникации мы делаем акцент на той или иной фразе или сообщении. Таким же образом работает и инверсия: она выделяет, ставит на первое место, выносит вперед более значимое, то, что хочется подчеркнуть, на что падает ударение. Таким образом, коммуникационные цели меняют порядок слов.

Расположение главных членов в предложении подчинено целиком коммуникативной функции. Подлежащее (тема) в нейтральных расчлененных высказываниях всегда предшествует сказемому, а сказуемое (рема) располагается в конце предложения. В инфектных языках, таких как русский, где отношения между словами реализуются при помощи морфем, коммуникативный принцип размещения слов играет главную роль в определении порядка слов. В предложении есть две ударных позиций: в начале и в конце. Таким образом, в инфектных языках говорящий помещает коммуникативно значимую часть предложения либо в начальную, либо в конечную позицию [1].

В аналитических языках, таких как английский, грамматический принцип выступает вперед. Порядок слов в английском языке грамматически зафиксирован – подлежащее, сказуемое и далее второстепенные члены предложения, причем подлежащее обычно является данным (given), а следующие за ним члены предложения сообщают новое (new). Однако в английском языке уже полностью грамматикализованы такие случаи, когда на первом месте оказываются другие члены предложения, и подлежащее переставляется на другое место. Особенно часто изменения в расположении компонентов предложения происходят при актуализации предложения, т. е. в высказывании.

В современной лингвистической литературе в английском языке выделяют следующие функции порядка слов: логико-грамматическая, структурно-грамматическая, эмоциональная и коммуникативно-прагматическая. В качестве основной универсальной функции признается структурно-грамматическая функция порядка слов, которая позволяет объединить грамматическую (в данном случае синтаксическую) и смысловую (семантическую) структуру, то есть семантико-синтаксическую функцию. Она позволяет объединить и логико-грамматическую, и коммуникативно-прагматическую, и эмоциональную функции [2].

Как известно, современные грамматики английского языка начинают избегать подразделения порядка слов на нормальный и ненормальный. Дискуссии о «нормальном / нейтральном / не эмфатическом» и «ненормальном / особом / эмфатическом» продолжаются в научном сообществе и в настоящее время.

Проблема положения членов предложения исследуется учеными с момента зарождения науки «риторики». Сначала порядок слов («общепринятый») просто фиксировался, затем грамматика стала рассматривать связи между членами предложения – «синтаксические отношения членов предложения», а уже затем стилистика стала рассматривать «отклонения от общепринятого» и определять их назначение в речи [2].

Инверсия, будучи «отклонением от нормы», как раз и входит в предмет изучения стилистики. Грамматика также рассматривает инверсию, в свою очередь, как нарушение грамматических правил построения предложения. Грамматика описывает, какой из членов предложения «выдвинут, выделен», а стилистика – какой эффект даст выдвижение именно этого члена предложения. Таким образом, проблема инверсии рассматривается и в грамматике, и в стилистике.

Большинство ученых сходятся во мнении, что отклонения от нормы нельзя рассматривать как ошибки. Считается, что именно в такого рода отклонениях, основанных на живых процессах языка, иногда скрывается индивидуально-творческая манера автора. Если подобное отклонение часто используется в индивидуально-художественном стиле разных писателей, оно может постепенно типизироваться, получив право на существование в стилистике языка, а затем при выработке определенных и твердых норм использования такого рода отклонений, и в области грамматики [1].

В инвертированном порядке слов оказывается все новое, сообщаемое, как сказуемое, так и дополнение: дополнения потому, что они поставлены на первое место, сказуемое потому, что оно оказывается под ударением как конечный элемент высказывания. Это особенно бывает заметно

в поэтических произведениях, в которых сказуемое оказывается в положении на конце строки [2].

Инверсия в английском языке выполняет ключевую грамматическую функцию, обеспечивая правильную структуру предложений и соблюдение синтаксических норм. Она проявляется, прежде всего, в вопросительных предложениях, где вспомогательные и модальные глаголы располагаются перед подлежащим, что необходимо для формирования грамматически корректного вопроса. Инверсия обязательна также после наречий места и отрицательных наречий, таких как *never*, *rarely*, *seldom*, если эти наречия находятся в начале предложения. Кроме того, инверсия играет важную роль в конструкциях с *so* и *neither/nor*, где она необходима для корректного выражения согласия или отрицания.

Однако инверсия в современном английском языке может иметь и другие модели размещения членов предложения. Воспользуемся описанием способов размещения членов предложения по И. Р. Гальперину:

- дополнение ставится в начале предложения: *Talent he has; money he has not;*
- определение следует за определяемым: *with fingers weary and worn;*
- именная часть сказуемого стоит перед подлежащим: *A good prayer it was;*
- именная часть сказуемого стоит перед связкой, и оба они – перед подлежащим: *Rude am I in my speech;*
- обстоятельство стоит перед подлежащим: *Eagerly I wished the morrow;*
- обстоятельство и сказуемое перед подлежащим: *Down dropped the breeze* [3].

Все вышеизложенные случаи инверсии в современном английском языке могут выполнять различные функции (прагматическую, логико-информационную, эмоционально-экспрессивную и т. д.). Однако в выше-приведенных примерах инверсия в первую очередь выполняет функцию грамматическую, т. к. она нарушает «нейтральный» строй языка.

Грамматика рассматривает эти случаи «необычного» расположения членов английского предложения, регистрирует эти «отклонения», описывает какой «непривычный» член предложения стоит на каком «необычном» месте по сравнению с правилами расположения членов предложения в грамматике английского языка. Но, как уже упоминалось выше, такие грамматические «отклонения» нельзя называть ошибками.

Реальное оформление порядка слов в конкретном высказывании происходит, как правило, в результате осуществления не одной функции, а нескольких или даже всех вместе взятых.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адмони, В. Г. Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики / В. Г. Адмони. – Л. : Наука, 1988. – 240 с.
2. Арутюнова, Н. Д. Коммуникативный аспект языка / Н. Д. Арутюнова, Т. В. Матвеева. – М., 2003. – 204 с.

3. Гальперин, И. Р. Стилистика английского языка / И. Р. Гальперин. – Изд. 3-е. – М. : Высш. школа, 1981. –334 с.

[К содержанию](#)

Д. Э. ЗАВАДСКАЯ

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Д. В. Архипов

К ВОПРОСУ О СПОСОБАХ ВЫРАЖЕНИЯ РЕЧЕВОГО АКТА ПРИКАЗА В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Речевой акт, как известно, – это элементарная единица речевого общения. Словосочетания и предложения, являющиеся составными частями речевого акта, получают в речи человека конкретное лексическое наполнение и становятся носителями конкретной информации. В основе речевого акта лежит интенция говорящего, т. е. желание, для реализации которого будут предприняты определенные шаги.

Речевые акты имеют полевое строение, существуют прототипные речевые акты приказа, просьбы, извинения и более сложные «размытые» речевые акты, которые можно отнести к той или иной группе.

В данной статье объектом изучения является речевой акт «приказ». Актуальность данной темы обусловлена высокой частотностью употребления этого речевого акта в коммуникативном поведении.

Приказ (*order*) в английском языке может иметь несколько схожих значений: *dictate* – приказ, которому должны подчиняться; *directive* – общие инструкции, изданные властью; *instruction* – утверждение, с помощью которого человек узнает, что от него требуют; *regulation* – официальное правило; *request* – просьба о чем-либо, как правило вежливая [2].

Повелительное наклонение глагола (императив) – это ирреальное по своему значению глагольное наклонение, выражающее волеизъявление. Ирреальность семантики императива связана с тем, что говорящий, отдавая приказ, высказывая просьбу или пожелание, не уверен в исполнении своего волеизъявления. Императив не изменяется по временам, что связано с его ирреальной семантикой.

В большинстве случаев приказ выражается в побудительных предложениях с помощью глаголов в повелительном наклонении. Побудительные предложения выражают различные волеизъявления и побуждения к действию. Они могут варьироваться от простой формы повелительного наклонения до различных формул вежливости. Они адресованы собеседнику или третьему лицу [1].

Повелительное наклонение выражает приказание или просьбу, побуждение к действию или запрет, которые могут быть переданы как в утвердительной, так и в отрицательной форме. Простая форма повелительного наклонения (когда просьба или приказ обращены ко второму лицу единственного и множественного числа) совпадает с формой инфинитива без частицы *to*.

Go ahead, but I don't want any [4].

Calm down, Alice. He's just reaching [5].

Shut up. You've probably never spoken to a girl; you're twelve [6].

Get comfy while I mortify myself [3].

В данных примерах речевой акт приказа выражен эксплицитно. Директивная цель говорящего выступает более ярко в предложении “*Shut up. You've probably never spoken to a girl; you're twelve.*” Повелительное наклонение здесь усиливается эмоционально окрашенным *you're twelve*. Также иллокуцию приказа подчеркивает фразовый глагол *shut up*.

В английском побудительном предложении, как правило, нет подлежащего, хотя подразумевается, что действие должен выполнять тот, кому адресовано сообщение [2].

“*Don't dare speak to me like that again,*” she began, getting ready to let loose, but I interrupted her before her tirade could begin [3].

Take another twenty seconds to notice the tightness, then get back to whatever you were doing – cooking, reading, eating, doing a jigsaw [5].

Однако иногда бывает нужным назвать подлежащее, например, когда приказание обращено к нескольким лицам или группе лиц; в таких случаях подлежащее может стоять либо перед сказуемым, либо в конце предложения.

“*Tom, don't tell me this,*” I whisper [3].

You're supposed to change my dressing four times a day, Mr. Smith [3].

Stop muttering, Lily. You're not a child [4].

When you're working with flounder, always hold your knife like this, Theo [6].

Как видно из примеров, наличие или отсутствие подлежащего в побудительном предложении не влияет на иллокутивную силу высказывания. Однако многое зависит от речевой ситуации. Если разговор происходит между двумя людьми, и при этом говорящий использует прямое обращение к адресату, то можно говорить об усилении иллокуции приказа. *You* в побудительных предложениях употребляется в случаях эмфазы или особой эмоциональной окраски (злость, раздражение, нетерпение и т. п.).

You text this person you like, but you're probably the only twelve-year-old left on earth without a cell phone [4].

He's not your husband, so you don't allow your concern for his feelings to persuade you to give up what could be the second-best thing to ever happen to you [3].

В данных примерах *you* перед инфинитивом, несомненно, подчеркивает директивную цель коммуникативного намерения адресанта.

Кроме того, приказ может быть выражен в предложении со сложным дополнением. Инфинитив в сложном дополнении употребляется после глаголов, выражающих желание, требование, просьбу: *to want, to wish, to like, should (would) like, to request, to require, to demand, to make* и т. д.

I demand only your account of your visit. I want you to visit the yards! [5].

Для выражения распоряжений употребляется также сочетание личной формы глагола *be* с инфинитивом. При наличии отрицательной частицы *not* эта конструкция выражает запрещение. *You are not to talk like that!* Запрещение выражается часто и герундиальными оборотами: *No smoking!*

Предпринятый анализ способов выражения приказа в английском языке на материале художественной литературы позволил сформулировать следующие выводы.

В большинстве случаев приказ выражается в побудительных предложениях с помощью глаголов в повелительном наклонении (императив). Побуждения к действию могут варьироваться от простой формы повелительного наклонения до различных формул вежливости.

Косвенные речевые акты, иллокутивной силой которых является просьба, широко распространены в англоязычной речевой культуре. Их широкое использование объясняется стремлением говорящего снизить категоричность высказывания. Принцип вежливости зачастую играет решающую роль в формировании высказывания и в отборе языковых форм выражения коммуникативной цели. Стратегия уклонения, вуалирования приказа и просьбы являются основой уклончивого вежливого общения.

Форма вопроса является для английских директивных высказываний более распространенной и предпочтительной, нежели императивная.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вежбицка, А. Речевые акты / А. Вежбицка // Новое в зарубежной лингвистике : сб. ст. – М. : Прогресс, 1987. – : Вып. XVI : Лингвистическая прагматика. – С. 251–275.
2. Гардинер, А. Теория языка и речи / А. Гардинер, Э. Бенвенист. – М. : Академия, 1994. – 468 с.
3. Alexander, C. Meredith, alone / C. Alexander. – UK : Penguin Books, 2023. – 384 p.
4. Hoover, C. It starts with us / C. Hoover. – Boston : Atria Books, 2022. – 324 p.
5. Kasten, M. Save me / M. Kasten. – UK : Jaguar, 2019. – 384 p.
6. Prose, N. The Maid / N. Prose. – England : Harper Collins Publishers, 2022. – 26 p.

[К содержанию](#)

Д. А. ИЛЬЮЧИК

Брест, БГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Н. А. Тарасевич

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА В КОНТЕКСТЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ

Лингвокультурология как научная дисциплина изучает взаимосвязь языка и культуры, рассматривая язык как ключевой элемент культурного наследия. В данной статье исследуется взаимовлияние языка и культуры на примере английского языка. Рассматриваются основные концепции лингвокультурологии, такие как лингвокультурный код, культурные концепты и языковая картина мира. На примерах демонстрируется, как английский язык отражает культурные ценности, традиции и мировоззрение англоязычных сообществ. Особое внимание уделяется роли английского языка как глобального средства коммуникации и его адаптации в различных культурных контекстах.

Язык и культура находятся в тесной взаимосвязи: язык является не только средством коммуникации, но и инструментом передачи культурных ценностей, традиций и мировоззрения. Лингвокультурология как междисциплинарная область исследований изучает, как язык формирует и отражает культуру.

Лингвокультурология базируется на идее о том, что язык и культура взаимно влияют друг на друга. Согласно Ю. М. Лотману, язык является частью семиосферы – пространства культуры, где знаки и символы взаимодействуют, создавая смыслы [1, с 14.]. А. Вежбицкая подчеркивает, что каждый язык содержит уникальные «культурные сценарии», которые отражают ценности и нормы его носителей. В английском языке это проявляется через лексику, грамматические структуры и культурные отсылки, которые формируют лингвокультурный код [2].

Лингвокультурология также опирается на концепцию языковой картины мира, которая предполагает, что язык структурирует восприятие реальности его носителями. Например, в английском языке акцент на индивидуализме и личных достижениях отражается в лексике и грамматических конструкциях.

Согласно определению С. В. Ивановой, «лингвокультурный код представляет собой систему лингво-культурных соответствий, организованных согласно заложенной матрице, роль которой выполняет структурная организация языковой личности» [3, с. 56]. В английском языке лингвокультурный код проявляется через:

1. Идиомы и фразеологизмы. Например, *to kick the bucket* ‘умереть’ отражает исторический контекст, а *to spill the beans* ‘раскрыть секрет’ восходит к древнегреческой практике голосования.

2. Культурные концепты. Такие концепты, как *freedom* ‘свобода’ и *individualism* ‘индивидуализм’, являются ключевыми для англоязычной культуры.

3. Метафоры. Такие метафоры, как *time is money* ‘время – деньги’, отражают культурные ценности, связанные с эффективностью и продуктивностью.

Лингвокультурный код также включает в себя культурные отсылки, которые могут быть непонятны носителям других языков. Например, выражение *Pandora’s box* ‘ящик Пандоры’, что означает сделать что-либо с необратимыми последствиями, носит в себе негативную окраску и выражает разного рода неудачи, отсылает к греческой мифологии, а *Watergate* ‘Уотергейт’ стало символом политического скандала, в результате которого президент США Ричард Никсон ушел в отставку.

Культурные концепты – имена абстрактных понятий, где культурная информация прикрепляется к понятийному ядру. Ключевые концепты культуры – ядерные (базовые) единицы картины мира, обладающие экзистенциальной значимостью как для отдельной языковой личности, так и для лингвокультурного сообщества в целом. В английском языке к таким концептам относятся:

1. Freedom ‘свобода’. Этот концепт занимает центральное место в англоязычной культуре, отражая историческую борьбу за независимость и права личности.

2. Privacy ‘частная жизнь’. Англоязычные культуры ценят личное пространство, что находит отражение в лексике и юридических нормах.

3. Fair play ‘честная игра’. Этот концепт связан с идеей справедливости и равенства, особенно в спорте и деловой сфере.

4. Success ‘успех’. В англоязычной культуре успех часто ассоциируется с личными достижениями и карьерным ростом, что отражается в таких выражениях, как *self-made man* ‘человек, сделавший себя сам’.

Одним из основных пунктов рассмотрения языка и культуры в контексте лингвокультурологии является изучение его через языковую картину мира. Языковая картина мира – это зафиксированная в языке и специфичная для данного коллектива схема восприятия действительности. В английском языке это проявляется через:

1. Лексический выбор. Например, богатый словарный запас, связанный с технологиями и инновациями, отражает технологическую направленность англоязычных культур.

2. Грамматические структуры. Использование времен (например, Present Perfect) подчеркивает внимание к результату и завершенности действия.

Английский язык, будучи глобальным, используется в различных культурных контекстах, что приводит к его адаптации и трансформации. Например, в Индии английский язык обогатился местными словами и выражениями, создавая уникальный вариант – *Indian English*. Это явление демонстрирует, как язык взаимодействует с культурой, впитывая ее элементы.

Глобализация английского языка также привела к появлению новых форм, таких как *Singlish* (сингапурский английский) и *Spanglish* (смесь испанского и английского). Эти варианты отражают культурное разнообразие и адаптацию языка к местным условиям.

Язык и культура находятся в постоянном взаимодействии, формируя лингвокультурный код, который отражает ценности, традиции и мировоззрение носителей языка. Изучение взаимосвязи языка и культуры в контексте лингвокультурологии позволяет глубже понять не только язык, но и культуру его носителей.

Английский язык, как глобальное средство коммуникации, продолжает адаптироваться к различным культурным контекстам, что делает его изучение и исследование еще более актуальным. Понимание лингвокультурных аспектов английского языка важно не только для лингвистов, но и для всех, кто использует его в межкультурной коммуникации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лотман, Ю. М. Вселенная разума: семиотическая теория культуры. / Ю. М. Лотман / Indiana University Press, 1990. – С. 14 –17.
2. Вежбицкая, А. Понимание культур через посредство ключевых слов : монография / А. Вежбицкая ; пер. А. Д. Шмелев. – М. : Яз. славян. культуры, 2001. – 288 с.
3. Иванова, С. В. Лингвокультурологический аспект исследования языковых единиц : диссертация ... доктора филологических наук : 10.02.19. — Уфа, 2003. — 364 с.

[К содержанию](#)

А. А. КОЛЯДА

Брест, БГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Н. Н. Столярчук

ОТОБРАЖЕНИЕ КОНЦЕПТА «ДЕНЬГИ» В АНГЛИЙСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА

Концепт «деньги» содержит в себе универсальные и в то же время специфические качества, которые могут быть культурно обусловлены. Классическое понимание концепта «деньги» – средство обмена и накопления. Хотя разные культуры и общества воспринимают деньги и любые связанные с ними ценности по-своему, их роль в формировании языковых образов остается универсальной. В английской фразеологии концепт «деньги» отражается через метафоры, сравнения и устойчивые выражения, которые не только передают экономические отношения, но и раскрывают социокультурные установки, этические нормы и даже эмоциональные аспекты, связанные с материальными ценностями.

Фразеологизмы, или фразеологические единства, – это устойчивые выражения, которые сохраняют свою целостность и смысловую нагрузку вне зависимости от контекста. Они часто используют метафоры, сравнения и сюжеты, чтобы передать сложные идеи в сжатой форме. В контексте концепта «деньги» фразеологизмы выступают как «мини-мифы», отражающие социальные нормы, ценности и даже страхи, связанные с управлением финансами.

Фразеологизмы, являясь частью языковой картины мира, фиксируют коллективный опыт народа, его отношение к абстрактным понятиям. В английском языке концепт «деньги» представлен многочисленными выражениями, которые можно разделить на несколько семантических групп.

Первая группа связана с функцией денег как средства обогащения или утраты. Например, выражение *make money* ‘зарабатывать деньги’ подчеркивает активную деятельность, направленную на приобретение благ, тогда как *throw money away* ‘бросать деньги на ветер’ метафорически описывает расточительность. Интересно, что в словаре Oxford Advanced Learner’s Dictionary [1] фраза *money doesn’t grow on trees* ‘деньги не растут на деревьях’ трактуется как напоминание об ограниченности ресурсов, что отражает прагматичный подход к финансам, характерный для западной культуры.

Вторая группа фразеологизмов акцентирует социальную и моральную оценку денег. Выражение *money talks* ‘деньги говорят’ [2] символизирует влияние богатства на принятие решений, что может как осуждаться, так и приниматься как данность. Это выражение не только указывает на

материальную силу, но и отражает культурную установку на прагматизм и рациональность, характерную для англоязычных обществ. С другой стороны, идиома *a fool and his money are soon parted* ‘дурак и его деньги быстро расстаются’ указывает на связь между финансовой грамотностью и нравственными качествами. Такие выражения отражают противопоставление: деньги как инструмент свободы и как источник порока. Например, в библейском контексте *Mammon* (от арам. ‘богатство’) стал символом идолопоклонства, что нашло отражение в английском языке через фразу *serve Mammon* (‘служить Маммоне’), подчеркивающую конфликт между духовными и материальными ценностями.

Третья группа включает фразеологизмы, связанные с эмоциональным воздействием денег. Выражение *money burns a hole in someone's pocket* ‘деньги жгут карман’ [3] описывает непреодолимое желание потратить деньги, что метафорически уподобляет их огню – стихии, уничтожающей материальное. Здесь деньги представлены не просто как объект, но как сила, влияющая на поведение. Аналогично, идиома *the root of all evil* ‘корень всех зол’, хотя и имеет библейское происхождение, в современном языке ассоциируется с критикой чрезмерного материализма.

Исследование фразеологической картины мира, таким образом, позволяет понять, что концепт «деньги» в английском языке многогранен. Он включает практические, этические и эмоциональные аспекты, что соответствует как универсальным представлениям о финансах, так и специфическим культурным кодам. Например, выражение *time is money* ‘время – деньги’ [3] отражает протестантскую этику трудолюбия, где время ценится как ресурс, что отличает западноевропейскую традицию от культур с иным отношением к темпу жизни. Такой подход к времени, как к «денежному эквиваленту» раскрывает те аспекты англоязычной культуры, где продуктивность и экономия времени рассматриваются как признаки дисциплины и успеха.

Другой пример – фразеологизм *make money hand over fist*, означающий ‘быстро зарабатывать деньги’ [3]. Здесь метафора «руками» подчеркивает активное участие человека в процессе накопления, что, в свою очередь, отражает культурное уважение к предпринимательству и личной инициативе. В отличие от концепций, где деньги могут восприниматься как пассивный ресурс, в английской фразеологии они часто связаны с действием, рискованными решениями и даже азартом, как в случае с *throw money at a problem* ‘распылять деньги на проблему’, где деньги выступают как инструмент, требующий стратегии.

Важно отметить, что фразеологизмы не статичны: их значения могут эволюционировать под влиянием социально-экономических изменений. Так, в эпоху цифровизации появились выражения *digital money* или *cashless*

society, однако классические идиомы сохраняют связь с историческим контекстом. Например, *a penny for your thoughts* ‘за грош выкупить твои мысли’ отсылает к временам, когда пенни был мелкой монетой, подчеркивая ценность даже незначительных размышлений.

В заключение, концепт «деньги» в английской фразеологии служит зеркалом, отражающим как общечеловеческие принципы (накопительство, обмен, ценность), так и уникальные черты англоязычной культуры. Через призму устойчивых выражений мы видим не только экономические реалии, но и систему ценностей, где деньги выступают мерилом успеха, моральным испытанием и даже источником эмоциональных переживаний. Анализ таких фразеологизмов позволяет глубже понять, как язык формирует и транслирует культурную идентичность, сохраняя при этом связь с универсальными человеческими категориями.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Oxford Advanced Learner’s Dictionary : [site]. – URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (date of access: 28.02.2025).
2. Cambridge Dictionary : [site]. – URL: [https://dictionary.cambridge.org//](https://dictionary.cambridge.org/) (date of access: 21.02.2025).
3. Webster’s New World College Dictionary : [site]. – URL: <https://www.yourdictionary.com/about/websters-new-world-college-dictionary.html/> (date of access: 03.03.2025).

[К содержанию](#)

A. B. ЛАПУС

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Д. В. Архипов

К ВОПРОСУ О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ КАТЕГОРИЙ ФУТУРАЛЬНОСТИ И МОДАЛЬНОСТИ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Взаимодействие категорий футуральности и модальности является одной из ключевых областей внимания лингвистов, занимающихся анализом феномена будущего времени. Интерес к этой проблематике может объясняться тем, что данные категории задействованы в отражении важных аспектов человеческого мышления и восприятия мира. Взаимосвязь и соприкосновение обсуждаемых понятий демонстрируют затруднительный и многоаспектный феномен, требующий развернутого исследования. Н. Д. Арутюнова отмечает следующее: «Думая о будущем, человек гадает о грядущих событиях, но не всегда угадывает. Поэтому будущее постоянно взаимодействует с модальными категориями» [1, с. 10].

Футуральность охватывает сферу выражения будущего времени, в то время как модальность занимается отражением отношения говорящего к высказываемому. Данное отношение может быть представлено выражением вероятности, возможности, изъявлением желания или готовности. Более точным определением этой категории может служить следующая формулировка: футуральность – это область исследования, посвященная анализу и прогнозированию будущих событий и изменений. Именно она занимается изучением возможных сценариев будущего. В большинстве языков обсуждаемая категория реализуется с помощью грамматических средств: временные формы глагола, частицы способствуют корректному выражению и использованию будущего времени.

В русском языке футуральность выражается с помощью глаголов в форме будущего времени, а также конструкцией «собираться + инфинитив»:

И это навсегда останется воспоминанием в альбоме всех твоих мыслей (В. Понкин). *Я собираюсь ремонтировать там крыльцо, и мне нужно, чтобы кто-то убрался в этой халупе* (Р. Карр).

В английском языке преимущественно форма “will/shall + infinitive” занимается выражением футуральности. Помимо данной формы конструкция “to be going to + infinitive” и временная форма Present Continuous задействуются для сообщения информации, связанной с будущим:

Each step you run from now until the end will only make you harder! (L. Weisberger). *She is going to sit in a restaurant with a man and watch him eat and talk* (D. Nicholls). *Have you decided if you're coming home or not?* (L. Weisberger).

Категория футуральности имеет тесную взаимосвязь с модальностью. Обозначение будущих действий в языке отличается по содержанию именно тем, что будущему по самой его природе присуща своя особая модальность – модальность потенциального действия (А. И. Смирницкий; Е. И. Шендельс). В исследованиях отмечается естественный характер совмещения значения будущего времени с различными модальными значениями и, более того, обязательность модального компонента в содержании средств выражения будущего (Л. Хэгеман).

Большой энциклопедический словарь дает следующую трактовку данного понятия: «Модальность – функционально-семантическая категория, выражающая разные виды отношения высказывания к действительности, а также разные виды субъективной квалификации сообщаемого» [4, с. 303].

В русском языке модальность демонстрируется посредством наклонений, вводно-модальных слов и модальных наречий и, естественно, модальных глаголов.

И еще мне нужно смириться с тем фактом, что, возможно, я этого никогда не забуду (Р. Кэрр). *Я зависим от уединения и, кажется, уже не смогу без него* (В. Понкин).

В английском языке модальность выражается при помощи вспомогательных и модально-вспомогательных глаголов, а также других лексико-грамматических средств:

She will have to take a deep breath and just say the word (D. Nicholls). *I mean, obviously I wasn't going to buy anything – so many of the styles will have changed by then* (L. Weisberger).

Особую роль играют те случаи, в которых модальность и футуральность переплетаются друг с другом, образуя сложные смысловые структуры:

Maybe Mom and Dad won't let him have access to the massive trust fund until he's settled down? (L. Weisberger).

В данном примере модальное наречие *maybe* демонстрирует возможность, вероятность, которые ставятся под вопрос. В предложении также присутствует отрицательная форма модально-вспомогательного глагола для выражения будущего времени “*won't + infinitive*”.

You can't prepare for unknown factors, but if you have a better pre-game focus, you will likely only have to deal with one or two rather than ten (D. Nicholls).

В приведенном примере употребляется наречие *likely*, которое придает обсуждаемому действию шанс на свершение в будущем. Усиливает данное значение модально-вспомогательный глагол *will have to* с инфинитивом.

Русская литература также дает возможность исследования и анализа такого вида предложений:

Теперь же из-за отсутствия других вариантов, вполне вероятно, ей придется искать там работу (В. Понкин).

В данном примере также очевидно сочетание модальности и футуральности, что отражается взаимодействием наречия «*вполне вероятно*» и глаголом в сослагательной форме «*придется*».

Потому что мы обязательно приедем на свадьбу (В. Понкин).

Даже в таком, на первый взгляд, стандартном предложении мы можем наблюдать связь модальности, выраженной наречием «*обязательно*», что придает уверенность и непоколебимость совершить действие, и футуральности, передаваемой глаголом в будущем времени «*приедем*».

В результате проведенного исследования можно сформулировать следующие выводы: в обоих языках наблюдается тесная взаимосвязь категорий футуральности и модальности. Несмотря на различия в структуре, два анализируемых языка используют похожие механизмы, такие как вспомогательные и модальные глаголы, наречия и наклонения. Тем не менее, у каждого языка есть свои индивидуальные особенности

в реализации исследуемых категорий. Понимание этих особенностей позволяет лучше разбираться в логике и структурах этих языках.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Логический анализ языка. Лингвофутуризм. Взгляд языка в будущее / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М. : Индрик, 2011. – 520 с.
2. Карр, Робин. Чистая река / Робин Карр ; пер. с англ. А. А. Баннов. – М. : ACT, 2021. – 416 с.
3. Понкин, В. Осколки одной кометы / В. Понкин. – М. : ACT, 2020. – 192 с.
4. Языкоzнание : большой энцикл. слов. / гл. ред. В. Н. Ярцева. – 2-е изд. – М. : Большая рос. энцикл., 1998. – 685 с.
5. Nicholls, D. One day / D. Nicholls. – London : Hodder & Stoughton, 2009. – 435 p.
6. Weisberger, L. The devil wears Prada / L. Weisberger. – New York : Anchor, 2006. – 384 p.

[К содержанию](#)

A. A. ОГИЕВИЧ

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – И. Ф. Нестерук

AUSWIRKUNGEN UND HERAUSFORDERUNGEN DER CORONA-KRISE AUF BILDUNGSTRÄGER

Die Corona-Pandemie, ausgelöst durch das SARS-CoV-2-Virus, hat seit ihrem Beginn im Jahr 2019 tiefgreifende Veränderungen in nahezu allen Bereichen des gesellschaftlichen Lebens bewirkt, wobei der Bildungssektor besonders betroffen war [1]. Bildungsträger wie Schulen, Universitäten, Volkshochschulen und berufsbildende Einrichtungen mussten ihre Strukturen innerhalb kürzester Zeit an die neuen Bedingungen anpassen, um den Unterrichtsbetrieb aufrechtzuerhalten. In Deutschland führte dies zu einer beispiellosen Umstellung auf digitale Formate, die sowohl Chancen als auch erhebliche Risiken mit sich brachte [2]. Die Aktualität des Themas bleibt unbestritten, da die langfristigen Folgen der Krise – von Bildungsdefiziten bis hin zu psychischen Belastungen – weiterhin spürbar sind und die Frage nach der Resilienz von Bildungssystemen in Krisenzeiten offenbleibt. Ziel dieses Artikels ist es, die Auswirkungen der Pandemie auf Bildungsträger zu untersuchen, mit einem Schwerpunkt auf Deutschland und einem Vergleich zu internationalen Erfahrungen, um Lehren für die Zukunft abzuleiten.

Ein Bildungsträger ist per Definition eine Institution oder Organisation, die Bildungsangebote bereitstellt und dabei eine Schlüsselrolle im Bildungssystem einnimmt [2]. Dazu zählen öffentliche Schulen, Hochschulen, Weiterbildungseinrichtungen wie Volkshochschulen sowie berufsbildende Zentren und Non-Profit-Organisationen. Ihre gesellschaftliche Bedeutung

erstreckt sich über die reine Wissensvermittlung hinaus: Sie fördern soziale Kompetenzen, tragen zur Chancengleichheit bei und unterstützen die wirtschaftliche Entwicklung durch die Ausbildung von Fachkräften [2]. Die Corona-Krise hat diese Rolle besonders hervorgehoben, indem sie Bildungsträger zwang, flexibel auf unvorhergesehene Herausforderungen zu reagieren. Der schnelle Übergang zu Online-Unterricht verdeutlichte, dass sie nicht nur Bildungsstätten, sondern auch zentrale Akteure im Krisenmanagement sind, deren Anpassungsfähigkeit für das Funktionieren moderner Gesellschaften entscheidend ist.

Die Pandemie brachte weltweit massive Herausforderungen für Bildungssysteme mit sich, die sich in mehreren Bereichen manifestierten. Eine der größten war der Unterrichtsausfall, der Millionen von Lernenden betraf. In Deutschland zeigte eine Studie, dass Schulkinder im Lockdown Anfang 2021 im Durchschnitt nur 4,3 Stunden täglich mit schulischen Aktivitäten verbrachten – weit weniger als an normalen Schultagen –, wobei 23 % weniger als zwei Stunden lernten [3]. Dies führte zu erheblichen Wissenslücken, insbesondere in Fächern wie Mathematik und Lesen, mit potenziell langfristigen Auswirkungen auf den Bildungsweg. International variierten die Verluste: In den USA betrug der Rückstand bis zu fünf Monate in Mathematik und vier Monate in Lesen [4], während Japan durch den frühzeitigen Einsatz digitaler Technologien – etwa 85 % der Schüler lernten kontinuierlich weiter – geringere Einbußen verzeichnete [5]. Die ungleiche Verteilung digitaler Ressourcen verschärft diese Probleme: in Deutschland besaßen nur 71 % der Jugendlichen einen PC oder Laptop, und Smartphones waren für effektives Lernen oft ungeeignet [6].

Neben dem Unterrichtsausfall belastete die Pandemie die psychische Gesundheit von Lernenden und Lehrenden erheblich. In Deutschland wiesen 75 % der Kinder während der Schulschließungen Depressionssymptome auf, insbesondere aus sozial schwächeren Familien [7]. In Italien stieg die Zahl der Notaufnahmen bei Jugendlichen um 40 %, häufig aufgrund von Selbstverletzungen oder Suizidversuchen, was die Folgen strikter Lockdowns verdeutlicht [8]. Selbst in Japan, wo hybride Modelle eingeführt wurden, berichteten über 50 % der Studierenden von milden bis moderaten Angstsymptomen [9]. Diese Zahlen zeigen, dass die Dauer der Schulschließungen und der gesellschaftliche Kontext entscheidend waren. Finanzielle Auswirkungen waren ebenfalls gravierend: Deutschland investierte über den „DigitalPakt Schule“ 6,5 Milliarden Euro in digitale Ausstattung [10], die USA stellten 190 Milliarden Dollar für Schulen bereit [11], und Japan förderte mit 461 Milliarden Yen das GIGA-Programm zur flächendeckenden Digitalisierung [12]. Dennoch kämpften kleinere Bildungsträger, etwa private Hochschulen, mit sinkenden Einnahmen und unzureichender Unterstützung.

In Deutschland traten spezifische Herausforderungen auf, die durch die föderale Struktur des Bildungssystems bedingt waren. Die 16 unterschiedlichen Bildungssysteme erschweren eine koordinierte Reaktion: Während Bayern früh die Plattform „Mebis“ einsetzte, war diese bei hoher Nachfrage oft überlastet [13], und Nordrhein-Westfalen konnte LOGINEO NRW erst ab 2021 flächendeckend mit Videokonferenztechnik nutzen [14]. Dies führte zu uneinheitlichen Standards und verstärkte Bildungsungleichheit, besonders in strukturschwachen Regionen. Im Vergleich dazu zeigte Japan mit zentralisierter Planung und Investitionen eine schnellere Anpassung [12]. Die digitale Kompetenz der Lehrkräfte war ein weiteres Problem: Im Mai 2020 fühlten sich nur 25 % der Lehrer in Deutschland gut auf digitale Formate vorbereitet, was den Fernunterricht oft ineffizient machte [15]. Die duale Berufsausbildung, ein Kernstück des deutschen Systems, litt ebenfalls: 25 % der Auszubildenden konnten 2020 keine Praxis absolvieren, da Betriebe schlossen [16], während Japan mit 80 % Online-Theorieunterricht Schäden abmilderte [9]. Eltern übernahmen verstärkt die Rolle der Lernbegleitung, wobei 73 % sich überfordert fühlten [17], ein Problem, das in Italien ähnlich stark, in Schweden durch offene Schulen jedoch geringer war.

Die Corona-Krise lieferte wichtige Lehren für die Zukunft von Bildungsträgern. Eine robuste digitale Infrastruktur ist unerlässlich: Japans GIGA-Programm minimierte Unterrichtsausfälle [12], während Deutschland an fehlendem Breitband und Geräten scheiterte – nur 71 % der Jugendlichen hatten PCs [6]. Lehrkräfte benötigen regelmäßige Fortbildungen, etwa 20 Stunden jährlich zu Tools wie Zoom oder Moodle, um in Krisen flexibel zu reagieren. Der Schutz der psychischen Gesundheit ist ebenso zentral: Programme wie „Mindfulness in Schools“ zeigten Ansätze [18], doch der Ausbau von Schulpsychologen (z. B. einer pro 500 Schüler) wäre effektiver, um Belastungen wie die 75 % Depressionssymptome in Deutschland zu reduzieren [7]. Die Berufsausbildung könnte durch virtuelle Praxismodule, wie Simulationen, gestärkt werden, ein Ansatz, der in Japan erfolgreich war [9]. Schließlich sichert Bildung wirtschaftliche Stabilität: Deutschlands Bildungsdefizite könnten bis 2030 300 Milliarden Euro kosten [3], was verstärkte Förderung von MINT-Fächern und lebenslangem Lernen erforderlich macht.

Die Corona-Pandemie markierte einen Wendepunkt für Bildungsträger und legte sowohl globale als auch länderspezifische Schwächen offen. In Deutschland verstärkten Föderalismus, unzureichende Digitalisierung und soziale Ungleichheiten den Kriseneffekt, während Länder wie Japan durch zentralisierte Planung besser abschnitten. Die langfristigen Folgen – Wissenslücken, eingeschränkte soziale Kompetenzen, psychische Belastungen – könnten die Arbeitsmarktfähigkeit ganzer Generationen beeinträchtigen. Doch die Krise bot auch eine Chance zur Transformation, indem sie die Dringlichkeit von Digitalisierung und Resilienz verdeutlichte. Für Deutschland bedeutet dies,

internationale Modelle wie Japans Infrastruktur zu adaptieren, föderale Hürden abzubauen und in Technologie, Lehrerbildung und soziale Unterstützung zu investieren. Bildungsträger sind mehr als Wissensvermittler – sie sind strategische Ressourcen, deren Stärkung für die Zukunft moderner Gesellschaften entscheidend ist.

LITERATURVERZEICHNIS

1. Coronavirus – COVID-19/SARS-CoV-2 // Lungeninformationsdienst. – URL: [https://www.lungeninformationsdienst.de/aktuelles/schwerpunktthemen/coronavirus-2019#:~:text=Bei%20manchen%20Menschen%20kann%20COVID,akutem%20Lungenversagen%20\(ARDS\)%20führen](https://www.lungeninformationsdienst.de/aktuelles/schwerpunktthemen/coronavirus-2019#:~:text=Bei%20manchen%20Menschen%20kann%20COVID,akutem%20Lungenversagen%20(ARDS)%20führen) (Zugriffsdatum: 03.03.2025).
2. Bildungsträger – Definition und Erklärung // Job und Fortbildung. – URL: <https://job-und-fortbildung.de/wiki/bildungstraeger-definition-und-erklaerung> (Zugriffsdatum: 03.03.2025).
3. Bildung erneut im Lockdown: Wie verbrachten Schulkinder die Schulschließungen Anfang 2021? / L. Wößmann, V. Freundl, E. Grewenig, [et al.] // ifo Schnelldienst. – 2021. – Vol. 74, no. 05. – S. 36–52.
4. The lingering effects of unfinished learning // McKinsey & Company COVID-19 and education URL. – <https://www.mckinsey.com/industries/education/our-insights/covid-19-and-education-the-lingering-effects-of-unfinished-learning> (Zugriffsdatum: 03.03.2025).
5. Yu, P. Suspending Classes Without Stopping Learning: An Initiative to Ensure Learning in Japan During the Pandemic / P. Yu, K. Anezaki // ECNU Review of Education. – 2024. – Vol. 7, iss. 1. – P. 195–206.
6. Kinder und Jugendliche in der Corona-Krise: Herausforderungen und mögliche Ansätze für pädagogisches und politisches Handeln / N. Fischer, F. Heinzel, F. Lipowsky, I. Züchner // Universität Kassel. – URL: https://www.uni-marburg.de/de/fb21/erzwinst/arbeitsbereiche/eb-ajb/ajb/forschung/projekte/stellungnahme-auswirkungen-schulschliessungen_homeschooling.pdf (Zugriffsdatum: 03.03.2025).
7. Increase of depression among children and adolescents after the onset of the COVID-19 pandemic in Europe: a systematic review and meta-analysis / H. Ludwig-Walz, I. Dannheim, L. M. Pfadenhauer [et al.] // Child and Adolescent Psychiatry and Mental Health. – 2022. – Vol. 16, no.109.
8. La salute mentale di bambini e ragazzi dopo la pandemia // Fondazione Openpolis. – URL: <https://www.openpolis.it/la-salute-mentale-di-bambini-e-ragazzi-dopo-la-pandemia> (Zugriffsdatum: 03.03.2025).
9. Noda, T. A cross-sectional study of the psychological impact of the COVID-19 pandemic on undergraduate and graduate students in Japan / T. Noda, H. Nagura, T. Tsutsumi // Journal of affective disorders reports. – 2021. – Vol. 6: 100282.
10. Bundesministerium für Bildung und Forschung. – URL: https://www.bmbf.de/DE/Home/home_node.html (Zugriffsdatum: 03.03.2025).
11. Ross, E. M. How Federal Pandemic Aid Impacted Schools / E. M. Ross // Harvard Graduate School of Education. – URL: <https://www.gse.harvard.edu/ideas/news/24/06/how-federal-pandemic-aid-impacted-schools> (Zugriffsdatum: 03.03.2025).
12. Japan's GIGA School Program equips students for digital society // The Japan Times. – URL: <https://www.japantimes.co.jp/2021/03/22/special-supplements/japans-giga-school-program-equips-students-digital-society> (Zugriffsdatum: 03.03.2025).

13. Warum streikt dauernd Mebis? // Süddeutsche Zeitung. – URL: <https://www.sueddeutsche.de/bayern/bayern-mebis-homeschooling-stoerungen-alternativen-1> (Zugriffsdatum: 16.03.2025).

14. Digitale Lernplattform Logineo verfügt jetzt über Videokonferenztechnik // Rheinische Post. – URL: https://rp-online.de/nrw/panorama/corona-lockdown-in-nrw-logineo-verfuegt-jetzt-ueber-videokonferenztechnik_aid-55811619 (Zugriffsdatum: 16.03.2025).

15. Das Deutsche Schulbarometer: Haben Schulen und Lehrkräfte in der Coronakrise dazugelernt? // Robert Bosch Stiftung. – URL: <https://www.bosch-stiftung.de/de/news/das-deutsche-schulbarometer-haben-schulen-und-lehrkraefte-der-coronakrise-dazugelernt> (Zugriffsdatum: 16.03.2025).

16. Biebeler, H. Ausbildung in Zeiten von Corona: Ergebnisse einer empirischen Studie zu Auswirkungen der Corona-Pandemie auf Ausbildungsbetriebe / H. Biebeler, D. Schreiber // Bundesinstitut für Berufsbildung. – 2020. – No. 223.

17. Umfrage: Eltern während Schulschließungen unter Druck // Vodafone Stiftung. – URL: [https://www.vodafone-stiftung.de/umfrage-homeschooling-eltern/#:~:text=Zudem%20stehen%20Eltern%20unter%20erh%C3%B6htem,ihrer%20Kinder%20\(56%20Prozent\)](https://www.vodafone-stiftung.de/umfrage-homeschooling-eltern/#:~:text=Zudem%20stehen%20Eltern%20unter%20erh%C3%B6htem,ihrer%20Kinder%20(56%20Prozent)) (Zugriffsdatum: 16.03.2025).

18. Mindfulness in Schools Project (MiSP). – URL: <https://mindfulnessinschools.org> (Zugriffsdatum: 03.03.2025).

К содержанию

П. А. ПИЛИПЧУК

Брест, БГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Д. В. Архипов

К ВОПРОСУ О СТРУКТУРЕ АНГЛИЙСКОГО СЛОЖНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Как известно, основной единицей традиционного синтаксиса является предложение. Потребности мышления и общения создали в языке особые синтаксические образования, состоящие из объединения нескольких предложений. Эти синтаксические образования называются сложными предложениями. Структура сложного целого не является механической суммой составляющих это целое простых единиц. Внутренние связи элементов сложного предложения очень многообразны и не укладываются в формулировку: «Сложное состоит из простых» [2].

А. А. Шахматов использует термин «сложное предложение» в особом значении: «Сложными, в противоположность простым предложениям, называют те предложения, в которых имеется или двойное сказуемое, или второстепенное, или дополнительное сказуемое, или дополнительное второстепенное сказуемое» [2, с. 58].

С точки зрения формально-синтаксического анализа, сложное предложение представляет собой полипредикативную структуру,

констатирующую с простым предложением, которое является монопредикативным. В идеальном варианте простое предложение обладает монопозитивным характером, включающим в себя пропозицию, сформированную через сочетание предикативных словоформ или выраженную одной словоформой [2]: *She did. She loved science* (A. Hazelwood).

В каждом из этих предложений содержится по одной пропозиции: «она сделала это» (физическое действие, осуществляемое субъектом) и «она любила науку» (эмоциональное состояние, выражающее предпочтение субъекта).

Сложное предложение полипропозитивно: каждый его компонент заключает в себе пропозицию:

She was well aware, and yet none of it worried her (A. Hazelwood).

В данном случае сложное предложение состоит из двух предикативных единиц, каждая из которых содержит свою пропозицию.

Сложные предложения различаются и противопоставляются. В отличие от простого предложения, в сложном предложении нет прямой и обязательной связи между формой и содержанием [1].

Существует три признака, по которым противопоставляются сложные предложения:

- вид синтаксической связи: сочинение – подчинение;
- наличие или отсутствие союзного средства: союзность – бессоюзность;
- характер компонентов, между которыми существует связь: расчлененность – нерасчлененность.

В современной лингвистической науке большое внимание уделяется проблеме сочинения – подчинения в сложном предложении. Формальный признак сложноподчиненного предложения – подчинительный союз или союзное слово, связывающее компоненты, представленные предикативными конструкциями. Подчинительный союз или союзное слово создают подчинительную связь с неравноправиев компонентов, один из которых формально независимый (*sentence*), а другой зависимый (*clause*). Показатель подчинения – в придаточной части:

Mallory knew she had to win this tournament, even if it meant facing Sawyer again (A. Hazelwood).

Сложноподчиненное предложение всегда выражает присоединение. Любое придаточное предложение всегда тем или иным образом уточняет, дополняет содержание главного. Конкретный характер, способ этого присоединения определяется типом придаточного предложения.

В американской и британской лингвистике, где термин «член предложения» не используется, была разработана классификация придаточных предложений в зависимости от того, какую часть речи они заменяют в рамках простого

предложения – существительное, прилагательное или наречие. По сути, это аналогия между придаточными предложениями и членами простого предложения, при этом последние обозначаются с использованием терминов соответствующих таксономических классов. Аналогичным образом классифицируются и типы придаточных предложений: субстантивные (N-clauses), адъективные (A-clauses) и адвербиальные (D-clauses) [3].

Субстантивированные придаточные (nominal clauses). Данный тип предложений основывается на номинативной функции предикативной единицы и включает в себя:

- придаточные подлежащие:

*What she **thought** would be a quick lesson on the basic quickly spiraled into a tournament-style rematch* (Hazelwood).

- придаточные сказуемые (предикативные):

Being smart is the only thing I've ever been sure of (K. M. MacManus).

- придаточные дополнительные: *I'm so glad he did what he did* (E. Strout).

Придаточные адъективные (attributive clause) или определительные предложения осуществляют функцию определения и отвечают на вопросы *what?* *which?* и следуют прямо за тем существительном в главном предложении, которое они определяют. Придаточные адъективные предложения соединяются с главной частью синтаксического целого союзными словами *who*, *whom*, *whose*, *which*, *that*, *when*, *where*, *why* [1].

Определительные придаточные предложения делятся на три типа:

- индивидуализирующие:

It's about secrets that people would kill to protect (K. M. MacManus).

- классифицирующие:

William, who I divorced years ago, still plays a significant role in my life (E. Strout).

- описательные:

Mallory, whose competitive streak rivaled a chess grandmaster, simply had to win the annual bake-off (Hazelwood).

Адвербиальные придаточные предложения (adverbial clause) осуществляют функции разнообразных ситуаций и отвечают на вопросы *when?*, *where?*, *why?*, *how?*

Адвербиальные придаточные предложения разделяются на обстоятельственные придаточные времени, места, причины, следствия, образа действия, уступки, цели, условия.

If it rains, we'll stay inside and read. She called William so that he wouldn't feel alone. She felt a sense of peace where the river met the sea.

Придаточное предложение всегда оказывается маркованным, отличаясь от главного рядом формальных признаков: усеченностью структуры, наличием зависимой формы сказуемого, порядком членов, местом относительно главного предложения. Следовательно, можно

говорить о форме зависимой предикативности как об общем явлении и ее конкретных разнообразных проявлениях, специфичных для каждого отдельного языка (или группы языков).

Таким образом, изучение сложного предложения в рамках современной лингвистической науки – явление постоянно развивающееся, так как коммуникативная функция предложения лежит в основе развития всей человеческой цивилизации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Качалова, К. Н. Практическая грамматика английского языка / К. Н. Качалова, Е. Е. Изралевич. – М. : ЭТС, 1997. – 325 с.
2. Шахматов, А. А. Синтаксис русского языка / А. А. Шахматов. – Л. : Акад. наук СССР, 1925. – 234 с.
3. Штелинг, Д. А. Грамматика английского языка / Д. Ф. Штелинг, Л. С. Бархударов. – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1973. – 308 с.
4. Trout, E. Oh William! / E. Trout. – London. : Penguin Books, 2022. – 278 p.
5. MacManus, K. M. One of us is lying / K. M. MacManus. – London : Penguin Books, 2017. – 360 p.
6. Hazelwood, A. Check and Mate / A. Hazelwood. – London. : Penguin Books, 2023. – 368 p.

[К содержанию](#)

Е. Р. РЕЗЮК

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – С. А. Пилипенко

ЯДРО И СОПУТСТВУЮЩИЕ ФЕНОМЕНЫ КОНЦЕПТА «ТОСКА» В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Все представления об окружающем мире складываются у определенного народа в картину мира. Эта картина мира состоит из концептов, понятий. В рамках этой картины различают ядерные и периферийные понятия. Ядерные понятия – это фундаментальные понятия, которые лежат в основе многих концептов. Существуют также концепты, которые сохраняются в культурах народов на протяжении долгого времени, а именно периферийные понятия, которые являются культурными константами [1, с. 40].

Концепт ТОСКА является важнейшим эмоциональным и национально-маркированным концептом русского языкового сознания. Так Е. В. Димитрова выделяет в содержании концепта ТОСКА следующие смыслы: «томление», «грусть», «печаль», «скуча», «уныние», «хандра», «тревога», «тоска по Родине», «сожаление об утраченном», «стремление к чему-либо, пока не происходящему», «тоска по любимым, близким

людям» [2, с. 199]. Русскими людьми тоска мыслится понятиями: тяжести (*тяжелая тоска, тоска сжимает, давит*); цвета (*тоска зеленая, черная тоска*); вкуса (*сладкая тоска*); физического поглощения человека самой эмоцией (*грусть-тоска съедает, тоска грызет*); безысходности (*грусть безысходная, безнадежная*) [3, с. 22].

Следующие ученые, такие как С. И. Ожегов, В. И. Даляр, В. В. Колесов считают понятийными признаками тоски следующие определения, которыми являются «тревога», «уныние», «грусть», «томление», «душа».

Так, С. И. Ожегов трактует термин ТОСКА как «душевная тревога, уныние», а также что-нибудь очень скучное, неинтересное» [4, с. 803].

В словаре В. И. Даля ТОСКА – стеснение духа, томление души, мучительная грусть; душевная тревога, беспокойство, боязнь, скука, горе, печаль, нойка сердца, скорбь» [5, с. 810–811].

По словам В. В. Колесова, ТОСКА представляет собой стеснение, она истощает. Благодаря смысловой близости к словам «пустой, полый», по мнению филолога, «тоска передает бесполезность, суевую, пустоту, тщетность жизни» [6, с. 76–77].

Все концепты, находящиеся в той или иной культуре, отличаются от концептов другой культуры. Менталитет нации, способ восприятия действительности, представителей какого-либо народа, понимание процессов окружающей действительности – все это можно исследовать через изучение концептов определенного народа. Все культурные концепты народа составляют сложную систему концептосферы. Поэтому можно выделить выражение Ю. С. Степанова, который говорил о том, что «культура – это совокупность концептов и отношений между ними» [1, с. 40].

В данной статье мы исследовали концепт ТОСКА в русской языковой картине мира, поскольку он является ключевым понятием русскоязычного общества. Исследование концепта ТОСКА поможет выявить характерные особенности русской языковой картины мира, а также раскрыть, каким образом язык отражает и формирует мышление.

Для составления структуры концепта ТОСКА в анализе будут использоваться принципы частотности употребления слов на основе Национального корпуса русского языка. Выборка лексических единиц, синонимов, антонимов будет осуществляться через следующие лексикографические источники: «Словарь русского языка» С. И. Ожегова, «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля и онлайн-словарь sinonim.org [4; 5; 7].

Использование данных словарей позволит нам сделать глубокий анализ концепта ТОСКА, охватить исторические и современные аспекты его значения, а также выявить лексические, культурные, эмоциональные понятия.

Основной лексемой ядра является ментальное образование ТОСКА, которое содержит в себе эмоциональное состояние, связанное с утратой, одиночеством или неудовлетворенностью.

В околовядерную зону данного образования входят слова, имеющие схожее значение и которые могут быть использованы в одинаковых значениях: «тоска по Родине», «стремление к чему-либо, пока не происходитящему», «тоска по любимым, близким людям», «душа», «печаль», «кручиня», «чувство одиночества», «томление души», «боль», «скуча», «грусть», «томление».

На ближней периферии структуры концепта располагаются слова, значения которых менее частотные, но устойчивые: «горе», «ужас», «отчаяние», «меланхолия», «уныние», «nostальгия», «тревога», «страдание», «беспокойство», «удар», «жалость», «томление».

На дальней периферии структуры концепта располагаются слова с редкими контекстуальными значениями «ненависть», «бешенство», «расстройство», «зависть», «безучастность», «равнодушие», «раскаяние», «безразличие», «гнев», «досада», «испуг», «стыд», «сожаление об утраченном», «истома», «скорбь», «бездостность», «смурь», «скукота», «тягомотность», «горечь», «депрессия», «подавленность», «досада», «прискорбие», «сожаление», «хандра».

Анализ структуры концепта ТОСКА мы можем увидеть на примере рисунка, что позволяет выделить три основные области: ядро, ближнюю и дальнюю периферию и выстроить его внутреннюю структуру, что дает возможность более полно понять культурное и эмоциональное значение данного концепта в языке.

Рисунок – Структура концепта ТОСКА

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Степанов, Ю. С. Константы : словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Акад. проект, 2001. – 990 с.
2. Димитрова, Е. В. Тоска / Е. В. Димитрова // Антология концептов / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. – М. : Гнозис, 2007. – С. 197–203.
3. Красаевский, Н. А. Концепт «тоска» в русской лингвокультуре / Н. А. Красаевский // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2009. – № 7 (41). – С. 20–23.
4. Ожегов, С. И. Словарь русского языка : 700 000 слов / С. И. Ожегов ; под ред. Н. Ю. Шведовой ; АН СССР, Ин-т рус. яз. – М. : Рус. яз., 1989. – 922 с.
5. Да́ль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. – М. : Прогресс, 1994. – Т. 4. – 864 с.
6. Колесов, В. В. Древняя Русь: наследие в слове. В 5 кн. Кн. 3. Бытие и быт / В. В. Колесов. – СПб. : Фил. фак. СПбГУ, 2004. – 400 с.
7. Словарь синонимов русского языка. – URL: <https://sinonim.org/a/тоска#ant> (дата обращения: 08.12.2024).

[К содержанию](#)

Н. А. СУХАНИЦКИЙ

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – С. Н. Дягель

РЕАЛИИ КАК НОСИТЕЛИ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Реалии представляют собой фундаментальное понятие, которое изучается сразу в нескольких гуманитарных дисциплинах, таких как философия, лингвистика, культурология, переводоведение, а также в лингвокультурологии и кросскультурных исследованиях. Термин «реалия» происходит от лат. *realis* ‘вещественный, действительный’. В широком смысле реалии – это элементы культуры, выраженные через язык, которые являются уникальными для определенной народности или этнической группы. Они охватывают как материальные аспекты (например, архитектура, одежда, еда), так и нематериальные (традиции, обычаи, верования).

В лингвокультурологии реалии понимаются как отражение национального мировоззрения через язык. Включение реалий в анализ позволяет изучить, каким образом язык фиксирует уникальные черты

культуры народа. Реалии тесно связаны с таким понятием как «лингвокультурэма», впервые введенным Е. М. Верещагиным и В. Г. Костомаровым. Лингвокультурэма фокусируется на пересечении языка и культуры, связывая языковой знак с культурной информацией. Языковые реалии, такие как ‘Дед Мороз’, – это не только предметы, но и символы русской культуры, несущие национальный колорит [1].

В кроскультурных исследованиях реалии рассматриваются как элементы, облегчающие понимание различий между культурами. Они формируют представления о своем и чужом в межкультурной коммуникации, помогая раскрыть культурные коды народа. Выросший из кроскультурного, транскультурный подход добавляет еще одну грань анализа. В транскультурных штудиях исследуется, каким образом реалии трансформируются и адаптируются в условиях интенсивного взаимодействия культур. Например, слова ‘ранчо’, ‘текила’, ‘борщ’ изначально были реалиями конкретных культур, но в процессе глобализации стали частью интернационального лексикона. Это позволяет говорить о гибридизации культурных элементов и их восприятии в новом контексте.

Классификация реалий представляет собой важнейший инструмент для их систематизации, анализа и изучения. Существуют различные подходы к классификации реалий, каждый из которых отражает определенные аспекты их природы и функций. Особое внимание в научных трудах уделяется классификациям, предложенным такими исследователями, как С. Г. Тер-Минасова, С. Влахов и С. Флорин, а также их применению в лингвокультурологии, переводоведении и межкультурной коммуникации.

Основные подходы к классификации:

Классификация С. Г. Тер-Минасовой. С. Г. Тер-Минасова [2] выделяет три ключевые категории реалий:

1. Реалии-натурфакты. К ним относятся природные явления и объекты, характерные для определенных регионов или местностей. Например, ‘тайга’, ‘пампасы’. Они отражают естественную среду обитания и тесно связаны с географической идентичностью народа.

2. Реалии-артефакты. Охватывают материальные объекты, созданные человеком, такие как ‘матрешка’, ‘самовар’, ‘кремль’. Эти реалии являются не только предметами повседневного быта, но и важными культурными символами, часто используемыми для представления страны на международной арене.

3. Реалии-ментефакты. Включают духовные, обрядовые и ментальные аспекты культуры – обычай, традиции и праздники. Примеры: ‘масленица’, ‘ханука’. Эти реалии сохраняют культурную память и отражают исторические и социальные ценности общества.

Дополнительно С. Г. Тер-Минасова предлагает учитывать географическую принадлежность реалий:

- *Национальные реалии*, характерные для одной страны или народа.
- *Локальные реалии*, специфические для конкретных регионов или этнических групп.
- *Интернациональные реалии*, такие как ‘текила’ или ‘ранчо’, которые стали общеизвестными и используются в разных культурах.

Также она выделяет временную принадлежность: исторические реалии (например, ‘крепостное право’) и современные реалии (‘стартап’).

Классификация С. И. Влахова и С. П. Флорина. Согласно их исследованию реалии делятся по трем основным признакам [3]:

1. Предметный признак: этнографические (например, ‘борщ’), общественно-политические (‘дума’) и ономастические (‘Волга’).

2. Функциональный признак: использование реалий в быту, культуре, религии.

3. Переводимость: полностью переводимые (например, ‘teatr’), частично переводимые (например, ‘гжель’) и безэквивалентные (например, ‘самовар’) реалии.

Кроме этих авторских подходов, традиционно выделяют географический и исторический подход к классификации реалий.

Географический подход основан на территориальной принадлежности реалий:

- *Национальные*: ‘борщ’, ‘матрешка’.
- *Региональные*: ‘пампасы’ для Южной Америки.
- *Микролокальные*: диалектные слова, известные только в конкретной местности.

Исторический подход классифицирует реалии по их временной принадлежности:

- *Современные реалии*: ‘кофеин’.
- *Исторические реалии*: ‘дружина’.

Классификации реалий используются в лингвокультурологии и переводоведении для анализа национального мировоззрения и выбора такого метода их передачи, который позволяет адаптировать культурно специфические элементы для аудитории другой страны, сохраняя их уникальность. Введение реалий в текст – сложная задача, требующая выбора подходящего метода для сохранения содержательной точности и культурной уникальности. Рассмотрим основные методы введения реалий:

1. Транскрипция и транслитерация. Этот способ предполагает сохранение звукового или графического облика реалий. Например, русское слово ‘борщ’ передается как ‘borsch’ или ‘bortscht’. Транскрипция сохраняет

的独特性在于其发音，这使其在翻译时尤其具有表现力。然而，转录词需要额外的解释，以帮助读者理解，特别是对于那些对文化语境不熟悉的读者。

2. Описательный перевод. Этот метод включает разъяснение значения реалии в тексте. Например, слово ‘изба’ может быть переведено как ‘*a traditional Russian wooden hut*’. Описательный перевод чаще всего используется, когда реалия является сложным понятием, не имеющим эквивалента в языке перевода. Хотя данный метод дает более полное понимание, он может нарушить стилистику текста или его лаконичность, особенно в художественных произведениях. Пример: ‘масленица’ – ‘*a traditional Russian spring festival involving pancakes and celebrations*’.

3. Калькирование. Метод калькирования предполагает дословное воспроизведение структуры оригинальной реалии. Например, ‘дом культуры’ может быть переведен как ‘*house of culture*’. Этот способ часто используется при переводе общественно-политических и технических текстов. Однако калькирование может не передавать национальный колорит и требовать дополнительных пояснений. Пример: ‘земство’ – *land council*.

4. Адаптация. В данном случае оригинальная реалия заменяется аналогом из целевой культуры. Например, русское ‘артель’ может быть переведено как ‘*cooperative*’. Этот метод упрощает восприятие текста иностранным читателем, но может привести к потере культурного контекста оригинала. Пример: ‘борщ’ – ‘*beet soup*’.

5. Комбинированный метод. На практике переводчики часто сочетают несколько методов, чтобы достичь наиболее точной передачи смысла и культурного содержания. Например, транскрипция может дополняться описанием.

Выбор метода введения реалий зависит от жанра текста, целевой аудитории и культурного контекста. В художественных произведениях приоритет часто отдается сохранению аутентичности и национального колорита через транскрипцию или калькирование. В научно-популярных и образовательных текстах, напротив, предпочтается описательный перевод, который обеспечивает ясность и доступность [4].

Итак, реалии являются важным элементом межкультурной коммуникации, отражающим национальное мировоззрение через язык. Их исследование позволяет определить механизмы передачи культурно специфических понятий, а классификация способствует систематизации и анализу. Выбор метода введения реалий зависит от контекста и целей общения, обеспечивая точность передачи культурного содержания. В условиях глобализации изучение реалий способствует глубокому пониманию культурных кодов различных народов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Маслова, В. А. Лингвокультурология : учебное пособие / В. А. Маслова. – М. : Академия, 2001. – 208 с.
2. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация / С. Г. Тер-Минасова. – М. : Слово, 2000. – 344 с.
3. Влахов, С. И. Непереводимое в переводе / С. И. Влахов, С. П. Флорин. – М. : Высш. шк., 1980. – 304 с.
4. Комиссаров, В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) : учебник / В. Н. Комиссаров. – М.: Высш. шк., 1990. – 253 с.

[К содержанию](#)

Д. В. ТРОЦЮК

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – М. В. Гуль

ФОНЕТИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ АНГЛИЙСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В СФЕРЕ СОВРЕМЕННОЙ МУЗЫКИ

Для современного русского языка характерно большое количество иностранных слов. Их быстрое закрепление в языке объясняется стремительными переменами в обществе. Новыми иноязычными словами пополняются прежде всего тематические группы, которые относятся к развивающимся сферам жизни, таким как наука и техника (в частности информатика), экономика и финансы, массовая культура, спорт, политика и государственное устройство, медицина. Не стала исключением и современная русская музыка, которая активно пополняет свой лексикон англицизмами.

Влияние иностранной лексики на музыкальную сферу проявляется не только в использовании терминов, связанных с жанрами и стилями (такими как *джаз*, *поп*, *рок*), но и в появлении новых слов, описывающих современные музыкальные практики, технологии звукозаписи и продюсирования, например: *диджей*, *микс*, *сэмплинг*. Кроме того, англицизмы становятся частью текстов песен, что отражает глобальные тенденции и культурные обмены.

Один из способов освоения заимствований – это трансфонация. Она заключается в передаче звуковой последовательности языка-источника графическими средствами принимающего языка. Вариантность является универсальной характеристикой освоения новых заимствований: *бэнд* и *бенд*, *промоушн* и *промоушн*, *трэши-метал* и *трэши-метал*, *сэмпл* и *сэмпл*. Фонетическое освоение достаточно длительный процесс, и именно поэтому в языке имеется множество слов, так и не освоенных до конца.

Фонетическое освоение играет ключевую роль в успешной ассимиляции заимствованных слов, что приводит к утрате их первоначального иноязычного облика. Учитывая, что основной принцип русской орфографии – морфологический, в таких случаях следует использовать буквы или их сочетания, которые наилучшим образом отражают морфологическую структуру слов, даже если это не всегда соответствует их фонетическому звучанию.

Однако существуют некоторые проблемные вопросы, например:

- звук [w] в английском языке часто передается в русском через сочетание [йу], как в слове *New Wave* ‘Нью-Вейв’, где [w] передается в слове *New* с помощью [йу]. Это позволяет сохранить оригинальное звучание, несмотря на адаптацию;
- звук [f], который выражается в английском языке с помощью *f* и *ph*, передается буквой *f*: *fusion* – фьюжн, *phonogram* – фонограмма;
- звук [θ] отсутствующий в русском языке, также адаптируется. Например, в слове *synthesize* ‘синтезировать’ он передается через букву *t*, что делает его более удобным для восприятия. Аналогично, слово *thrash metal* ‘треш-метал’ использует букву *t* для передачи этого звука;
- дифтонги, характерные для английского языка, часто упрощаются при адаптации. Так, слово *sound* ‘звук’ передается как *саунд*, где дифтонг [аʊ] представлен одной буквой *a*;
- звук [ð] в слове *rhythm* ‘ритм’ передается через букву *t*, что делает его более удобным для восприятия носителями русского языка;
- звук [h] из слова *Hip-Hop* ‘хип-хоп’ передается русской буквой *х*. Хотя [h] – это глухой глоттальный фрикативный звук, который произносится с помощью вибрации голосовых связок, но без их участия. [х] – это глухой велярный фрикативный звук, произносимый с задней части языка, что придает ему более «грубое» звучание. Таким образом, хотя в русском языке мы используем букву *х* для передачи звука [h], это не является полным эквивалентом. Важно учитывать особенности произношения и артикуляции при адаптации иностранных слов в русский язык;
- в именах нарицательных иноязычного происхождения согласные обычно не удваиваются: *arrangement* – аранжировка, *community* – коммюнити и комьюнити; однако, в новейших англизмах наблюдаем удвоенные согласные: *rockabilly* – рокабилли, *riff* – рифф.

Как отмечают лингвисты, процесс фонетической адаптации «протекает неравномерно и противоречиво, с трудно уловимой закономерностью» [1]. Это можно объяснить различиями в их статусе и контексте использования. Книжные заимствования, например, *аранжировка* ‘*arrangement*’ или *композитор* ‘*composer*’, чаще адаптируются к фонетическим нормам языка, потому что они активно используются в профессиональных кругах

и быстрее становятся частью языка. В отличие от них, бытовые термины, такие как *хип-хоп* ‘hip-hop’ или *диджей* ‘DJ’, могут дольше сохранять свое оригинальное произношение. Это происходит потому, что такие слова связаны с молодежной культурой и субкультурами, где важно сохранить аутентичность звучания для формирования идентичности.

Таким образом, фонетическая адаптация заимствованных слов в русский язык демонстрирует несколько ключевых закономерностей – это сохранение оригинального звучания через комбинации букв, как в слове *Нью-Йорк*. Сложные звуки, отсутствующие в русском языке, упрощаются для удобства произношения, например, [θ] заменяется на [т]. Дифтонги также часто упрощаются, как в слове *саунд*, где [au] превращается в одну гласную. Наконец, артикуляция некоторых звуков может меняться, что подчеркивает необходимость учета фонетических особенностей при заимствовании.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Валгина, Н. С. Активные процессы в современном русском языке : учебное пособие для студентов вузов / Н. С. Валгина. – М. : Логос, 2003. – 304 с.

[К содержанию](#)

Д. Д. УГЛЯНИЦА

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Д. В. Архипов

КАТЕГОРИЯ МОДАЛЬНОСТИ И ЕЕ ТИПЫ С ПОЗИЦИЙ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Категория модальности представляет собой одну из ключевых проблем в области современной лингвистики, вызывая значительный интерес среди исследователей. Это связано с тем, что модальность затрагивает не только лексические и грамматические аспекты языка, но и когнитивные процессы, связанные с восприятием реальности. В научной литературе можно встретить множество исследований, посвященных различным аспектам модальности, включая ее семантические разновидности, номенклатуру модальных средств и способы их выражения. Однако, несмотря на многообразие подходов, вопрос о сущности модальности как важной языковой категории остается открытым и требует дальнейшего изучения.

Происходя от латинского слова *modus* (‘мера’ или ‘способ’), модальность является основополагающей категорией, которая отражает то, как говорящий воспринимает свое высказывание в контексте реальности.

Одно из первых определений категории модальности в русском языке дано О. С. Ахмановой, которая описывает ее как «понятийную категорию»,

отражающую отношение говорящего к содержанию высказывания и к действительности [2]. Модальность может выражать различные значения, такие как утверждение, приказание, пожелание и др. В дополнение к этому, в «Словаре лингвистических терминов» модальность делится на несколько видов, что свидетельствует о ее многообразии и сложности.

Ш. Балли выделяет два ключевых элемента в модальном высказывании: диктум, который представляет собой основное содержание, и модус, отражающий индивидуальную оценку фактов. Исследователь акцентирует внимание на «субъективности» в языке, рассматривая ее как способ выражения личных эмоций и мнений говорящего. Однако многими исследователями оспаривается данный факт. Они считают, что между субъективной и объективной модальностью нет четкой границы [1].

В. В. Виноградов предлагает более широкую трактовку модальности, подчеркивая, что она включает в себя не только характеристики реальности, но и отношение говорящего к высказываемому. Это определение также указывает на наличие объективной и субъективной модальности [4].

Современная трактовка модальности как грамматико-семантической категории, отражающей отношение говорящего к содержанию высказывания и его оценку по отношению к объективной действительности, выраженное как грамматическими, так и лексическими средствами, включая интонацию, лишь подтверждает ее многогранность.

Средства выражения модальности можно разделить на языковые, грамматические и перифразистические. Языковыми средствами выражения субъективной модальности являются порядок слов, интонация, лексические повторы, модальные слова и частицы, междометия, вводные слова и словосочетания, вводные предложения. Грамматическими средствами выражения объективной модальности являются категория наклонения, категория времени, различные типы интонации (интонация сообщения, интонация вопроса) и др. К перифразистическим относятся различные модальные конструкции, метафоры, сравнения и другие фигуры речи, передающие модальность через образные выражения.

Вопрос о модальности в языке остается открытым и вызывает множество споров среди лингвистов. Несмотря на разнообразие подходов, большинство исследователей выделяют два основных типа модальности: объективную и субъективную. Объективная модальность связана с реальностью и выражает факты, в то время как субъективная отражает личные мнения и восприятие говорящего. Объективная модальность может быть выражена через наклонение, время и интонацию, в то время как субъективная модальность использует порядок слов, интонацию, лексические повторы и другие средства. Таким образом, объективная модальность включает в себя эвиденциальную и адмиративную модальность. Субъективная модальность – алетическую,

деонтическую, эпистемическую и оптативную модальности. Каждая из этих подкатегорий играет свою роль в языке и передает свои оттенки значений.

В. Виноградов выделяет пять основных модальных значений, включая реальность, возможность, уверенность, отношение к целям и эмоциональную оценку [4].

Другие исследователи предлагают расширить список модальных значений, акцентируя внимание на эмоциональной окраске высказываний. В. Г. Адмони выделяет два типа модальных значений: с нейтральным и с усиленным эмоциональным содержанием. С другой стороны, М. В. Зайнуллин считает, что эмоциональность не является обязательной характеристикой высказывания и не должна считаться модальной. По его мнению, модальность и предикативность являются постоянными признаками любого предложения. А. В. Бондарко утверждает, что языковая модальность проистекает из логической модальности и определяет шесть модальных значений, включая уверенность в достоверности высказывания и эмоциональную оценку содержания.

В зарубежной лингвистике также нет единого мнения о типах модальности. О. Есперсен подчеркивает важность модальности как «содержания предложений», а Г. Х. фон Райт выделяет четыре основных модуса: алетический, эпистемический, деонтический и экзистенциальный модусы, что позволяет структурировать понимание категории модальности. М. Н. Решер адаптирует эти модусы для лингвистики, добавляя новые, такие как темпоральный и эмоциональный. Однако такой подход иногда воспринимается как перегруженный. Дж. Найтс выделяет только три значения модальности, что свидетельствует о более упрощенном подходе. Ч. Филмор также подходит к модальности широко, включая в нее значения отрицания и времени [1].

Развитие функционально-прагматического направления языковых исследований привело к дальнейшему расширению понятия модальности. Поскольку в центре внимания функциональной прагматики находится речевое общение, представители этого направления развивают понятие диалогической модальности: в дискурсе находят выражение не только соотношения сообщаемого и действительности (фактивность, возможность, необходимость), но и отношения к теме диалога: серьезно, в шутку, иронично – экзистенциальная модальность; формально, доверительно, конфликтно (отношение партнеров общения друг к другу) – интерперсональная модальность; адекватный, завышенный, заниженный уровень притязаний (отношение партнера общения к самому себе) – эгоцентрическая модальность. Разновидности диалогической модальности могут пересекаться, образуя при этом определенную конфигурацию признаков, установление типов которой позволяет использовать эти признаки как инструмент для измерения качества речевого взаимодействия.

Таким образом, очевидно, что проблема модальности до сих пор не получила общепризнанного решения в современной лингвистике. Многоплановость и неоднозначность этой категории позволяет подходить к проблеме модальности с различных точек зрения и вести исследования в самых разных направлениях.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арнольд, И. В. Основы научных исследований в лингвистике : учеб. пособие / И. В. Арнольд. – Москва : Высшая школа, 1991. – 140 с.
2. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов [ок. 7 тыс. терминов] / О. С. Ахманова. – 2-е изд., стер. – М. : УРСС, 2004. – 569 с.
3. Бондарко, А. В. К истолкованию семантики модальности / А. В. Бондарко // Язык. Литература. Эпос: (К 100-летию со дня рождения акад. В. М. Жирмунского). – СПб., 2001. – С. 34–40.
4. Виноградов, В. В. Исследования по русской грамматике : избр. тр. / В. В. Виноградов. – М. : Наука, 1975. – 559 с.

[К содержанию](#)

С. В. ШПИЛЬЧУК

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Д. В. Архипов

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ КАТЕГОРИИ ВЕЖЛИВОСТИ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В современном английском языке вежливость играет ключевую роль в процессе коммуникации, отражая как социальные нормы, так и культурные особенности англоязычных обществ. Категория вежливости рассматривается в лингвистике как комплекс языковых средств, направленных на смягчение высказываний, избежание конфликтов и поддержание гармоничных отношений между собеседниками.

Вежливость в английском языке часто рассматривается через призму *face-saving theory* (теория «сохранения лица»), разработанной П. Брауном и С. Левинсоном. Согласно этой концепции, каждый участник общения стремится сохранить свой социальный образ, избегая прямых угроз или давления на собеседника [1, с. 61].

Вежливость подразделяется на позитивную (ориентированную на укрепление отношений) и негативную (сосредоточенную на минимизации вмешательства в личное пространство собеседника). Этот подход лежит в основе анализа языковых средств, используемых носителями английского языка.

Как отмечает Т. В. Ларина, «вежливость в английской лингвокультуре тесно связана с национальной спецификой и проявляется через

ритуализованные стратегии общения» [2, с. 20]. Например, англичане склонны избегать прямолинейности, используя косвенные конструкции и «смягчающие» слова, что отличает их от других культур, где открытость может быть более ценной чертой.

Одним из ключевых лексических средств вежливости в английском языке является использование модальных слов и выражений, таких как *please*, *perhaps*, *maybe*, *possibly*. Эти слова помогают смягчить тон высказывания и сделать его менее категоричным. Например, фраза *Can you help me?* звучит более резко, чем *Could you possibly help me?* Последняя конструкция демонстрирует большую степень уважения к собеседнику за счет модального глагола *could* и наречия *possibly*.

Е. В. Демченко подчеркивает, что лексика, связанная с извинениями (*sorry*, *excuse me*, *pardon*), благодарностью (*thank you*, *thanks a lot*) и просьбами (*please*, *kindly*), играет важную роль в английской речи [3, с. 34]. Интересно, что слово *please* не всегда воспринимается как универсальный маркер вежливости – его эффективность зависит от контекста и интонации. Например, *Please, do it!* может звучать как приказ, а не просьба, если произнесено с акцентом на императив.

Кроме того, в английском языке популярны так называемые *hedges* ('хеджи') – слова и выражения, снижающие категоричность: *I think*, *sort of*, *kind of*. Они часто используются для выражения неуверенности или скромности, что соответствует британской культурной тенденции к самоуничижению. Например: *I sort of think we should leave now* ('Я вроде как думаю, что нам пора уходить') звучит мягче, чем прямое *We should leave now*.

Грамматические конструкции также играют значительную роль в выражении вежливости. Одним из главных инструментов является использование модальных глаголов (*can*, *could*, *would*, *might*). Модальные глаголы позволяют переформулировать прямые указания в более деликатные формы. Например, вместо *Close the window* носитель языка скорее скажет *Could you close the window?* или *Would you mind closing the window?* Вторая фраза с конструкцией *would you mind* считается особенно вежливой, т. к. включает косвенный вопрос и переносит фокус на комфорт собеседника.

Еще одним грамматическим средством является использование условного наклонения. Оно часто применяется для смягчения просьб или предложений. Например: *I would be grateful if you could help me* ('Я был бы признателен, если бы вы могли мне помочь'). Условное наклонение дистанцирует высказывание от реальности, делая его менее навязчивым.

Пассивный залог также используется для выражения вежливости, особенно в формальных ситуациях. Вместо *You need to sign this document*

можно сказать *This document needs to be signed*, что убирает прямое указание на адресата и звучит нейтральнее.

На синтаксическом уровне вежливость проявляется через косвенные речевые акты. Вместо прямых вопросов или приказов англичане предпочитают использовать косвенные конструкции. Например, вместо *Are you free now?* можно услышать *I was wondering if you're free now* ('Мне интересно, свободны ли вы сейчас').

Как отмечает В. Г. Павленко, такие конструкции «подчеркивают неопределенность и дают собеседнику возможность отказаться без потери лица» [4, с. 221].

Эллипсис – еще одно синтаксическое средство, часто используемое в неформальной вежливой речи. Например, вместо полного *Would you like some tea?* можно сказать *Some tea?* с восходящей интонацией. Это сокращение делает общение более дружелюбным и менее формальным, сохраняя при этом вежливый тон.

Важно учитывать, что выбор языковых средств зависит от культурного контекста. В британской культуре, например, ценится сдержанность и косвенность, тогда как в американской версии английского языка допустима большая прямота. Британцы чаще используют юмор и самоиронию как элементы вежливости, например:

I'm terribly sorry, but I might have broken your vase ('Ужасно виноват, но кажется, я разбил вашу вазу').

Такой подход смягчает потенциально неловкую ситуацию.

Прагматический аспект также важен: вежливость определяется не только формой, но и интонацией, ситуацией и отношением между собеседниками. Например, фраза *Can you do it?* будет восприниматься как вежливая в неформальном контексте между друзьями, но в официальной обстановке она может показаться грубой.

Таким образом, языковые средства выражения вежливости в современном английском языке включают лексические единицы, грамматические конструкции и синтаксические особенности. Эти инструменты позволяют носителям языка адаптировать свою речь к социальным и культурным ожиданиям, избегая конфликтов и поддерживая гармоничное общение. Можно утверждать, что вежливость в английском языке – это не только лингвистический, но и глубоко культурный феномен, отражающий национальный характер и коммуникативные традиции.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Brown, P. Politeness : Some Universals in Language Usage / P. Brown, S. Levinson. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1987. – 345 p.

2. Ларина, Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации : сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций / Т. В. Ларина. – М. : Рукоп. : пам. Др. Руси, 2009. – 512 с. – (Язык. Семиоика. Культура).

3. Демченко, Е. В. Семантико-синтаксические средства выражения категории вежливости в английском и русском языках / Е. В. Демченко. – М., 2007. – 180 с.

4. Павленко, В. Г. Языковые средства презентации вежливости в английском языке / В. Г. Павленко // Концепт. – 2017. – Т. 44. – С. 220–223.

[К содержанию](#)

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПЕРЕВОДА. МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

А. А. БИСУЛТАНОВ

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – А. А. Буров

РОЛЬ ЗАГОЛОВКОВ В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: АНАЛИЗ ФУНКЦИЙ И СТРАТЕГИЙ ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ

Заглавие художественного произведения представляет собой не просто номинативный элемент, а важнейший компонент текстовой структуры, обладающий многоплановыми функциями. Оно выступает как формально-композиционный и одновременно как семантико-прагматический элемент, играющий ключевую роль в восприятии, интерпретации и осмысливании текста. С одной стороны, заглавие выполняет организационно-структурную функцию: оно задает тематические и смысловые рамки произведения, предварительно структурирует восприятие текста и способствует формированию читательского ожидания. С другой стороны, оно выполняет роль семиотического маркера, выступая в качестве посредника между автором и читателем, передающего через систему образов, ассоциативных связей и культурных кодов глубинные смыслы произведения.

Современное литературоведение трактует заглавие как композиционно-смысловой узел, в котором концентрируются центральные идеи текста, его концептуальные доминанты и жанрово-стилистические ориентиры. В этом контексте заглавие нередко рассматривается как своего рода «семантический пролог» или «ключ» к интерпретации всего произведения. Его значимость обусловлена тем, что именно оно формирует первое впечатление у читателя, выступает в роли смыслового ориентира и направляет читательское внимание в определенное интерпретационное русло. Таким образом, заглавие – это неотъемлемый элемент авторской интенции, обладающий высокой смысловой и коммуникативной нагрузкой,

способный как раскрывать содержание текста, так и создавать интригу, побуждающую к дальнейшему чтению.

Заглавие – это не только номинативная единица, обозначающая текст, но и важнейший элемент его структуры и интерпретации. В немецкой литературной традиции, обладающей высокой степенью жанрового и философского многообразия, заголовок выполняет ряд ключевых функций, каждая из которых играет свою роль в авторской стратегии и восприятии текста читателем.

1. Идентификационная (номинативная) функция. Прежде всего, заголовок служит для идентификации произведения. Он дает произведению имя и позволяет выделить его из множества других текстов. В немецкой литературе это особенно важно в силу часто лаконичного или символического характера названий. Например, в названии *Der Steppenwolf* (Г. Гессе) используется образное наименование, за которым скрывается сложная внутренняя структура текста и целая концепция человеческой раздвоенности.

2. Тематико-смысловая функция. Заголовок может непосредственно указывать на основную тему произведения или на ключевую проблему. Например, заглавие *Im Westen nichts Neues* (Э. М. Ремарк) отсылает к фронтовой формуле, становясь при этом антивоенным манифестом, отражающим внутреннюю пустоту войны. В немецкой литературе XX в. такая функция особенно активна – авторы используют заголовки как способ задать направление читательской интерпретации с первых строк.

3. Композиционная функция. Заголовок выполняет важную роль в структуре текста, задавая его концептуальные рамки. В немецкой литературной традиции, особенно в модернизме и постмодернизме, заголовок может быть неотделим от общего композиционного решения: например, в произведении *Die Verwandlung* (Ф. Кафка) заголовок не просто называет событие (превращение), а с самого начала организует восприятие текста как метафизической притчи.

4. Символико-метафорическая функция. В немецкой литературе заголовки нередко обладают высоким уровнем метафоричности и символичности. Они выполняют функцию «ключа» к интерпретации и открывают доступ к философскому или экзистенциальному подтексту. Например, название *Der Tod in Venedig* (Т. Манн) отсылает не только к географическому месту действия, но и к мотиву эстетической смерти, духовной одержимости, упадка.

5. Экспрессивно-коммуникативная функция. Заголовок обращен к читателю и выполняет функцию привлечения внимания, провокации интереса, установления контакта. В немецкой литературе это особенно заметно в публицистике и сатире (например, *Deutschland. Ein Wintermärchen*

Г. Гейне), где заголовок может сочетать иронию, аллюзию и политическую окраску. Он вступает в диалог с читателем еще до начала повествования.

6. Жанрово-маркирующая функция. Некоторые заголовки сразу указывают на жанр или тип текста. В немецкой литературе это может быть сделано как напрямую (*Novelle*, *Erzählung*), так и косвенно – через стилистическую и лексическую форму заглавия. Особенно это актуально в романтической литературе или в малой прозе XIX века.

7. Интертекстуальная и культурно-кодирующая функция. Заголовки в немецкой литературе часто содержат ссылки к другим культурным и литературным текстам, философским концептам или мифологическим образам. Так, *Also sprach Zarathustra* Ф. Ницше – это не только заголовок философского произведения, но и прямая аллюзия на библейский стиль, придающая тексту сакрально-пророческий оттенок. Аналогично современные немецкие авторы активно используют интертекстуальные заголовки как способ включения произведения в культурный диалог.

Таким образом, заголовки произведений немецкой литературы выполняют сложный и многослойный функционал. Они не только обозначают текст, но и служат важнейшим средством семантической, прагматической и эстетической ориентации читателя. Их функции варьируются в зависимости от жанра, эпохи, авторского замысла и контекста, что делает их изучение важным аспектом литературоведческого и переводоведческого анализа.

В контексте перевода немецкоязычных литературных заглавий на русский язык переводчик сталкивается с целым рядом лингвистических, культурных и интерпретационных задач. Заглавие должно не только передать содержание или тональность оригинала, но и сохранить его функциональные особенности: информативность, экспрессивность, символику, а также соответствовать нормам и ожиданиям целевой аудитории. В зависимости от цели и характера произведения, переводчики используют различные переводческие стратегии, каждая из которых имеет свои преимущества и ограничения.

Одной из наиболее распространенных стратегий, особенно когда заглавие не содержит культурно-специфических реалий, игры слов или авторской экспрессии, является **дословный** или **буквальный перевод**. Он сохраняет структуру и лексическое наполнение оригинала, обеспечивая максимальную семантическую близость (*Der Vorleser* → *Чтец* (Б. Шлинк)).

В случаях, когда буквальный перевод может быть непонятен или не отражает смыслового содержания, используется **описательный перевод**, который передает суть заглавия, раскрывая его значение для целевой аудитории: *Der geteilte Himmel* → *Небо в полдень* или *Разделенное небо*

(К. Вольф) (варианты переводов) – попытка передать метафору, связанную с разделением Германии.

При **культурной или pragматической адаптации** заглавие трансформируется в соответствии с нормами целевого языка и культурными ожиданиями аудитории. Это особенно актуально при переводе произведений с аллюзиями, игрой слов или сложной метафорикой. Так, например, при переводе *Deutschland. Ein Wintermärchen* → *Германия. Зимняя сказка* (Г. Гейне) сохранена литературная отсылка к жанру «сказки», но адаптировано восприятие.

Подход **транскреации или творческого преобразования** предполагает вольное обращение с оригиналом: переводчик создает новое заглавие, сохраняющее общее эмоциональное и смысловое воздействие, но не обязательно формально совпадающее с оригиналом: *Unkenrufe* → *Зловещие предзнаменования* (Г. Грасс) – оригинал буквально означает «кваканье жаб» (метафора), но передана общая семантика.

В ряде случаев особенно для культовых произведений, имен собственных или символически значимых названий оригинальное заглавие **сохраняется** (полностью или частично – **транслитерация или частичный перевод**): *Faust* → *Фауст* (И. В. Гете), *Effi Briest* → *Эффи Брист* (Т. Фонтане).

Выбор конкретной стратегии зависит от жанровой принадлежности произведения, целевой аудитории, коммуникативной установки автора, роли заглавия в интерпретации текста, культурной специфики и временного контекста. В немецкой литературе, отличающейся философской насыщенностью, символизмом и исторической контекстуальностью, перевод заглавий требует не только лингвистической точности, но и глубокого культурологического и литературоведческого подхода.

Перевод заглавий произведений немецкой литературы – это не просто техническая операция, а сложный акт межкультурного посредничества. Каждое решение переводчика несет интерпретационную нагрузку, формируя восприятие текста в новой культурной среде. Адекватная стратегия перевода должна учитывать не только языковую форму, но и функциональную нагрузку заголовка, его символический потенциал и воздействие на читателя. Таким образом, работа с заглавием становится первым, но чрезвычайно важным шагом в процессе художественного перевода.

[К содержанию](#)

А. А. БОРИСОВА

Казань, КИУ имени В. Г. Тимиряева
Научный руководитель – Э. Р. Ибрагимова

ЭПИТЕТ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ В РОМАНЕ КРИСТИН ХАННЫ «ЧЕТЫРЕ ВЕТРА»

Данная статья посвящена исследованию роли эпитетов и особенностей их функционирования в романе писательницы К. Ханны «Четыре ветра», а также особенностей их передачи средствами русского языка в переводе Н. Рашковской.

Эпитет является одним из стилистических средств, целью которого является не только приукрашивание нашей речи, но и передача мысли и настроения автора. Они придают особое звучание художественным произведениям при описании картин природы, эмоций и чувств человека, внешности и быта людей определенного периода времени, тем самым помогая авторам воссоздать красоту данных явлений в слове. Не стал исключением и роман «Четыре ветра», в котором писательница Кристин Ханна прибегает к широкому разнообразию эпитетов для характеристики как природных явлений, так и человека, позволяя раскрыть его внутренний мир.

Лексические единицы были поделены на две группы в зависимости от объекта, которые они описывают:

1. Эпитеты, описывающие внутренний мир человека, частотны в анализируемом произведении и были подразделены на две подгруппы в зависимости от определяемого слова на эпитеты, характеризующие объект и процесс:

1) эпитеты, характеризующие объект:

Elsa closed her gritty eyes and rested her forehead on Bella's great, sunken side.

‘Элса закрыла **воспаленные глаза** и прислонилась лбом к **впалому боку** Беллы’.

В данном примере автор использовал два эпитета, описывающих как человека и его эмоции, так и последствия пыльных бурь на территории Техаса, повлиявших на него. В русском переводе эпитет *gritty eyes*, обозначающий ‘больные, «пыльные» от ветров и засухи глаза’, трансформировался в результате генерализации в ‘воспаленные глаза’, тем самым упуская из виду ситуацию, в которую попали главные герои и то, как они из-за нее страдают. Эпитет *great, sunken side* за счет приемов буквального перевода и опущения был переведен как ‘впалый бок’, что абсолютно эквивалентно оригиналу.

Her son's eyes were red, bloodshot. Tears streaked his freckled cheeks.

'Глаза у сына были красные, веснушчатое лицо мокре от слез'.

Слово ‘bloodshot’ в приведенном эпитете подчеркивает то, что глаза у мальчика были не просто красные от слез, а будто бы налитые кровью после жестокой смерти своей матери на забастовке. Вместе с эпитетом *red* они создают яркий и детализированный образ, отражающий настроение персонажа и позволяющий погрузиться в атмосферу события. При переводе же данное слово было опущено, вследствие чего снижен градус эмоционального напряжения и проявления стресса и боли у персонажа.

2) эпитеты, характеризующие процесс, представляют собой лексические единицы, используемые для характеристики действий, производимых объектами природы и природными явлениями:

Elsa swept her children into her arms and twirled them around, laughing so deeply it seemed to be the voice of her soul.

‘Элса обхватила детей, и они вместе закружились, она смеялась так, как не смеялась никогда в жизни’.

Эпитет *laughing so deeply* в данном предложении играет огромную роль в развитии сюжета и подчеркивает интенсивность и искренность смеха Элсы, который исходит из самой глубины ее существа, словно отражая ее внутреннюю радость и счастье от происходящего – прибытия в золотой штат Калифорния. Перевод точно так же отражает чувства главной героини и ее отношение к этой ситуации, однако сам эпитет был опущен, т. к. в русском языке нет подобного наречия, а последующие строчки *voice of her soul* переданы описательным переводом с включением гиперболы ‘как не смеялась никогда в жизни’. Однако данный перевод не отражает философскую идею «души» и ее «голоса», заложенную в оригинале, но за счет приведенных выше изменений при переводе фраза приобрела разговорный вариант, наиболее подходящий для русскоязычного читателя.

2. Эпитеты, описывающие природу и природные явления, представлены в гораздо меньшем количестве, но при этом так же были разбиты на две подгруппы:

1) эпитеты, характеризующие объект:

Another scorcher of a day, and not even ten in the morning... It was best to do chores in the relative cool of dawn and dusk.

‘Снова невыносимо жаркий день, а еще нет и десяти утра... Лучше всего домашние дела делались на рассвете и после заката, когда было относительно прохладно’.

Инвертированность в данном случае играет большую роль, т. к. благодаря ей автор привлекает внимание к самой ситуации и ее описанию, делая ее более заметной и запоминающейся. Эпитеты создают контраст между тяжелыми условиями полуденного зноя и относительной свежестью и комфортом утра и вечера. Более того, инвертированные эпитеты

в предложении придают языку ощущение новизны и свежести. Термин инверсия при анализе эпитетов отсутствует в русском языке и зачастую подобные эпитеты переводятся иными способами. Переводчица в данном случае использовала приемы опущения и перестановки с целью передать смысл и образность, которые автор заложил в данный троп.

An overburdened jalopy rumbled past, headlights bright enough in the falling darkness to reveal a stoop-shouldered family of four walking along the shoulder of the road, going west, the mother pushing a carriage

‘Мимо прогромыхала перегруженная колымага, осветив фарами семью из четырех человек, которые, сгорбившись, брали по обочине на запад. Мать толкала коляску’.

Простой эпитет *falling darkness* использовался автором с целью сделать контраст, подчеркнуть характеристику другого объекта, а именно яркость фар, которые даже в непроглядной тьме смогли осветить семью из четырех человек. Эпитет усиливает драматизм момента и привлекает внимание к деталям, которые могли бы остаться незамеченными. Переводчица использовала прием опущения, вследствие чего эквивалентного эпитета в русском варианте романа нет. За счет опущения не была полностью раскрыта характеристика другого объекта и не был сделан акцент на окружающую обстановку, в которой находились главные герои.

2) Эпитеты, характеризующие процесс:

A tumbleweed rolled lazily past her, pushed along by a gentle breeze.

‘Мимо лениво прокатилось перекати-поле, подгоняное ветерком’.

В данном примере образность возникает за счет наречия *lazily*, характеризующего процесс, который представляет собой аллегорию такой же тихо и лениво проходящей жизни главных героев в период засухи. В русском переводе употреблено словосочетание ‘лениво прокатилось’, являющееся полным соответствием оригинальному как с точки зрения его структуры, так и в плане образности.

Raindrops fell lightly, pattering the house...

‘Дождь барабанил по крыше...’.

Наречие *lightly* подчеркивает нежность и мягкость падения капель дождя. Переводчица, опуская эпитет и переводя только последующее причастие *pattering* глагольной формой ‘барабанил’, передала совершенно не легкий, а громкий и динамичный дождь.

Таким образом, в романе Кристин Ханны «Четыре ветра» одними из наиболее ярких эпитетов являются лексические единицы, описывающие природные явления и внутренний мир человека. Наиболее распространенными среди них стали эпитеты, характеризующие человека, его чувства и эмоции. Анализ данных лексико-тематических групп и их дифференциации по предмету и процессу позволил понять, что самыми

частотными в произведении стали эпитеты, описывающие предмет и его особенности. Наиболее частым приемом при переводе выступают буквальный перевод, опущение и замена. Также использовались приемы модуляции и перестановки. Основной функцией эпитетов в исследуемом романе выступает экспрессивно-образное представление явлений и объектов природы, вследствие чего доля эпитетов, являющихся эквивалентами оригинальным единицам, составила 50 %.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) : учебник / В. Н. Комиссаров. – М. : Высш. шк., 1999. – 253 с.
2. Кристин, Ханна. Четыре ветра / Ханна Кристин / пер. с англ. Н. Рашковской. – М. : Фантом Пресс, 2023. – 448 с.
3. Рецкер, Я. И. Теория перевода и переводческая практика (очерки лингвистической теории перевода) / Я. И. Рецкер. – М. : Междунар. отношения, 1994. – 241 с.
4. Kristin Hannah. The four winds / Hannah Kristin. – New York : St. Martin's Press, 2021. – 447 р.

[К содержанию](#)

A. В. ГОРЩАРИК

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – А. А. Буров

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ СТИЛИСТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПЕРСОНАЖЕЙ ПРИ ПЕРЕВОДЕ (НА ОСНОВЕ РОМАНА Э. М. РЕМАРКА «ЖИЗНЬ ВЗАЙМЫ»)

Художественный перевод представляет собой особую сферу переводческой деятельности, направленную на воспроизведение текстов художественной литературы – прозы, поэзии, драматургии и других жанров словесного искусства – средствами другого языка. В отличие от других видов перевода, основная задача художественного перевода заключается не столько в передаче информации, сколько в воссоздании эстетического и эмоционального воздействия оригинала, сохранении авторского стиля, образной системы, а также культурных и эмоциональных коннотаций, присущих исходному тексту.

Художественный перевод требует высокой степени интерпретации и творческого подхода, поскольку переводчик, по сути, становится соавтором, заново создающим произведение в рамках иной языковой и культурной системы. Особое внимание при этом уделяется сохранению стилистических средств, таких как метафоры, эпитеты, сравнения, синтаксические фигуры, с помощью которых автор формирует характеры,

передает настроение, внутренние состояния героев и атмосферу произведения в целом.

В рамках настоящего доклада будет проведен анализ особенностей функционирования стилистических средств в процессе художественного перевода, а также рассмотрены конкретные примеры их реализации на материале романа Эриха Марии Ремарка «Жизнь взаймы». Особый акцент будет сделан на сравнительном изучении оригинального текста и его русскоязычных переводов, с целью выявления приемов, с помощью которых достигается передача художественной выразительности и глубины авторского замысла.

Роман Эриха Марии Ремарка «Жизнь взаймы» представляет собой яркий образец психологической прозы, в котором автор с исключительной чуткостью и глубиной раскрывает внутренний мир своих персонажей. Характеры героев развиваются не только через сюжетные события, но, прежде всего, через диалоги, внутренние монологи и тонкие авторские ремарки, которые создают сложную и многослойную картину их эмоциональных состояний, переживаний и мировосприятия.

Особую роль в формировании индивидуального авторского стиля – идиостиля – играют художественно-выразительные средства, с помощью которых Ремарк выстраивает систему образов. Эмоционально насыщенные метафоры, лирические отступления, эллипсы, повтор, риторические вопросы и другие стилистические приемы служат инструментами не только для характеристики героев, но и для создания особой атмосферы безысходности, хрупкости человеческой жизни и стремления к любви, несмотря на обреченность.

Образы центральных персонажей – например, Клерфэ и Лилиан – формируются через их речевые характеристики, реакцию на происходящее, а также через восприятие их другими героями. Автор прибегает к приему косвенной характеристики, позволяя второстепенным персонажам комментировать поведение главных героев, тем самым добавляя объем и достоверность их образам. Рассказчик, используя как прямое описание, так и ироническую дистанцию, направляет читателя к пониманию внутренних конфликтов героев, в основе которых лежат экзистенциальные размышления о жизни, смерти и любви.

Чаще всего автор использует стилистический прием описания или сравнения. В переводах текста оригинала и Л. Б. Черная и М. Л. Рудницкий старались сохранить данные стилистические средства и перевести их дословно.

Например, по отношению к Клерфэ рассказчик использует такие характеристики, как *unerschütterlich* ‘непоколебимый’ – *Clerfayt zeigte unerschütterliche Standhaftigkeit in seinen Überzeugungen, auch wenn andere an*

seinen Entscheidungen zweifelten [1, с. 25]. – ‘Клерфэ проявлял непоколебимую стойкость в своих убеждениях, даже когда окружающие сомневались в его решениях.’ [3, с. 29], *schweigsam* ‘молчаливый’ – *Clerfayt war schweigsam und beobachtete lieber das Geschehen, als sich an Gesprächen zu beteiligen* [1, с. 82]. – «Клерфэ был молчаливым, предпочитая наблюдать за происходящим, а не вовлекаться в разговоры» [3, с. 90] и *geduldig* ‘терпеливый’ – *Er blieb geduldig, als Lilian seine Unterstützung brauchte und erkannte, dass sie Zeit brauchte, um mit ihren Emotionen fertig zu werden* [1, с. 47]. – ‘Он был терпеливым, когда Лилиан нуждалась в его поддержке, понимая, что ей требуется время, чтобы справиться со своими эмоциями’ [2, с. 54].

Лилиан, главная героиня, описывается автором с помощью таких прилагательных как *zerbrechlich* ‘хрупкий’ – *Lilian schien zerbrechlich zu sein wie eine Kristallvase, die bei der geringsten Berührung leicht zu zerbrechen war* [1, с. 36]. – ‘Лилиан казалась хрупкой, словно хрустальная ваза, которую легко разбить при малейшем прикосновении’ [3, с. 45] и *erschrocken* ‘испуганный’ – *Lilian sah ständig erschrocken aus, weil sie mit der Unsicherheit ihrer Zukunft konfrontiert war* [1, 39]. – ‘Лилиан постоянно выглядела испуганной, ведь она столкнулась с неопределенностью своего будущего’ [2, с. 47], что подчеркивает ее уязвимость.

Она сочетает в себе нежность и хрупкость, но также проявляет силу и решимость в борьбе за свою жизнь. Например, в одном из эпизодов, автор сравнивает ее с охотницей: „*Sie aber ist dem Leben auf der Spur, immer nur dem Leben, und sie jagt es wie eine besessene Jägerin den weißen Hirsch und das Einhorn der Fabel*” [1, с. 56]. Здесь оба переводчика используют дословный перевод сравнения «Она идет по следу жизни, всегда только за жизнью, и преследует ее как одержимая охотница белого оленя и единорога из сказки» [3, с. 69]. Это сравнение показывает, насколько важна для нее жизнь, несмотря на ее смертельную болезнь, и как она стремится использовать каждый момент своей жизни.

Использование данных прилагательных подчеркивает, что Клерфэ – эмоционально сдержанный и спокойный мужчина, который, несмотря на свою внешнюю стойкость, испытывает глубокие чувства к главной героине, Лилиан. Автор использует такие характеристики, чтобы показать внутреннюю борьбу Клерфэ, его страх потери и уязвимость, делая его образ более человечным и близким читателю.

Таким образом, в «Жизни взаймы» художественные и стилистические средства не только выполняют декоративную функцию, но и становятся средствами смыслообразования, способствуя раскрытию авторской концепции человека на грани бытия и небытия. Именно эта насыщенность стилистическими элементами делает роман особенно интересным объектом

для анализа с точки зрения художественного перевода. Успешный перевод зависит от баланса между точностью и творческой интерпретацией, что демонстрируют русскоязычные версии романа. В итоге, художественный перевод становится не просто передачей смысла, а переносом истинного духа исходного текста и идей автора на новый язык и в новую культурную среду.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Remarque, E. M. Der Himmel kennt keine Günstlinge / E. M. Remarque. – Köln : Verlag Kiepenheuer & Witsch, 1961. – 311 S.
2. Ремарк, Э. М. Жизнь взаймы / Э. М. Ремарк. – М. : 1977. – 352 с.
3. Ремарк Э. М. Жизнь взаймы, или У неба любимчиков нет. – М. : АСТ, 2020. – 384 с.

[К содержанию](#)

А. А. ДОРОГОКУПЕЦ

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – А. А. Буров

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРИЕМА АНТОНИМИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА В РУССКОЯЗЫЧНЫХ ПЕРЕВОДАХ РОМАНА Г. ГЕССЕ «ДЕМИАН»

Роман Германа Гессе «Демиан» представляет собой произведение исключительной философской глубины и стилистической утонченности, сочетающее в себе элементы художественной прозы, символизма и экзистенциальной рефлексии. Являясь одновременно и автобиографической исповедью, и метафизическим размышлением о самоидентичности, роман требует особого подхода при переводе на другой язык, особенно на русский, где необходимо не только точно передать содержание, но и сохранить тончайшие оттенки авторского стиля, образной системы и философской идеи.

В процессе перевода таких произведений переводчики сталкиваются с задачей достижения смысловой и стилистической эквивалентности при невозможности буквального переноса языковых средств оригинала. Это обусловлено как структурными различиями между исходным и целевым языками, так и различиями в культурно-семантических установках. В таких случаях применяются специальные переводческие приемы – трансформации, направленные на адаптацию оригинального текста к нормам и ожиданиям целевой аудитории при сохранении его содержания и выразительности.

Переводческие трансформации представляют собой сознательные изменения на лексико-грамматическом, синтаксическом или стилистическом уровнях, которые позволяют воспроизвести коммуникативно эквивалентный эффект в языке перевода. Одним из таких

приемов, получивших широкое распространение в практике перевода философской и художественной прозы, является антонимический перевод.

Антонимический перевод представляет собой лексико-грамматическое преобразование, при котором лексема исходного текста заменяется в переводе на противоположную по значению единицу. Этот прием используется тогда, когда антоним лучше передает требуемый контекстуальный смысл, чем буквальный эквивалент. Применение антонимического перевода нередко сопровождается синтаксическими преобразованиями, а также заменой части речи: например, прилагательное может быть заменено на наречие, глагол – на существительное и наоборот, если этого требует структура предложения и нормы целевого языка.

Такие трансформации особенно актуальны в случае с «Демианом», где важную роль играют смысловые оппозиции: свет и тьма, добро и зло, внешний и внутренний мир. В контексте романа, наполненного символизмом и философскими антиномиями, антонимический перевод становится не просто техническим инструментом, но и важным средством сохранения художественной и концептуальной целостности текста при переходе на другой язык.

Антонимический перевод используется, чтобы устранить возможные конфликты между лексической и грамматической сочетаемостью языковых единиц в исходном и переводимом языках, что позволяет сохранить неизменным содержание текста [1, с. 53].

	Перевод С. К. Апта	Перевод Н. М. Берновской
<i>Mit ihm war eine Auseinandersetzung nicht nötig</i> [2].	<i>С ним никаких объяснений не требовалось</i> [3].	<i>Тут ничего не надо было выяснять</i> [4].

Перевод С. К. Апта представляет собой более традиционную адаптацию с элементами модуляции и конкретизации, но без полноценного антонимического преобразования. Второй перевод представляет собой более творческую трансформацию с элементами антонимического перевода: изменена перспектива высказывания: вместо констатации отсутствия необходимости *nicht nötig* используется запретительная форма «не надо».

	Перевод С. К. Апта	Перевод Н. М. Берновской
<i>Es war ein geträumtes Gesicht, das dabei herauskam, und ich war</i>	<i>Лицо, которое получилось, отвечало мечтам, и я не был им недоволен</i> [3].	<i>Так возникал образ моей мечты, и я не испытывал разочарования</i> [4].

nicht unzufrieden damit
[2].

Первый перевод более буквalen и сохраняет структуру оригинала, включая двойное отрицание. Второй же перевод демонстрирует классический антонимический прием, преобразуя двойное отрицание в утвердительную форму с антонимом *не недоволен* → *не испытывал разочарования*. Оба переводчика используют различные виды модуляции и грамматических трансформаций, однако, перевод Н. М. Берновской более литературен и естественен для русского языка. Антонимический перевод во втором варианте делает высказывание более ясным и выразительным, избегая неестественного для русского языка двойного отрицания.

	Перевод Апта С. К.	Перевод Берновской Н. М.
<i>Manchmal kann ich es kaum mehr aushalten</i> [2].	<i>Иногда я еще выдерживаю</i> [3].	<i>Это так тяжело, иногда мне кажется, что больше я не выдержу</i> [4].

В варианте перевода С. К. Апта можно наблюдать частичный антонимический перевод: преобразование отрицательной конструкции *kaum mehr* ‘едва ли еще’ в утвердительную ‘еще выдерживаю’. В переводе Н. М. Берновской используется полноценный антонимический перевод: *kaum mehr aushalten* ‘едва могу выдерживать’ → ‘больше не выдержу’ (полная инверсия значения); добавлено экспрессивное «Это так тяжело» как компенсация эмоциональной нагрузки. Первый вариант демонстрирует частичную антонимию, преобразуя отрицательную возможность в утвердительную, но теряя часть эмоционального содержания. Оба перевода допустимы, однако второй более литературен и эмоционально выразителен, точно передает психологическое состояние говорящего. Антонимический прием во втором варианте служит не просто заменой отрицания на утверждение, а становится инструментом передачи глубинного смысла высказывания.

В заключение следует подчеркнуть, что антонимический перевод представляет собой один из наиболее действенных и гибких способов передачи как смысловой, так и стилистической информации оригинального текста. Проведенный анализ свидетельствует о высокой эффективности этого приема при работе с художественной речью, насыщенной экспрессивными, эмоционально окрашенными и стилистически маркированными элементами. Антонимическая трансформация позволяет

передать скрытые нюансы значения, сохранить авторский стиль и обеспечить адекватное восприятие текста в культуре перевода.

Как видно из рассмотренных примеров, антонимический перевод не только помогает воспроизвести содержательное наполнение, но и активно участвует в передаче образной системы произведения, а также в создании стилистического соответствия между оригиналом и переводом. Его применение особенно актуально в тех случаях, когда дословный перевод приводит к потере семантической выразительности, нарушению ритмики или интонационной структуры фразы.

Кроме того, антонимический перевод требует от переводчика высокой степени языковой интуиции, лексической гибкости и чуткости к контекстуальным значениям. Умение распознать потенциал антонимической замены, грамотно интегрировать ее в общий переводческий процесс, а также сочетать с другими трансформационными стратегиями (такими как компенсация, экспликация, грамматическая перестройка и др.) позволяет добиться максимально точного и художественно адекватного результата.

Таким образом, антонимический перевод не только отражает интерпретацию текста переводчиком, но и демонстрирует его творческую индивидуальность, выступая в качестве мощного инструмента сохранения эстетического и содержательного богатства оригинала в условиях межъязыковой коммуникации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Рецкер, Я. И. Теория перевода и переводческая практика (очерки лингвистической теории перевода) / Я. И. Рецкер. – М. : Междунар. отношения, 1994. – 241 с.
2. Hesse, H. Demian: Die Geschichte von Emil Sinclairs Jugend / H. Hesse. – URL: <https://www.gutenberg.org/cache/epub/41907/pg41907-images.html> (Zugriffsdatum : 10.03.2025).
3. Гессе, Г. Демиан / Г. Гессе ; пер. с нем. С. К. Апта. – URL: http://loveread.ec/read_book.php?id=17201&p=1 (дата обращения: 10.03.2025).
4. Гессе, Г. Демиан / Г. Гессе ; пер. с нем. Н. М. Берновской. – URL: <https://mirbukv.net/chitat/sobranie-sochineniy-v-chetyrekh-tomah-tom-1-gesse?p=69#tx> (дата обращения: 10.03.2025).

[К содержанию](#)

П. А. ЗОСИМОВА

Брест, БГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – М. В. Ярошук

ПОЛИТКОРРЕКТНОСТЬ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ: ИНСТРУМЕНТ МИРА ИЛИ ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ МАСКА

Современная система международных отношений характеризуется высокой степенью глобализации, межкультурного взаимодействия и взаимозависимости. В этом контексте политкорректность выступает как механизм, способствующий предотвращению конфликтов, связанных с культурными, этническими и религиозными различиями. Однако критики утверждают, что политкорректность нередко используется как инструмент манипуляции, позволяющий государствам продвигать свои интересы, избегая открытого обсуждения спорных вопросов. Таким образом, возникает вопрос: является ли политкорректность в международных отношениях истинным инструментом мира или лишь дипломатической маской?

Политкорректность можно определить как набор норм и принципов, направленных на избегание языка и поведения, которые могут быть восприняты как оскорбительные или дискриминационные. В международных отношениях это понятие часто связано с использованием дипломатического языка, уважительного отношения к культурным и этническим различиям, а также с учетом чувствительности сторон в переговорах.

В связи с этим обратим внимание на основные функции политкорректности:

1. *Превентивная функция*. Политкорректность помогает предотвратить эскалацию конфликтов, связанных с межкультурными и межэтническими разногласиями.

2. *Дипломатическая функция*. Она способствует установлению диалога между сторонами, особенно в сложных или напряженных ситуациях.

3. *Имиджевая функция*. Государства используют политкорректность для укрепления своей репутации на международной арене.

Сторонники концепции «мягкой силы», такие как российский политолог А. В. Иванов, видят в политкорректности инструмент снижения напряженности. По мнению А. В. Иванова, уважение к культурным особенностям оппонента позволяет создавать платформу для диалога даже в условиях идеологических разногласий [1, с. 78].

Однако критики, включая С. К. Петрову, подчеркивают, что политкорректность часто становится инструментом двойных стандартов.

Как отмечает С. К. Петрова, за риторикой о «правах человека» и «международном праве» нередко скрывается стремление сильных игроков легитимировать вмешательство во внутренние дела суверенных государств. Ярким примером служит операция НАТО в Югославии (1999), где гуманитарная риторика использовалась для оправдания военных действий без санкции ООН [2, с. 120].

Политкорректность играет важную роль в поддержании мира и стабильности:

1. Снижает напряженность, помогает сгладить острые углы в переговорах и избежать открытых конфликтов.
2. Укрепляет доверие, поскольку использование уважительного языка способствует созданию доверительных отношений между сторонами.
3. Поддерживает международное право, а также способствует соблюдению норм международного права, таких как уважение к суверенитету и правам человека

Примером эффективного использования политкорректности можно считать переговоры по климатическим изменениям, где стороны избегают обвинений и вместо этого акцентируют внимание на совместных действиях, что подтверждается анализом докладов ООН [3, с. 125–136].

Но несмотря на свои преимущества, политкорректность имеет и отрицательные стороны. Она может использоваться как инструмент манипуляции, позволяющий скрывать истинные намерения государств.

Современные вызовы, такие как войны, экономические кризисы и климатические изменения, ставят перед международным сообществом вопрос о необходимости баланса между политкорректностью и прямолинейностью. С одной стороны, политкорректность необходима для поддержания диалога, с другой – излишняя осторожность может препятствовать оперативному решению кризисов.

Например, в ситуации с миграционным кризисом в Европе политкорректность позволила избежать открытых конфликтов между странами ЕС, но одновременно привела к замалчиванию проблем интеграции мигрантов.

Таким образом, политкорректность в международных отношениях является сложным и неоднозначным явлением. С одной стороны, она способствует диалогу, снижая эмоциональную нагрузку конфликтов. С другой – рискует превратиться в «языковую игру», за которой скрываются нерешенные противоречия.

Будущее политкорректности в международных отношениях зависит от способности государств находить баланс между уважением и честностью, дипломатией и прямотой. Только при условии такого баланса

политкорректность сможет стать подлинным инструментом мира, а не средством манипуляции.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Иванов, А. В. «Мягкая сила» и современная дипломатия: теория и практика / А. В. Иванов. – Москва: Издательство МГИМО, 2020. – 78 с.
2. Петрова, С. К. Реализм в международных отношениях: риторика и практика / С. К. Петрова. – СПб : Нестор-История, 2018. – 120 с.

[К содержанию](#)

Е. В. КУРИНЕНКО

Минск, БГЭУ

Научный руководитель – О. Л. Хаецкая

СТРАТЕГИИ ФОРМИРОВАНИЯ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ ЛОЯЛЬНОСТИ В ОАО АВИАКОМПАНИЯ «БЕЛАВИА»

В современной экономике активно обсуждаются актуальные маркетинговые вопросы, такие как снижение значения бренда для обеспечения лояльности клиентов. Это связано с постоянно растущей конкуренцией на рынке и изменениями в предпочтениях потребителей.

Привлечение новых клиентов становится сложнее ввиду развития Интернета и роста предложений. Лояльность потребителей является основой успешной компании, за счет нее растет прибыль. Однако в нынешних реалиях недостаточно предлагать лишь материальные выгоды, поскольку потребители становятся не только участниками, но и активными создателями маркетинга. Поэтому нынешние стратегии преобразуются в клиентаориентированные; растет стремление к выстраиванию эмоциональной связи с покупателем.

Приверженность бренду снижает восприимчивость к предложениям конкурентов, способствует созданию и поддержанию положительного имиджа компании. Преданные клиенты будут делиться положительным опытом от взаимодействия с определенной маркой, рекомендовать ее другим, тем самым формируя сильное сообщество потребителей.

Целью статьи является выявление стратегии формирования лояльности в авиакомпании «Белавиа» для разработки предложений по усовершенствованию действующих программ.

Многие исследователи рассматривают лояльность как «меру приверженности потребителя к бренду». Например, Д. Аакер считает, что лояльность показывает вероятность потребителя уйти к другому бренду [1]. Ф. Рейжельд описывает понятие лояльности как преданность

к определенному источнику ценностей, который потребитель не будет менять, будет предлагать его другим.

Современные ученые уделяют большое внимание психологической природе феномена лояльности.

Одним из наиболее распространенных и эффективных инструментов для установления долгосрочных отношений с потребителем является программа лояльности.

Программа лояльности – популярное средство проведения маркетинговых исследований, тестирования новых и обсуждения существующих продуктов, выявления проблем в существующих продуктах и оценки их эффективности. Любая программа лояльности имеет четкую цель увеличения прибыльности компании [3].

Материальные и нематериальные – эта два основных типа программ.

Программы денежного стимулирования являются достаточно дорогостоящими, менее эффективны и исключают создание прочной эмоциональной связи. Нематериальные поощрения способствуют более длительным и доверительным контактам, создают ощущение уникальности потребителя и позволяют чувствовать себя частью большого сообщества.

Основа для формирования лояльности клиентов в авиакомпании «Белавиа» – программа «Белавиа Лидер» с начислением бонусных баллов за полеты [2]. Участники могут стать обладателями серебряного и золотого уровней, в зависимости от регулярности полетов.

Баллы начисляются как за регулярные полеты, так и за пользование услугами партнеров. Их можно использовать для повышения класса обслуживания на борту, провоза дополнительного багажа, доступа в залы повышенной комфортности, ускоренного прохождения досмотра и др.

Следует отметить, что на белорусском рынке «Белавиа» является монополистом. В связи с этим можно предположить, что авиакомпания может успешно конкурировать и без программ лояльности. Однако монопольное положение не гарантирует устойчивого спроса ввиду наличия доступа к альтернативным видам транспорта и трансграничным услугам. Поэтому для долгосрочного успеха компании приверженность потребителей остается ключевым элементом стратегии развития. Более того, повторные покупки и приобретение дополнительных услуг чаще совершаются лояльными клиентами. Это способствует оптимизации расходов компании на привлечение новых пассажиров.

Для оценки удовлетворенности участников действующей программы было проведено анкетирование, включающее вопросы о регулярности полетов, уровне дохода респондентов, положительных и отрицательных аспектах «Белавиа Лидер», др.

На основе проведенного анализа выявлены негативные моменты: сложность в истолковании программы; трудности в отслеживании изменений и измерении личного результата; необходимость частых полетов для получения бонусов. Исследования показали, что клиенты, которые пользуются услугами авиакомпании до пяти раз в год, ограничены в накоплении достаточного количества баллов для получения бонусов от действующей программы. Более 60 % респондентов выявили желание стать участниками новых предложений от авиакомпании.

С целью повышения эффективности были предложены рекомендации по совершенствованию действующей программы лояльности.

В первую очередь следует рассмотреть возможность создания нескольких предложений для разных сегментов клиентов компании (тех, кто летает часто; тех, кто летает реже), поскольку нынешняя программа выгодна только часто летающим клиентам. Следует пересмотреть количество необходимых баллов для получения статусов, тем самым предоставив возможность ускоренного накопления в сезон высокого спроса и в рамках акций.

Для привлечения новых участников программы можно ввести пробные периоды и статусы, предоставляя каждому желающему возможность соприкоснуться с бонусной системой компании, оценить ее эффективность и принять решение о членстве.

Рекомендовано обновление сайта компании с разработкой удобного и современного интерфейса, исключающего сложности в навигации. Внедрение пошаговых инструкций упростит понимание и исключит неправильное истолкование условий программы, повысит количество вступающих в нее потребителей. Для большего удобства можно разработать мобильное приложение, в котором пользователи смогут быстро отслеживать личный результат, просматривать накопленные баллы и своевременно узнавать об обновлениях программы. Получение SMS-оповещений о новых акциях, новостях и предложениях «Белавиа» помогут создать ощущение уникальности и важности у каждого клиента.

Изложенные предложения разработаны с учетом современных тенденций и оценок участников программы; направлены на повышение эффективности действующих предложений авиакомпании и рост удовлетворенности. Их внедрение поможет повысить вовлеченность и приверженность действующих клиентов, а также будет способствовать привлечению новых. Рекомендации могут быть применены другими компаниями в сфере пассажироперевозок.

В заключение, формирование лояльности способствует улучшению имиджа компании, повышению ее репутации, росту повторных продаж и прибыли. В условиях высокой конкуренции формирование приверженности потребителей требует применения современных маркетинговых инструментов;

постоянного отслеживания изменений в потребностях и желаниях клиентов; разработки эффективных программ лояльности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Енокян, Т. А. Понятие и типы потребительской лояльности / Т. А. Енокян // Экономика и социум. – 2022. – № 10 (101)-1. – С. 355–357.
2. ОАО «Авиакомпания “Белавиа”» : [сайт]. – URL: <https://belavia.by> (дата обращения: 23.03.2025).
3. Агеева, Н. С. Маркетинговые инструменты формирования потребительской лояльности / А. С. Агеева, М. М. Воловская. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/marketingovye-instrumenty-formirovaniya-potrebitelskoy-loyalnosti/viewer> (дата обращения: 25.03.2025).

[К содержанию](#)

В. Д. РЫБАК

Минск, БГЭУ

Научный руководитель – О. Л. Хаецкая

КОММУНИКАТИВНАЯ КУЛЬТУРА ПЕДАГОГОВ-ЛИНГВИСТОВ СШ № 6 Г. СЛУЦКА

Коммуникативная культура – это совокупность норм, правил и установок, регулирующих эффективное взаимодействие в обществе, включая вербальные и невербальные формы общения. Она играет ключевую роль в межличностном взаимодействии, поскольку позволяет создать условия для взаимопонимания и продуктивного обмена информацией. Коммуникативная культура охватывает знания и навыки, этические аспекты общения, что способствует созданию атмосферы доверия и уважения. В контексте образования успешная коммуникация между преподавателем и студентами является основой эффективного учебного процесса.

В педагогической деятельности происходит интенсивный процесс профессионализации общения. Педагог постоянно осуществляет многогранную коммуникативную деятельность. Бессспорно, речевая составляющая имеет важное значение в системе профессиональной подготовки учителя. Профессионально-педагогическая коммуникация – это система органичного социально-психологического взаимодействия педагога и воспитуемых, содержанием которой является обмен информацией, оказание воспитательного воздействия, организация взаимоотношений с помощью коммуникативных средств [1]. Эффективность этого процесса определяется уровнем коммуникативной культуры педагога. Коммуникация в целостном педагогическом процессе выступает как средство решения учебных задач, социально-психологическое обеспечение учебно-воспитательного

процесса, способ организации взаимоотношений воспитателя и детей, обеспечивающих успешность обучения и воспитания. При решении учебных задач можно констатировать зависимость активизации обучения собственно дидактических и методических резервов от социально-психологических. Создание эффективного социально-психологического климата на уроке положительно сказывается на мотивации обучения, реализации методов, эффективности использования приемов и средств обучения. Весь процесс обучения опосредуется грамотно организованной коммуникативной ситуацией.

Развитие коммуникативной культуры у преподавателей повышает качество образовательного процесса, формирует более гармоничные отношения между преподавателями и студентами, создавая условия для совместного роста и обучения [2].

Демографические изменения, происходящие в мире, оказывают влияние на то, как каждая поколенческая группа воспринимает окружающий мир и какие ценности считает важными. Данные изменения затрагивают поведение людей в личной жизни, тем самым оказывая серьезное воздействие на рабочую среду.

В рамках данной статьи исследуется коммуникативная культура педагогов-лингвистов разных поколений: поколение X, родившееся с 1965 по 1982 год, поколение Y – с 1983 по 2000 г. и поколение Z – с 2001 по 2014 г.

Поколение X пришло в эпоху, когда начали активно развиваться новые методы обучения, и инновационные технологии все больше проникали в учебный процесс. Это время стало периодом перехода от старых традиционных методов к более гибким и интерактивным подходам. В 1980-х годах в преподавание иностранных языков стал внедряться коммуникативный метод, ориентированный на развитие навыков общения и активное использование языка в реальных жизненных ситуациях, что способствовало более живому и практико-ориентированному обучению. В процесс обучения стали активно вводиться игровые методики и использование мультимедийного подхода: языковые игры, ролевые ситуации и диалоги, обучающие программы и CD-диски с аудио- и видеоматериалами позволили углубить навыки аудирования и улучшить восприятие языка на слух. Эти методики помогали создать более динамичную и увлекательную атмосферу, что способствовало улучшению навыков общения и понимания иностранного языка [3].

Поколение Y, или «миллениалы», стало свидетелем стремительного развития Интернета и цифровых технологий, что оказало значительное влияние на их подход к обучению. Данное поколение склонно использовать смешанные методы, где сочетаются элементы традиционного и современного подходов. Одной из распространенных методик является

проектное обучение, основанное на практическом применении знаний. Миллениалы также активно используют коллaborативное обучение: групповые проекты, обсуждения, совместные задания стимулируют студентов к общению на иностранном языке и помогают развивать навыки командной работы, что совершенствует языковые навыки и способствует развитию коммуникативных и социально-когнитивных компетенций [4].

Поколение Z – поколение, для которого Интернет и мобильные устройства стали неотъемлемой частью повседневной жизни. Это поколение привыкло к постоянному доступу к информации и мгновенному получению обратной связи, что заметно влияет на их восприятие и подход к обучению. Для поколения Z важны динамичные, доступные и интерактивные методики. Одной из ключевых особенностей является геймификация: использование игровых элементов (видеоигры, квесты) для повышения мотивации и вовлеченности студентов в процесс. Персонализированное обучение через такие платформы как Duolingo или YouTube, позволяет адаптировать обучение под индивидуальные потребности студентов. Немаловажным трендом в обучении поколения Z является интеграция с искусственным интеллектом (AI). В последние годы наблюдается рост использования AI-ассистентов для изучения языка. Языковые ассистенты и разговорные платформы, такие как чат-боты и специализированные приложения, помогают студентам улучшать навыки общения и тренировать произношение. Эти технологии дают возможность учащимся проводить практику с виртуальными собеседниками и получать мгновенную обратную связь по их ошибкам [5].

Коммуникативная культура педагогов-лингвистов играет ключевую роль в организации образовательного процесса. Лингвисты, как специалисты в области языка, культуры и коммуникации, несут особую ответственность за формирование языковых и коммуникативных компетенций у своих студентов.

Одной из ключевых особенностей коммуникативной культуры педагогов-лингвистов является их способность к межкультурной коммуникации. Лингвисты обладают знаниями о языке и представлениями о культурных различиях, которые необходимо учитывать при преподавании. Особенно это актуально при обучении иностранным языкам, где культура и язык неразрывно связаны. Лингвистам необходимо учитывать культурные контексты, традиции и особенности общения в разных странах, чтобы студенты могли овладеть языком, тем самым научиться использовать его в соответствующих социальных и культурных ситуациях.

Неотъемлемой частью коммуникативной культуры педагога-лингвиста является профессиональный тик и культура взаимодействия.

Преподаватель иностранных языков, как правило, работает с разными группами студентов, что требует умения учитывать особенности их восприятия и взаимодействия с материалом. Лингвистический и культурный контексты требуют от педагога высокого уровня эмпатии, умения понимать эмоциональные реакции студентов и адекватно реагировать на их потребности. Важно, чтобы педагог проявлял внимание к каждому студенту, учил его индивидуальные особенности, например, уровень подготовки или личные переживания, что способствует созданию безопасной и эффективной образовательной среды.

Не менее важным аспектом является развитие языковой личности преподавателя. Лингвист представляет собой пример для студентов в корректности использования языковых средств, в грамотном построении речи, стилистическом оформлении высказываний и в уважительном отношении к культуре собеседника. Это требует от преподавателя высокого уровня самообразования и самосовершенствования, поскольку лингвисты часто являются образцом для студентов, особенно в вопросах профессионального поведения и культурного восприятия.

Данная статья посвящена выявлению особенностей коммуникативной культуры учителей-лингвистов СШ № 6 г. Слуцка. В рамках изучения обозначенной проблемы проведено анкетирование среди 14 учителей трех возрастных категорий: старшее поколение (старше 50 лет), представители средней возрастной группы (35–50 лет) и молодые специалисты (до 35 лет).

Для проведения исследования была разработана анкета, включающая 15 вопросов, направленных на изучение различных аспектов коммуникативной культуры учителей: стиль общения с учениками, взаимодействие с коллегами, использование современных технологий, а также восприятие различий и сходств в рабочих практиках.

На основании анализа ответов респондентов, можно констатировать следующее:

1. Отсутствие значительных различий между поколениями в коммуникативной культуре. Респонденты всех возрастных групп отмечают высокий уровень профессиональной солидарности и взаимопонимания. Это подтверждает гипотезу о том, что в коммуникации учителей разного возраста в СШ № 6 г. Слуцка отсутствуют серьезные трудности и каждый имеет возможность учиться и делиться опытом.

2. Сбалансированное общение с учениками и коллегами. Все педагоги, независимо от возраста, стремятся к открытой и доступной коммуникации, придерживаясь вежливого стиля взаимодействия. Это создает доверительную атмосферу и способствует лучшему пониманию как с учениками, так и с коллегами.

3. Активное использование технологий во всех возрастных группах. Независимо от поколения, педагоги активно применяют современные технологии в образовательном процессе, что свидетельствует о высоком уровне адаптации к изменениям в образовательной среде и готовности использовать инновационные методы для улучшения качества преподавания.

4. Профессиональная сплоченность. Педагоги разных возрастных групп демонстрируют высокий уровень профессионального взаимопонимания и сотрудничества. Это свидетельствует о том, что в коллективе СШ № 6 г. Слуцка преобладает культура партнерства, возрастные различия не становятся преградой для эффективного обмена опытом и совместной работы.

Респонденты отметили, что на эффективность их сотрудничества в меньшей степени влияет разница в возрасте: результативность определяется профессиональными и личностными качествами каждого педагога.

Таким образом, коммуникативная культура является важным фактором, влияющим на продуктивность педагогической деятельности. Учителя-лингвисты СШ № 6 г. Слуцка демонстрируют высокий уровень коммуникативной компетенции. Отсутствие значительных различий в коммуникативной культуре между поколениями способствует созданию гармоничной рабочей атмосферы, что положительно влияет на качество учебной, методической и воспитательной работы и способствует эффективное взаимодействие с учениками.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аухадеева, Л. А. Коммуникативная культура как компонент общей и профессионально-педагогической культуры учителя / Л. А. Аухадеева // Филология и культура. – 2006. – № 5. – С. 99–111. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnaya-kultura-kak-komponent-obschey-i-professionalno-pedagogicheskoy-kultury-uchitelya/viewer> (дата обращения: 25.03.2025).
2. Бондаревская, Е. В. Личностно-ориентированное образование: опыт разработки парадигмы / Е. В. Бондаревская. – Ростов н/Д, 1997. – 128 с.
3. Harmer, J. The Practice of English Language Teaching / J. Harmer. – 4th ed. – Pearson Longman, 2007. – 448 c.
4. Godwin-Jones, R. Chasing the butterfly effect: Informal language learning online as a complex system / R. Godwin-Jones // Language Learning & Technology. – 2018. – Vol. 22 (2). – P. 8–27.
5. Vandergrift, L. Developing Listening Skills: Theories and Practice / L. Vandergrift // Language Learning and Technology. – 2007. – Vol. 10 (2). – P. 1–22.

[К содержанию](#)

Е. В. САХАРЧУК

Брест, БГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – А. А. Буров

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА С НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ

Художественный текст представляет собой одну из наиболее сложных форм для перевода, поскольку его структура, стилистика и функции выходят далеко за рамки простого информационного сообщения. Как отмечает В. Н. Комиссаров, художественный перевод следует понимать как перевод произведения художественной литературы, т. е. текста, в котором языковая форма и эстетическая функция тесно взаимосвязаны [1]. Основной задачей переводчика в этом случае становится передача не только фактуального содержания, но и выразительных свойств языковых единиц, задействованных автором для воплощения художественного замысла.

Перевод художественного произведения сопряжен с рядом лингвистических и экстралингвистических трудностей, в том числе с необходимостью сохранения индивидуального стиля автора, особенностей его речевой манеры и культурно-исторического контекста. Л. Л. Нелюбин подчеркивает, что художественный перевод функционирует как элемент литературного процесса, являясь одновременно средством культурного освоения мира и формой сохранения коллективной памяти человечества. Он рассматривает его как «фактор самой культуры» [2, с. 246]. По мнению исследователя, главной задачей художественного перевода выступает «сохранение индивидуального своеобразия оригинала, его семантические и выразительные особенности» [2, с. 246], а также реализация межкультурного взаимодействия, поскольку художественный перевод представляет собой «особый вид коммуникативной деятельности» [2, с. 247].

Сходную позицию занимает Т. А. Казакова, определяя художественный перевод как единство содержания и формы оригинального текста. Она подчеркивает, что основное требование, предъявляемое к художественному переводу, – это передача «духа переводимого произведения», т. е. воссоздание его эмоционально-эстетического воздействия на читателя [3, с. 29]. Переведенный текст, по ее мнению, должен вызывать у реципиента такое же впечатление, как и оригинал у носителя языка источника. Важно отметить, что при художественном переводе недопустимы произвольные добавления, изъятия или искажения информации [3, с. 31], т. к. это нарушает авторский замысел.

Особую сложность представляет передача национального и исторического колорита, жанровых и композиционных особенностей произведения. Эти

элементы создают уникальную атмосферу текста, встроенную в определенную культурную и временную парадигму. Наряду с этим важную роль играет передача структурных особенностей, таких как композиция, ритм, синтаксическая организация и др., которые в художественном тексте часто функционируют как носители смысла.

Художественный перевод охватывает широкий спектр жанров: от прозы и поэзии до драматургии, и в зависимости от жанра различаются и подходы к переводу. Например, перевод поэзии требует сохранения ритма, рифмы и звуковой организации, в то время как прозаический текст может акцентировать внимание на стилистических нюансах и глубинных смыслах. Особенности перевода связаны также с использованием архаизмов, диалектизмов, неологизмов, реалий, иноязычных вставок и других маркеров художественной речи.

Согласно Т. А. Казаковой, успешная работа с художественным текстом предполагает владение переводчиком не только лингвистической компетенцией, но и широким культурологическим и литературоведческим кругозором. Он должен ориентироваться в истории и культуре изображаемого времени, быть осведомленным о художественных принципах и мировоззрении автора, владеть знаниями о психологии литературного творчества и понимать пределы между художественным и нехудожественным стилем [3, с. 11].

Художественный перевод требует творческого переосмыслиния оригинала, адаптации его к нормам языка перевода с учетом функционально-стилистических ресурсов последнего. При этом необходимо использовать все выразительные средства, доступные целевому языку, и при этом сохранять эстетико-эмоциональную насыщенность текста. Такая трансформация должна быть культурологически обоснована, отражая как лингвистические, так и культурные особенности оригинала [3, с. 11].

Дополнительные трудности в художественном переводе связаны с передачей имплицитной информации, т. е. скрытых смыслов, не выраженных прямо. Это может быть подтекст, который существует параллельно с основным смыслом высказывания, или так называемый вертикальный контекст – аллюзии, реалии, символы, устойчивые выражения, отсылки к историческим, мифологическим или литературным источникам, – все то, что требует от переводчика глубокой эрудиции и интуитивного чутья [4, с. 40–42].

Кроме того, при работе с оригиналом переводчику необходимо сохранить авторскую точку зрения и интонацию, передать пафос произведения – будь то героический, иронический, трагический или лирический. При этом важна точная передача лексических, грамматических и синтаксических особенностей оригинала, поскольку любые отклонения

могут исказить авторский замысел и повлиять на восприятие текста читателем.

Таким образом, художественный перевод представляет собой сложную, многоуровневую деятельность, требующую от переводчика не только языковой компетентности, но и глубокого понимания культуры, эстетики, художественных традиций и психологической структуры оригинала. Его основная цель – создание равноценного художественного произведения, способного вызвать у читателя такие же эмоции и ассоциации, какие вызывает оригинал у своей аудитории.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Комиссаров, В. Н. Современное переводоведение : учеб. пособие / В. Н. Комиссаров. – М. : ЭТС, 2012. – 424 с.
2. Нелюбин, Л. Л. Толковый переводоведческий словарь : словарь / Л. Л. Нелюбин. – 8-е изд., стер. – М. : Флинта, 2016. – 320 с.
3. Казакова, Т. А. Художественный перевод. Теория и практика : учебник / Т. А. Казакова. – СПб. : Инъязиздат, 2006. – 536 с.
4. Виноградов, В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы) / В. С. Виноградов. – М. : Ин-т общего среднего образования РАО, 2001. – 224 с.

[К содержанию](#)

В. Д. СЕЛЮЖИЦКАЯ

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – О. С. Корнеева

ЛИНГВОКОНФЛИКТОГЕННОСТЬ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ

В современном мире, где коммуникация играет ключевую роль в межличностных и межкультурных взаимодействиях, понятие лингвоконфликтогенности становится все более актуальным. Лингвоконфликтогенность охватывает языковые характеристики как письменной, так и устной коммуникации, которые способны инициировать конфликт или способствовать его эскалации. Важным аспектом данного явления являются лингвоконфликтогены – элементы, усиливающие конфликтный потенциал текста.

Лингвистический конфликтоген можно охарактеризовать как языковой элемент, который порождает конфликтные ситуации и приводит к их вербализации. Лингвоконфликтоген способен инициировать конфликт, превращая обычное общение в конфликтное взаимодействие.

В зарубежной научной литературе лингвоконфликтогенность рассматривается через призму термина *hate speech* – ‘язык ненависти’, ‘язык вражды’ или ‘риторика ненависти’. Этот термин описывает язык, который

направлен против определенных групп, унижая их достоинство и подстрекая к насилию или ненависти на основе таких характеристик, как внешний вид, религия, национальность, этническая принадлежность, сексуальная ориентация и гендерная идентичность. Языковая ненависть может проявляться в различных стилях общения, включая более тонкие формы или даже юмор.

Существует множество подходов к типологии конфликтогенов. В частности, О. П. Семенец выделяет три типа лингвистических конфликтогенов в зависимости от их природы: системные, узуальные и контекстуальные [1]. Системные конфликтогены включают полисемантические лексемы и регулярные метафорические переносы, которые могут вызывать различные конфликты, такие как недоразумения и разные интерпретации. Второй тип, узуальные конфликтогены, связан с особенностями региональных и территориальных диалектов, а именно: использование слов, фразеологических оборотов и грамматических конструкций, принятых в определенной языковой общности. В эту категорию также входят слова-регионализмы и феминитивы. Контекстуальные конфликтогены, в свою очередь, связаны с косвенными речевыми актами, где смысл высказывания зависит от контекста и подразумеваемого значения, а также от нарушения коммуникативных норм и недостатка фоновых знаний.

Например, местоимение *what*, хотя и не считается грубым в обычных вопросах, может приобрести конфликтогенный потенциал в определенных ситуациях. Одним из таких случаев является переспрос, когда слушатель не расслышал, что сказал собеседник. В этой ситуации правильными реакциями будут фразы *Pardon?*, *Pardon me?* или *Sorry?*. Использование *what* может восприниматься как грубо, т. к. в данном контексте оно может звучать как пренебрежение или раздражение по отношению к собеседнику и его высказыванию.

Нарушение коммуникативных норм может проявляться в ситуации отказа. В то время как в некоторых языках отказ от предложения о встрече может звучать прямо, например, *Нет, я не могу, я занят*, в английском дискурсе подобный отказ, как правило, смягчается с помощью вводных фраз, таких как *I'm afraid* или *I'm so sorry*. В результате формулировка отказа приобретает более вежливый оттенок и может звучать как *I won't be able to make it* или *I don't think I can make it*.

В. С. Третьякова предлагает альтернативную типологию конфликтогенов, классифицируя их по четырем уровням языка: просодическому, грамматическому, семантическому и лексическому. К конфликтогенам лексического уровня относится «употребление инвективной и негативно-оценочной лексики» [2]. Важно отметить, что инвективы и агрессивные

языковые средства также составляют значимую часть языка ненависти. Эта взаимосвязь подчеркивает, что понятия лингвистических конфликтогенов и языка ненависти имеют много общего, поскольку оба явления проявляются через использование оскорбительных и агрессивных слов.

Примерами грамматических конфликтогенов могут служить предложения с модальными глаголами. Когда необходимо попросить собеседника перезвонить позже, использование глагола *should* в качестве совета, *could* для вежливой просьбы или императива с *please* создает вежливый и дружелюбный тон. В то же время фраза *You'd better call me later* может быть воспринята как требование.

Глагол *must* также может функционировать как конфликтоген в контексте предоставления совета, поскольку он передает оттенок приказа. В этом случае использование модального глагола *should* является более предпочтительным, т. к. он выражает более вежливую и мягкую рекомендацию.

Императивная форма может преобразовать предложение в команду, что может быть неприятно для носителя языка. Для снижения конфликтогенности в таких случаях можно добавить слово *please*, однако наиболее эффективным подходом является полное избегание повелительного наклонения. Например, фраза *Wait please* звучит более вежливо, а *Just a second/moment (please)* представляет собой наилучший вариант.

В типологии конфликтогенов, предложенной О. В. Балясниковой, выделяются два основных типа: явные и неявные конфликтогены [3]. К явным конфликтогенам автор относит лексические, pragmaticальные и грамматические средства языка, которые ранее были выделены В. С. Третьяковой. О. В. Балясникова также отмечает, что воспринимающий текст способен легко распознавать конфликтогены в речи или тексте. Реакция на неявные конфликтогены менее предсказуема и зависит от индивидуальных характеристик слушателя или читателя, взаимодействующего с текстом, содержащим конфликтогенные элементы. Разделение на явные и неявные конфликтогены позволяет классифицировать их по степени конфликтогенности.

В качестве примера явного конфликтогена можно привести слово *gypsy*, которое, несмотря на свою широкую распространенность и повсеместное употребление, в настоящее время рассматривается как уничижительный и дискриминационный термин в отношении представителей цыганской национальности. Политкорректными и недискриминационными альтернативами являются слова *roma* и *romani*, которые более уважительно и точно отражают этническую принадлежность данной группы населения.

Конструкция *As I told you*, используемая как совет слушать более внимательно – пример неявного конфликтогена. *As I told you* передает

значение, что говорящий недоволен тем, что ему приходится повторяться. В этом случае она звучит довольно прямолинейно и пренебрежительно. *As previously mentioned...*, благодаря использованию пассивного залога, не обращается непосредственно к слушателю и звучит мягче. Следовательно, это более тактичный способ повторить информацию.

В заключение, понимание лингвоконфликтогенности и осознание различных типов конфликтогенов могут способствовать более эффективному и тактичному общению, снижая риск возникновения конфликтов в межличностных взаимодействиях. Это знание особенно важно в многоязычных и многокультурных обществах, где уважение и понимание различий играют ключевую роль в поддержании гармонии и взаимопонимания.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Семенец, О. П. Типы лингвистических конфликтогенов и их роль в речевых и психологических конфликтах / О. П. Семенец // Сибирский филологический форум. – 2021. – № 3 (15). – С. 15–32.
2. Третьякова, В. С. Конфликт как феномен языка и речи / В. С. Третьякова // Известия Уральского государственного университета. – 2003. – № 27. – С. 143–152.
3. Балысникова, О. В. Опыт психолингвистического исследования значения одного из ключевых слов конфликтогенного текста / О. В. Балысникова // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2015. – Т. 13, № 4. – С. 22–27.

[К содержанию](#)

В. А. ЦВЕТКОВА

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – М. В. Ярошук

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА НАУЧНЫХ ТЕКСТОВ

Научные тексты играют важную роль в развитии науки и технологий, поэтому их перевод требует особого внимания и профессионализма. Научным текстам стилистически свойственно четко и последовательно излагать материал. При этом лексические единицы, придающие тексту эмоциональную насыщенность, отсутствуют. Акцент делается на логическую составляющую, а не эмоциональную. Чтобы исключить возможность излагать предмет произвольно, все выразительные средства (эпитеты, метафоры, аллегории, перифразы и др.) не используются авторами научно-технической литературы.

При переводе научных текстов важно учитывать следующие характеристики:

1. *Точность и аккуратность.*

Перевод научных текстов требует предельной точности, т. к. любая ошибка или неточность может привести к искажению научной информации и негативным последствиям. Важно сохранить смысл и содержание оригинала, избегая двусмысленностей.

2. Техническая терминология.

Научные тексты содержат большое количество специализированной терминологии, которая должна быть правильно переведена. Переводчик должен быть хорошо знаком с терминологией в соответствующей области науки и техники.

3. Стиль и структура текста.

Научные тексты имеют специфический стиль и структуру, которые необходимо сохранить при переводе. Обычно такие тексты написаны в формальном и нейтральном стиле, с четким логическим построением и последовательностью изложения.

4. Культурные и языковые особенности.

Перевод научных текстов может потребовать учета культурных и языковых особенностей целевой аудитории. Это может включать адаптацию некоторых терминов или концепций для лучшего понимания читателем.

5. Использование справочной литературы.

Перевод научных текстов часто требует использования различных справочных материалов, таких как словари, энциклопедии и специализированные издания. Это помогает обеспечить точность и корректность перевода.

6. Профессиональные навыки переводчика.

Перевод научных текстов требует от переводчика не только хорошего знания языка и терминологии, но и глубокого понимания предметной области. Переводчик должен обладать аналитическими навыками и умением быстро находить необходимую информацию.

7. Рецензирование и редактура.

Для обеспечения высокого качества перевода научных текстов необходимо проводить рецензирование и редактуру переведенного текста. Это помогает выявить и исправить возможные ошибки и неточности, а также улучшить стиль и структуру текста.

Рассмотрим некоторые из данных аспектов детально. Необходимо помнить, что для того, чтобы качественно перевести научно-технический текст, специалисту необходимо быть компетентным в предмете, хорошо знать английскую терминологию и хорошо владеть русским литературным языком и терминологией в данном разделе науки. С точки зрения словарного запаса английский язык богат заимствованными терминами из иностранных языков (например, греческий и латинский языки), а также

понятиями, созданными учеными на базе данных языков с развитием науки и необходимостью новой терминологии. Кроме заимствованных слов научный дискурс включает в себя общелитературные английские слова, которые в научной сфере приобретают другую семантику. Например: в простом обиходе слово *pocket* ‘карман’, а в геологии ‘гнездо месторождения’ [1, с. 6].

Английские научно-технические тексты отличаются сложностью употребляемых конструкций, таких как герундиальные и инфинитивные обороты, особенностями синтаксиса и академической узконаправленностью. Например, в английском научно-техническом дискурсе преобладают личные формы глагола, тогда как русскому языку больше свойственны неопределенно-личные или безличные обороты.

You might ask why engineers have generally chosen to supply us with a. c. rather than d. c. for our household needs.

Можно спросить, почему для домашних надобностей обычно используется переменный, а не постоянный ток.

Все эти факторы затрудняют понимание материала и ставят перед переводчиком сложную задачу сохранить план содержания и значение, выраженное в исходном источнике и вместе с этим воспроизвести одну и ту же идею, концепт в переведимом тексте [2, с. 25]. Нередко возникают ошибки, которые искажают содержание первоначального текста или придают переведенному тексту иной смысл, трудный для понимания.

Необходимо учитывать, что языки различаются не только словарным запасом, но и представляют собой две уникальные системы восприятия мира, каждая со своим способом мышления и особенностями выражения мыслей. Если переводчик не принимает во внимание эти различия, перевод может оказаться неверным или ошибочным из-за несоответствия коммуникативных функций слов и их значений при преобразовании текста с одного языка на другой.

Использование словарного значения слова без учета влияния контекста является одной из наиболее часто встречающихся ошибок. Данные ошибки связаны с неправильным выбором эквивалентом лексических единиц, значение которых может изменяться в зависимости от контекста, что приводит к нарушению коммуникативной функции языка. Например, выражение *environmental management* следует перевести как *управление природопользованием*, а не *управление окружающей средой*. Вместе с тем в словосочетании *environmental safety* для перевода слова *environmental* используется другой эквивалент, и полный перевод этого словосочетания – *экологическая безопасность*. Многочисленные ошибки характерны для словосочетаний, содержащих многозначные слова, такие как *pattern*, *facilities*, *conditions*, *stakeholders*, *terms*, *effect*.

Одна из самых распространенных лексических ошибок возникает, когда при переводе переводчик берет словарное значение слова, не принимая во внимание контекст. Эта проблема, на которую обращали внимание многие исследователи, особенно заметно проявляется при использовании электронных словарей. Неправильный выбор эквивалентов лексических единиц, значение которых зависит от контекста, ведет к нарушению коммуникативной функции высказывания. Небольшая группа слов на двух языках, которые имеют схожее написание или звучание, обычно происходят от одного корня, но имеют разные значения, называется ложные друзья переводчика. Данное название – калька с французского. Оно появилось в 1928 г. в работе французских ученых М. Кесслера и Ж. Дерокини. С того времени в разных языках возникло множество других названий для обозначения данной категории слов. При переводе таких слов могут происходить ложные отождествления, поскольку межязыковые аналогии имеют некоторую графическую (или фонетическую), грамматическую, а часто и семантическую общность. Анализ примеров «ложных друзей» показывает, что наибольшее количество ошибок возникает при переводе интернациональной лексики. Интернациональные параллели характеризуются общностью смысловой структуры и поэтому легко переводятся. Многие интернациональные общенаучные слова, например *analysis, candidate, scenario, critical, originally, history, pioneer, revolutionary, practical, signal, traditionally* и пр., регулярно встречающиеся в научно-технических текстах, выступают в роли «ложных друзей переводчика». Эти английские слова совпадают с русскими параллелями в своих интернациональных значениях и поэтому легко отождествляются при переводе. Однако в результате перевода нередко возникают ложные эквиваленты, поскольку наряду с общностью в их смысловых структурах имеются и существенные различия, о которых переводчик часто забывает.

Рассмотрим явление ложных друзей переводчика на примере. В исходном тексте с минимальным контекстом встречается лексическая единица *permanent change*. Вариант, который предложил переводчик, звучит как *перманентное превращение*. Слово *permanent* имеет фонетический аналог в русском языке (*перманентный*), но словосочетание *перманентное превращение* не является устойчивым в русском языке. Поэтому примечание редактора *необратимое превращение* является верным, т. к. он учел лексическую и стилистическую сочетаемость единиц в целевом тексте.

Таким образом, многие из переводческих ошибок объясняются не только трудностями, связанными с характеристиками самого текста, но и применяемым переводчиками ошибочным подходом к переводу. Английские общенаучные интернационализмы представляют собой

уникальное явление в переводе, требующее детального изучения и описания. Исследование их использования в научно-технических текстах и сопоставительный анализ переводов показывают, что такие интернационализмы приобретают специфические качества в данной области. Они обогащаются новыми связями, образуют новые сочетания и часто требуют выбора переводных эквивалентов, которые не всегда можно найти в словарях. Это создает определенные сложности для переводчиков. Важно учитывать особенности этих слов, чтобы избежать неверных эквивалентов и минимизировать количество ошибок в переводе. Поэтому переводчику необходимо быть в курсе как закономерностей, так и методов перевода интернациональных английских слов. В заключение краткого анализа проблемы перевода научных текстов можно отметить, что изучение этой темы поможет решить ряд практических задач, с которыми сталкиваются переводчики в своей работе.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гилязиева, Г. З. Особенности перевода научных текстов : учеб. пособие / Г. З. Гилязиева, Д. А. Демидкина. – Казань : КГЭУ, 2019. – 77 с.
2. Бархударов, Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода) / Л. С. Бархударов. – М. : Междунар. отношения, 1975. – 240 с.

[К содержанию](#)

А. Г. ЦИКОРИДЗЕ

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Д. В. Архипов

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА АНГЛИЙСКИХ АББРЕВИАТУР И СОКРАЩЕНИЙ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

В условиях глобализации английские аббревиатуры и сокращения становятся неотъемлемой частью текстов самых разных сфер: научных, технических, деловых и повседневной коммуникации. Их компактность, многозначность и культурная обусловленность создают значительные трудности при переводе на русский язык, что делает эту тему актуальной для современной лингвистики и практики межкультурного общения. Перевод таких языковых единиц требует не только передачи их семантического содержания, но и учета контекста, прагматической функции и культурных особенностей, что подчеркивает сложность данного процесса.

Аббревиатуры и сокращения в английском языке отличаются разнообразием форм и функций и часто становятся самостоятельными лексическими единицами, утрачивая связь с исходным полным названием.

Аббревиатура представляет собой сокращенную форму слова или словосочетания, которая может быть инициальной (*NATO – North Atlantic Treaty Organization*, Организация Североатлантического договора), слоговой (*radar – radio detection and ranging*, ‘радиолокация’) или смешанной (*JPEG – Joint Photographic Experts Group*, ‘группа экспертов по фотографии’).

Сокращения же чаще ограничиваются усечением слова: *Prof.* – *Professor* (‘профессор’), *Dr.* – *Doctor* (‘доктор’). Как отмечает В. Н. Комиссаров, перевод аббревиатур осложняет необходимость сохранения коммуникативной цели текста [1]. В английском языке они также различаются по способу произношения: читаемые как слово (*NASA* – НАСА) или по буквам (*FBI* – Эф Би Ай), что влияет на их восприятие и адаптацию в русском языке. Кроме того, некоторые аббревиатуры со временем приобретают новый смысл, отдаляясь от первоначального значения, что требует от переводчика дополнительных знаний об их эволюции.

Основные стратегии перевода аббревиатур и сокращений включают несколько подходов. Первый – транслитерация, при которой сохраняется звуковая форма с адаптацией к русской орфографии: *NATO* – НАТО, *UNESCO* – ЮНЕСКО. Этот метод широко распространен в международных текстах и средствах массовой информации, однако он эффективен только при условии, что аудитория знакома с исходным значением.

Второй подход – пояснительный перевод, раскрывающий полное содержание: *NASA* ‘Национальное управление по аeronавтике и исследованию космического пространства’.

Третий – полный перевод, когда создается эквивалент на русском языке: *AI (Artificial Intelligence)* ‘искусственный интеллект’, *RAM (Random Access Memory)* ‘оперативная память’. По мнению Р. К. Миньяр-Белоручева, выбор метода перевода зависит от коммуникативной ситуации и целевой аудитории [4].

Наконец, в редких случаях используется создание функционального аналога: *PhD (Doctor of Philosophy)* – ‘доктор философии’ или ‘кандидат наук’ в зависимости от контекста. Выбор стратегии определяется жанром текста, степенью известности аббревиатуры и ожиданиями читателя. Например, *ASAP (As Soon As Possible)* в деловой переписке часто остается без перевода, тогда как в художественном тексте предпочтителен перевод ‘как можно скорее’.

Перевод аббревиатур и сокращений связан с рядом проблем. Одной из ключевых является их многозначность: *PC* может означать *Personal Computer* (‘персональный компьютер’) или *Politically Correct*

(‘политкорректный’), и ошибка в интерпретации контекста приведет к искажению смысла.

Культурная специфика также играет важную роль. Например, DIY (*Do It Yourself* ‘сделай сам’) отражает западную традицию самостоятельности, что требует пояснения или адаптации для русскоязычной аудитории. Отсутствие прямых эквивалентов в русском языке вынуждает переводчиков прибегать к описательным конструкциям, как в случае с IRS (*Internal Revenue Service* – «Налоговая служба США»).

Еще одна сложность связана с влиянием автоматизированных систем перевода, таких как Google Translate, которые часто предлагают некорректные варианты, игнорируя контекст. Дж. Кэтфорд подчеркивает важность культурной адаптации в процессе перевода [2], что особенно актуально для аббревиатур, несущих социокультурную нагрузку. Нередко переводчику приходится учитывать и временной аспект, т. к. значение аббревиатур может меняться в зависимости от эпохи или актуальных событий.

Контекст и прагматические аспекты существенно влияют на перевод. В технических текстах аббревиатура CPU (*Central Processing Unit*) переводится как ‘центральный процессор’, тогда как в общем контексте может остаться ЦПУ с пояснением. В неформальной речи сокращения вроде LOL (*Laughing Out Loud* ‘смеюсь вслух’) часто сохраняются без перевода, отражая проникновение английского сленга в русский язык.

Косвенные речевые акты также могут быть задействованы: вместо прямого “What does ASAP mean?” переводчик может использовать «Не могли бы вы пояснить значение ASAP?», что звучит мягче и соответствует нормам русской вежливости. В. Г. Костомаров указывает на необходимость культурной компетенции в переводе аббревиатур [3]. Помимо этого, важную роль играет жанровая принадлежность текста, которая определяет, насколько подробно следует раскрывать значение аббревиатуры для целевой аудитории.

Навыки перевода аббревиатур и сокращений востребованы в условиях цифровой трансформации и роста международного обмена информацией. Ошибки в переводе могут привести к недопониманию в профессиональной сфере, например, в ИТ или медицине, где точность терминологии критически важна. Обучение будущих переводчиков должно включать анализ реальных текстов и практику выбора стратегий в зависимости от контекста.

Таким образом, перевод английских аббревиатур и сокращений на русский язык представляет собой многогранный процесс, требующий комплексного подхода. Успех зависит от умения переводчика учитывать семантику, контекст, культурные особенности и прагматические цели текста. Этот процесс отражает не только лингвистические, но

и социокультурные различия между языками, подчеркивая важность межкультурной компетенции в современной коммуникации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Комиссаров, В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) / В. Н. Комиссаров. – М. : Выш. шк., 1990. – 253 с.
2. Catford, J. C. A Linguistic Theory of Translation: An Essay in Applied Linguistics / J. C. Catford. – London : Oxford University Press, 1965. – 124 р.
3. Костомаров, В. Г. Язык и культура: лингвострановедческий аспект / В. Г. Костомаров, Н. Д. Бурвикова. – М. : Рус. яз., 2001. – 148 с.
4. Миньяр-Белоручев, Р. К. Теория и методы перевода / Р. К. Миньяр-Белоручев. – М. : Моск. лицей, 1996. – 208 с.

[К содержанию](#)

АКТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ДИСКУРСА

В. В. АПАНОВИЧ

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Е. Н. Стрижевич

ДИСКУРСИВНЫЕ МАРКЕРЫ КАК ИНСТРУМЕНТ МОЛОДЕЖНОЙ ОНЛАЙН-КОММУНИКАЦИИ

Современная коммуникация все больше перемещается в цифровое пространство, где молодежь выступает основным драйвером языковых инноваций. В условиях краткости и динамичности онлайн-общения особую роль играют дискурсивные маркеры – элементы, организующие речь, передающие эмоции и укрепляющие групповую идентичность. Их изучение позволяет понять, как язык адаптируется к новым реалиям и какие стратегии используют молодые люди для эффективного взаимодействия. Цель данной статьи – определить ключевые функции дискурсивных маркеров в молодежном онлайн-дискурсе, проанализировать их источники и особенности использования в различных цифровых контекстах.

Дискурс понимается как сложное коммуникативное явление, объединяющее текст, контекст и социальные практики. Дискурсивный анализ, по определению Т. ван Дейка, фокусируется на изучении взаимосвязи между языком, мышлением и обществом [1, с. 34]. В рамках данного подхода дискурсивные маркеры рассматриваются как элементы, которые не только передают информацию, но и формируют оценку, выражают отношение говорящего и отражают культурные стереотипы.

Дискурсивные маркеры – это лексические или графические элементы, структурирующие речь, указывающие на отношение говорящего

к сообщению или собеседнику, а также регулирующие ход диалога. Как отмечает Е. А. Земская, в интернет-коммуникации маркеры часто выполняют компенсаторную функцию, заменяя невербальные сигналы [1, с. 34]. Например, эмодзи или стикеры визуализируют эмоции, а частицы вроде «типа» или «короче» смягчают категоричность высказываний. Дискурсивные маркеры, или же связующие элементы, играют важную роль в организации и структуре общения. Они служат для управления потоками информации, обозначения отношений между высказываниями и помогают слушателям ориентироваться в контексте. В молодежной среде, где коммуникация часто происходит в неформальном стиле, дискурсивные маркеры имеют свои особенности и специфические функции.

Дискурсивные маркеры выполняют ряд функций, которые являются весьма актуальными в молодежной среде. Они помогают организовать информацию, выделяя ключевые моменты и обеспечивая логическую связь между высказываниями. Использование маркеров позволяет устанавливать эмоциональную дистанцию, демонстрировать согласие или несогласие, а также управлять паузами в разговоре. Молодежь нередко использует дискурсивные маркеры для обозначения своих намерений, например, «я хочу сказать», «мне кажется», что помогает уточнять мысли и предотвращать недопонимания.

Молодежный дискурс в Сети характеризуется высокой креативностью, ориентацией на скорость и экономию языковых средств. Сокращения («*спс*» вместо «спасибо»), заимствования из английского («*лол*», «*омг*»), а также гибридные формы («*рофлить*») становятся маркерами принадлежности к определенной субкультуре. Исследователь С. Херринг подчеркивает, что в цифровой среде коммуникация тяготеет к конвергенции устной и письменной речи, что усиливает роль маркеров как инструментов интерактивности [2, р. 15].

Анализ переписок в мессенджерах и соцсетях выявляет несколько категорий маркеров:

1. Эмоциональные: эмодзи 😊, повторяющиеся знаки препинания (!!!), междометия («*вау*», «*ого*»).
2. Структурирующие: «*кстати*», «*вообще*», «*типа*» (используются для введения темы или смягчения критики).
3. Групповые идентификаторы: сленг («*краш*», «*чилишь*»), мемы, англицизмы.
4. Иронические: кавычки для дистанцирования («*ну ты «гений»*»), саркастичные хештеги (#*спасибопонял*).

Как показывает исследование Л. П. Крысина, заимствованные маркеры часто адаптируются через транслитерацию или калькирование, сохраняя связь с глобальной интернет-культурой [3, с. 89].

Дискурсивные маркеры в онлайн-общении выполняют несколько ключевых задач:

- организация диалога: маркеры «ок», «ясн» сигнализируют о завершении реплики;
- эмоциональная компенсация: смайлы заменяют мимику, а капс (ЗАГЛАВНЫЕ БУКВЫ) передает интенсивность эмоций;
- идентификация группы: использование специфического сленга («краши», «хейтить») создает чувство общности;
- снижение конфликтности: частицы «вроде», «как бы» делают высказывания менее категоричными.

Цифровизация ускоряет процессы языковой адаптации. Так, мемы становятся мультимодальными маркерами, сочетающими текст и изображение, а стриминговые платформы порождают новые формы (например, донаты с комментариями в стиле «спасибо за контент!»). Исследователи отмечают, что маркеры все чаще заимствуются из геймерской культуры и видеоблогинга, что отражает междисциплинарный характер онлайн-коммуникации [4, с. 112].

Дискурсивные маркеры в молодежной онлайн-коммуникации выступают важным инструментом адаптации языка к условиям цифровой среды. Они сочетают функции организации диалога, эмоциональной экспрессии и социальной идентификации, отражая влияние глобальных трендов и локальных субкультур. Дальнейшие исследования могут быть направлены на анализ региональных особенностей таких маркеров, а также их роль в образовательных и профессиональных цифровых практиках молодежи.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Земская, Е. А. Язык и коммуникация в цифровую эпоху / Е. А. Земская. – М. : Яз. славян. культуры, 2018. – 256 с.
2. Computer-Mediated Communication : Linguistic, Social, and Cross-Cultural Perspectives / ed. S. C. Herring – Amsterdam: John Benjamins, 1996. – 324 p.
3. Крысин Л. П. Иноязычные слова в современном русском языке / Л. Н. Крысина. – М. : Наука, 2019. – 176 с.
4. Смирнова Е. В. Интернет-лингвистика: Теория и практика / Е. В. Смирнова. – СПб. : Питер, 2021. – 198 с.

[К содержанию](#)

Е. А. БОРИСОВСКАЯ

Минск, МГЛУ

Научный руководитель – Т. А. Козлова

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ НАИМЕНОВАНИЙ БОЛЕЗНЕЙ В ГАЗЕТНОМ ТЕКСТЕ

В современном обществе язык газетных публикаций выполняет несколько функций: он не только информирует читателей о научных достижениях и медицинских угрозах, но и формирует общественное мнение, поднимает вопросы этики и социальной справедливости, а также усиливает эмоциональное воздействие на аудиторию. Анализ контекстов употребления слова *disease* ‘болезнь’ позволяет выявить, как через язык передаются научные, эмоциональные и социальные смыслы, связанные с феноменом болезни.

Материалом исследования выступают 100 контекстов, содержащих слово *disease* ‘болезнь’ в газетных публикациях, представленных в корпусе ‘British National Corpus’. Данные контексты позволяют изучить широкий спектр значений этого термина, провести лингвистический анализ, учитывающий как терминологическое, медицинское, так и нетерминологическое употребление слова.

На основании контекстов употребления слова *disease* ‘болезнь’ установлена актуализация следующих сем:

1) ‘**пораженный участок тела**’ (13 контекстов):

а) ‘сердце’ (5 контекстов): *heart disease* ‘болезнь сердца’;

б) ‘кости’ (2 контекста): *bone disease* ‘заболевание костей’;

в) ‘нервная система’ (2 контекста): *nerve disease* ‘заболевание нервной системы’, *motor neurone disease* ‘заболевание двигательных нейронов’;

г) ‘печень’ (1 контекст): *liver disease* ‘заболевание печени’;

д) ‘кровеносные сосуды’ (1 контекст): *arterial disease* ‘артериальное заболевание’;

е) ‘почки’ (1 контекст): *kidney disease* ‘болезнь почек’;

ж) ‘глаза’ (1 контекст): *retinal disease* ‘заболевание сетчатки’;

2) ‘**тип**’ (5 контекстов):

а) ‘смертельные болезни’ (3 контекста): *killer disease* ‘смертельная болезнь’, *died from the disease* ‘умер от болезни’, *deadliest form of the disease* ‘самая смертельная форма болезни’;

б) ‘злокачественные заболевания’ (1 контекст): *malignant disease* ‘злокачественное заболевание’;

в) ‘излечимые болезни’ (1 контекст): *disease can be cured* ‘болезнь можно вылечить’;

г) ‘хронические заболевания’ (1 контекст): *chronic disease* ‘хроническое заболевание’;

3) ‘способ передачи’ (5 контекстов):

а) ‘воздушно-капельный путь’ (1 контекст): *risk of this disease being airborne* ‘риск заражения этим заболеванием воздушно-капельным путем’;

б) ‘половой путь’ (3 контекста): *sexually transmitted disease* ‘заболевания, передающиеся половым путем’, *venereal disease* ‘венерическое заболевание’, *developed through promiscuous sexual behaviour* ‘развивается в результате беспорядочного сексуального поведения’;

в) ‘пищевой путь’ (1 контекст): *the risks of eating beef* ‘опасность употребления говядины’;

4) ‘распространенность’ (4 контекста):

а) ‘редкие заболевания’ (2 контекста): *rare sleeping disease* ‘редкое сонное заболевание’, *rare bone disease* ‘редкое заболевание костей’;

б) ‘массовые заболевания’ (2 контекста): *kills 65 children and leaves 150 permanently brain damaged every year* ‘ежегодно убивает 65 детей и оставляет 150 детей с необратимыми повреждениями мозга’, *killing one in 10 sufferers and leaving one in seven severely handicapped* ‘убивает одного из десяти заболевших и оставляет каждого седьмого тяжелобольным’;

5) ‘субъект’ (1 контекст):

а) ‘животные’ (1 контекст): *mad cow disease* ‘коровье бешенство’.

Слово *disease* ‘болезнь’ часто используется в переносном значении, чтобы описать социальные явления или проблемы: *British disease* ‘британская болезнь’ – метафора для обозначения забастовок, которые считались «недугом» британского общества; *disease of obscurity* ‘болезнь неизвестности’ – использование слова в метафорическом контексте для обозначения размытости, бесполезности.

Газетные тексты акцентируют внимание на том, как образ жизни влияет на заболеваемость. Примеры из текста подчеркивают связь между поведенческими привычками и развитием серьезных заболеваний: *heart disease in severely obese people who cannot control their desire for fattening foods* ‘заболевания сердца у людей с тяжелым ожирением, которые не могут контролировать свое желание употреблять жирную пищу’ – упоминание ожирения как поведенческого фактора риска подчеркивает роль диеты и самоконтроля в предотвращении сердечно-сосудистых заболеваний; *liver diseases caused by alcohol* ‘заболевания печени, вызванные алкоголем’ – указывается на прямую связь между злоупотреблением алкоголем и поражением печени.

Другим важным социальным аспектом является связь между бедностью и распространением болезней. Газетные тексты подчеркивают эту взаимосвязь, акцентируя внимание на уязвимых группах населения: *children*

under threat from poverty and disease ‘дети, находящиеся под угрозой нищеты и болезней’ – акцентируется связь бедности с повышенной уязвимостью детей к заболеваниям, подчеркивается, что экономические трудности делают их менее защищенными. Количество соотношение актуализированных в семантике лексемы *disease* ‘болезнь’ сем при ее функционировании в газетных текстах представлено на рисунке.

Рисунок – Соотношение актуализованных в газетном тексте сем лексемы *disease* ‘болезнь’

Роль социальных аспектов, установленная на основании данных текста, показывает, что здоровье не ограничивается медицинскими факторами, а глубоко связано с образом жизни и социально-экономическими условиями. Поведенческие факторы, такие как злоупотребление алкоголем или малоподвижный образ жизни, подчеркивают личную ответственность, тогда как бедность подчеркивает системную природу проблем здравоохранения. Газетные публикации, таким образом, не только информируют о болезнях, но и создают контекст для обсуждения общественных проблем, предлагая читателям задуматься о более широких аспектах, влияющих на здоровье.

В текстах наиболее часто упоминаются конкретные заболевания и пораженные системы организма, что подчеркивает медицинский характер употребления слова. Важную роль играет указание на тяжесть и степень серьезности болезней, что повышает эмоциональное воздействие на читателя.

[К содержанию](#)

А. А. ВОЛОСЮК

Брест, БГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – М. В. Ярошук

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ КАК ИНСТРУМЕНТ ВОЗДЕЙСТВИЯ В МЕДИА

В данной статье рассматривается роль фразеологических конструкций как мощного инструмента воздействия в современном медийном дискурсе. Анализируются лингвистические особенности фразеологизмов, их стилистическая функция и психологическая обусловленность восприятия. Особое внимание уделяется тому, как устойчивые выражения способствуют усилению эмоциональной окраски информационного посыла, формированию коллективного сознания и даже незаметному манипулированию общественным мнением. Рассматриваемые примеры из отечественной и зарубежной практики демонстрируют, что использование фразеологизмов помогает медиасреде создавать яркие, запоминающиеся образы, вызывающие мгновенный отклик аудитории.

Язык всегда являлся важнейшим инструментом формирования общественного сознания, а медиа – главным посредником в процессе коммуникации. В условиях информационного перенасыщения именно доступ к культурно насыщенным и эмоционально заряженным фразеологическим конструкциям позволяет средствам массовой информации создавать сообщения, вызывающие доверие и быстро западающие в память. Фразеологизмы, благодаря своей устойчивости и богатству смыслов, играют двойную роль: с одной стороны, они позиционируются как элемент художественной выразительности, с другой – служат инструментом влияния и даже манипуляции.

Фразеологизмы представляют собой устойчивые сочетания слов, смысл которых в большей степени определяется их целостностью, нежели значениями входящих в них компонентов. Такая структура обуславливает их идиоматичность: смысл фразеологической единицы выходит за рамки буквального толкования и содержит культурно-исторически обусловленные, эмоциональные коннотации. Именно эти особенности позволяют фразеологическим конструкциям функционировать как «ярлыки», мгновенно вызывающие в сознании собеседника определенный образ или эмоциональную реакцию. Таким образом, устойчивость выражений является залогом их эффективности в передаче как информационного, так и эмоционального содержания.

В современной медийной среде использование фразеологизмов выполняет несколько задач. Во-первых, они служат для усиления

выразительности публикаций. Привлечение внимания через знакомые и яркие выражения помогает сформировать эмоциональный фон, способствующий запоминанию информации. Во-вторых, фразеологизмы часто используются для создания эффекта достоверности: устоявшиеся в языке конструкции воспринимаются аудиторией как проверенные и «авторитетные» информационные маркеры.

Многие современные тренды в журналистике, рекламе и PR включают в себя сознательное использование фразеологизмов с целью упрощения восприятия сложных идей и формирования позитивного или негативного отношения к обсуждаемым событиям. Например, выражения вроде «переломный момент», «точка невозврата» или «идти в ногу со временем» не только структурируют сообщение, но и вызывают автоматическую ассоциацию с определенными эмоциональными переживаниями. Таким образом, использование фразеологических конструкций становится средством как стилистического оформления, так и стратегического воздействия, что особенно актуально в эпоху информационной борьбы за внимание аудитории.

С психологической точки зрения, фразеологические единицы играют роль когнитивных сокращений, позволяющих мозгу быстро интерпретировать и категоризировать информацию. Знакомые выражения активируют уже выработанные схемы восприятия, что способствует мгновенному эмоциональному отклику без длительной аналитической обработки. В условиях быстротечной информационной среды такой механизм существенно повышает эффективность коммуникации: употребление устойчивых конструкций позволяет СМИ передавать сложные эмоциональные и смысловые оттенки в минимально возможное время.

Кроме того, устойчивость фразеологизмов делает их идеальными для формирования коллективного культурного кода. Общее знание и понимание таких выражений способствует сплочению аудитории, формируя чувство принадлежности к определенной социальной или культурной группе. Это особенно важно при формировании общественного мнения, когда медиаобращения ориентируются на массовое сознание.

Анализируя современные медиаплатформы, можно выделить несколько ключевых примеров использования фразеологических конструкций:

- 1. Новости и аналитика.* Журналисты используют устойчивые выражения для создания эффекта драматизма и значительности происходящих событий. Выражения вроде «кризис доверия», «момент истины» или «поворотный момент» служат инструментами воздействия, позволяющими подкреплять эмоциональную составляющую новостей.

- 2. Рекламные кампании.* В рекламе фразеологизмы используются для формирования позитивного образа продукта. Например, фразы типа

«аппетит начинается с заголовка» или «лучше один раз увидеть» мгновенно вызывают ассоциации, способствующие запоминанию рекламного посыла.

3. *Социальные медиа*. В условиях цифровой коммуникации использование коротких, емких фразеологических конструкций повышает вовлеченность аудитории. Мемы, слоганы и вирусные видео часто включают устойчивые выражения, благодаря которым сообщение становится мгновенно узнаваемым и легко распространяемым.

Эти примеры демонстрируют, что фразеологические конструкции не только украшают язык, но и активно формируют смысловое и эмоциональное восприятие публики, становясь незаменимым инструментом медиаправительства.

Фразеологические конструкции в медийном дискурсе представляют собой эффективное средство воздействия, которое позволяет не только усиливать эмоциональную окраску информационных сообщений, но и создавать глубокие культурно-смысовые ассоциации в сознании аудитории. Устойчивость, идиоматичность и богатство коннотаций делают их универсальным инструментом в современном информационном пространстве. Однако, учитывая их силу, важно осознавать и возможные риски манипулирования общественным мнением, что требует повышения уровня медиаграмотности и критического восприятия таких языковых приемов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Миронова, Н. Н. Дискурс-анализ оценочной семантики / Н. Н. Миронова. – М. : Тезариус, 1997. – 158 с.
2. Добросклонская, Т. Г. Медиадискурс как объект лингвистики и межкультурной коммуникации / Т. Г. Добронсклонская // Вестник Московского университета. Серия 10, Журналистика. – 2006. – № 2. – С. 20–33.
3. Дзялошинский, И. М. Проективная деятельность в структуре журналистского творчества / И. М. Дзялошинский // Деловая пресса России: настоящее и будущее : сб. ст. М., 1999. – С. 185–227. – URL: <http://www.dzylosh.ru/01-comm/books/delow-pressa/3-dzylochinskii.html> (дата обращения: 22.02.2025).

[К содержанию](#)

К. В. ГОМЗЮК

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Н. Н. Столярчук

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СЛЕНГА В СОВРЕМЕННОМ АНГЛОЯЗЫЧНОМ ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСЕ

Сленг представляет собой неформальный вариант языка, который часто используется в разговорной речи и отражает специфические аспекты культуры и общества. Он может включать в себя уникальные слова, фразы

и выражения, которые сложно понять людям, не принадлежащим к данной социальной группе. Сленг играет важную роль в общении, позволяя выразить индивидуальность, принадлежность к определенной группе и создавать близость между собеседниками [1, с. 50].

Интернет стал мощным катализатором для распространения и эволюции сленга. Платформы социальных медиа, чаты и форумы обеспечивают быстрый обмен информацией, что способствует быстрому распространению новых сленговых выражений и их адаптации в различных сообществах. Онлайн-культура, мемы и игровые сообщества влияют на формирование новых слов и фраз, которые становятся актуальными и популярными в разговорной речи пользователей.

Сленг на протяжении веков эволюционировал в англоязычных странах, начиная с простых выражений и терминов, используемых в определенных группах, до сложных форм, которые отражают культурные изменения и социальные тренды. Первые задокументированные примеры сленга относятся к XVIII веку, когда слово «сленг» стало применяться по отношению к языку преступного мира. С тех пор сленг развивался параллельно с изменениями в обществе, включая войны, экономические кризисы и социальные движения, формируя уникальные выражения для различных субкультур [2, с. 14].

С началом цифровой эры и развитием Интернета сленг стал развиваться с огромной скоростью. Платформы, такие как форумы, мессенджеры и социальные сети, предоставили пользователям возможность обмениваться сообщениями мгновенно. Новые технологии способствовали появлению уникальных терминов, связанных с интернет-культурой, геймерскими сообществами и молодежными трендами. Мемы, вирусные видео и онлайн-игры стали основными источниками новых сленговых выражений, которые быстро распространялись и адаптировались в повседневной речи.

Современный сленг характеризуется разнообразием лексики, которая часто включает заимствованные слова, сокращения и неформальные выражения. Многие термины имеют специфическое значение в определенном контексте, что делает их трудными для понимания за пределами данной группы. Грамматические структуры сленга могут отличаться от стандартного языка, включая использование нестандартных форм глаголов и разговорных конструкций. Это создает уникальную динамику общения и способствует формированию идентичности среди пользователей [3, с. 12].

Сленг выполняет несколько важных функций в интернет-коммуникации. Он служит средством самовыражения и позволяет пользователям устанавливать эмоциональную связь друг с другом. Сленг

также помогает создать чувство принадлежности к определенной группе, обеспечивая идентификацию среди участников сообщества. Более того, использование сленга может быть связано с желанием подчеркнуть индивидуальность или создать неформальную атмосферу в общении. Важно отметить, что сленг может также использоваться для преуменьшения значения, создания иронии и юмора, что делает общение более живым и интересным.

Социальные сети, такие как Twitter, Instagram и TikTok, играют важную роль в распространении и популяризации сленга. Каждая из этих платформ имеет свои уникальные особенности, которые влияют на использование сленга. В Twitter, например, ограничение по количеству символов способствует созданию коротких и емких выражений. Instagram позволяет использовать визуальный контент для поддержки сленговых терминов, а в TikTok популярны мемы и музыкальные треки, которые становятся катализаторами новых сленговых слов и фраз.

В игровых сообществах и на форумах сленг также активно используется для обозначения игровых терминов, стратегий и культурных феноменов. Игроки создают уникальный язык, который позволяет быстро обмениваться информацией и строить социальные связи. «Сленг в играх часто включает акронимы, сокращения и жаргонные слова, что помогает участникам быстрее общаться и понимать друг друга в процессе игры» [3, с. 27].

В мессенджерах и чатах сленг находит свое место в повседневном общении пользователей. Быстрая и неформальная природа этих платформ способствует активному использованию сокращений, эмодзи и неформальных выражений. «Сленг в мессенджерах позволяет создать легкую атмосферу общения, а также выражать эмоции и настроения с помощью специфических фраз и символов, что делает общение более живым и интерактивным» [3, с. 75].

Молодежная культура играет ключевую роль в создании и распространении сленга. Молодежные группы часто стремятся выделиться и выразить свою идентичность, что ведет к использованию уникальных слов и фраз. Сленг становится инструментом, позволяющим молодежи установить принадлежность к определенной социальной группе и отличаться от старших поколений. Тренды, движения и субкультуры, такие как хип-хоп, панк и другие, также вносят свой вклад в развитие сленга, служа источником новых выражений и терминов, которые быстро становятся популярными.

Поп-культура и мемы оказывают значительное влияние на формирование современного сленга. Фильмы, музыка, телепередачи и интернет-мемы предлагают новые слова и фразы, которые становятся частью повседневного языка. Мемы, в частности, часто содержат

ироничные или шутливые элементы, что способствует созданию уникального языка, понятного лишь определенным кругам. Таким образом, «поп-культура и мемы не только отражают существующий сленг, но и активно формируют его, создавая новые языковые тренды» [3, с. 71].

Учитывая, что в английском языке словообразование является эффективным способом пополнения словарного состава, нельзя не заметить то, «что такие же механизмы образования слов существуют при образовании новых сленгизмов» [5, с. 71]. Мы разберем наиболее распространенные способы образования сленгизмов:

1. Стремление к экономии слов, особенно необходимой в электронном языке, следует тенденциям в английском языке при акронимизации не только английских слов, но и словосочетаний и даже предложений:

1) словосочетание-благодарность *thank you* ‘спасибо тебе’ перешло в *ty*;

2) конструкция *away from keyboard* ‘отшел от клавиатуры’ сократилась до *afk*,

3) *as soon as possible* ‘как можно скорее’ трансформировалась в *ASAP*.

Таким образом, экономится много пространства в текстовых сообщениях, чтобы можно было передать как можно больше слов, при этом смысл сообщения не теряется из-за актуальности и понятности этих выражений.

2. Появление новых лексических единиц в английском языке также может происходить с помощью словосложения. Словосложение можно продемонстрировать на таких примерах:

1) *nanocomputer* – состоит из двух слов *nano* и *computer* (компьютер, состоящий из элементов переключения размером с молекулу);

2) *nanotechnology* – состоит из двух частей *nano* и *technology* ‘нанотехнологии’.

3. Конверсия позволяет создавать другие части речи из уже имеющихся слов без морфологических изменений:

1) *to program* ‘программировать’, *a program* ‘программа’;

2) *to code* ‘кодировать’, *a code* ‘код программы’.

4. Префиксация нужна для соединения уже существующих слов с приставками или суффиксами для создания новых лексических единиц. К примеру:

1) *fire-wall* ‘брандмауэр’;

2) *note-book* ‘ноутбук’.

5. Слова-шарады, где части слова могут быть зашифрованы цифрой или буквой, к примеру:

1) *f2f – face-to-face* ‘контакт лицом к лицу, в реальной жизни’;

2) *p2p – pay to play* ‘плати, чтобы играть’ или *peer-to-peer* ‘равный к равному, пиринговая сеть’;

3) *f2p – free to play* (играй бесплатно) [6].

6. Удвоение глагола – конструкция в английском языке, которая заключается в удвоении глагола для передачи восклицания, к примеру, *Bang, Bang!* ‘Ба-Бах!'; большинство из этих выражений передают шум, иногда встречаются даже утюжение глагола.

7. Образование созвучных сленгизмов из уже имеющихся слов: пользователи Интернета часто переделывали обычные сочетания слов под созвучную рифму или для создания комичной ситуации. Таким образом, они приобретали оттенок жаргонной лексики компьютерного подъязыка:

1) *Internet Explorer* ‘интернет-поисковик’ изменялся в *Internet Exploiter* – интернет-эксплуататор (данное значение связано с огромным количеством уязвимостей в данном приложении, из-за чего и образовался данный сленгизм);

2) *Microsoft* переименовывался в среде пользователей Интернета в *Microsloth*.

8. Чрезвычайное обобщение: продвинутые пользователи любят чересчур обобщать различные слова, превращая таким образом глаголы или прилагательные в слишком обобщенные существительные:

1) *win* – *winnitude or winnage*;

2) *disgust* – *disgustitude*.

9. Аффиксация – добавление к существующим словам аффиксов и суффиксов для создания новых слов и их значений, т. к. поменялась структурная составляющая слова, следовательно, произойдет изменение в семантике слова. Например, мы можем привести такие слова:

1) *abandonware* ‘программное обеспечение, находящееся под защитой прав, но уже давно не находится в продаже, не выпускается или не обновляется’;

2) *ciggies* ‘сигареты’ [6].

Из-за постоянных изменений в ИТ среде и обществе официальные слова и выражения чаще всего остаются неизменными, в то время как сленгизмы несут оценочное значение, их состав постоянно пополняется.

С развитием технологий и медиаплатформ сленг, скорее всего, будет продолжать эволюционировать, появляясь в новых формах и адаптируясь к контексту. Возможен рост влияния глобализации, что приведет к заимствованию сленга из разных культур, создавая новые гибридные формы слов и выражений. Сленг станет важным индикатором новых тенденций в языке и общении, продолжая оставаться динамичным и многогранным явлением. Таким образом, сленг останется важным элементом интернет-дискурса, влияя на социальные взаимодействия и культурное выражение.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов. – М. : Совет. энцикл., 2006. – 608 с.
2. Бабалова, Г. Г. Компьютерный сленг / Г. Г. Бабалова, С. Н. Широбоков // Омский научный вестник. – 2015. – № 3 (139) – С. 38–42.
3. Глазырина, А. И. Компьютерный подъязык: термины, жаргонизмы, профессионализмы / А. И. Глазырина // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. – № 24. – С. 77–80.
4. Гумбольдт, В. Избранные труды по языкоznанию / В. Гумбольдт – М. : Прогресс, 2000. – 400 с.
5. r/devblogs – a subreddit for gamedev/programming blogs. – URL: <https://www.reddit.com/r/devblogs/> (date of access: 07.03.2025).
6. Thorne, T. Dictionary of Contemporary Slang / E. Thorne. – London : A & C Black, 2007. – 512 p.

[К содержанию](#)

Д. А. ДАШКЕВИЧ

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – М. В. Гуль

РЕКЛАМНЫЙ ТЕКСТ КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Рекламный текст означает словесное произведение, объединенное комплексной коммуникативной установкой, включающее информацию о товаре; его эмотивную оценку; побуждение к поступку, приносящему рекламодателям определенную выгоду. В условиях современного рынка, насыщенного информацией, важно понимать, как язык рекламы влияет на восприятие и поведение потребителей. Лингвистический анализ рекламного текста позволяет выявить его структурные и функциональные особенности.

Существует множество подходов к определению рекламного текста. В лингвистике рекламный текст рассматривается как текст, который использует языковые средства для достижения определенной цели. По определению С. Р. Мурадхановой, рекламный текст – это «многомерное образование, совокупность трех основных элементов: видео- или аудиоряда, изображения и верbalного компонента» [1, с. 36].

В исследовании Е. С. Баскаковой и Н. П. Буйновской данное понятие определяется как текст, который позволяет сформировать и закрепить определенные ментальные стереотипы, нормы морали и нравственности в сознании читателя и который является важным компонентом при формировании общественного сознания [2, с. 194].

В исследовании С. В. Ильясовой и Л. П. Амири рекламный текст рассматривается как устный или письменный текст, подготавливаемый

заранее и обладающий автономностью, основная цель которого заключается в сообщении той или иной информации адресату и побуждении приобрести конкретный товар или услугу [3, с. 87].

В качестве основной функции рекламного текста выступает функция воздействия, для осуществления которой необходимо подбирать те или иные средства. Для того чтобы потенциальный покупатель решил приобрести рекламируемый товар или услугу, следует сформировать такие условия, при которых он самостоятельно решится купить этот товар или услугу. Следовательно, необходимо задать товару привлекательность с помощью определенных средств.

Задача любого рекламного текста – запомниться определенной целевой аудитории, произвести на нее впечатление. Цели при этом могут быть разными. Основной целью рекламного текста является побуждение потребителя к действию, будь то покупка товара, использование услуги или изменение отношения к бренду. Эта цель достигается через создание привлекательного и запоминающегося образа продукта. Эффективный рекламный текст должен вызывать эмоциональный отклик и формировать положительное восприятие. Так же целью можно выделить знакомство с брендом.

Говоря о разновидности рекламного текста, можно выделить два типа рекламных текстов по целям:

1. Конверсионные рекламные тексты направлены на непосредственное побуждение к действию, таким как покупка товара, заказ услуги, звонок в компанию или подписка на рассылку, после прочтения текста. Они содержат четкие призывы к покупке и часто используют ограниченные предложения или скидки. Например, реклама онлайн-магазина может звучать так: «Купите сейчас и получите 20-процентную скидку! Только сегодня!». Такие тексты акцентируют внимание на выгоде для потребителя и создают ощущение срочности. У любого конверсионного текста есть ясная задача – достижение объективного результата, который можно измерить количеством покупок, подписок на рассылку и т. п.

2. Имиджевые рекламные тексты сосредоточены на формировании позитивного имиджа бренда и создании эмоционального фона вокруг него. Они не всегда содержат прямые призывы к покупке, но способствуют созданию доверия и лояльности потребителей. Например, реклама автомобиля может подчеркивать его статусность и надежность: «Ваш путь к успеху начинается с надежного партнера», или реклама компании, занимающейся экологически чистыми продуктами, может звучать так: «Мы заботимся о планете – выбирайте лучшее для себя и природы». Такие тексты строят долгосрочные отношения с клиентами через ассоциации с качеством и престижем. Цель имиджевого текста – создать или дополнить

оптимальный образ компании или проекта. Результатом прочтения имиджевого текста может стать ощущение доверия к компании, ее солидности и серьезности или наоборот – простоты и доступности и т. д.

У обоих типов текстов с их целями могут быть свои более или менее узкие задачи. Например, у конверсионных – количество и объем покупок в коммерческой рекламе. У имиджевых – повышение лояльности к бренду в коммерческой рекламе или интерес к проблеме у социальной.

Текст – важнейший элемент рекламы. Рекламный текст композиционно специфичен. Одной из сторон его специфики является использование изображения (рисунка, фотографии), графики, цвета, символики (фирменный знак) и т. д. Все эти элементы могут находиться в самых неожиданных сочетаниях и комбинациях, а их объединение в конечном счете реализует задачу данного текста. Нередко они не просто служат ярким иллюстративным фоном, но и выполняют пояснительную функцию, содержат в себе смыслы, не выраженные лингвистически. Именно поэтому структура рекламного текста заслуживает особого внимания.

В зависимости от характера товара структура рекламного текста может быть разной. Рассмотрим составляющие компоненты структуры рекламного текста. Структурно-композиционное построение текста включает в себя важные составляющие: заголовок и текстовую часть. Заголовок – это самая значимая часть рекламного сообщения. В него не должно входить большое количество слов и выражений, но он обязан мощно воздействовать на потребителя, то есть быть эмоциональным и ясным по смыслу.

Основной текст раскрывает причины, которые склоняют потребителя к покупке. Чаще всего потребители не добираются до основного текста, они теряют интерес после прочтения заголовка. Внимание читателя концентрируется на выделенных элементах, но интерес возникает лишь благодаря аргументам, приведенным в рекламе.

Слоган также немаловажная часть рекламного объявления. Являясь емкой и короткой фразой, которая может считаться девизом организации, слоган представляет собой наиболее заметный элемент рекламы. Рекламный слоган может информировать адресата о содержании товара или услуги, воздействовать и убеждать. Однако основная функция слогана – заманить читателя, вызвать у него интерес. Следовательно, он является эмоционально заряженным высказыванием, а значит, побуждает адресата к действию посредством вызова определенных эмоций. Это накладывает на слоган требование: он должен легко читаться и запоминаться, наиболее полно выражать сущность самой рекламы.

В завершении рекламного сообщения помещают эхо-фразу, по форме сходную со слоганом. Эхо-фраза, как и слоган, придает законченный вид всему сообщению и определяет важный мотив для приобретения товара.

Таким образом можно сделать вывод, что все части рекламного текста формируют его структуру. То, какая часть будет доминировать и то, насколько часто будут использованы вербальные и невербальные средства различны в каждой рекламе и зачастую зависит от самого товара, от аудитории и непосредственно от фирмы.

Перечислим требования, предъявляемые к рекламному тексту:

Конкретность. Текст рекламы должен содержать основную мысль и работать на ее запоминание. Так же он должен быть понятным и легким для восприятия. Избегание сложных конструкций помогает быстрее донести основное сообщение.

Логичность. Здесь имеется в виду четкое выстраивание цепочки аргументов в пользу приобретения продукта, к тому же каждый следующий аргумент должен вытекать из предыдущего.

Краткость. Внимание человека к рекламному сообщению можно привлечь на короткий промежуток времени, и в течение этого короткого промежутка времени нужно объяснить, по какой причине необходимо приобрести эту продукцию или услугу.

Эмоциональная насыщенность. Использование ярких образов и эмоционально заряженных слов помогает создать нужное настроение. Например, слова «эксклюзивный», «неповторимый», «роскошный» могут вызвать положительные ассоциации.

Актуальность. Реклама должна соответствовать интересам и потребностям целевой аудитории. Исследования показывают, что персонализированный подход значительно увеличивает эффективность рекламы.

Убедительность. Необходимо использовать аргументы, которые подтверждают качество товара или услуги. Это может быть информация о сертификатах качества или отзывы довольных клиентов.

Таким образом, успех рекламы зависит от ее содержания. Моделируя восприятие рекламной информации аудиторией, люди могут представить себе реакцию, которую они испытывают от нее. Рекламная информация должна включать важные элементы, такие как аргументация, правильное построение предложений и обеспечение доступности для понимания основной информации рекламы. Следует подчеркнуть преимущества конкретных продуктов, чтобы удовлетворить потребности покупателей.

Рекламный текст является многогранным объектом лингвистического анализа, который требует внимательного изучения с различных точек зрения. Понимание его структуры, целей и требований позволяет не только создавать эффективные рекламные материалы, но и глубже осознавать механизмы влияния рекламы на потребительское поведение. В условиях динамичного рынка знание о том, как работает рекламный текст, становится

важным инструментом для специалистов в области маркетинга и рекламы. Анализ рекламного текста помогает выявить эффективные стратегии коммуникации и повысить успешность рекламных кампаний.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мурадханова, С. Р. / Прагмалингвистические особенности рекламного эссе / С. Р. Мурадханова. – М. : ФЛИНТА, 2006. – 326 с.
2. Баскакова, Е. С. Особенности перевода рекламного текста с английского языка на русский / Е. С. Баскакова, Н. П. Буйновская // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. –2015. – № 2. – С. 194–202.
3. Ильясова, С. В. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы / С. В. Ильясова, Л. П. Амири. – М. : ФЛИНТА, 2015. – 296 с.

[К содержанию](#)

И. Р. ЗАМАЛЕТДИНОВА

Казань, КИУ имени В. Г. Тимирясова

Научный руководитель – С. Л. Яковлева

АНАЛИЗ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СТИЛИСТИЧЕСКИХ ПРИЕМОВ ЛИНГВОКРЕАТИВНОСТИ В КНИГЕ “*DIFFICULT CONVERSATION*” СЕРИИ HARVARD BUSINESS REVIEW

Исследование направлено на практический анализ использования стилистических приемов в книге Гарвардского бизнес-издательства “*Difficult conversations*” («Сложные коммуникации») [1]. Рассматриваемое издание представляет собой краткое практическое руководство по успешному ведению коммуникации в рабочей обстановке, что является важной частью профессиональной жизни, и этот навык можно постепенно изучать и развивать. Статья имеет целью выявление наиболее частотных и эффективных способов создания экспрессивности в современной научно-популярной публицистике.

Текст написан простым языком, не перегружен терминологией, ориентирован на обычного реципиента. Автор использует разговорный стиль с элементами неформальной лексики (*blow up, handle, leave it be*).

В отдельную группу можно выделить большое количество выражений, которые являются идиомами, но, на первый взгляд, такими не кажутся, например: *take some time* (‘занять некоторое время’); *find a way* (‘найти путь’) – подразумевает преодоление задач; *find the words* (‘подобрать слова’); – указывает на сложность коммуникации; *teach a lesson* (‘преподать урок’) – часто используется в контексте жизненных уроков; *change the picture* (‘изменить ситуацию’) – описывает существенные перемены; *win a round* (‘выиграть раунд’) – указывает на частичный успех; *knock off tasks*

(‘справляться с задачами’) – описывает быстрое выполнение задач. Все эти образные сочетания активно используются в сфере коммуникации.

Рассмотрим образные средства, представленные в этом руководстве на основе классического подхода А. П. Чудинова, который выделил антропоморфную, натурморфную, артефактную и социоморфную метафоры.

1. Метафорический перенос, связанный с наименованием животного; *that is bull* (‘ерунда’, ‘чушь собачья’) – выражение, демонстрирующее эмоциональное отрицание, сленгизм, пришедший из старофранцузского языка *bole*; *the fog that descends on your mind* (‘туман, спускающийся на разум’) описывает состояние замешательства, неясности мыслей, происходит сравнение с природным явлением – туманом, который ограничивает видимость.

2. Метафорический перенос на основе антропоморфной метафоры является достаточно частотным приемом, например: *dig in their heels* (‘сопротивляться, упираться, настаивать на своей точке зрения’) – показывает сопротивление переменам или давлению; *knocking heads* (‘сталкиваться в конфликте’) – выражает столкновение интересов; *a heart of situation* (букв: ‘сердце ситуации, корень проблемы’); *knot in the pit of your stomach* (‘узел в желудке’) метафорически описывает чувство тревоги, беспокойства или страха через физическое ощущение – образное сравнение эмоционального состояния с физическим дискомфортом из-за сложной коммуникации.

3. Использование артефактной метафоры: *blow off steam* (‘выпустить пар’) – идиома, сравнивающая эмоции с давлением пара; *pull one’s weight* (‘нести свою долю ответственности’) – метафора пришла из спорта, соревнований по гребле, где каждый должен усиленно работать ради общей победы;

4. Ориентационная метафора: *throw us off balance* (‘вывести из равновесия’); *far beneath the surface* (‘глубоко под поверхностью’) – используется сравнение с погружением; *on the same page* (‘на одной волне’) – описывает гармоничное взаимодействие. В данном случае подтверждается вывод Дж. Лакоффа и М. Джонсона о том, что метафоры со значением направления вниз описывают отрицательные явления, вверх – положительные состояния.

5. Социоморфные метафоры: *an agent of change* (‘проводник перемен’), *a victim of circumstances* (‘жертва обстоятельств’) отражают различные аспекты восприятия человеком ситуаций и формируют определенное отношение к происходящему.

6) В одном словосочетании может встретиться несколько стилистических приемов, связанных с эмоциональной сферой человека:

feelings that colour all of your interactions – метафора, в которой чувства способны придавать оттенок, чувствам приписывается активное действие (окрашивать взаимодействия); *project feels bogged down* (проект надеялся способностью чувствовать), *emotions are exacerbating the situation* (эмоции усугубляют ситуацию).

В метафорах *key to your self-image*, *key driver of success* лексема *key* уже настолько укоренилось в использовании, что ее образность может не осознаваться при повседневном использовании.

К фонетическим образным средствам отнесем выражение “*Fight-or-flight response*” – реакция организма на стрессовую ситуацию, выходом из которой будет активное сопротивление или побег; фразовая метафора, где используется прием аллитерации.

Для обозначения качеств или характерных черт явлений, предметов и людей автор воспользовался эпитетами: *long-range sense* (‘долгосрочный смысл’) – подчеркивает стратегическую перспективу; *hard-and-fast milestones* (‘жесткие вехи’) – конкретные, неизменные цели; *busy time* (‘занятое работой время’) – период высокой активности; *toxic relationship* (‘разрушительные отношения’) – вредные, нездоровые связи; *tight-knit team* (‘сплоченная команда’) – тесные связи.

Каждый из этих эпитетов помогает уточнить характеристики описываемых объектов и усилить воздействие на читателя. Эпитеты добавляют красочности и выразительности сообщению адресанта, позволяя более ярко и наглядно передать его коммуникативную интенцию.

С точки зрения стилистического синтаксиса следует выделить следующие приемы:

1. Использование конструкций, выражающих предположение, когда реципиент мог испытывать трудности в общении:

- *Maybe you fear the public confrontation...*;
- *Perhaps you don't know how to tell a fellow...*;
- *Maybe you tried to bring up what you thought was a straightforward matter, but it fell flat;*

- *Or you want to ask your boss for a promotion, but you don't know how to begin the discussion;*

2. Использование приема антитезы:

- *You think of yourself as a doer ... Your teammate is a talker;*
- *You ... just get the job done. No intrigue, no drama... Your teammate asks lots of questions, thinks things through aloud, considers the unintended consequences;*

- *One person wants to carefully map out a detailed plan and the other wants to just get going on the project;*

- *Your priority is probably hitting every rollout deadline. Your colleague in production, however, is focused on meeting design requirements.*

Антитеза фокусирует внимание на различиях и определенных противоречиях между коммуникантами, выделяя их особенности и индивидуальные черты, что позволяет лучше понять динамику отношений в коллективе и причины возможных конфликтов для их устранения.

3. Автор создает определенную интерактивность в коммуникации с реципиентом с целью повышения его вовлеченности в ситуацию, используя риторические вопросы, что делает текст более динамичным:

- *How can you be sure a difficult conversation is worth the risk?*
- *Why risk a blowup or damage to the relationship or to your reputation?*
- *Should you act?*
- *What should he say?*

Использование риторических вопросов – довольно сильный ораторский прием, вызывающий эмоциональный отклик. В пособии встречаются также обычные вопросительные предложения, которые используются в интерактивной форме, стимулируя читателя самому отвечать на вопросы, тем самым активизируя процесс самоанализа. Они выделяются среди основного текста, задавая сообщению определенную ритмичность, стилистическую тональность и показывают важность критического осмыслиния коммуникативной ситуации. Например:

- *What is the issue I'm trying to resolve?*
- *What is my counterpart's view of the issue?*
- *What assumptions are we making about the situation and each other?*
- *What underlying interests are at stake for me? For my counterpart?*

4. Для описания сложной ситуации, в которую может попасть участник коммуникации, автор часто использует прямую речь, когда коммуниканты должны найти общий язык между собой для успешного разрешения конфликта. Например:

- *To start the conversation, it's probably not a good idea for Liam to blurt out, “Hey, new girl, didn't you ever learn the rules of schoolyard etiquette?” Instead, he'll lead with something neutral, such as, “Shireen, I think you and I may have gotten off on the wrong foot. I'd like to talk about how we can work together better and make the team more successful.” In that case she's more likely to respond along the lines of, “Liam, I'm glad you brought it up. I've been feeling some tension, too. Let's talk about it.*

5. Следующий стилистический синтаксический прием – тире для выполнения эмфатической функции, которое может создавать драматическую паузу, акцентировать внимание и усиливать коммуникативный эффект: *Why risk a blowup or damage to the relationship – or to your reputation?*, где одно только использование пунктуационного

знака может стать инструментом стилистической выразительности. В этой фразе тире создает эффект градации важности и выделяет ключевой элемент высказывания.

6. Эмфатически-восклицательные предложения, как правило, выражают высокое эмоциональное состояние. Например, автор цитирует возможное высказывание одного из коммуникантов, переполненного эмоциями:

– My boss returned the report I drafted all marked up! She thinks I'm incompetent!"

– You're sabotaging the marketing launch! Commit to some dates already!

Таким образом, большую часть стилистических приемов, используемых в книге, составляет группа фигур качества: метафоры, идиомы, эпитеты, сравнения и др. Синтаксические приемы используются с целью оказания сильного коммуникативного эффекта на получателя информации. Меньше всего в тексте представлены фонетические стилистические приемы в силу его специфики. В отличие от художественной литературы или поэзии, где звуковая организация текста играет важную роль, в деловой и профессиональной литературе приоритет отдается ясности изложения и точности передачи информации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Difficult Conversations. (HBR 20-Minute Manager Stories). – Boston : Harvard Business Review Press. – 2016. – 126 p.

[К содержанию](#)

А. И. ИСЛАМОВА

Казань, КИУ имени В. Г. Тимирясова

Научный руководитель – С. Л. Яковлева

ПРИЕМЫ СТИЛИСТИЧЕСКОГО СИНТАКСИСА В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ СФЕРЫ КУЛЬТУРЫ НА МАТЕРИАЛЕ ГАЗЕТЫ “THE INDEPENDENT”

Публицистика является инструментом формирования общественного мнения. Актуальность изучения стилистических приемов в публицистике позволяет качественно анализировать коммуникативные цели автора, а также отличать объективные факты от субъективных мнений. Объект исследования статьи – стилистические синтаксические приемы в британском публицистическом дискурсе. Предмет исследования – анализ стилистических приемов синтаксиса в статьях качественной газеты “*The Independent*” в разделе, посвященном культуре. Синтаксические средства

используются для усиления выразительности текста, они помогают структурировать текст и расставить акценты.

Неотъемлемой частью любого вида публицистического дискурса являются риторические вопросы, что обосновано необходимостью привлечь внимание читателя к тому или иному явлению:

– *How far this canonical piece, which has at its centre the Christian foundational tale of Adam and Eve's fall from grace, has itself fallen?* [1], или же подтолкнуть его к определенным выводам:

– *With all this diversity of form and heritage, isn't the show's title misleading?* [2].

За каждым риторическим вопросом, целью которого было создать интригу – *When, where and how are we going to really see the fruits of Britain's much-trumpeted cultural diversity?* – далее идет некое пояснение:

And Lord knows, just about everyone, including our continental neighbours, seems to think we do this kind of thing better than anyone [2].

Предложение *On stage, a digital clock is counting down the minutes and seconds to... what, exactly?* [4] также является прекрасным примером наводящего вопроса.

Словосочетание *stranger, wilder, “dark” majesty* в предложении *Yet Milton also imbued his masterpiece with a stranger, wilder, “dark” majesty that spoke not just to political movements but to individuals, particularly fellow writers* [1] является приемом градации, необходимой для более сильного акцентирования на смысле высказывания, а также создания динамики путем смены ритма.

Еще одним средством повышения языковой выразительности, динамики и ритмичности является перечисление. В публицистике перечисление также помогает улучшить логичность подачи информации и внести некоторую убедительность в высказывание:

– *The history of Paradise Lost's readership through the centuries, argues the academic Orlando Reade in an admirably lucid new book, What in Me Is Dark, is one of revolution, subversion, emancipation, and frequently disruptive interpretation* [1];

– *Generations of young British artists, musicians and writers have grown up regarding the free sampling, mixing and plain enjoyment of each other's cultures as just what naturally happens* [2];

– *But there are so many conflicting issues, questions and potential pitfalls today that people, particularly young people, are hesitant about making political art* [2].

Перечисление не только повышает экспрессивность речи, но и подчеркивает масштабность описываемых явлений: *Entitled One Nation Under a Groove, after the iconic Seventies anthem by Funkadelic, the show features an extraordinary array of artists, photographers, filmmakers and*

musicians from Jamaican, Trinidadian, Pakistani, Bangladeshi, African-American and even quite a few white British backgrounds [3].

Стилистическим приемом, основанным на повторении синтаксических структур, являются параллельные конструкции: *While it's become a cornerstone of British popular culture that art and music naturally go together – from John Lennon to Ian Dury and Jarvis Cocker – that's a narrative from which Black artists have until recently been notably absent. While mainstream British pop ruthlessly cannibalised Black music, the concepts of Black music and white music were subject to a kind of psychological apartheid in the mass-consumer consciousness until well into the 1970s [2].*

Конструкция *while...until* повторяется в двух предложениях, взаимодействуя в контексте, подчеркивая насущность обсуждаемой проблемы. Параллелизм также прослеживается в следующих примерах:

- *They said they want to [voice support for Trump] but they don't want to be attacked [3];*
- *That's great when it's about positive discrimination, but not so great when it becomes a form of segregation [2].*

В данных случаях повторяются синтаксические конструкции *they (don't) want to* в первом случае и *great when it* во втором.

Инверсия – синтаксическое средство выразительности, основанное на расположении основной смысловой части предложения в начале высказывания с целью подчеркнуть необходимые слова: *And for all his flaws and transgressions, if there's one thing Donald Trump knows, it's how to sell something [3].*

Обособление так же, как и инверсия, выделяет определенную часть высказывания, но делает это или в середине предложения: *It chronicles all the key musical forms – dub, house, rave, drum and bass – as a series of lost utopias [2], The truth is literally blinding, here – and deafening, too – but he makes it impossible to look away, even for a moment [4]* – или в конце: “*We have people of all backgrounds and ages – not just the young*” [4].

Явным примером обособления отдельных единиц предложения является предложение “*It's a 'hauntology' of British dance music,” Daggs says. “poison” [3]*”, где слово *poison* выделяется из общей речи, способствуя подчеркиванию наиболее значимого фрагмента смыслового содержания.

Фраза *This Oedipus rose to power by promising to blast away hypocrisy and keep no secrets, but now his shining castle of principles is assailed by the blunt battering ram of his own past [4]* наделена таким стилистическим приемом, как антитеза, представляющим собой противопоставление двух противоположных идей, в этом случае – «сияющий замок принципов» (что также является метафорой, раскрывающей обещания Эдипа) и «тупой таран прошлого» (метафора, являющаяся образом былых негативных черт героя).

Антитеза – синтаксическое средство выразительности – сравнивается с таким лексическим приемом, как оксюморон. Данные стилистические приемы сочетают контрастирующие выражения в одной смысловой фразе:

If that all sounds credible in Ové's native Camden Town, Pallas Citroen, the show's curator, who grew up non-white in rural Sussex, argues that this culturally promiscuous experimentation is far from an exclusively urban thing.

"I lived in a small, very English town and my friends and I were all obsessed with Jamaican culture" [2].

В данном отрывке Камден-Таун (район в Лондоне, характеризующийся наличием музыкальных центров) противопоставляется Сассексу – провинциальному городку в округе Нью-Брансуика, где о высоком искусстве мало кто наслышан.

Антитеза помогает обозначить контраст с помощью образов, при этом образы могут создаваться метафорами: *Where before, Night City was a sprawling, dystopian metropolis that had nobody in it, it is now a circus of illicit activity and unbridled mayhem* [5].

Синтаксический прием парцелляции нередко используется в заголовках, что придает названию статьи высокую информативность, краткость и лаконичность:

– *Radical struggles and revolution: The book unearthing the subversive history of Paradise Lost* [1];

– *Cyberpunk 2077 review: Next-gen release salvages something which once looked beyond repair* [5].

Данное предложение разделено на две части с помощью двоеточия. Парцелляция усиливает акцент на перечислении мест, где происходит культурное смешение, что создает некоторую конкретику.

Эмпирический анализ материала показывает, что основной задачей стилистических средств синтаксиса является акцентирование на логическом развертывании авторской аргументации с целью оказания коммуникативного эффекта в соответствии с коммуникативной интенцией автора сообщения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Radical struggles and revolution: The book unearthing the subversive history of Paradise Lost // Independent : [site]. – URL: <https://www.independent.co.uk/arts-entertainment/books/reviews/what-in-me-is-dark-paradise-lost-review-john-milton-b2642481.html> (date of access: 12.02.25).
2. Hudson, M. How The Bomb Factory Art Foundation celebrates cultural fusion in Britain / M. Hudson // Independent : [site]. – URL: <https://www.independent.co.uk/arts-entertainment/art/features/bomb-factory-cultural-fusion-britain-b2623369.html> (date of access: 17.02.25).
3. Chilton, L. Trump's first term made him the villain of liberal Hollywood – don't bank on it happening again / L. Chilton // Independent : [site]. – URL: <https://www.independent.co.uk>.

[uk/arts-entertainment/films/features/trump-donald-movies-sebastian-stan-rachel-zegler-b2652018.html](https://www.independent.co.uk/arts-entertainment/films/features/trump-donald-movies-sebastian-stan-rachel-zegler-b2652018.html) (date of access: 17.02.25).

4. Oedipus review: Mark Strong and Lesley Manville star in a tantalisingly fresh take on the Greek tragedy // Independent : [site]. – URL: <https://www.independent.co.uk/arts-entertainment/theatre-dance/reviews/oedipus-mark-strong-lesley-manville-review-b2630136.html> (date of access: 05.02.25).

5. Cyberpunk 2077 review: Next-gen release salvages something which once looked beyond repair // Independent : [site]. – URL: <https://www.independent.co.uk/games/cyberpunk-2077-next-gen-gameplay-review-b2020050.html> (date of access: 17.02.25).

[К содержанию](#)

Д. М. КОЗАК

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – М. В. Ярошук

ЯЗЫКОВАЯ МАНИПУЛЯЦИЯ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ГАЗЕТНОМ ДИСКУРСЕ

Скрытое воздействие на читателя может осуществляться не только за счет особенностей восприятия речи, но также и посредством актуализации в сознании реципиента определенного образа и содержания, которые известны манипулятору, но напрямую не упоминаются. Схожим косвенно актуализируемым содержанием, на которое нацеливается манипулятивный прием, могут выступать ранее сформировавшиеся в сознании читателя шаблоны мышления и поведения, модель действительности, система ценностей, опыт, языковая картина мира, устойчивые образы, машинальные действия, стереотипы и другие психические и когнитивные формирования. Поскольку существует не только сознательный, но и подсознательный механизм обработки и интерпретации полученной информации, актуализация подобных структур позволяет мобилизировать некритические мыслительные процессы, что приводит к необходимому перлокутивному эффекту (целенаправленно воздействующему на чувства и мысли воспринимающих речь людей, подразумевающее подчинение воле говорящего, согласие с его оценкой, мнением).

Необходимо отметить, что для эффективного осуществления манипуляции при взаимодействии с массовой аудиторией требуется выбирать достаточно универсальные виды мишеней. При этом, чем больше и разнообразнее аудитория, на которую нацелено воздействие, тем более широкий охват распространения атакуемых мишеней должен быть. И наоборот, чем меньше и однороднее ориентированная аудитория, тем более точные «настройки» воздействия на нее следует провести. Для подобной специализации воздействия манипулятору необходимо быть осведомленным о социальных особенностях и других характерных

качествах адресатов. Если осуществление фокуса на характерные особенности аудитории по техническим, экономическим или каким-либо иным причинам не удается, воздействие зачастую проектируется на мишенях, к которым чувствительно большинство: чувство защищенности, общности, стремление к благополучию, комфорту, потенциальным выгодам, удовольствию, наличие особых страхов, враждебного отношения к непохожим и т. д. [1, с. 47].

Следует отдельно выделить такую мишень воздействия, как элементы эмоциональной сферы. Чувства и эмоции выполняют функцию субъективного оценивания абстрактных и реальных объектов и, соответственно, отражают ситуативное оценочное отношение индивида к внешнему миру. В связи с этим, воздействие на эмоциональную сферу задействует ряд способствующих манипуляции психологических механизмов. Во-первых, эмоции, вызываемые сообщением, можно моделировать вне зависимости от действительных фактов. Во-вторых, совокупная эмоциональная реакция на сообщаемую информацию подсознательно переносится на участников (исполнителей), спровоцировавших ее. В-третьих, прямое эмоциональное воздействие часто оказывается эффективнее логических рассуждений. Кроме того, эмоциональная память является одним из наиболее прочных видов памяти, а эмоциональная наполненность смысловой нагрузки какого-либо сообщения значительно усиливает запоминаемость. В свою очередь, запоминаемость – важный параметр, способствующий языковому воздействию. Дело в том, что языковое воздействие может состояться значительно позже момента непосредственного восприятия сообщения. Откладываясь в активной или пассивной памяти, манипулятивные языковые приемы и средства могут в некоторый момент актуализироваться с помощью ассоциации и вклиниваться в когнитивно-психологическую систему.

В случае, если у манипулятора не получается отыскать необходимые миши в сознании адресата в готовом виде, то они могут быть созданы намеренно: более «прогрессивные» способы манипулирования предполагают предварительное формирование мнений или желаний, закрепление их в массовом сознании или в представлениях отдельного человека, чтобы в последствии можно было адресовать именно к ним. Историческими примерами подобным образом формируемых мишеней могут служить социальные мифы (например, о «расовом неравенстве», об «отце нации», о «вере в светлое будущее», о «человеке-винтике» социальной машины), конструирование устойчивых образов и имиджа личностей, корпораций или целых социальных групп (например, в отношении политических объединений: «продажная оппозиция», «партия жуликов и воров»; при обсуждении темы экологичности или

инновационности некоторых компаний (Lash, Apple)), формирование социальных ожиданий и представлений (например, о внешнем/внутреннем враге или угрожающей опасности: «акулы империализма», «звериный оскал капитализма», «холодная война», «оранжевая революция»). Следует признать, что прибегать к применению методов манипуляции на подготовительном этапе создания мишени вовсе необязательно, однако навязываемые в перспективе языковые клише, слухи, мифы, ассоциации, шаблоны поведения, стереотипы и другие искусственно созданные и внедренные в сознание мишени могут актуализироваться манипулятором и использоваться в качестве триггеров для проведения манипулятивного воздействия [1, с. 50].

Таким образом, если манипулятору удается с помощью тактически выделенных приемов, облаченных в языковые средства, осуществить скрытое воздействие на верно подобранные мишени, активизировать необходимый механизм манипуляции и достичь поставленной цели (перлокутивного эффекта), манипуляцию можно считать успешной. Верно и обратное: если желаемый результат был достигнут, значит, манипулятор выбрал эффективную стратегию и грамотно провел ее реализацию.

Для анализа феномена языковой манипуляции в средствах массовой информации немаловажным является рассмотрение ключевых психологических механизмов влияния: убеждения, внушения, подражания и заражения, которые применяются в целях как межличностного, так и массового манипулирования сознанием.

Поскольку у многих людей присутствует неспособность к восприятию и осмыслению логических аргументов, самым сложным механизмом влияния для манипулятора становится убеждение. Однако при этом данный метод оказания влияния на сознание является самым устойчивым к последующим воздействиям. Убеждение представляет собой такой способ воздействия на человека, при котором преследуется цель добиться от адресата понимания и солидарности по определенному вопросу. Убеждение исходит из принципа донесения позиции манипулятора посредством логического упорядочивания фактов и построения на их базе непротиворечивых выводов, поскольку предполагает осмысление адресатом сообщаемой ему информации и последующее принятие или непринятие этой информации. При этом итоговое заключение может быть сформулировано как самостоятельно, так и вследствие точки зрения убеждающего, но все же оно никогда не воспринимается на веру в чистой форме. Стоит отметить, что убеждение базируется на прямой субъект-субъектной коммуникации (в отличие от остальных механизмов влияния) и по своей сути является наименее манипулятивным механизмом. Следует также учитывать, что даже совершенно логичное убеждение

в «правдивости» сведений может иметь цель не донести эту информацию до реципиента, а подтолкнуть его к неверным, но выгодным манипулятору выводам или повлечь за собой планируемую и желаемую коммуникатором коррекцию поведения.

В противовес убеждению, основанному на рациональном, осмысленном принятии человеком фактов или идей, внушение является механизмом влияния, основанном на психическом воздействии при некритичном восприятии индивидом информации. В отличие от убеждения, процесс внушения протекает без анализа поступающей информации, минуя когнитивный аппарат и, нередко, здравый смысл. Внушение дает возможность занести «неотфильтрованные» адресатом идеи прямиком в его сознание в обход логики и поэтому является наиболее эффективным способом влияния, который чаще всего применяют в своей практике манипуляторы. Результатом успешного внушения может стать изменение или зарождение у человека определенного восприятия, отношения, чувства, либо стимулировать его на совершение поступков, непосредственно не следующих из принимаемых им норм и принципов деятельности, причем сам объект внушения не замечает ни факта произведенного воздействия, ни самих изменений. Вместе с тем усвоенному посредством механизма внушения содержанию сознания впоследствии свойственен навязчивый характер, а ментальные установки в дальнейшем с трудом поддаются осмыслению и коррекции.

Объектом внушения может быть не только индивид, но и группы, и даже социальные слои (массовое внушение). Внушение является наиболее «понятным», а значит и «широко охватывающим» механизмом манипуляции как раз благодаря тому, что его не следует понимать. Именно по причине этого на внушении строится подавляющее большинство рекламных и политических кампаний. Наиболее частым способом проявления внушения является использование ассоциативных рядов, заключающееся в навязывании адресату выгодного манипулятору мнения через навязывание устойчивых ассоциативных связей таким образом, чтобы объект считал это внущенное мнение своим собственным.

Третий механизм влияния, подражание, заключается в воспроизведении индивидом черт и образцов поведения других людей как на уровне самих действий, т. е. неосознанно (например, заразительное зевание), так и на уровне их смысла. Объект может подражать не только конкретному человеку (кумиру или авторитету касательно какой-либо темы), но и целому сообществу (например, нормам поведения, выработанных такой группой индивидов). Подражание является прямым результатом медийного воздействия, потому как медиапространство транслирует модели для подражания, излагая поведение и «цитируя» мнения ньюсмейкеров,

музыкантов, журналистов и других публичных личностей. На механизме подражания основывается формирование тенденций моды, создаются многие рекламные или политические кампании. Именно на этот способ воздействия рассчитывают значимые экономические и политические персоны, которые стремятся продемонстрировать, что их поддерживают известные спортсмены, актеры, режиссеры, звезды музыкальной индустрии и прочие представители публичного пространства. Поведение таких людей, пользующихся авторитетом среди некоторой части целевой аудитории, является образцовым и может повлиять на отношение этой аудитории к объекту политической или рекламной кампании.

Рассмотренные выше механизмы психологического влияния могут применяться при осуществлении языковой манипуляции как ее составляющие компоненты, так и в качестве маскировки манипуляционного воздействия. Манипуляция может принимать любые формы и использовать разнообразные механизмы, однако чаще всего манипуляция проявляется в виде убеждения, даже не смотря на тот факт, что данный механизм является самым сложным в своей реализации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ворович, К. М. Специфика приемов и средств языковой манипуляции в интернет-СМИ / К. М. Ворович; НИУ ВШЭ. – М., 2013. – 123 с.
2. Зелинский, С. А. Психотехнологии гипнотического манипулирования сознанием человека : монография / С. А. Зелинский. – СПб., 2009. – URL: http://lit.lib.ru/z/zelinskij_s_a/text_0490-3.shtml (дата обращения: 15.12.2024).

[К содержанию](#)

М. В. ФЕДОСОВА

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – М. В. Ярошук

КЛАССИФИКАЦИЯ МОЛОДЕЖНОГО СЛЕНГА В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ПЕСЕННОМ ДИСКУРСЕ

В современной лингвистике выделяются различные виды сленгизмов, которые классифицируются на основе определенных критериев. Если говорить о характерных чертах молодежного сленга, то одной из главных является его проницаемость: сленговая лексика проникает во все сферы деятельности человеческой жизни, что обуславливает значительное количество разновидностей сленга. До сих пор не существует более или менее удовлетворительного определения термина «сленг» и классификация

сленга порождает много споров. Многие ученые разработали свои собственные классификации, основанные на различных принципах, но вряд ли можно найти универсальную классификацию, учитывающую все его наиболее существенные особенности.

Первым критерием для классификации видов сленга является сфера его употребления. Здесь выделяются такие виды сленга, как военный, компьютерный, сетевой, молодежный сленг, сленг футбольных болельщиков и т. п. [1, с. 184].

Второй критерий для классификации сленга определяется понятийной сферой. Здесь выделяются две разновидности:

1) групповой сленг, использующийся людьми, объединенными в группы по интересам (не профессиональным, а исключительно в связи со сферой увлечений носителей), например, сленг авиамоделистов, сленг картежников;

2) профессиональный сленг, который используется в профессиональной сфере, например, сленг столяров, медицинский сленг [2, с. 13].

Согласно третьему критерию, сленг можно подразделять на отдельные виды, исходя из семантики его единиц – сленгизмов. А. Н. Колесниченко в такой классификации выделяет следующие группы сленгизмов:

1) наименования лиц (обозначение психического и физического состояния человека, особенности его поведения, оценки лиц, обращения);

2) наименования предметов и явлений (одежды и ее деталей, частей тела, жилья и предметов быта, оценки предметов и явлений);

3) отношения между людьми (слова со значением «быть», «обманывать», «производить впечатление»);

4) деньги (наименования денег и соответствующие операции);

5) студенческая жизнь (сленгизмы с преобладающим значением «быть исключенным»);

6) алкоголь;

7) интимные отношения [3, с. 14].

Еще одним критерием классификации сленга является способ его образования. По мнению А. Н. Колесниченко, необходимо выделять две главные группы средств образования сленга (и, следовательно, две его разновидности):

1) сленг, образованный по лексико-семантической модели;

2) сленг, образованный по словообразовательной модели [3, с. 6].

Лексико-семантическая модель предполагает метафоризацию, выделение отдельного значения литературного слова. Словообразовательные модели для образования сленга используются довольно разнообразные.

Наиболее продуктивными способами образования сленгизмов, по мнению Е. Е. Матюшенко, являются:

- 1) суффиксация и префиксация как от русских, так и заимствованных лексем: *воркер* – рабочий, *воркать* – работать; *безмазовый* – бессмысленный;
- 2) семантическая деривация (метафорический перенос): *вертолет* (головокружение), *раздеть* (обокрасть);
- 3) сокращения: *дутик* – дутая куртка;
- 4) заимствования: *изи* – от англ. *easy* ‘легко’ [2, с. 16].

Помимо того, некоторые современные исследователи, занимающиеся проблемами американского молодежного сленга, выделяют следующие семантические группы сленгизмов:

1. Сленгизмы, обозначающие части тела.
2. Сленгизмы, характеризующие человека:
 - а) с положительной стороны;
 - б) с отрицательной стороны;
 - в) нейтрально.
3. Сленгизмы, характеризующие ощущения и состояния человека.
4. Сленгизмы, описывающие социальные отношения.
5. Сленгизмы с эмоциональной коннотацией.
6. Сленгизмы тюремной тематики.
7. Сленгизмы, связанные с материальными средствами и деньгами в частности.
8. Сленгизмы, связанные с алкоголем.
9. Сленгизмы, описывающие досуг и времяпровождение человека [2].

Таким образом, сленг можно классифицировать по месту сленгизмов в семантической системе словарного запаса (лексики); сфере употребления; особой структуре слова; его функциональным и стилистическим особенностям. Но, тем не менее, следует отметить, что не существует универсальной классификации сленга, которая бы учитывала все важные параметры этого лексического пласта языка.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Раренко, М. Б. Сленг как повышение и понижение социального статуса / М. Б. Раренко // Языковое бытие человека и этноса : материалы XIII Междунар. Березинских чт., Москва, 15 мая 207 г. / Ин-т науч. информации по обществ. наукам РАН , под ред. В.А. Пищальниковой. – М., 2017. – Вып. 19.– 2017. – С. 183–189.
2. Матюшенко, Е. Е. Современный молодежный сленг: формирование и функционирование: автореф. дис. ... канд. филологических наук: 10.02.01 / Елена Евгеньевна Матюшенко Волгогр. гос. ун-т. – Волгоград 2007. – 29 с.
3. Колесниченко, А. Н. Сленг в английском и русском языках: структурно-семантический, этимологический, функциональный и стилистический аспекты (на материале произведений Д. Сэлинджера «Над пропастью во ржи» и Д. Гуцко «Русскоговорящий»: автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Колесниченко Альвина Николаевна ; Юж. федер. ун-т. – Ростов-н/Д, 2008. – 28 с.

Т. В. ХЛЕБОВЕЦ

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – М. В. Ярошук

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МУЗЫКАЛЬНОГО СЛЕНГА В АНГЛОЯЗЫЧНОМ МУЗЫКАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ

В данной статье анализируются синтаксические особенности, характерные для музыкального сленга, используемого в англоязычном музыкальном дискурсе. Проводится обзор теоретических подходов к изучению неформальных языковых вариантов, выделяются типовые синтаксические явления, такие как эллипсис, инверсия, использование нестандартных конструкций и фрагментаризм.

Музыкальный сленг является ярким примером языкового креатива, возникающего на пересечении субкультур, музыкальной индустрии и неформального общения. В англоязычном музыкальном дискурсе, особенно в жанрах хип-хопа, рока, поп-музыки и EDM (Electronic Dance Music), наблюдается активное использование нестандартных синтаксических конструкций, отражающих не только социальную идентичность, но и эмоциональное напряжение, динамичность и экспрессивность высказываний. С одной стороны, такие синтаксические особенности способствуют созданию узнаваемого стилистического кода, с другой – бросают вызов классическим грамматическим нормам. Цель данной статьи – выявить и подробно рассмотреть типовые синтаксические феномены, специфичные для музыкального сленга, а также проследить их функциональную связь с общим контекстом музыкального дискурса.

Исследования языковой креативности в музыкальном дискурсе охватывают широкий спектр вопросов: от анализа лексической и фонетической стилизации до детального рассмотрения синтаксических инноваций. Ряд работ посвящен взаимосвязи субкультурных идентичностей и измененных языковых норм, что позволяет утверждать, что музыкальный сленг формируется не случайно, а является осознанным средством выражения культурных ценностей и эволюции языка. В частности, отмечается, что неконвенциональные синтаксические конструкции (эллиптические предложения, инверсия, асиндтон и пр.) активно применяются для создания ритмических структур и эмоционально насыщенных высказываний. Таким образом, синтаксическая деформация становится одним из инструментов идентификации, подчеркивающих отличие музыкального дискурса от стандартного языка.

Представленный анализ основывается на качественном и сравнительном анализе текстов песен из различных жанров англоязычной музыки. В качестве основного материала использованы тексты, характеризующиеся высокой степенью инноваций в синтаксисе, а также интервью, выступления и комментарии музыкальных деятелей. Методологическая база включает элементы корпусного анализа, позволяющие выявить повторяющиеся синтаксические паттерны и оценить их функциональное наполнение. Анализ проводился с учетом контекстуальной специфики музыкального дискурса, что дало возможность выделить общие тенденции и уникальные особенности.

Одной из характерных особенностей музыкального сленга является частое использование эллиптических конструкций. В ряде случаев опускаются подлежащие, сказуемые или второстепенные члены предложения, что позволяет добиться ритмической экономичности и эмоциональной накаленности. Такой фрагментаризм часто встречается в жанрах, где выражение экспрессии и динамика важнее точности грамматических норм. Например, в рэп-текстах можно наблюдать конструкции вроде *Money, power, respect* вместо развернутых предложений, что усиливает эффект ритма и акцента на главном месседже.

Еще одной особенностью является произвольная инверсия – изменение привычного порядка слов в предложении. Это явление используется для выделения определенного элемента или создания особого эмоционального эффекта. В музыкальном сленге инверсия может служить инструментом искажения утилитарной грамматики с целью придания высказыванию «характера», что является важным аспектом в построении имиджа исполнителя. Например, перевернутые конструкции в куплетах зачастую играют роль не только риторического приема, но и средства создания уникального метра и ритмического рисунка.

Наряду с инверсией, в текстах музыкального сленга активно используется асиндeton (усечение союзов) и, наоборот, полиасиндeton (намеренное увеличение числа союзов) для создания эмоционального фона. Асиндeton придает высказыванию быстрый, даже иногда обрывистый характер, который отражает динамичность музыкального произведения. С другой стороны, полисиндeton помогает усилить эмоциональную нагруженность и структуру, делая текст более напористым и насыщенным.

Музыкальный сленг часто характеризуется смешением синтаксических категорий, где фразы комбинируются с элементами сленговой лексики, жаргона и даже неологизмов. Такое языковое смешение позволяет создавать уникальные многозначные конструкции, в которых классические границы между частями речи размываются. Например, конструкции, в которых имена собственные функционируют как глаголы (*to Kanye*, как

метафорическое выражение творческой энергии) или где существительные приобретают качество сказуемых, становятся привычными элементами жанрового дискурса.

Синтаксические деформации в музыкальном сленге не являются просто результатом стилистических экспериментов. Они выполняют важную коммуникативную и эстетическую функцию. С одной стороны, они позволяют установить прочную связь между исполнителем и аудиторией за счет создания эффектного ритма и эмоциональной экспрессии. С другой стороны, подобные элементы способствуют формированию культурной идентичности, позволяя участникам музыкального сообщества ощущать себя частью уникального, неформального лингвистического пространства. Таким образом, синтаксические особенности становятся метафорой творческой свободы, отражающей бурные социальные и культурные процессы в музыкальной среде.

В данной статье рассмотрены ключевые синтаксические особенности, характеризующие музыкальный сленг в англоязычном музыкальном дискурсе. Анализ показал, что элементы эллипсиса, инверсии, асиндектона и смешения синтаксических категорий не только отражают креативность и динамичность музыкального пространства, но и играют существенную роль в формировании имиджа исполнителя и субкультурной идентичности аудитории. Полученные результаты указывают на перспективность дальнейших междисциплинарных исследований, объединяющих лингвистический и культурологический подходы для глубинного понимания языковых инноваций в современной музыкальной индустрии.

Дополнительное внимание следует уделить эмпирическому исследованию с использованием корпуса текстов, что позволит количественно оценить распространенные синтаксические модели и выявить их функциональные корреляты в зависимости от музыкального жанра. Это направление открывает возможности для интеграции методов компьютерной лингвистики и социокультурного анализа, что является актуальной задачей для современного исследования языковой динамики.

[К содержанию](#)

В. В. ШАШ

Брест, БГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – М. В. Гуль

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТАХ

Появление новых компьютерных технологий и стремительный рост массовой коммуникации во второй половине XX – начале XXI в. оказали влияние на процесс распространения слова. Большое разнообразие современных СМИ привело к тому, что жизнь нашего общества трудно представить без рекламы, которая окружает нас повсюду и оказывает определенное воздействие на сознание общества, отражает его взгляды, нормы и ценности. Лексические средства выразительности применяются не только для формирования особой атмосферы и акцентирования ключевых идей, но и придают тексту эмоциональную насыщенность. В качестве основополагающей дефиниции рекламного текста в данной работе будет использовано определение, которое представлено в исследовании Е. С. Баскакова и Н. П. Буйновской. Данные ученые рассматривают рекламный текст как устный или письменный текст, подготавливаемый заранее и обладающий автономностью, основная цель которого заключается в сообщении информации адресату и побуждении приобрести конкретный товар или услугу [1, с. 87].

В качестве основной функции рекламного текста выступает функция воздействия, для осуществления которой необходимо подбирать те или иные средства. Для того чтобы потенциальный покупатель решил приобрести рекламируемый товар или услугу, следует сформировать такие условия, при которых он самостоятельно решится купить этот товар или услугу. Следовательно, необходимо задать товару привлекательность с помощью определенных средств. Чтобы привлечь внимание потребителя, в тексты рекламы вводят фонетические, графические, синтаксические и стилистические средства, в том числе лексические.

Стоит отметить, что лексические средства выразительности – это выбор и использование слов с целью усиления эмоциональной, экспрессивной или стилистической окраски текста [2, с. 74]. Среди ряда лексических средств мы выбрали те тропы, которые обладают наибольшей частотностью в англоязычной рекламе. Таковыми являются: метафора, олицетворение, гипербола, антитеза, метонимия.

Метафора – лексическое средство выразительности, основанное на переносе свойств одного объекта или явления на другой по принципу сходства. В рекламном сообщении метафора помогает потребителю

визуализировать предлагаемый продукт или услугу, создавая выразительный и запоминающийся образ. Приведем примеры рекламы косметического бренда L'oreal: *Lipcolour so rich, it hugs your lips*; парфюмерный продукт Nina Ricci: *Hope is in the air*; энергетический напиток Red Bull: *Red Bull gives you wings*; шоколад Alpen Gold: *Alpen Gold, real gold of Alps*.

Олицетворение – лексическое средство выразительности, при котором неодушевленным предметам, абстрактным понятиям или явлениям природы приписываются свойства, действия или эмоции, характерные для живых существ. Наделение продукта человеческими чертами является достаточно характерным явлением для рекламного слогана, способствующим связать продукт с определенными эмоциями или качествами, такими как дружелюбие, надежность или успешность. Приведем примеры использования данного лексического средства выразительности: реклама пищевых продуктов Goldfish: *The snack that smiles back*; автомобильная компания Volvo: *The car that cares*; реклама экологически чистых продуктов Marie Claire: *Nature is calling*; слоган натуральной косметики Siberica: *Your skin will thank you*; энергетический напиток Red Bull: *Red Bull vitalizes body and mind*.

Гипербола – прием, основанный на намеренном преувеличении свойств, качеств или характеристик объекта, явления или действия. Данное лексическое средство выразительности помогает акцентировать внимание на исключительных качествах продукта или услуги, оказывая нужное воздействие на восприятие продукта. Пример рекламы автомобиля BMW: *The ultimate driving machine*; реклама бритвы Gillette: *The best a man can get*; слоган компании Coca-Cola: *Open happiness*; реклама напитка Pepsi: *The world's most refreshing drink*; чайная продукция Tetley: *a cup of Tetley and you are ready for anything*. Гипербола может использоваться для создания юмористического эффекта, что делает рекламу более легкой и привлекательной. Пример рекламного сообщения страховой компании Geico: *So easy, even a caveman can do it*.

Антитеза – связь и сравнение противоположных идей, для достижения большего понимания образов или для более сильного выражения чувств и мыслей. Антитеза помогает подчеркнуть уникальные качества продукта, противопоставляя их недостаткам конкурентов или обычным решениям. Рассмотрим следующий пример рекламного текста автомобильной компании Peugeot: *Maximum interior space. Minimum discomfort for the driver*. Пример рекламного слогана магазина мебели IKEA: *Small price. Big value*; реклама спортивного зала: *Less effort. More results*; автомобиль Peugeot: *Old-world craftsmanship. New-world technology*; реклама стирального порошка: *Tough on stains. Gentle on fabrics*.

Метонимия – троп, в основе которого лежит перенос значения по принципу смежности понятий, причинной или иной объективной связи между ними. В рекламном тексте метонимия позволяет передать сложные идеи или ассоциации в краткой и понятной форме, создавая лаконичный и яркий текст сообщения. Пример рекламы оливкового масла: *Get a taste of the Mediterranean*; рекламная компания ювелирных украшений: *Wear the crown*; реклама автомобиля Isuzu: *Our wheels are always turning*. Использование метонимии помогает сделать текст более емким, запоминающимся и эмоционально насыщенным, что способствует успешному продвижению продукта или услуги.

Таким образом, успех рекламы зависит от ее содержания. Потенциальный покупатель в первую очередь хочет увидеть качество полезных для него товаров, отображаемых в рекламе. Моделируя восприятие рекламной информации аудиторией, люди могут представить себе реакцию, которую они испытывают от нее. Более того, специфика использования лексических средств выразительности в англоязычных рекламных текстах определяется множеством факторов, и успешное применение этих средств требует анализа целей коммуникации, особенностей аудитории и контекста использования текста. Разработка рекламных текстов с учетом особенностей лексических средств выразительности является необходимой для повышения эффективности рекламных сообщений.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баскакова, Е. С. Особенности перевода рекламного текста с английского языка на русский / Е. С. Баскакова, Н. П. Буйновская // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2015. – № 2. – С. 194–202.
2. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М. : Совет. энцикл., 1969. –607 с.

[К содержанию](#)

А. А. ШИЛОВЕЦ

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Н. С. Суббота

ОТ АГРЕССИИ К НОРМЕ: КАК КИБЕРБУЛЛИНГ СТАНОВИТСЯ ЧАСТЬЮ ИГРОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Сегодня Интернет стал неотъемлемой частью нашей повседневной жизни, значительно трансформировав характер общения и способы взаимодействия между людьми. Он открыл широкие возможности для поиска и обмена информацией, установления социальных связей. Однако, несмотря на многочисленные преимущества, у онлайн-коммуникации есть

и обратная сторона, связанная с анонимностью и широкой доступностью. Одним из таких негативных последствий является феномен кибербуллинга. В данной статье кибербуллинг рассматривается в контексте многопользовательских онлайн-игр, анализируются его возможные проявления, социальные последствия и лингвистические особенности.

Согласно определению Питера Смита – известного британского психолога, специализирующегося на вопросах детской психологии, школьного буллинга и детских играх, *кибербуллинг (cyberbullying)*, также известный как *электронная травля (electronic bullying)* и *социальная жестокость онлайн (online social cruelty)*, представляет собой отдельное направление травли, определяемое как преднамеренные агрессивные действия, систематически на протяжении определенного времени осуществляемые группой или индивидом с использованием электронных форм взаимодействия и направленные против жертвы, которая не может себя легко защитить [1, р. 376]. В контексте онлайн-гейминга кибербуллинг чаще всего проявляется в виде токсичного поведения, оскорблений, унижений, распространения вредоносной информации, преследования, исключения из тематических онлайн-сообществ и игрового взаимодействия [2, р. 3739].

Многопользовательские онлайн-игры, например Dota 2, часто становятся ареной кибербуллинга, подтверждение этому можно найти в многочисленных опросах и отчетах профильных ведомств. По данным исследования Anti-Defamation League (2021), примерно 81 % игроков сталкивались с агрессивным поведением в виртуальной среде, а 68 % становились жертвами более серьезных проявлений кибербуллинга, таких как угрозы и преследования [3]. Результаты опроса, проводимого специалистами игрового подразделения Mail.ru Group MY.Games также весьма неутешительны: 52 % опрошенных геймеров заявили, что регулярно сталкиваются с агрессией в онлайн-играх, 53 % – с оскорблением, 49 % – с троллингом. Таким образом, почти каждый второй игрок подвергается токсичному поведению, что подтверждает масштаб проблемы кибербуллинга в русскоязычном сегменте онлайн-игр. Для некоторых игроков подобный негативный опыт не проходит бесследно, так 20 % принявших участие в исследовании геймеров заявили, что испытывают депрессивные и тревожные состояния, вызванные стрессом от кибербуллинга, 10 % были вынуждены обратиться за профессиональной психологической помощью [4].

В случае с онлайн-играми агрессия может быть направлена как на союзников, так и на противников. Оскорблений тиммейтов нередко возникают из-за проигрыша или ошибок в игре, при этом колкие замечания чаще продиктованы эмоциями, чем намерением унизить. В то же время оскорблений противников стали частью игрового процесса: осознание

безнаказанности побуждает игроков выплескивать негатив, не задумываясь о последствиях для других. Некоторые игроки выражают свои накопленные негативные эмоции на других, пытаясь таким образом показать свою значимость и превосходство. Подобный дисбаланс власти и влияние статуса характерны для многих геймеров с большой аудиторией. В контексте данного исследования, наше внимание привлек известный игрок Dota 2 – *СаняКинг*, чье поведение наглядно демонстрирует проявления кибербуллинга и токсичности в игровом сообществе.

СаняКинг известен своими яркими реакциями на события в игре, в особенности чрезмерным использованием ненормативной лексики. В первые минуты стрима можно услышать: «*Слыши, ху**я деревенская, закрой е**о ужсе*», «*мерзкий еб***й сын ил**и, абсолютно отвратительный всем на**й на этой планете Земля, в тебя даже харкнуть не хочется, потому что ты настолько нищее уе***е*» – что является ярким примером кибербуллинга. От не менее агрессивных выпадов в свой адрес страдают и тиммейты *СаниКинга*: «*жди, пока я тебя протащу, кусок де***а е***ы заткни н***й свою пасть, уро***е еба**е ускоглазое, даже попасть н***й кнопкой не можешь, че сын ил**и генетика н***й дала тебе косые глаза, е***н даже не можешь нажать на одну кнопку, сра***и е***ый деревенский*».

Кибербуллинг в онлайн-играх можно интерпретировать через призму теории социального научения Альберта Бандуры, которая подчеркивает, что агрессивное поведение усваивается через наблюдение и подражание моделям, особенно если их действия остаются безнаказанными или даже вознаграждаются. В игровых сообществах, таких как Dota 2, стримеры вроде *СаниКинга*, чьи оскорбительные высказывания превращаются в вирусный контент, выступают в роли «моделей поведения» для аудитории. Пользователи, особенно новички, воспроизводят агрессивные паттерны, видя, что подобное поведение не только не осуждается, но и становится частью развлекательного формата (например, широко транслируется через мемы и шортсы). Это формирует у зрителей убеждение, что агрессия – социально приемлемый способ самоутверждения. Отсутствие немедленных санкций со стороны платформ (как в случае с *СанейКингом*) и пассивность команды в игре подкрепляют токсичное поведение, делая его нормой. Таким образом, кибербуллинг трансформируется из индивидуальных выпадов в коллективную практику, что полностью соответствует механизмам, описанным в концепции А. Бандуры: *внимание → запоминание → воспроизведение → подкрепление* [5].

Сравнительный анализ коммуникативных практик игроков из СНГ и западных стран позволяет выявить ряд заметных отличий. Иностранные пользователи, как правило, избегают персональных оскорблений,

ограничиваясь эмоциональными, но нейтральными выражениями вроде “*f***k*” и “*s**t*”. Это можно объяснить тем, что в западных странах действует ряд мер по борьбе с кибербуллингом в Интернете. Платформы и игровые сервисы строго следят за поведением пользователей и принимают санкции за использование ненормативной лексики. В качестве примера можно привести платформу Twitch, где за нарушения правил сообщества могут быть введены временные или постоянные блокировки. Нередки случаи когда дело доходит до судебных разбирательств. Так, 2021 г. игроки League of Legends подали иски против Riot Games, обвинив платформу в недостаточной защите от токсичности. Суд обязал компанию усилить модерацию. Еще одним фактором может быть то, что западная культура уделяет большое внимание уважительному общению, особенно в публичных сферах, включая видеоигры и стриминг, где соблюдение этикета и уважение к другим являются важными аспектами. Также нельзя отрицать влияние феномена «культуры отмены», введенного американским психологом Джонатаном Хайдтом. Его суть заключается в том, что любое некорректное поведение или токсичные высказывания могут привести к общественному осуждению и последствиям для репутации [6]. В случае с онлайн-геймингом страх репутационных потерь стимулирует игроков соблюдать этические нормы.

Dota 2 – командная игра, где одно неправильное действие приводит к проигрышу, поэтому в случае неверного действия начинают кибербуллить сокомандника, т. к. воспринимают ошибки как личную угрозу, а оскорбление союзника помогает сбросить накопленный стресс. Зачастую более опытные игроки считают себя лучше, а других воспринимают как «тормозов» команды и начинают унижать тиммейтов, чтобы почувствовать свое превосходство и утверждаться за счет других.

Нецензурные слова и агрессивные высказывания в онлайн-играх нередко направлены на тех, кто просто хочет насладиться игровым процессом и отдохнуть. Вследствие этого виртуальная среда, изначально предназначенная для досуга, трансформируется в зону психологического дискомфорта, где даже за незначительные ошибки игроки начинают испытывать чувство вины. Со временем такое поведение становится нормой, и даже те, кто ранее не пользовался такой формой общения, начинают повторять за другими и перенимают такой стиль общения. Таким образом, компьютерные игры, интегрируя оскорблений в игровой дискурс, способствуют формированию культуры, где агрессия воспринимается как допустимый способ взаимодействия.

Борьба с кибербуллингом требует усилий как разработчиков, так и сообщества. Важнейшей задачей стоящей перед индустрией игр является создание безопасной и комфортной среды. Разработчики игр, такие как

Valve (создатели Dota 2), уже внедряют системы репортов и автоматического анализа чатов, но этого недостаточно. Разработчики должны популяризировать идею, что уважение в игре так же важно, как и мастерство. Так, например, Riot Games (League of Legends) успешно использует программы поощрения за позитивное поведение, что снижает уровень токсичности. Игрокам важно осознавать, что взаимоподдержка – ключ к успеху в командных играх.

Очевидно, что несмотря на все усилия, кибербуллинг в онлайн-играх, таких как Dota 2, по-прежнему остается серьезной проблемой, подпитываемой анонимностью и эмоциональной вовлеченностью игроков. То, как ведут себя некоторые стримеры, среди которых и *СаняКинг*, только лишь усиливает нормализацию агрессии. Решение данной проблемы требует совместных усилий разработчиков и сообщества для создания безопасной среды, где уважение станет неотъемлемой частью игрового опыта.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Smith, P. K. Cyber bullying: Its nature and impact in secondary school pupils / P. K. Smith, J. Mahdavi, M. Carvalho [et. al.] // The Journal of Child Psychology and Psychiatry. – 2008. – Vol. 49, № 4. – P. 376–385. – URL: <https://psycnet.apa.org/record/2008-03518-003> (date of access: 04.03.2025).
2. Haewoon, K Exploring Cyberbullying and Other Toxic Behavior in Team Competition Online Games / K. Haewoon, J. Blackburn, H. Seungyeop // CHI'15 : Proceedings of the 33rd Annual ACM Conference on Human Factors in Computing Systems, Seoul Republic of Korea, 18 April 2015. – P. 3739–3748. – URL: <https://arxiv.org/pdf/1504.02305.pdf> (date of access: 07.03.2025).
3. Online Hate and Harassment: The American Experience 2021 // Anti-Defamation League (ADL) : [site]. – URL: <https://www.adl.org/resources/report/online-hate-and-harassment-american-experience-2021> (date of access: 07.03.2025).
4. Российские геймеры пожаловались на кибербуллинг // РБК – новости в реальном времени [сайт]. – URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/18/02/2021/602dfc2b9a7947603febb92e (дата обращения: 07.03.2025).
5. Бандура, А. Теория социального обучения : монография / А. Бандура. – Москва : Директ-Медиа, 2008. – 532 с.
6. Lukianoff, G. The Coddling of the American Mind: How Good Intentions and Bad Ideas Are Setting Up a Generation for Failure / G. Lukianoff, J. Haidt. – New York : Penguin Press, 2018. – 352 p.

[К содержанию](#)

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО КОДА

Ю. С. АБОИМОВА

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – С. А. Пилипенко

ГИБРИДНЫЕ И НЕГИБРИДНЫЕ ФОРМЫ КОМПЬЮТЕРНОЙ ЛЕКСИКИ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Вопрос заимствования привлекает внимание ученых уже несколько столетий. На протяжении данного времени этот вопрос рассматривался с разных сторон, однако особенности образования гибридных слов стали объектом изучения относительно недавно. Под гибридными словами Т. В. Пономарева [1, с. 25] понимает «единые словесные комплексы, образованные слиянием заимствованных и немецких словообразовательных элементов по немецким словообразовательным моделям». Такие слова представляют собой сложные конструкции, которые могут включать в себя несколько корней других слов, соединенных в одно. Выделяют следующие типы таких образований [2, с. 254]:

- слово, образованное от корня, имеющего иноязычное происхождение;
- сложное слово, имеющее в своем составе как минимум одну немецкую основу и одну иностранную;
- сложное слово, образованное из двух или более корней иностранного происхождения.

Нередко к заимствованным существительным, определяющим субъект действия, присоединяется немецкий суффикс женского рода *-in*, например, *Bloggerin*, *Hackerin*. Это является отличительной чертой немецкого языка [2, с. 254].

Существительные считаются одной из самых обширных групп в вопросе гибридного словообразования. Выделяют следующие способы образования составных имен существительных [3, с. 56]:

- существительное + существительное
die Daten + die Bank = die Datenbank ‘база данных’;
- прилагательное + существительное
zentral + die Einheit = die Zentraleinheit ‘центральный процессор’;
- глагол + существительное
suchen = die Maschine = die Suchmaschine ‘поисковая система’.

Большая часть составных существительных связывает свои основы с помощью соединительной морфемы *-e*, *-(e)s*, *-(e)n* или *-er*, например,

das Anwendungsprogramm ‘прикладная программа’, *der Tintendrucker* ‘струйный принтер’, *das Lesezeichen* ‘закладка’ [3, с. 55].

Многие гибридные слова формируются благодаря слиянию словосочетаний иноязычного происхождения. В качестве примеров можно привести следующие лексемы: *der Tabletcomputer* ‘планшетный компьютер’, *das Smartphone* ‘смартфон’, *der Internetkonzern* ‘Интернет-компания’. Такой вид сложения достаточно распространен в немецком языке для многих частей речи, однако, если рассматривать именно заимствования, то такой феномен применяется в большинстве случаев для имен существительных, при этом встречается как раздельное и слитное написание, так и через дефис, например, *der Shutdown*, *der QR-Code* [2, с. 254].

Большая часть исследований по теме гибридного словообразования сконцентрированы вокруг словосложения существительных, в то время как словосложение глаголов до сих пор остается малоизученным. Объектом исследования являются заимствованные глаголы, которые содержат префиксы или частицы заимствующего языка, например, *to download – downloaden*, *to source out – outsource*. При использовании такого типа глаголов в немецком языке порождаются различные противоречия. Это связано в первую очередь с вопросом образования времен и спряжения глагола: нужно ли отделять приставку, ставить ли ее в конце предложения [4, с. 175].

Немецкая компьютерная лексика, как и весь немецкий язык обладает большим количеством составных слов. В качестве источников исследования были выбраны электронный словарь „Sprachnudel. Wörterbuch der Jetzsprache“ [5] и переводной словарь О. В. Сыромясова «Краткий немецко-русский и русско-немецкий словарь по информатике и компьютерной технике» [6]. Для анализа компьютерных слов нами было отобрано 350 лексических единиц, в ходе изучения обнаружились 57 сложных слов и 9 слов, образовавшиеся в результате слияния двух языков. Из 57 составных слов мы выделили 48, у которых одна часть является исконно немецкой, а вторая произошла из другого языка (английского, французского, латинского, итальянского и греческого). Примерами могут служить такие слова, как *die Überwachungskamera* ‘камера видеонаблюдения’, *die Spielkonsole* ‘игровая консоль’, *das Betriebssystem* ‘операционная система’, *die Hochstelltaste* ‘клавиша “Shift”’, *die Festplatte* ‘жесткий диск’. Также помимо данной группы было образовано еще две:

- слова, состоящие из двух разных по происхождению основ (*das Kontextmenü* ’контекстное меню’, *das Systemprogramm* ‘системная программа’);

— слова, имеющие в своем составе несколько основ с разной этимологией (*das Autowiederherstellungsprogramm* ‘программа автовосстановления’, *das Speichermodul* ‘модуль памяти’).

Также стоит отметить слова, которые имеют иноязычную основу, однако после перехода его в заимствующий язык, приобрели некоторые его графико-орфографические признаки. Особенно это заметно при изучении большинства глаголов. Например, *uploaden* ‘скачивать’ образован от английского *to upload* ‘загружать’. На этом примере отчетливо видно, что добавилось окончание *-en*, характерное для глаголов немецкого языка. К некоторым иноязычным глаголам помимо окончаний могут присоединяться приставки, например, *to log* ‘регистрировать’ — *einloggen* ‘зарегистрироваться (в системе)’. Появление приставки в этом слове может указывать на конкретное положение дел: переход в некоторое состояние или движение вовнутрь. Некоторые немецкие глаголы компьютерной лексики могут иметь корни, образовавшиеся от названия какой-либо программы, например, *entzippen* ‘разархивировать’. Его корень *-zip-* появился благодаря программе WinZip (архиватору файлов для уменьшения их веса в памяти компьютера). Вместе с тем стоит указать на наличие немецкой приставки *-ent*, которая придает значение удаления, движения от исходной точки [7].

Таким образом, в немецком компьютерном языке имеется значительное количество гибридных слов, основы которых образованы из разных языков или же к иноязычной основе присоединялись различные графико-орфографические признаки немецкого языка, такие как artikel, заглавная буква существительных, глагольное окончание *-en* и конечно же непосредственно наличие словосложения с или без соединительных морфем.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пономарева, Т. В. Проявление тенденции к интернационализации в немецком словосложении / Т. В. Пономарева // Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете. – СПб., 2001. – С. 25–31.
2. Жилюк, С. А. Место заимствований в современном немецком языке / С. А. Жилюк // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2014. – № 5 (27). – С. 253–256.
3. Крупнова, Н. А. Композиты немецкого языка: Общая характеристика / Н. А. Крупнова // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2013. – № 11-2. – С. 54–57.
4. Жилюк, С. А. Заимствование английских глаголов с префиксами и частицами в немецкий язык / С. А. Жилюк // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2019. – № 1 (817). – С. 175–188.
5. Sprachnudel. Wörterbuch der Jetzsprache. – URL: <https://www.sprachnudel.de> (Zugriffsdatum: 18.12.2023).
6. Сыромясов, О. В. Краткий немецко-русский и русско-немецкий словарь по информатике и компьютерной технике / О. В. Сыромясов. – Саранск: Саран. кооп. ин-т РУК, 2009. – 68 с.

7. Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache (DWDS). – URL:
<https://www.dwds.de/wb/ent-> (Zugriffsdatum: 19.01.2025).

[К содержанию](#)

А. А. АБРАМОВА

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
 Научный руководитель – А. Е. Саиди

ПРОДУКТИВНЫЕ СПОСОБЫ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Язык представляет собой не только средство коммуникации, но и динамичную систему, тесно связанную с когнитивной и культурной деятельностью человека. Он не только отражает изменения, происходящие в обществе, но и активно формирует восприятие окружающей действительности, воздействуя на мышление и сознание его носителей. Между языком и мышлением существует двусторонняя связь: изменения в общественном сознании приводят к появлению новых смыслов, что требует соответствующего языкового выражения, а язык, в свою очередь, оказывает влияние на процессы концептуализации и категоризации опыта. В рамках этой взаимосвязи формируются языковые инновации, влекущие за собой качественные изменения в лексической системе языка.

Современный английский язык демонстрирует интенсивный рост новых лексических единиц, обновление значений уже существующих слов и изменение моделей их употребления. Одним из источников таких трансформаций является актуализация малоупотребимых ранее лексем, обладающих специфическим или узкоспециализированным значением. Процесс лексического обновления затрагивает все уровни языка, но особенно нагляден он в словообразовательной подсистеме, где проявляются продуктивные механизмы пополнения словаря.

На современном этапе особый интерес вызывает вопрос: какими способами и средствами происходит обновление словарного состава английского языка? Ответ на него во многом лежит в плоскости семантической адаптации языка к новым реалиям. Изменения в лексике чаще всего являются реакцией на когнитивный запрос: новые явления требуют обозначения, а существующие значения – переосмысления. Именно семантика диктует необходимость как в создании неологизмов, так и в расширении значений привычных слов.

Как отмечает И. В. Арнольд, языковые инновации сопровождают каждую стадию эволюции языка, инновационность проявляется в стремлении к современности, креативности, функциональности

и лаконичности. Однако в отличие от эпизодических речевых новаций, языковые инновации закрепляются в системе и изменяют ее изнутри.

Неологизмы, как особый тип языковых новшеств, проходят определенный путь ассимиляции: от единичных случаев употребления до возможного вхождения в общий лексикон. При этом соответствие нормам фонетики, морфологии и словообразования английского языка выступает важным условием для укоренения новых слов в языке. Устойчивые неологизмы могут быть закреплены в нормативных словарях, а малоупотребимые – быстро исчезают из употребления.

В последние десятилетия в английском языке наблюдаются масштабные семантические сдвиги, выражющиеся как в переосмыслении значений, так и в активном формообразовании. Основными факторами этих процессов являются:

- глобализация и распространение английского языка как глобального средства общения (*Global English, Globish*), что приводит к усилению лингвистических контактов и смешению норм;
- технологическая революция, сформировавшая целые пластины новых понятий и реалий, обозначаемых инновационной лексикой (*selfie, hashtag, stream, cloud, AI*);
- социальные и культурные трансформации, в том числе усиление принципов инклюзивности и политкорректности, что приводит к замене стилистически окрашенных единиц на нейтральные аналоги;
- воздействие медиа и цифровых коммуникаций, способствующее динамичному распространению новых лексем.

Следует особо отметить продуктивность таких словообразовательных процессов, как аффиксация (например, *eco-friendly, microaggression*); словосложение (*brainstorm, webinar*); усечение (*doc, app*); конверсия (*to google, to friend*); семантическое расширение (*mouse* → ‘компьютерная мышь’); заимствование (*emoji, anime*), в том числе адаптированное; креативное смешение морфем: *brunch, infotainment*.

Как подчеркивает В. В. Виноградов, язык не может зафиксировать каждый элемент реальности посредством уникального корня – это было бы когнитивно и структурно нецелесообразно. Поэтому активную роль приобретает механизм категоризации и смыслового обобщения, реализуемый, в том числе, через вторичную номинацию и расширение значений.

Кроме того, в современных условиях особое значение приобретает явление переноса значений из одной сферы в другую. Так, слово *troll*, изначально обозначавшее сказочного персонажа, приобрело новое значение в интернет-дискурсе – ‘пользователь, провоцирующий других участников’.

Подобные метафорические переосмысления обеспечивают экспрессию и живость лексики.

Важно также учитывать, что процесс лексических изменений представляет собой определенную трудность для изучающих английский язык как иностранный. Часто обновленные значения и новообразования не отражаются в традиционных словарях, что требует создания гибких и адаптивных учебных пособий, учитывающих реальную языковую практику.

Таким образом, языковые инновации выступают как важнейший механизм адаптации английского языка к стремительно изменяющимся условиям окружающего мира. Они обеспечивают не только пополнение лексического состава, но и его функциональное обновление, способствуя точности и выразительности коммуникации. Подобные процессы свидетельствуют о высокой степени гибкости и жизнеспособности английского языка, сохраняющего баланс между нормативностью и открытостью инновациям.

[К содержанию](#)

P. С. АЛЕКСЕЮК

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина

Научный руководитель – О. С. Корнеева

THE STRUCTURAL CHARACTERISTICS OF PHRASEOLOGICAL UNITS WITH A SOMATIC COMPONENT

One of the most important human needs is the need for communication. Each communicative act is accomplished through the vocabulary of a certain language. Vocabulary forms an essential component of a language and communication that helps convey messages, ideas, thoughts, emotions. Vocabulary is not limited to isolated words only. It also includes multi-word units known as phraseological units or idioms.

Phraseology is the branch of linguistics dealing with word combinations characterized by certain transference of meaning and stability of use. Phraseology of each language makes a significant contribution to the language study and it is the most colourful part of the language as well. The culture of each nation is reflected in idioms. Phraseological units, or idioms, as they are called by most western scholars, represent what can probably be described as the most picturesque, colourful and expressive part of the vocabulary of a language. Learning specific idioms related to a certain culture helps us learn more about the country, the nation, its history, customs, traditions and social beliefs. Somatic idioms play a special role in the formation of cultural specifics and they are the

semantic centre of idioms of various languages, including English. The widespread usage of somatic idioms can be explained by the fact that the somatisms represent the oldest layer of the lexis of different languages and include the nucleus of the basic word stock of any language. The meaning of these idioms can vary from one language to another.

The classification system of phraseological units suggested by Prof. A. V. Kunin is based on the combined structural-semantic principle and it also considers the quotient of stability of phraseological units [1]. Prof. A. V. Kunin defines a phraseological unit as a stable word group with wholly or partially transferred meaning. In his classification phraseological units are subdivided into classes, subclasses and types. Classes are distinguished according to their function in communication determined by their structural-semantic characteristics.

Concerning classifications of phraseological units, it is important to mention that they are stable constructions, lexically indivisible and integral, that were formed as a result of a sequential combination of words. In his book “Phraseology of Modern English” A. V. Kunin identified several types of so-called stability: 1) stability of use meaning that a phraseological unit is part of a language rather than a separate unity; 2) structural-semantic stability – a phraseological unit consists of at least two words and can't be used for creating similar phraseological units; 3) semantic stability; 3) lexical stability – absolute invariability and constancy of phraseological unit; 4) syntactic stability – absolute invariability of the sequence of its components.

According to the classification by A.V. Kunin, structural-semantic classes of phraseological units are distinguished. Nominative phraseological units perform the function of naming objects, actions, states, qualities. They are divided into the following subtypes: substantive PU (*a hair's breadth, a head of steam*), adjectival PU, adverbial PU (*from head to foot*), and prepositional PU (*with an eye to*). In their turn, nominative-communicative phraseological units are verbal phraseological units that perform a nominative function. They contain verbs in the active as well as in the passive voice (*keep one's hair up, lead somebody by the nose, close one's ears*). The third class comprises communicative phraseological units, which include phraseological units that are sentences. Such sentences can be proverbs or sayings. Proverbs are folk thoughts *that express a perceived truth based on common sense or experience*. Sayings are well-known wise statements that often have a meaning that is different from the simple meanings of the words it contains. The last class of interjective and modal phraseological units includes phraseological units expressing emotions, personal attitude of a person to objects of the external world.

Phraseology issues have become the subject of studying in the national and foreign research. The aim of our study is to find out the structural characteristics

of phraseological units with a somatic component (hair, eye, nose, ear, mouth, head). The practical value of the research lies in the use of research materials in the process of teaching English. The linguistic and cultural aspect is an important component in comprehensive language training of future foreign language (English) specialists. Thus, it is necessary to include idioms carrying linguistic and cultural information into the process of teaching English. The chosen topic of our study is relevant because somas play a significant role in the formation of cultural aspects, as well they represent the oldest layer of the lexis of the English language.

The analysis of 100 somatic phraseological units showed that 30 idioms are nominative (*as far as the eye can see, heads with roll, an eye for an eye*), 20 of them are nominative-communicative (*have your eye on something, see eye to eye on something, put their heads together*), 30 somatic PU were identified as communicative PU (*someone's eyes are bigger than their belly/stomach*). Nominative phraseological units can be substantive (*head in the game, a hair's breadth, not a hair out of place*), adjectival (*a full head of hair*), adverbial (*head over heels, as plain as the nose on your face*), prepositional (*with your nose in the air, with your eyes open*).

Based on the conducted research, the following conclusion can be drawn: 50 % of the chosen somatisms are nominative-communicative, 20 % are represented by nominative phraseological units. Only 2 % are communicative PU. Interjectional phraseological units weren't identified.

Idioms related to facial features are widely used in both Russian and English, reflecting cultural and emotional nuances. In Russian, expressions like «вешать нос», «держать язык за зубами», «глаза на лоб лезут» often carry vivid emotional imagery rooted in folklore. English, meanwhile, employs idioms such as “keep a straight face” (maintain composure), “read my lips” (listen carefully), or “stick your nose into something” (meddle), which are more common in casual and professional communication. Both languages demonstrate how facial features serve as universal metaphors for emotions and social dynamics, bridging cultural divides through shared human experience.

The English language is rich in idioms. Idioms or phraseological units give us a new way to express ourselves in the language. Understanding idioms and using them while speaking can boost our conversational skills and help us sound like native speakers. Due to these facts, it is important to include idioms in the learning process at school and work out a set of interactive exercises that can be used in the teaching process.

REFERENCE LIST

1. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка : учеб. пособие / А. В. Кунин. –3-е изд., стереотип. – Дубна : Феникс, 2005. – 488 с.

[К содержанию](#)

С. Ю. БОГУШ

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Е. Н. Стрижевич

РОЛЬ ЛАНДШАФТНОЙ ЛЕКСИКИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Ландшафтная лексика представляет собой важный аспект языка, который отражает не только природные особенности, но и культурные, социальные и исторические контексты. В английском языке, как и в других языках, ландшафтная лексика служит средством описания окружающего мира, а также инструментом для передачи эмоционального и эстетического опыта. Ландшафтная лексика, как часть языка, активно отражает наше восприятие окружающей природы и культурные контексты, связанные с ней. Английский язык, как один из самых распространенных языков мира, включает в себя разнообразные термины, которые описывают не только физические особенности местности, но и культурные, эмоциональные и эстетические аспекты ландшафтов. В данной статье мы рассмотрим важность ландшафтной лексики, ее развитие и использование, а также культурные и социальные значения, которые она несет.

Ландшафтная лексика включает в себя слова и выражения, описывающие рельеф, водные объекты, климатические явления и другие элементы окружающей среды. Развитие ландшафтной лексики обусловлено природно-географическими условиями, хозяйственной деятельностью человека, культурными традициями и научными открытиями.

Эта лексика может быть классифицирована по нескольким критериям:

1. Географические термины: слова, обозначающие конкретные географические объекты (например, *mountain, river, valley*).
2. Экологические термины: слова, связанные с экосистемами и биомами (например, *forest, desert, wetland*).
3. Климатические термины: слова, описывающие климатические условия (например, *tropical, arid, temperate*).
4. Культурные и исторические термины: слова, отражающие культурные аспекты, связанные с природой (например, *sacred grove, farming land*).

Ландшафтная лексика представляет собой специфическую категорию слов и выражений, которые описывают природные и искусственные элементы окружающей среды. В английском языке эта лексика играет важную роль не только в описании физического пространства, но и в формировании культурных и социальных идентичностей. Ландшафтная лексика выполняет несколько важных функций в языке:

1. Дескриптивная функция: позволяет точно описывать природные объекты и явления, что особенно важно в научных и образовательных контекстах. Она включает в себя термины, относящиеся к географическим объектам, природным явлениям, экосистемам, а также элементам, созданным человеком, таким как города, здания и инфраструктура. Эти слова помогают людям описывать, анализировать и интерпретировать пространство, в котором они живут и работают.

Данная функция помогает выделить некоторые особенности местности (*plateau, ravine, gorge*), передает визуальные и сенсорные характеристики (*steep bank, gentle slope*), отражает природные процессы (*landslide, snowfall, thaw*). Таким образом, описывающая функция помогает создавать образ природы в языке, что важно для картографии, географии, литературы и устной народной традиции.

2. Эмоциональная функция: помогает передавать чувства и эмоции, связанные с природой, что имеет большое значение в литературе и искусстве. Ландшафтная лексика играет значительную роль в английской литературе и искусстве. Многие писатели, поэты и художники используют природные образы и символику для передачи глубоких идей и эмоций.

В произведениях таких авторов, как Уильям Бордсворт и Джон Китс, природа выступает не только фоном, но и активным участником сюжета, отражая внутреннее состояние героев.

3. Культурная функция: отражает культурные и исторические особенности общества, позволяя понять, как различные культуры воспринимают и взаимодействуют с природой. Кроме того, ландшафтная лексика помогает формировать национальную идентичность. Природа часто становится символом страны, и слова, связанные с ней, могут вызывать чувство гордости и принадлежности. Например, такие термины, как *the English countryside, the Lake District* или *the Scottish Highlands* вызывают у людей определенные ассоциации и эмоции, связанные с культурой и историей этих регионов.

4. Коммуникативная функция: использование терминов, связанных с географией и пространством, способствует эффективной коммуникации и навигации, помогая людям ориентироваться в окружающей среде и делая общение более понятным и точным. Например, слова, описывающие направления (*north, west, east, south*), или термины, относящиеся к различным типам местности (*desert, plain, wilderness*), являются необходимыми для успешного взаимодействия в различных контекстах.

В современном мире, где вопросы экологии и устойчивого развития становятся все более актуальными, ландшафтная лексика приобретает особую значимость. Такие слова, как *deforestation, biodiversity, erosion* или

desertification описывают проблемные экологические ситуации и явления, с которыми сталкивается мир в данный момент и помогают людям осознать важность сохранения природных ресурсов и экосистем. Использование ландшафтной лексики в образовательных программах и экологических инициативах способствует повышению экологической осведомленности и формированию ответственного отношения к окружающей среде.

Ландшафтная лексика также несет в себе культурные и эмоциональные коннотации. Например, английские поэты и писатели часто использовали ландшафтные метафоры для передачи эмоций и создания художественного образа. Слова, описывающие природу, могут вызывать у читателя определенные ощущения, такие как умиротворение, одиночество или ностальгию.

Изучение ландшафтной лексики открывает возможность понять, как люди воспринимают и взаимодействуют с окружающим миром. Например, в английской литературе нередко встречаются описания природных явлений, которые играют значительную роль в развитии сюжета или в формировании характера персонажа.

В современных условиях, когда глобальные изменения климата и экологические проблемы становятся все более актуальными, ландшафтная лексика приобретает особое значение. Использование специфических терминов для описания экосистем и природных ресурсов становится важным для обсуждения вопросов устойчивого развития и охраны окружающей среды. Это также влияет на образовательные и документальные практики, направленные на повышение осведомленности о важности защиты природного наследия.

Таким образом, ландшафтная лексика является неотъемлемой частью языка, отражая природные и культурные особенности мира. Она развивается под влиянием географии, хозяйственной деятельности, искусства и науки, помогая людям лучше понимать и взаимодействовать с окружающей средой. В условиях глобализации и изменения климата, где экологические вопросы становятся все более актуальными, значение ландшафтной лексики только возрастает, обеспечивая точность и глубину описания природных процессов и явлений и тем самым подчеркивая важность ее изучения и сохранения в современном языке.

[К содержанию](#)

Р. М. БОДНАРЧУК

Брест, БГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – С. А. Пилипенко

ЭВОЛЮЦИЯ ПРОЕКТА «СЛОВА ГОДА» В ГЕРМАНИИ: ОТ ИСТОКОВ ДО СОВРЕМЕННОСТИ

В настоящее время в различных языковых культурах существует ряд проектов, которые направлены на модернизацию языка, на сохранение лингвистических традиций или активно отстаивают чистоту языка. Одним из таких проектов является «Слово года».

В данной статье мы рассмотрим само зарождение проекта и какую значимость он имеет на сегодняшний день. Исследуемый нами проект имеет международный статус и социолингвистическую направленность. Целью проекта является документирование и анализ динамики развития языка через выявление наиболее значимых и популярных лексических единиц в течение определенного отрезка времени.

Страной-родоначальником данного проекта является Германия. Согласно исторической информации в 1971 г. Общество немецкого языка („Gesellschaft für deutsche Sprache“) впервые выбрало Слово года в Германии. Выбор пал на имя прилагательное *aufmürrig* ‘строптивый’, ‘непокорный’. С 1972 по 1976 г. выбор Слова года временно был приостановлен, а начиная с 1977 г. данный проект развивается и активно поддерживается Обществом немецкого языка.

Общество немецкого языка было основано 10 января 1947 г. в Люнебурге. Юрист Макс Вахлер был избран на пост первого председателя. GfdS является зарегистрированной ассоциацией и находится в Висбадене. Данное общество имеет государственную поддержку и курируется федеральным правительством и федеральными землями. В настоящее время председателем GfdS является профессор доктор Петер Шлобински (Prof. Dr. Peter Schlobinski).

Основной задачей Общества немецкого языка является повышение осведомленности о немецком языке, его особенностях, развитии и значении языка как для носителей, так и для его изучающих. «GfdS выполняет одну из главных целей, которая прочно закреплена в его уставе: помочь всем, кто нуждается в совете по языковым вопросам» [1].

С 1978 г. Gesellschaft für deutsche Sprache стало ежегодно обновлять списки Слов года в своем журнале *Der Sprachdienst* («Языковая служба»). На официальном сайте GfdS указано: «наш журнал *Der Sprachdienst* издается с 1957 г. и ориентирован на широкую аудиторию,

интересующуюся языками. Здесь мы публикуем научные статьи по всем вопросам современного немецкого языка в общепонятной форме» [2].

Состав жюри представлен членами GfdS, экспертами из медиа- и культурного пространств. При выборе Слов года решающее значение имеет не частота выражения, а его значимость и популярность. Они отражают современную общественно-политическую и культурную историю Германии. Выбранные слова не связаны с какой-либо оценкой или рекомендацией.

С 1991 г. концепция проекта в Германии претерпела радикальные изменения. Появляется еще одна опция “*Unwort des Jahres*”. «*Unwort des Jahres* используется для описания языковых ошибок в публичной коммуникации, которые фактически являются крайне неуместными <...>» [3]. Основной фокус при работе с языком переместился на борьбу с языковым насилием. Жюри, формируемое на национальном уровне, опирается на отзывы граждан, анализируя языковые злоупотребления в публичных коммуникациях. В центр внимания попадают слова неуместные, оскорбительные и унижающие человеческое достоинство.

«При выборе слова-победителя в немецкоязычных странах не существует конкретных предписаний. С точки зрения временной дифференциации лексики к Словам года можно отнести как неологизмы, так и слова, уже активно использующиеся в языке и имеющие нормативный статус» [4].

В списке слов года GfdS отражаются волнующие общество темы, как экономические и политические изменения, так социальные и культурные явления. Например, слово 2005 г. – *Bundeskanzlerin* ‘канцлер’ связано с тем, что 22 ноября 2005 г. Ангела Меркель была избрана первым канцлером-женщиной Германии. Словом 2020 г. стало *Coronapandemie* ‘пандемия коронавируса’. Данная лексическая единица на тот период широко распространилась не только в Германии, но и по всему миру. Пандемия коронавируса изменила жизнь большинства людей в 2020 г. Слово *Ampel-Aus* ‘крах светофора’ является новоизбранным Словом ушедшего 2024 г. Этот выбор связан с развалом коалиции «светофора». Данное событие затмило даже выборы президента США.

Таким образом, проект „*Wort des Jahres*“ прошел значительный путь развития с момента его рождения в 1971 г. Из языковой инициативы он перерос в важнейший социолингвистический инструмент, который отражает жизнь немецкого общества через призму языка. Проект отражает как лингвистические изменения, так и ключевые события в политической, социальной и культурной жизни страны, тем самым документируя ее историю. Проект является независимым и объективным, что не может не привлекать множество людей. Он способствует формированию

национальной идентичности, заостряющей внимание на своеобразии немецкого языка и культуры в глобальном пространстве.

Данную статью уместно закончить цитатой председателя Общества немецкого языка Петера Шлобинского: «слова года – зеркало общества, показывающее, что волновало людей в определенный год. Они являются частью нашей коллективной памяти и тем самым документируют часть современной истории» [2].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Die Gesellschaft für deutsche Sprache stellt sich vor [GfdS]. – URL: <https://gfds.de/die-gesellschaft-fuer-deutsche-sprache-stellt-sich-vor/> (Zugriffsdatum: 18.02.2025).
2. Der Schprachdienst. – URL: <https://gfds.de/publikationen/der-sprachdienst/> (Zugriffsdatum: 23.02.2025).
3. Wort und Unwort des Jahres in Deutschland // Duden. – URL: <https://www.duden.de/sprachwissen/sprachratgeber/Wort-und-Unwort-des-Jahres-Deutschland> (Zugriffsdatum: 26.02.2025).
4. Едличко, А. И. Главные слова года: структурно-функциональная и социолингвистическая характеристика / А. И. Едличко // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – 2019. – № 4. – С. 80–97. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/glavnye-slova-goda-strukturno-funktionalnaya-i-sotsiolingvisticheskaya-harakteristika> (дата обращения: 28.02.2025).

[К содержанию](#)

Е. С. БУБЕН

Минск, МГЛУ

Научный руководитель – Ю. В. Бекреева

ОТРАЖЕНИЕ ПУБЛИЧНОГО ОБРАЗА ПЕРСОНЫ В КОЛЛОКАЦИЯХ С ИМЕНЕМ *MEGHAN MARKLE* В КОРПУСЕ *NEWS ON THE WEB*

В рамках теории социальных систем Никлас Луман подчеркивает роль медиа в конструировании реальности, в частности, через формирование нарративов и фреймов, представляющих личность в определенном свете [1]. В эпоху цифровых медиа, когда новостной дискурс оказывает значительное влияние на публичный образ личности, методы корпусной лингвистики становятся важным инструментом для его анализа. Опираясь на эмпирические данные, корпусный подход предоставляет основу для применения методов дискурс-анализа [2], обеспечивая более объективную и обоснованную интерпретацию лингвистических фактов.

Данная работа демонстрирует анализ коллокаций с именем **Meghan Markle**, выявленных в корпусе текстов News On the Web (NOW) [3] для

определения характеристик публичного образа Меган Маркл в англоязычном медиапространстве.

На начальном этапе исследования был создан конкорданс для ключевого имени **Meghan Markle**, охватывающий 98 683 контекста его использования, извлеченных из корпуса NOW. Для выявления лексических сочетаний, статистически значимо связанных с этим именем, был применен корпусный инструмент “Collocates”. Далее данный инструмент был использован для определения наиболее часто встречающихся глаголов, существительных и прилагательных, находящихся в близости (в пределах ± трёх слов) от ключевого имени **Meghan Markle**.

Дальнейший этап включает в себя фреймовый анализ, основанный на частотном распределении глаголов (Таблица 1), встречающихся в непосредственной близости от имени Meghan Markle в корпусе NOW. Анализ направлен на выявление доминирующих сценариев и ситуаций, в которых упоминается данная персона в медийном дискурсе.

Таблица 1 – Наиболее частотные глаголы по ключевому имени
“Meghan Markle”

Глагол	Частотность
make	1403
say	1295
marry	660
announce	591
leave	495
wear	383
attend	377
join	303
tell	264

Глаголы *say* и *announce* формируют фрейм “Statement”, акцентируя внимание на коммуникативной деятельности Меган Маркл. Эти глаголы указывают на то, что она регулярно делает публичные заявления и активно участвует в информационном обмене. В рамках данного фрейма, Меган Маркл выступает в роли говорящего, т. е. коммуникатора, выражающего собственные взгляды и представляющего информацию. Подчеркивается ее позиция как публичной персоны, чьи слова и заявления имеют существенное значение для общества.

Фрейм “Personal_relationship” формируется глаголом *marry*, подчеркивая значимость брака Меган Маркл с принцем Гарри. В этом контексте Меган Маркл представлена как супруга и партнер, чьи отношения с принцем Гарри оказывают влияние на события, разворачивающиеся

вокруг королевской семьи. Фрейм “Personal_relationship” акцентирует внимание на тесной взаимосвязи ее личной жизни с институтом британской монархии.

Глагол *attend* формирует фрейм “Attending”, сигнализируя об участии Меган Маркл в официальных мероприятиях и исполнении соответствующих обязательств. Это особенно актуально в период ее активной деятельности в качестве члена королевской семьи. В рамках данного фрейма Меган Маркл выполняет роль агента, непосредственно присутствующего на мероприятиях. Фрейм акцентирует внимание на ее вовлеченности в официальные церемонии.

Фрейм “Becoming_a_member” формируется глаголом *join*. Акцент делается на процессе интеграции в новую социальную структуру. Ядерными элементами фрейма являются “group” и “new member”, обозначающие участников процесса. Меган Маркл в данном контексте предстает в качестве “new member”, вступивший в состав британской королевской семьи.

Фрейм “Wearing” проявляется через использование глагола *wear* в сочетании с ключевым именем. В рамках данной фреймовой модели, Меган Маркл выступает в роли “wearer”, т. е. субъекта, выбирающего и демонстрирующего определенные предметы одежды. Этот фрейм позволяет рассматривать Меган Маркл как объекта для подражания в стиле и модных тенденциях.

На основе анализа частотных предикатов можно сделать вывод о том, что публичный образ Меган Маркл в медийном дискурсе характеризуется акцентом на ее коммуникации, личных отношениях, участии в официальных мероприятиях, а также на ее роли в формировании модных трендов.

Рассмотрим частотные прилагательные и существительные в сочетаниях с ключевым именем для определения эксплицитных характеристик медийной персоны.

Представленный в таблице 2 анализ прилагательных, ассоциированных с Meghan Markle, позволяет выявить ключевые элементы ее публичного образа.

Таблица 2 – наиболее частотные прилагательные по ключевому имени “Meghan Markle”

Прилагательное	Частотность
royal	1557
american	1032
new	792
official	406
estrangle	184
controversial	176

Прилагательное *American* акцентирует внимание на ее происхождении и культурной идентичности, создавая контраст с традиционной британской монархией. Связь с королевской семьей подчеркивается прилагательным *royal*, которое часто встречается в контексте ее имени. Прилагательное *new* указывает на восприятие Меган как новой фигуры, привнесшей изменения и потенциальный вызов устоявшимся нормам. Участие в официальных мероприятиях отражено прилагательным *official*, подчеркивающим ее роль до отказа от королевских обязанностей. *Estrange* указывает на отдаление Меган Маркл от королевской семьи. Прилагательное *controversial* свидетельствует о неоднозначном и вызывающем дискуссии характере ее образа в общественном сознании.

Меган Маркл предстает как личность, сочетающая американскую идентичность и связь с британской монархией. Ее фигура характеризуется как новаторская и одновременно противоречивая, вызывающая дискуссии в обществе. Акцент делается на ее происхождении и принадлежности к королевской семье.

На основании списка наиболее частотные существительные, представленных в таблице 3, можно констатировать, что доминирующими характеристиками в образе Меган Маркл являются роль супруги принца Гарри (*prince*) и принадлежность к королевской семье, что подчеркивается частым упоминанием ее титула (*duchess*) и связи с принцем (*prince*). Также отмечается акцент на ее прошлом как актрисы (*actress*), что формирует дополнительный аспект ее идентичности. События, связанные с браком (*marriage, wedding, engagement, wife*), занимают важное место в медийном представлении ее фигуры.

Таблица 3 Наиболее частотные существительные по ключевому имени “Meghan Markle”

Слово	Частотность
prince	9793
wife	5775
actress	2310
wedding	2193
duchess	1446
interview	817
marriage	580
engagement	507

Таким образом, анализ коллокаций с ключевым именем, извлеченных корпусным методом из новостных публикаций, позволяет выделить основные характеристики, формирующие устойчивое представление о Меган Маркл в публичном дискурсе: замужем за принцем, американка,

имеющая связь с британской королевской семьей, спикер, актриса и законодатель моды.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Luhmann, N. The Reality of the Mass Media / N . Luhmann. – Stanford : Stanford University Press, 2000. – 154 p.
2. Чернявская, В. Е. Дискурсивный анализ и корпусные методы: необходимое доказательное звено? Объяснительные возможности качественного и количественного подходов / В. Е. Чернявская // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2018. – № 2. – С. 31–37.
3. NOW Corpus (News on the Web) : [site]. – URL: <https://www.english-corpora.org/now/> (date of access: 19.01.2025).

[К содержанию](#)

М. А. ВОЙТОВИЧ

Брест, БГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – М. В. Гуль

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СОМАТИЧЕСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТОМ «РУКА» ‘HAND’ В БЕЛОРУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Фразеологизмы представляют собой важнейшую составляющую языка, отражающую культурные, социальные и лингвистические особенности говорящих. Соматические фразеологизмы с компонентом «рука» “hand” представляют особый интерес для лингвистов, т. к. они являются образными выражениями, которые трудно перевести дословно и адекватно передать их смысл на другой язык. Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью глубокого изучения семантики и культурного контекста соматических фразеологизмов с компонентом «рука» “hand” в белорусском и английском языках. Понимание этих выражений способствует улучшению процесса межкультурной коммуникации, а также обогащению знаний о языковых и культурных особенностях двух народов. Целью исследования является выявление семантических особенностей соматических фразеологизмов с компонентом «рука» “hand” в белорусском и английском языках, а также определение сходств и различий в их употреблении и значении. Материалом для исследования послужили фразеологизмы, выбранные из словарей «Этыялагічны слоўнік фразеалагізмаў» И. Я. Лепешева [1], Cambridge Dictionary [2], Collins Dictionary [3], Oxford Learner’s Dictionaries [4]. Эти источники предоставляют обширный материал для изучения и анализа соматических фразеологизмов в белорусском и английском языках, что позволяет провести целостное и всестороннее исследование. Так, было изучено

40 единиц из белорусского блока фразеологизмов и 40 из английского, что придало анализу более широкий и комплексный характер.

Фразеологизмом называют устойчивое сочетание слов, которое характеризуется неделимостью его компонентов и переносным значением, отличающимся от значений составляющих его слов. По мнению А. В. Кунина, «фразеологизм – это устойчивое сочетание лексем с полностью или частично переосмыщленным значением» [5, с. 15]. Шарль Балли, один из основателей теории фразеологии, определял идиомы как особый вид сочетаний, обладающих устойчивостью, идиоматичностью и экспрессивностью [6]. Особой группой фразеологизмов являются соматические фразеологизмы. Они включают в себя номинации частей тела. Эти фразеологизмы часто являются отражением культурных и исторических особенностей народа.

Современные исследования подчеркивают, что соматические фразеологизмы представляют собой значительную группу в английском языке. Наиболее часто встречающимся соматизмом является “hand”, за которым по частоте употребления следуют “head”, “eye”, “face”, “arse” (или “ass”, “butt”), “foot” и “nose” [7].

Сперва изучим некоторые выбранные фразеологизмы английского языка: *at first hand* ‘непосредственно, из первых рук (получить информацию)’, *to be a dab hand at something* ‘быть мастером в чем-либо, умельцем’, *to show one’s hand* ‘раскрыть свои карты, показать свои намерения’, *to have (someone) eating out of your hand* ‘полностью подчинить кого-либо себе, чтобы кто-то ел из твоих рук’, *on (one’s) hands and knees* ‘на четвереньках’, *out of hand* ‘не под контролем, сразу, немедленно, без раздумий’, *to force someone’s hand* ‘вынудить кого-либо действовать, раскрыть свои планы’, *a safe pair of hands* ‘надежный человек’, *an old hand* ‘опытный человек, ветеран’, *with one hand tied behind one’s back* ‘очень легко, без особых усилий’.

Фразеологизмы с компонентом-соматизмом “hand” можно классифицировать по нескольким категориям, отражающим различные аспекты человеческих взаимодействий и отношений. Вот предложенные категории: 1) мастерство и компетентность (*to be a dab hand at something*, *a safe pair of hands*, *an old hand*); 2) контроль и намерения (*to show one’s hand*, *to force someone’s hand*, *out of hand*); 3) способ действия (*on (one’s) hands and knees*, *with one hand tied behind one’s back*) и др.

Анализ этих фразеологизмов показывает, что компонент “hand” используется для отражения широкого спектра понятий, связанных с человеческими отношениями, действиями и качествами. Они варьируются от демонстрации мастерства и компетентности до влияния и контроля. При этом некоторые выражения отражают особенности получения опыта

и взаимодействия с окружающими. Таким образом, соматизм «рука» служит метафорическим инструментом для описания ключевых аспектов повседневной жизни, таких как надежность, взаимодействие, усилия и результативность.

Далее рассмотрим несколько примеров фразеологизмов из белорусского языка: *рука руку мые* обозначает ‘круговую поруку, когда люди покрывают проступки друг друга’, *руку прыкласці (да чаго)* ‘принять участие в чем-либо, внести свой вклад’, *рукі не даходзяць (да чаго)* ‘не хватает времени или возможности заняться чем-либо’, *рукі свярбяць* ‘очень хочется что-то сделать, обычно что-то не очень хорошее’, *як рукой зняло* ‘внезапно и полностью прошло (о болезни, боли)’, *з чужых рук добра жыць* ‘жить, пользуясь чужим трудом и материальными благами’, *залатыя рукі* ‘очень умелый, мастеровитый человек’, *адбіца ад рук* ‘перестать слушаться, выйти из-под контроля’, *спусціўшы рукавы* ‘делать что-то небрежно, без усердия’, *мець руку (да чаго)* ‘быть причастным к чему-либо, участвовать в чем-либо’.

Данные фразеологизмы можно разделить на следующие категории: 1) вовлеченность/невовлеченность (*руку прыкласці (да чаго)*, *мець руку (да чаго)*, *рукі не даходзяць (да чаго)*); 2) контроль/потеря контроля (*адбіца ад рук*); 3) отношения с другими людьми (*з чужых рук добра жыць*, *рука руку мые*) и др.

Анализ данных фразеологизмов с компонентом «рука» демонстрирует их разнообразие в выражении человеческих отношений, качеств и действий. Эти выражения охватывают такие аспекты, как взаимная поддержка и сотрудничество, сильное желание или готовность к действию и др. Они также подчеркивают положительные стороны, например, мастерство (*залатыя рукі*), и негативные, такие как зависимость (*з чужых рук добра жыць*) или потеря контроля (*адбіца ад рук*). Соматизм «рука» служит универсальным инструментом для описания ключевых жизненных ситуаций, как в положительном, так и в отрицательном контексте.

Соматические фразеологизмы, связанные с “hand” в английском и «рука» в белорусском языках, демонстрируют как сходства, так и различия. В обоих языках эти фразеологизмы используются для выражения мастерства и компетентности. Например, в английском языке есть выражение *to be a dab hand at something*, что означает быть мастером, а в белорусском – *залатыя рукі* (‘очень умелый человек’). Кроме того, оба языка используют соматизмы для обозначения контроля или его утраты. В английском это *to show one’s hand* (‘раскрыть намерения’) и *to force someone’s hand* (‘заставить действовать’), а в белорусском – *адбіца ад рук* (‘выйти из-под контроля’). Участие в процессе символизируется

выражениями *to have a hand in something* ('участвовать') в английском и *руку прыкасці* ('да чаго') ('приложить руку') в белорусском.

Несмотря на эти сходства, существуют и различия. Белорусские фразеологизмы часто акцентируют социальные и бытовые аспекты, что меньше отражено в английских соматизмах. Например, идиома *рука руку мыє* ('круговая порука, когда люди покрывают проступки друг друга'), *з чужых рук добра жыць* ('жить, пользуясь чужим трудом и материальными благами'). В английском же языке упор идет на индивидуальные навыки и уровень надежности, а не на социальное взаимодействие. Доказательством этого могут служить некоторые фразеологизмы, как *a safe pair of hands* 'надежный человек', *an old hand* 'опытный человек, ветеран'.

Фразеологизмы с компонентом-соматизмом "hand" «рука» в английском и белорусском языках имеют много общих черт, включая выражение компетентности, контроля и вовлеченности. Однако различия проявляются в культурной специфике: английские фразеологизмы часто ориентированы на профессиональную сферу и личные достижения, тогда как белорусские больше отражают бытовые и социальные аспекты. Эти различия подчеркивают уникальность языковой картины мира каждого народа, при этом демонстрируя общие метафорические идеи, связанные с символизмом «руки» как важнейшего инструмента человеческой деятельности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лепешаў, І. Я. Этымалагічны слоўнік фразеалагізмаў / І. Я. Лепешаў. – Мінск : Беларус. Энцыкл., 2004. – 440 с.
2. Cambridge Dictionary : [site]. – URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/hand> (date of access: 09.03.2025).
3. Collins : [site]. – URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/hand> (date of access: 09.03.2025).
4. Oxford Learner's Dictionary: [site]. – URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/hand_1?q=hand (date of access: 09.03.2025).
5. Кунин А. В. Фразеология современного английского языка : опыт систематизированного описания / А. В. Кунин. – М. : Междунар. отношения, 1972. – 288 с.
6. Теория фразеологии Ш. Балли // Vuzlit : [сайт] – URL: https://vuzlit.com/871390/teoriya_frazeologii_balli (дата обращения: 09.03.2025).
7. Семантические особенности соматической фразеологии // Studbooks : [сайт] – URL: https://studbooks.net/2097017/literatura/semanticheskie_osobennosti_somaticeskoy_frazeologii#706 (дата обращения: 09.03.2025).

[К содержанию](#)

Ю. Т. ДОРОШЕВИЧ

Минск, МГЛУ

Научный руководитель – Т. А. Козлова

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ВЕРБАЛЬНЫХ КОРРЕЛЯТОВ *WEDDING / ВЯСЕЛЛЕ*: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

В настоящее время все чаще рассматривается специфика семантики лексических единиц в языках, репрезентирующих различные лингвокультуры. Каждый язык создавался на протяжении многих веков и продолжает изменяться: наиболее заметной оказывается модификация лексического состава языка, связанная с его пополнением новыми единицами, семантическими изменениями существующих, а также выходом из обихода отдельных слов и выражений. С помощью языка люди не только общаются и передают какую-либо информацию, но и фиксируют особенности культуры. От того, на каком языке говорит человек, зависит то, как именно он мыслит и видит мир. Люди, проживающие на одной территории и имеющие общий язык, видят мир сквозь его призму, и в отличие от носителей других языков, по-своему.

Одним из значимых культурно обусловленных событий является свадьба. Выявление общего и различного в представлении обряда свадьбы у каждой лингвокультуры возможно на основании данных контекстов. Источником контекстного употребления лексем *wedding* ‘свадьба’ / *вяселле* выступают “British National Corpus (BNC)” в английском языке и «Беларускі N-корпус» в белорусском языке. Материалом исследования являются 100 контекстов газетного стиля, в которых функционирует слово *wedding* ‘свадьба’ в английском языке, и 100 контекстов газетного стиля, в которых функционирует слово *вяселле* в белорусском языке. Периодические издания в качестве источника материала исследования актуальны вследствие наибольшей гибкости, мобильности в реагировании на изменения в обществе, а соответственно, они в большей степени отражают современное состояние коллективного мировосприятия.

Свадьба – торжество, наполненное обрядами и традициями, поэтому частотно упоминание белого свадебного платья как наиболее традиционного и общепринятого: *traditional silk wedding dress* ‘традиционное шелковое свадебное платье’, *traditional white wedding* ‘традиционная белая свадьба’, *white wedding gown* ‘белая свадебная фата’. Белое платье стало стандартом для свадебных церемоний во многих западных культурах. Эта традиция свадеб отражает культурные представления о начале новой жизни и семейных ценностях: белый цвет

служит символом чистоты и светлых надежд для невесты. Несмотря на существование традиционного свадебного наряда, в настоящее время для платья используются и другие цвета и ткани. Подтверждением этому служит контекст *bridal designer who designed the wedding dress* ‘свадебный дизайнер, создавший свадебное платье’.

Выражение *wedding bells ringing* ‘звон свадебных колоколов’ символизирует радостное событие и общественное признание союза. Это выражение связано с традицией провозглашения праздника, является символом благословения на новый совместный путь. Выражение *wedding blessing* ‘свадебное благословение’ обозначает церемонию, момент, когда пара получает благословение, например, от родителей. *Wedding night* ‘брачная ночь’ часто рассматривается как особый момент эмоциональной связи после вступления в брак.

Значимым атрибутом на свадьбе являются машины: выражение *wedding cars* ‘свадебные автомобили’ называет транспортные средства, используемые для перевозки молодоженов и их гостей в день свадьбы. Среди прочих атрибутов следует отметить общее убранство (*the look of wedding* ‘внешний вид свадьбы’), фотографии (*pictures of wedding* ‘фотографии свадьбы’), подарки (*wedding gift* ‘свадебный подарок’).

Свадебное торжество у англичан состоит из двух частей: *wedding breakfast* ‘свадебный завтрак’ и *reception* ‘прием’. *Wedding breakfast* ‘свадебный завтрак’ – это торжественный обед сразу после регистрации брака, полноценный обед, на котором присутствуют только самые близкие родственники. Данная трапеза проводится после свадьбы и, как правило, ранним утром после церемонии. *Reception* ‘прием’ – это вечеринка с фуршетом в 19:00. Данная традиция символизирует празднование начала нового, а также укрепление связей между семьями.

Следует отметить значимость церкви как института в процессе создания семьи: *church wedding* ‘церковная свадьба’, *church precinct after the wedding* ‘церковная территория после бракосочетания’, *3 p.m wedding at Crathie Church* ‘свадьба в 15:00 в церкви Кратхи’.

Планирование является еще одной составляющей понятия *wedding* ‘свадьба’: *planning a wedding* ‘планирование свадьбы’, *prepare to wedding* ‘подготовка к свадьбе’, *wedding plans* ‘свадебные планы’, *to concentrate on wedding* ‘сосредоточиться на свадьбе’. Более того, в корпусе примеров представлено выражение *wedding rehearsal* ‘свадебная репетиция’, что помогает участникам чувствовать себя уверенно в нужный день. Пример планирования отражен в следующем выражении: *september 12 wedding* ‘свадьба 12 сентября’. Указание конкретной даты свадьбы говорит о выборе определенного дня и планировании праздника на данный день. Важным аспектом планирования является финансовый вопрос, что отражается

в следующих выражениях: *to save money for a wedding* ‘сэкономить деньги на свадьбу’, *\\$ 490 wedding day loan* ‘заем на день свадьбы на сумму 490 долларов’.

В корпусе примеров представлены контексты, связанные с праздниками, которые следуют за бракосочетанием. *Anniversary of my wedding* ‘годовщина моей свадьбы’ означает значимость годовщины как способа отметить время, прошедшее со дня свадьбы. Годовщина часто становится моментом для ностальгии, укрепления связей и выражения любви. Все это отражает ценность стабильности в отношениях. Выражения *72nd wedding anniversary* ‘72-я годовщина свадьбы’ и *2 pensioners celebrate their wedding* ‘два пенсионера отмечают свою свадьбу’ подчеркивают долготу совместной жизни, значение взаимопонимания, превращая свадьбу в жизненно важное событие: любовь и брачный союз не имеют возрастных ограничений. Значима регулярность употребления выражений *silver wedding* ‘серебряная свадьба’ и *golden wedding* ‘золотая свадьба’ – юбилеев на 25 и 50 лет соответственно.

Особый уклад политической жизни Великобритании фиксируется подчеркиванием королевской свадьбы как особенного торжества: *royal wedding ring* ‘королевское обручальное кольцо’, *royal wedding* ‘королевская свадьба’, *Welsh gold used for every Royal wedding ring* ‘валлийское золото использовалось для изготовления каждого королевского обручального кольца’.

В текстах газетного стиля оценка свадьбы реализуется в указании на несоответствие общепринятым нормам: *bizarre wedding* ‘странные свадьбы’, *fairytales wedding* ‘сказочная свадьба’, *snubbing the wedding* ‘пренебрежение свадьбой’, а также на желаемый или реальный результат (*ideal wedding* ‘идеальная свадьба’, *the secret of successful wedding* ‘секрет успешной свадьбы’). В контексте *wedding had to be postponed* ‘свадьба была вынужденно отложена’ также демонстрируется возможность наличия сложностей, которые могут возникнуть во время подготовки к свадьбе.

В корпусе белорусского языка также представлены выражения *сярэбранае вяселле* и *залатое вяселле*. При этом выявлены и другие годовщины: *ізумруднае вяселле*, обозначающее 55 лет совместной жизни, и *плацінавае вяселле* – 70 лет совместной жизни. Годовщины являются важной частью культурной практики празднования семейных отношений: *адсвяткавалі восьмую гадавіну вяселля, 80-гаддзе вяселля*. Стоит обратить внимание на предложение *879 вяселляў у 2019-м згулялі пары, дзе сужэнцам было больш як 60 гадоў*. Оно свидетельствует о том, что множество браков могут заключаться в разные возрастные периоды, даже поздние.

Установлен акцент на сохранение старинных традиций, которые связывают обряд свадьбы с определенными местами и практиками, что порождает атмосферу единства с природой и культурными белорусскими

корнями. Схожие выражения *беларускае вяселле, традыцыйнае вяселле, вяселле ў беларускім стылі, абрад «Вяселля на млыне»* отражает богатые культурные традиции свадебного обряда Беларуси. В контексте *традыцыйныя музычныя інструменты, якія выкарыстоўваліся на вяслі* подчеркивается важность музыкального сопровождения во время торжества. Музыка создает атмосферу праздника, а использование традиционных музыкальных инструментов фиксирует бережное отношение к культуре и обычаям.

Наряду с традиционными, в настоящее время актуальны и другие виды свадеб, которые отражают индивидуальность пар: *японскае вяSELLE, вяSELLE ў стылі рэтра, правесці вяSELLE ў аквапарку, зрабіць сваё вяSELLE не такім як у іншых.*

Одним из атрибутов свадьбы являются подарки, поскольку олицетворяют поддержку пары и уважение к ней: *сервіз у падарунак на вяSELLE.*

Корпус контекстов позволяет установить важность семейных связей, значимость поддерживающей роли семьи и друзей в ее жизни, что способствует укреплению взаимопонимания между различными поколениями и традициями: *маладыя згулялі вяSELLE ў коле самых блізкіх і родных, наведаць вяSELLE бліжэйшага сваяка и вяSELLE сябра.*

Отмечается акцент на финансовой стороне вопроса при организации свадьбы: *выдаткаваў на сваё вяSELLE, месячны ганар адкладвае на вяSELLE.* Выражение *абакраў каб дапамагчы з арганізацыяй вяSELля сына* фиксирует негативную оценку с точки зрения морали, однако подчеркивает семейную поддержку и взаимодействие между поколениями, т. к. иногда семья принимает активное участие в организации свадьбы. *Пятнацаць запрашэнняў на вяSELLE* – количество приглашений демонстрирует важность социального окружения во время церемонии и список людей, которых пара желает видеть на своем торжестве.

Контексты *па сцэнарый вяSELля, вяSELLE запланавана на восень, для пардыхтоўкі да вяSELля* указывают на четкое планирование праздника, включая точную дату. Выражение *чакаюць вяSELляў* демонстрирует ожидание и волнение, связанное с запланированным событием.

Контексты *з нагоды вяSELля будучага баварскага караля, каралеўскае вяSELLE Уільяма і Кейт, у гонар вяSELля прынца* указывают на значение статуса новобрачных, подтверждают важность таких свадеб в общественном сознании.

Оценка представлена в выражении *высакароднае вяSELLE*, так как высокостатусные свадьбы могут иметь свои традиции и особенности.

Таким образом, общим является то, что в обоих языках существуют устойчивые выражения, указывающие на количество совместно прожитых лет: *silver wedding* – *срэбронае вяSELLE* и *golden wedding* – *залатое вяSELLE.*

Традиционной свадьбой в сопоставляемых лингвокультурах считается *white wedding* ‘белая свадьба’ и *традыцыйнае беларускае вяселле*, когда у невесты белое платье, а у жениха черный костюм. При этом установлены случаи стремления выйти за рамки общепринятого: *японскае вяселле*.

В английском и белорусском языках зафиксированы выражения, указывающие на тщательное планирование и подготовку: *planning a wedding* ‘планирование свадьбы’, *prepare to wedding* ‘подготовка к свадьбе’ и *вяселле запланавана на восень*, *для пардыхтоўкі да вяселля*. Планирование свадьбы позволяет заранее продумать необходимое, а также спланировать бюджет: *to save money for a wedding* ‘сэкономить деньги на свадьбу’ и *месячны ганарап адкладвае на вяселле*. Отмечается значимость свадебных подарков: *wedding gift* ‘свадебный подарок’, *сервіз у падарунак на вяселле*. Еще одно сходство наблюдается в наличии выражений *royal wedding* ‘королевская свадьба’ и *каракеўскае вяселле Уільяма і Кейт*. Тем не менее, различие установлено, поскольку англичане используют данное выражение, указывая на торжество своей королевской семьи, а белорусы используют выражение для указания на торжество представителей другой культуры.

В английском языке в отличие от белорусского отмечается указание на связь с институтом церкви (*church wedding* ‘церковная свадьба’), с торжественным приемом пищи в семейном кругу (*wedding breakfast* ‘свадебный завтрак’). В корпусе белорусского языка также выявлены уникальные контексты, например, круг людей, участвующих в торжестве: *згулялі вяселле ў коле самых блізкіх і родных, вяселле сябра*. В белорусских контекстах упоминаются музыкальные инструменты.

Таким образом, анализ контекстов употребления вербальных коррелятов *wedding* ‘свадьба’ – *вяселле* позволил выявить универсальное и идиоэтническое в представлении об английской и белорусской свадьбах.

[К содержанию](#)

А. Г. ЕГИАЗАРЯН

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Е. Г. Сальникова

ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ БИНОМИАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Понятие «биномиальные образования», или «биномиалы», вошло в зарубежную лингвистику в конце 50-х гг. XX в. Впервые «биномиал» в качестве лингвистического термина использовал Я. Малкиель в 1959 г. для обозначения «последовательности двух слов, принадлежащих к одному

классу, находящихся на одном уровне синтаксической иерархии и обычно соединенных каким-либо лексическим средством» [1, с. 113].

Исследование данных языковых единиц проводилось с позиций структурно-семантического (Н. Н. Амосова, А. В. Кунин, Я. Малкиель и др.), функционально-семантического (И. Н. Молодцова, А. Л. Баласанова, В. В. Дайнеко и др.), психолингвистического (С. Б. Бенор, Р. Леви, С. Моллин и др.) и когнитивного (С. В. Королев и др.) подходов.

Например, в рамках структурно-семантического подхода исследовались их ритмико-эвфонические, морфологические и синтаксические характеристики, устанавливались типы семантической связи между компонентами таких словосочетаний, а также определялись критерии их разграничения по признаку устойчивости и идиоматичности. В русле функционально-семантического подхода рассматривались функции данных единиц, реализуемые в разных типах контекстов, описывалось функционально-семантическое поле их реализации.

С опорой на методы психолингвистики были установлены способы представления устойчивых словосочетаний в ментальном лексиконе человека. Так, Б. М. Гаспаров утверждал, что слова не существуют в нашей языковой памяти по отдельности, а актуализируются во множестве связей в момент коммуникации: «В огромном большинстве случаев в своем опыте обращения с языком говорящий переживает коммуникативный фрагмент не как двух-, трех- или четырехсловное сочетание, но как нерасчленяемую единицу, непосредственно и целиком всплывающую в его памяти. Именно коммуникативные фрагменты служат для говорящих первичными единицами, из которых состоит их мнемонический “лексикон” владения языком» [2, с. 24].

Ряд когнитивных исследований посвящен формированию семантики английских устойчивых сочетаний на основе понятия «внутренняя форма», определению когнитивных механизмов, лежащих в основе формирования смысла биномиального образования, среди которых выделены механизмы когнитивной метафоры, когнитивной метонимии, когнитивной метафонии, а также механизмы конкретизации, генерализации, рекуррентности и противопоставления. По мнению С. В. Королева, «в процессах формирования смысла, репрезентируемого английскими устойчивыми сочинительными сочетаниями, активизируется концептуально-тематическая область ЧЕЛОВЕК, конкретизируемая на основе концептуальных областей ФИЗИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ ЧЕЛОВЕКА, СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС ЧЕЛОВЕКА, ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ ЧЕЛОВЕКА, ПОВЕДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА, ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА, РЕЧЕВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА, а также

концептуально-тематические области АРТЕФАКТ, ПРОСТРАНСТВО и ВРЕМЯ» [3, с. 6].

Основной проблемой исследования биномиалов является выделение их как класса языковых единиц и «выстраивание градуальной шкалы степени семантической спаянности элементов» [4, с. 118]. Опираясь на категории устойчивости и идиоматичности, предложенные И. А. Мельчуком [5], а также на положение С. В. Королева об устойчивости биномиальных образований «в единстве своих проявлений: устойчивость формы, устойчивость переосмысленного или осложненного содержания и устойчивость употребления (воспроизведимость)» [3, с. 9], в класс биномиальных образований в широком смысле включают весь спектр таких единиц – от идиоматических немотивированных (*high and dry*) до неидиоматических мотивированных (*bed and breakfast*). Между ними располагаются фразеологизмы с варьирующей степенью устойчивости, мотивированности и идиоматичности (*town and gown*) [6, р. 58].

А. В. Макаровских на основе работ Я. Малкиеля [1] и Г. Зауера, Б. Шван [7] суммирует набор отличительных особенностей биномиальных образований в английском языке, среди которых отмечает следующие:

1) структура: A + 1 + B (наиболее характерная), где A – первый структурный элемент, B – второй структурный элемент, 1 (link) – связующее звено (союз, связка) (*loud and clear*);

2) связующее звено: а) наиболее характерный союз *and* (*rats and mice*); б) союз *or*, выражающий альтернативу (*all or nothing*); в) разделительная союзная конструкция *neither... nor* (*neither chick nor child*) и др.;

3) однородность элементов, т. е. их принадлежность к одной части речи: а) существительные (*law and order*); б) прилагательные (*nice and warm*); в) глаголы (*shoot and kill*); г) наречия (*here and there*); д) предлоги/союзы (*in and out*);

4) семантическая связь: а) элементы-синонимы (*law and order*); б) элементы-антонимы (*here and there*); в) взаимодополняющие элементы (*food and drink*) и др. [8].

Рассмотрим подробнее такие характерные признаки биномиалов, как устойчивость формы, устойчивость переосмысленного или осложненного содержания и устойчивость употребления (воспроизведимость).

Фундаментальной характеристикой биномиальных образований является их структурная устойчивость, проявляющаяся в строгой последовательности компонентов. В большинстве случаев компоненты биномиала следуют строго определенному порядку, который редко нарушается. Например: *male and female* (но не *female and male*), *ladies and gentlemen* (но не *gentlemen and ladies*), *give and take* (но не *take and give*). При этом нарушение установленного порядка компонентов может

приводить к разрушению устойчивого словосочетания или существенному изменению его значения. Например, выражение *sick and tired* имеет значение ‘сыт по горло’, однако при изменении порядка слов (*tired and sick*) биномиал теряет идиоматичность и становится просто сочетанием прилагательных, описывающих состояние нездорового человека. Даже в случаях, когда очередность слов не является смыслообразующей, предсказуемость порядка слов придает биномиалам стабильность и узнаваемость. Например, в языке зафиксировано выражение *life or death*, а не *death or life*.

Второй важной особенностью биномиальных образований является их семантическая неразрывность: большая часть биномиалов имеет высокую внутреннюю устойчивость. Замена компонента в подобных языковых единицах приводит к исчезновению благозвучия, образности и воспроизведимости (ср. *safe and sound – safe and strong*). Как мы уже отмечали, биномиалы обладают различной степенью идиоматизации. Данный феномен представляет особый интерес для когнитивной лингвистики, поскольку отражает особенности концептуализации действительности в языковом сознании носителей языка.

Третьей характеристикой биномиальных образований является их способность к воспроизводимости в речи как единого целого. Воспроизводимость биномиалов обеспечивает их устойчивость в языке и способствует сохранению культурно значимой информации.

Таким образом, биномиальные образования представляют собой особый тип устойчивых словосочетаний, характеризующихся структурной целостностью, семантической спаянностью компонентов и широким функциональным потенциалом. Комплексное изучение их характеристик демонстрирует системный характер организации биномиальных конструкций и их важную роль в реализации коммуникативных, когнитивных и культурологических функций языка.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Malkiel, Y. Studies in irreversible binomials / Y. Malkiel // Lingua. – 1959. – № 8. – Р. 113–160. – URL: <https://languagelog.ldc.upenn.edu/myl/Malkiel1959.pdf> (date of access: 13.03.2025).
2. Гаспаров, Б. М. Язык. Память. Образ: Лингвистика языкового существования / Б. М. Гаспаров. – М. : Новое лит. обозрение, 1996. – 352 с.
3. Королев, С. В. Когнитивная основа английских устойчивых словосочетаний с сочинительной связью : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Королев Сергей Владимирович ; Тамб. гос. ун-т им. Г. Р. Державина. – Тамбов, 2022. – 23 с.
4. Резанова, З. Коллокации-биномиалы в русской речи: семантические типы, объективная и субъективная частотность / З. Резанова, А. Буб // Quaestio Rossica. – 2017. – Т. 5, № 4. – С. 1164–1177. – URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/56024/1/qr_4_2017_16.pdf (дата обращения: 25.04.2025).

5. Мельчук, И. А. О терминах «устойчивость» и «идиоматичность» / И. А. Мельчук // Вопросы языкоznания. – 1960. – № 4. – С. 73–80.
6. Gramley, S. A Survey of Modern English / S. Gramley, K.-M. Pätzold. – 2nd Edition. – London : Routledge, 2004. – 416 p.
7. Sauer, H. Heaven and Earth, Good and Bad, Answered and Said: a Survey of English Binomials and Multinomials / H. Sauer, B. Schwan // Studia Linguistica Universitatis Iagellonicae Cracoviensis. – 2017. – Vol. 134, № 1. – P. 83–96. – URL: <https://scispace.com/pdf/heaven-and-earth-good-and-bad-answered-and-said-a-survey-of-4gs9v53zt8.pdf> (date of access: 11.05.2025).
8. Макаровских, А. В. Английский гендиадис как биномиальное образование / А. В. Макаровских // Проблемы геологии и освоения недр : труды XXV Междунар. симпозиума имени акад. М. А. Усова студентов и молодых ученых, Томск, 5–9 апр. 2021 г. : в 2 т. – Томск : Изд-во ТПУ, 2021. – Т. 2. – С. 557–558. – URL: <http://earchive.tpu.ru/handle/11683/68733> (дата обращения: 10.04.2025).

[К содержанию](#)

Э. С. ЗАНОСОВА

Брест, БГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – С. А. Пилипенко

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КОНЦЕПТА *ПОРЯДОК* В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Когнитивная лингвистика является одной из наук, где особое внимание уделяется взаимосвязи языка и мышления, а также тому, как языковые структуры отражают когнитивные процессы. Как отметил известный русский лингвист Н. И. Лобанова: «Сознание и язык – две важнейшие составляющие человеческой личности, которые могут быть раскрыты только через познание друг друга, так как одно определяет развитие и существование другого» [1].

Одним из ключевых понятий когнитивной лингвистики принято считать концепт. Каждый ученый трактует данный термин с различных точек зрения. Отечественный лингвист Е. С. Кубрякова, опираясь на американскую дескриптивную лингвистику, понимает данный термин как ментальную единицу сознания и информационную структуру, которая отражает знания и опыт человека [2]. Другими словами, концепт воспринимается как основная единица когнитивного процесса, которая включает в себя не только знания, но и ассоциации, эмоции и культурные контексты.

Целью данной статьи является раскрытие специфики структурного устройства концепта *ПОРЯДОК* в русской языковой картине мира, поскольку он представляет собой фундаментальное понятие,

пронизывающее различные аспекты жизни и мышления русскоязычного общества.

Данное понятие используется не только в официальных источниках, но и в повседневной жизни. Исследование данного концепта позволит нам проанализировать, как русскоговорящие интерпретируют свои жизненные ситуации и взаимодействуют с окружающим миром посредством данного концепта. Кроме того, анализ концепта *ПОРЯДОК* способствует выявлению уникальных черт русской языковой картины мира и демонстрирует, как язык отражает и формирует мышление.

Чтобы раскрыть концепт *ПОРЯДОК* в русской языковой картине мира, мы обратились к авторитетным лексикографическим источникам и методом сплошной выборки отобрали 142 лексические единицы, вербализующих данный концепт. Ключевыми источниками для исследования стали «Большой толковый словарь русского языка» (под ред. С. А. Кузнецова) [3], «Толковый словарь Д. Н. Ушакова» [4], «Словарь синонимов Б. А. Абрамова» [5].

В качестве фундаментальной структуры для упорядочивания собранного материала, нами была выбрана «слоистая» структура концепта по Ю. С. Степанову, где проводится последовательное раскрытие от центрального ядра к описанию околовядерной и периферийной зон.

Методом анализа нами был выбран лексикографический анализ. Лексикографический анализ, по мнению О. И. Блиновой, является универсальным методом для исследования концептов, применимым к различным языковым уровням – лексическому, семантическому и словообразовательному. Он обеспечивает полное охватывание языкового материала и объективность выводов, систематизируя данные по выбранным критериям и отражая многоаспектность интерпретации. Также этот метод обогащает теорию, предоставляя обширный материал и высокую информативность словаря [6].

В итоге проведенного анализа концепта *ПОРЯДОК* и его «слоев», мы пришли к выводу, что данный концепт имеет базовый характер, поскольку находится в частом употреблении. Дальняя и ближняя периферия одинаково хорошо развиты, что говорит о том, что данный концепт имеет не только богатую эмоциональную окраску, но и разнообразные фундаментальные определения. Концепт является наполненным и активно функционирующими, о чем говорит большое количество лексикографических репрезентантов.

Проанализировав все составляющие концепта *ПОРЯДОК*, мы можем выразить отношение русского человека к этому слову следующим образом: порядок – это образ жизни; дисциплина, без которой нельзя наладить жизненный уклад. Порядок в жизни – это последовательные, логические действия, которые обязательно приводят к результату. Исходя из этого, для

русского человека важна стабильность, где нет места хаосу и потрясениям. Также концепт *ПОРЯДОК* сопоставляется с понятием системности, иерархии.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лобанова, Н. И. Язык и сознание: проблема взаимосвязи (опыт анализа философии языка В. Фон Гумбольдта) / Н. И. Лобанова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2010. – № 123. – С. 82–88.
2. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Т. Лузина; под общ. ред. Е. С. Кубряковой. – М. : МГУ, 1997. – 245 с.
3. Толковый словарь Д. Н. Ушакова онлайн : [сайт]. – URL: <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=54505> (дата обращения: 27.02.2025).
4. Кузнецов, С. А. Большой толковый словарь русского языка / С. Я. Кузнецов. – URL: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovyj-slovar> (дата обращения: 26.02.2025).
5. Словарь синонимов Абрамова // gufo. – URL: <https://gufo.me> (дата обращения: 27.02.2025).
6. Блинова, О. И. Лексикографический метод исследования языка / О. И. Блинова // Природные и интеллектуальные ресурсы Сибири (СИБРЕСУРС-3–97) : тез. докл. 3-й Междунар. науч.-практ. конф., 13–15 окт. 1997 г., Красноярск. – Томск, 1997. – С. 148–149.

[К содержанию](#)

П. А. ЗЕЛЕНЕВСКИЙ

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Н. А. Тарасевич

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «РОДИНА» В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Концепт «Родина» является неотъемлемой частью национального самосознания, отражая исторические, культурные и социальные реалии каждого общества. В английском языке этот концепт выражается через разнообразные языковые средства, но в последнее время наблюдаются изменения в его вербализации, вызванные глобализацией, миграцией и технологическим прогрессом.

Традиционно концепт «Родина» в английском языке ассоциировался с такими словами, как *homeland*, *motherland*, *fatherland*, *native land*, однако в современном дискурсе наблюдается расширение понятийного поля. Термины *home*, *place of origin*, *roots* начинают выполнять схожие функции, передавая эмоциональную привязанность и идентичность.

Анализ значений лексических единиц, вербализующих концепт «Родина» показал следующие результаты:

1. *Homeland* чаще всего используется в официальном и политическом контексте и подчеркивает связь с территорией, которая является местом проживания или происхождения.

2. *Motherland* имеет более эмоциональную окраску и часто ассоциируется с материнской заботой и теплотой. Это слово подчеркивает связь с землей как с источником жизни.

3. *Fatherland* также имеет эмоциональную окраску, но чаще ассоциируется с патриотизмом и мужскими качествами, такими как сила и защита. Это слово часто используется в контексте военных действий и национальной гордости.

4. *Native land* имеет более нейтральную окраску и подчеркивает связь с местом рождения или происхождения. Это слово часто используется в литературных и поэтических текстах.

Исторические аспекты формирования лексических единиц:

1. *Homeland* появилось в английском языке сравнительно поздно и изначально использовалось для описания территории, на которой проживает определенная группа людей. В XX в. это слово приобрело политическую окраску и стало использоваться в контексте национальной безопасности и защиты границ.

2. *Motherland* имеет корни в древнеанглийском языке, где оно ассоциировалось с материнской заботой и защитой. В средневековый период это слово часто использовалось в поэзии и литературе для описания родной земли как источника жизни и вдохновения.

3. *Fatherland* имеет более сильную связь с патриархальными традициями и часто ассоциируется с воинской доблестью и защитой. Это слово получило широкое распространение в германских языках, где оно использовалось для описания земли отцов и предков. В английском языке *fatherland* стало популярным в период национального подъема и часто использовалось в контексте патриотических речей.

Важным аспектом является также различие между американским и британским английским. В США концепт «Родина» часто связан с идеей «американской мечты» и мультикультурализма, в то время как в Великобритании он больше ассоциируется с историей и традициями.

В связи с увеличением мобильности населения концепт «Родина» приобретает новые смыслы. В англоязычном дискурсе активно используется понятие *global citizen* ‘гражданин мира’, которое частично вытесняет традиционные представления о родине как фиксированном географическом пространстве. Кроме того, в социальных сетях популярны выражения *home is where the heart is* ‘родина там, где сердце’ и *wherever I lay my hat, that's my home* ‘где бы я ни остановился, там и мой дом’, подчеркивающие индивидуальное восприятие родины.

Технологии и Интернет создают виртуальное измерение родины. Появляются новые формы вербализации, такие как *digital homeland* ‘цифровая родина’, что особенно актуально для мигрантов, поддерживающих связь с культурной средой через онлайн-платформы. Понятие *diaspora networks* ‘сетевые диаспоры’ также укрепляет новую форму идентичности, при которой родина определяется не физической принадлежностью, а цифровыми коммуникациями.

В англоязычных СМИ и политической риторике концепт «Родина» все чаще используется в контексте безопасности и национальной идентичности. Например, термин *homeland* после событий 11 сентября 2001 г. стал неотъемлемой частью американского дискурса, особенно в сочетании с *Homeland Security* ‘Министерство внутренней безопасности’. В британском дискурсе выражение *our country* часто применяется в политических дебатах о суверенитете и миграции.

Современная вербализация концепта «Родина» в английском языке демонстрирует его динамичное развитие под влиянием глобализации, технологий и социальных изменений. Расширение понятийного поля, появление новых лексических единиц и изменение традиционных смыслов свидетельствуют о трансформации национальной и личной идентичности в условиях современного мира.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Fairclough, N. *Analysing Discourse: Textual Analysis for Social Research* / N. Fairclough. – London : New York :Psychology Press, 2003. – 270 p.
2. Kövecses, Z. *Metaphor: A Practical Introduction* / Z. Kövecses. – Oxford : Oxford University Press, 2002. – 304 c.
3. Lakoff, G. *Metaphors We Live By* / G. Lakoff, M. Johnson. – Chicago : London : University of Chicago Press, 1980. – 242 p
4. Crystal, D. *The Cambridge Encyclopedia of the English Language* / D. Crystal. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2010. – 506 p.
5. Wierzbicka, A. *Understanding Cultures Through Their Key Words: English, Russian, Polish, German, and Japanese* / A. Wierzbicka. – Oxford : Oxford Univ. Press, 1997. – 328 p.

[К содержанию](#)

В. А. ЗУБРИЦКАЯ

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – М. В. Гуль

АНГЛИЦИЗМЫ КАК СПОСОБ ВЫРАЖЕНИЯ НОВЫХ КОНЦЕПТОВ: СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В условиях глобализации англицизмы используются для введения терминов, описывающих новые реалии, а также для передачи социально-

психологических явлений, которые отражают изменения в обществе. Такие заимствования как *хайп*, *фейк*, *троллинг* описывают новые понятия и связанные с ними эмоциональные, поведенческие и ценностные паттерны.

Концепты, по определению В. А. Масловой, – это ментальные структуры. Они объединяют в себе смыслы, сформированные культурой и обществом. Их возникновение связано с потребностью систематизации и категоризации опыта [1, с. 13]. Однако англицизмы подразумевают заимствование уже готовых смысловых моделей, которые формируются благодаря глобальным трендам и мировым тенденциям [2, с. 174]. Заимствования часто служат индикаторами «разрывов» в локальной картине мира и заполняют их другими культурными кодами [2, с. 180]. Социально-психологический аспект проявляется в том, что новые концепты выполняют следующие функции:

- 1) формирование групповой идентичности. Англицизмы в профессиональных сообществах (например, *дедлайн* и *апгрейд* в ИТ-сфере) выступают инструментами коммуникации и символами профессиональной принадлежности;

- 2) создание эмоциональных и поведенческих шаблонов. Например, концепт *хайп* отражает ажиотаж, а также одобрение следованию трендам;

- 3) переопределение норм коммуникации. Такие явления, как *троллинг* и *гэллайтинг* становятся новыми формами девиантного поведения и социальной агрессии.

Важно различать функциональные заимствования (*инфлюенсер*) от «паразитарных» (*ивент* вместо *мероприятие*, *хэнд-мейд* вместо *рукоделие*) и сохранять баланс между глобальным влиянием и культурной идентичностью. Если первые (*дедлайн*, *стартап*) отвечают потребности в точной номинации новых явлений, то вторые лишь эксплуатируют «иностранный шарм» без смысловой необходимости [2, с. 177].

Рассмотрим несколько примеров:

1. *Буллинг*. Слово *bullying* в английском языке означает ‘the behavior of a person who hurts or frightens someone smaller or less powerful, often forcing that person to do something they do not want to do’ (поведение человека, который причиняет вред или запугивает кого-то слабее или менее влиятельного, часто принуждая этого человека делать то, что он не хочет) [3]. Англицизм *буллинг* прочно вошел в русскоязычный дискурс и обозначает ‘крики и оскорбления, непринятие иной точки зрения и навязывание окружающим своей точки зрения, отсутствие делегирования и служебное несоответствие/некомпетентность, распространение слухов и т. п.’ [4, с. 170]. В отличие от русского слова *травля*, которое имеет более широкий контекст, *буллинг* подчеркивает наличие психологического насилия и его специфические формы.

2. *Газлайтинг*. *Gaslighting* в английском языке означает ‘the action of tricking or controlling someone by making them believe things that are not true, especially suggesting that they may be mentally ill’ (действие, заключающееся в обмане или контроле над кем-либо путем убеждения в ложных вещах, особенно с внушением, что человек может быть психически нездоровым) [3]. Англицизм *газлайтинг* обозначает манипуляцию с целью заставить человека усомниться в адекватности восприятия. Он вошел в обиход благодаря дискуссиям о психологическом насилии. *Студенты обсуждали распространенность газлайтинга в романтических отношениях*. Концепт позволяет обсудить табуированные ранее темы и формирует новый язык для описания травм.

3. *Кринж*. *To cringe* обозначает ‘to feel very embarrassed, and often show this by a physical movement or expression’ (испытывать крайнюю неловкость, что может проявляться через мимику, жесты или реплики) [3]. Заемствование в русском языке также передает чувство острого стыда за чужие действия. Его употребление (*Это такой кринж!*) отражает стремление дистанцироваться от «немодных» паттернов поведения и укрепить групповые границы.

4. *Троллинг*. Английское слово *trolling* значит ‘the act of leaving an insulting message in the internet in order to annoy someone’ (действие, когда человек оставляет оскорбительное сообщение в интернете, чтобы разозлить или досадить кому-либо) [3]. Заемствованное слово *троллинг* акцентирует внимание на провокационное поведение в интернете, направленное на то, чтобы вызвать конфликт. Данный концепт является маркером девиантной коммуникации и формирует новые нормы взаимодействия: *Троллинг в комментариях превратил дискуссию в хаос*.

5. *Хайн*. В английском языке слово *hype* имеет значение ‘a situation in which something is advertised and discussed in newspapers, on television, a lot in order to attract everyone’s interest’ (ситуация, когда что-либо активно рекламируется или обсуждается в газетах, на телевидении и т. д., чтобы привлечь всеобщее внимание) [3]. В русском языке англицизм приобрел значение ‘ажиотаж, шумиха’ и позитивную коннотацию – ‘быть в тренде’, а *хайповый* означает ‘модный’ [4, с. 1249]. Использование этого слова свидетельствует о принятии ценностей потребительской культуры, где значимость определяется медийной видимостью.

6. *Фейк*. Слово *fake* в английском языке имеет следующие значения: ‘an object that is made to look real or valuable in order to deceive people’ (объект, созданный для того, чтобы выглядеть настоящим или ценным с целью обмануть людей); ‘someone who is not what they claim to be’ (человек, который не является тем, за кого себя выдает) [3]. Концепт *фейк* актуализирует проблему доверия в цифровую эпоху. В отличие от русского

слова *подделка* ‘изделие, продукт не подлинный, имитация’, *фейк* несет в себе эмоциональную нагрузку цинизма и разочарования. *Новости оказались фейком*. Это отражает кризис авторитетов и рост скептицизма.

Также можно выделить следующие социально-психологические последствия использования англицизмов:

1) нормализация девиаций, т. к. термины *буллинг* и *газлайтинг* переводят маргинальные явления в публичное поле. Таким образом, это может способствовать их распознаванию;

2) актуализация внутренних тревог, ведь такие концепты как *овершеринг* ‘избыточная откровенность в социальных сетях’ и *фейк* могут способствовать тому, что фоновые тревожные переживания становятся более явными и осознаваемыми.

Рассмотренные выше англицизмы, такие как *хайп*, *газгейтинг* или *крик* выступают не просто языковыми единицами, а выражают новые социально-психологические концепты и, таким образом, отражают трансформации коллективного сознания. Они не только формируют новые модели поведения и эмоциональные реакции, но и заполняют терминологические лакуны – пробелы в языковой системе, связанные с отсутствием точных аналогов для обозначения новых явлений.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Маслова, В. А. Когнитивная лингвистика : учеб. пособие / В. А. Маслова. – Минск : ТетраСистемс, 2004. – 256 с.
2. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.
3. Cambridge Dictionary : [site]. – URL: <https://dictionary.cambridge.org> (date of access: 09.03.2025).
4. Дьяков, А. И. Словарь англицизмов русского языка / А. И. Дьяков. – М. : ФЛИНТА, 2021. – 1383 с.

[К содержанию](#)

И. В. ИГНАШЕВ

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Е. Н. Стрижевич

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ КАК ИНДИКАТОР ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Фразеологические единицы (далее – ФЕ) представляют собой устойчивые сочетания слов, обладающие целостным значением, которое не сводится к сумме значений их компонентов. Они являются неотъемлемой частью языковой картины мира и отражают культурные, социальные

и когнитивные особенности носителей языка. В последние годы исследователи все чаще обращаются к изучению ФЕ как маркеров интеллектуальных характеристик человека, поскольку их использование в дискурсе может указывать на уровень когнитивного развития, креативность и способность к абстрактному мышлению. Они играют важную роль в языке и культуре, отражая не только обыденное мышление, но и глубокие волновые аспекты человеческой природы. В этой статье мы рассмотрим, как фразеологизмы могут служить индикаторами человеческого интеллекта.

Фразеологизмы часто обобщают опыт поколений и описывают сложные ситуации с помощью простых и запоминающихся выражений. Например, фраза *Встретить волка в лесу* не просто описывает событие, а передает общий страх перед неизвестностью и опасностью. Использование таких выражений демонстрирует умение человека делать обобщения и оперировать комплексными понятиями.

Большинство фразеологизмов привязаны к культуре и истории народа. Например, в русском языке можно встретить выражения, связанные с природой (*плут, как лиса*) или социальными аспектами жизни (*крутой, как бульон, но недолговечный*). Знание и использование фразеологизмов свидетельствует о культурной осведомленности, что является показателем интеллекта. Люди, способные интерпретировать и применять фразеологизмы в соответствующем контексте, проявляют более высокий уровень когнитивных способностей.

Фразеологизмы делают общение более выразительным и красочным. Умелое использование устойчивых выражений может сигнализировать о креативности человека и его умении находить оригинальные решения в коммуникации. Например, вместо того чтобы сказать, что кто-то очень занят, можно использовать фразу *У него голова по швам трещит*. Это не только делает речь более образной, но и демонстрирует уровень интеллекта говорящего, его способность к метафорическому мышлению.

Каждый фразеологизм несет в себе определенный психологический и эмоциональный заряд. Знание и использование таких выражений может говорить о том, насколько человек способен понимать и интерпретировать эмоции – как свои, так и окружающих. Например, использование фраз типа *Прыгать выше головы* может указывать на уверенность и амбициозность человека, что также соотносится с его умственными способностями и социальным интеллектом.

Дискурс понимается как сложное коммуникативное явление, объединяющее текст, контекст и социальные практики. Дискурсивный анализ, по определению Т. ван Дейка, фокусируется на изучении взаимосвязи между языком, мышлением и обществом [2, с. 34]. В рамках данного подхода ФЕ рассматриваются как элементы, которые не только

передают информацию, но и формируют оценку, выражают отношение говорящего и отражают культурные стереотипы.

Фразеология изучает устойчивые сочетания слов, их структуру, семантику и функции. Как отмечает А. В. Кунин, ФЕ обладают идиоматичностью, что делает их уникальными единицами языка, требующими особого подхода к анализу [3, с. 15]. В контексте исследования интеллекта фразеологизмы служат инструментом для выражения умственных способностей, например: *sharp as a tack* ('очень сообразительный') или *not the sharpest tool in the shed* ('недалекий').

ФЕ, связанные с интеллектом, можно разделить на следующие группы:

1. Позитивная оценка: *brainiac* ('гений'), *have a head for numbers* ('иметь способности к математике'). Негативная оценка: *birdbrained* ('пустоголовый'), *a few sandwiches short of a picnic* ('не совсем адекватный').

2. Нейтральная или метафорическая: *food for thought* ('пища для размышлений'). В академическом дискурсе ФЕ используются редко, т. к. он ориентирован на точность. Однако в медийном дискурсе (статьи, блоги) фразеологизмы оживляют текст: *The politician's idea was a no-brainer* ('очевидное решение'). В повседневном общении ФЕ служат для эмоциональной оценки: *She's got a screw loose* ('у нее не все дома').

ФЕ позволяют говорящему выразить оценку косвенно, смягчая критику или усиливая похвалу. Например, фраза *He's not the brightest bulb* ('он не самый умный') звучит менее резко, чем прямое утверждение. Кроме того, использование ФЕ демонстрирует языковую компетентность, что само по себе может восприниматься как признак интеллекта [3, с. 89].

Проведенный анализ подтверждает, что фразеологические единицы играют важную роль в оценке интеллектуальных характеристик человека. Их семантическое разнообразие, контекстуальная гибкость и pragматическая направленность делают их ценным инструментом в дискурсивной практике. Дальнейшие исследования могут быть сосредоточены на кросс-культурных различиях в использовании ФЕ, а также на их применении в искусственном интеллекте для анализа естественного языка.

Фразеологизмы представляют собой не просто языковые единицы, но и отражение глубинных аспектов человеческой природы, интеллекта и культурной идентичности. Они могут служить индикатором не только языкового, но и социального интеллекта, эмоциональной зрелости и креативности. В современном мире, где информационные потоки увеличиваются, способность к метафорическому мышлению, обобщению и креативному использованию языка становится особенно важной. Фразеологизмы, таким образом, – это не только украшение речи, но и зеркало нашего интеллекта.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Крысин, Л. П. Современный русский язык. Социальная и функциональная дифференциация / Л. П. Крысин. – М. : Наука, 2004. – 198 с.
2. Dijk, T. A. van. Discourse and Context: A Sociocognitive Approach / T. A. van Dijk. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2008. – 267 p.
3. Кунин, А. В. Курс фразеологии современного английского языка / А. В. Кунин. – 2-е изд. не перераб. – М. : Высш. шк., 1996. – 381 с.

[К содержанию](#)

Е. О. КАРАВАЙ

Минск, МГЛУ

Научный руководитель – Ю. В. Бекреева

АССОЦИАТИВНАЯ СВЯЗЬ ЦИТАТНОГО ТИПА МЕЖДУ КОМПОНЕНТАМИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

Фразеологизмы, как особый пласт лексики, не только сохраняют культурно-историческую память народа, но и активно участвуют в формировании образов, стереотипов и ассоциативных связей в сознании человека [1, с. 12]. Психолингвистические исследования подтверждают, что фразеологические обороты воспринимаются носителями языка как неделимые смысловые комплексы, часто вызывающие целый спектр ассоциаций. Для носителя языка фразеологизм – это не просто сочетание слов, а устойчивая единица, связанная с определенными эмоциями, культурными кодами и жизненным опытом [2, с. 45].

А. П. Клименко, являясь одним из ведущих исследователей в области психолингвистики, доказала системный характер ассоциативных связей и разработала классификацию типов словесных ассоциаций, которая широко применяется в современных лингвистических и психологических исследованиях. По мнению А. П. Клименко, ассоциаты (реакции испытуемых в эксперименте) можно разделить на несколько основных типов, каждый из которых отражает определенный механизм связывания слов в сознании носителя языка. Одним из типов по классификации А. П. Клименко являются **реминисцентные (цитатные)** ассоциаты, основанные на воспоминаниях, устойчивых выражениях и цитатах, пословиц, песен, которые активируются при восприятии слова-стимула. Эти реакции автор делит на две подгруппы:

- реакции, которые вместе со стимулом образуют одно словосочетание, например, стимул *жизнь* – реакция *прожить, не поле перейти*;
- ассоциаты, в которых стимул указывает на сочетание, включающее производное от стимула слово, при этом при анализе этого типа связи следует выделять промежуточный элемент: например, стимул *детский*

(промежуточный элемент *дети*) – реакция устами *детей* глаголет истина [2, с. 25].

Особое значение в современных исследованиях приобретает изучение динамики фразеологического фонда, в том числе процессов появления и закрепления фразеологических неологизмов. Новые устойчивые выражения активно формируются под влиянием социальных, политических, технологических изменений и быстро входят в языковое сознание, отражая современные реалии [3, с. 211].

Целью нашего эксперимента было выяснить, насколько воспроизведимы в готовом виде крылатые выражения из социальных сетей. В качестве гипотезы была принята установка на то, что фразеологические единицы будут проявлять цитатную ассоциативную связь. Для эксперимента были отобраны несколько выражений, которые часто встречаются в социальных сетях.

Рассмотрим значение отобранных единиц. Выражение *I'm cringe but I'm free* ‘Я кринж, но я свободен’ стало набирать популярность в Twitter, Tiktok, Instagram и Reddit в 2020 г. и обозначает ироничное отношение к собственным поступкам или поведению. Выражение *Criminal offensive side eye* используется для описания уникального взгляда, который можно расценить как осуждающий, вызывающий, или даже угрожающий. *Side eye* дословно переводится как ‘взгляд искоса’. *You're excused and I'm not your brah* стало крылатым в соцсетях, но происходит из американской комедии «Образцовый самец» 2001 г. Более 20 лет спустя в TikTok, Instagram Reels стал вирусным отрывок, в котором герои фильма Дерек и Хэнсел пересекаются в ночном клубе. Хэнсел преднамеренно задевает плечом Дерека и неискренне, пафосно приносит извинения (“Excuse me, brah”). Дерек же не дает себя в обиду и дерзко и без колебаний отвечает сопернику (“You're excused and I'm not your brah”). Видео “Excuse me, brah” стало мемом о том, что не надо давать себя в обиду и допускать панибратство. Выражение *Go little Rock Star* ‘Иди, маленькая рок-звезда’ стало популярным в TikTok, когда пользователи сети стали публиковать грустные видео под меланхоличную мелодию “Go Little Rockstar”. Фраза выражает боль из-за ухода кого-то из близких или значимых людей или ностальгию об утраченном. Выражение *It's my Roman Empire* в соцсетях появилось как мем о том, что мужчины хотя бы раз в неделю думают о Римской империи. Комизм этой фразы лежит не в буквальной привязке к историческим событиям, а в абстрактности – юмор в том, что никто не знает, почему мужчины об этом думают, а женщины – нет. Поэтому, когда кто-то говорит: “It's my Roman Empire”, это означает, что о чем-либо думают постоянно и одержимо, мысль о чем-либо не может оставить человека в покое, пока все не разложится по полочкам или не найдется четкого ответа, даже если

мысли об этом кажутся необъективными и иррациональными. Притом данная фраза применима сейчас не только к мужчинам.

Всего в эксперименте приняло участие 62 студента и 16 преподавателей факультета английского языка Минского государственного лингвистического университета. Респондентам были предъявлены первые компоненты выражений в качестве стимулов с заданием продолжить первым, что придет в голову. Если респонденты достраивали выражение, то это свидетельствовало о наличии цитатной связи, свойственной фразеологическим единицам. Таким образом, ассоциация, соответствующая второму компоненту фразеологической единицы на стимул (первый компонент), указывает на воспроизводимость и устойчивость выражения в языковом сознании респондента.

Приведем общую таблицу данных реакций, которые соответствуют модели ассоциирования «стимул (первый компонент ФЕ) → реакция (второй компонент ФЕ)».

Таблица – Наиболее частотные реакции

Стимул (первый компонент ФЕ)	Реакция (второй компонент ФЕ)	Количество ответов с данной реакцией, %	
		студенты	преподаватели
I'm Cringe but	I'm Free	23	0
Criminal Offensive	Side Eye	44	13
You're Excused and I'm	Not your Brah	44	6
Go Little	Rockstar	50	6
It's my Roman	Empire	65	38

Все выбранные для исследования выражения из социальной сети можно считать неологизмами, пока только претендующими на вхождение в фонд фразеоглизмов, т. к. большое число реминисцентных реакций, соответствующих стимулу, было дано именно студентами. Единственное выражение, которое действительно можно считать практически оформленным фразеоглизмом, – *It's My Roman Empire*.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Клименко, А. П. Типология ассоциативных структур и изучение лексики / А. П. Клименко // Вопросы языкознания. – 1990. – № 3. – С. 20–30.
2. Архипова, С. В. Типы ассоциаций в свободных ассоциативных экспериментах / С. В. Архипова // Психолингвистика. – 2011. – № 2. – С. 7–15.
3. Клименко, А. П. Семантика и грамматика в свободных ассоциативных экспериментах / А. П. Клименко, А. В. Посох // Вестник Белорусского государственного университета. – 2014. – № 3. – С. 22–78.

[К содержанию](#)

К. Ю. КЛИМ

Минск, МГЛУ

Научный руководитель – Ю. В. Бекреева

АССОЦИАТИВНЫЕ СВЯЗИ ЛЕКСЕМЫ *STAR* ‘ЗВЕЗДА’ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ ЛИЦ РАЗНОГО ВОЗРАСТА

Психологически реальное значение, или, как определяет его И. А. Стернин, психолингвистическое значение слова – это упорядоченное единство всех семантических компонентов, которые реально связаны с данной звуковой оболочкой в сознании носителей языка на определенном этапе развития общества, в определенный временной период [1, с. 38]. А. А. Залевская указывает на необходимость исследования живого слова, которое «представляет собой достояние пользующегося словом человека; продукт своеобразной переработки индивидом многообразного (вербального и невербального) опыта познания и общения» [2, с. 54]. Понятия «живое слово» и «психологически реальное значение» подчеркивают психолингвистический ракурс исследования природы значения: как люди воспринимают, интерпретируют и используют слова, что из памяти человека активизируется словом [3, с. 4–5]. Анализ результатов экспериментов с разными группами испытуемых позволяет раскрыть вариативность психологически реального значения слов и глубже проникнуть в природу языкового сознания, а также изучить влияние социальных, культурных, возрастных факторов на языковую способность человека.

Продолжая данную линию исследований, мы провели свободный ассоциативный эксперимент с целью определения структуры и содержания психологически реального значения многозначного слова *star* в языковом сознании искусственных билингвов юного и среднего возраста. В эксперименте приняли участие две группы респондентов, разграниченных по возрасту: первая – 40 студентов факультета английского языка МГЛУ 17–22 года (юный возраст), вторая – 40 преподавателей факультета английского языка МГЛУ 30–45 лет (средний возраст). Испытуемым было предложено следующее задание: после того, как вам будет предъявлено ключевое слово (стимул), напишите, пожалуйста, как можно быстрее любое пришедшее вам в голову слово.

Слово *star* имеет два лексико-семантических варианта значения (далее – ЛСВ), каждое из которых отражает разные культурные и исторические контексты.

По ЛСВ 1 слово обозначает астрономический объект. Но в данном значении есть коннотативная часть: звезды воспринимаются как символы

вечности и бесконечности. Они вдохновляют людей на научные исследования и философские размышления о природе Вселенной. Часто звезды ассоциируются с романтикой, мечтами и исследованием. ЛСВ 2 указывает на знаменитостей, которые воспринимаются как звезды, представляющие определенные идеалы, тренды и образ жизни. Они могут служить источником вдохновения и, одновременно, критики в обществе. Их популярность может оказывать влияние на молодежь, формируя культурные и социальные нормы различных эпох.

Результаты эксперимента среди респондентов первой возрастной группы оказались такими: *sky* – 10 %, *yellow* – 6 %, *moon* – 5 %, *night* – 5 %, *wars* – 5 %, *shine* – 5 %, *Milky Way* – 3 %, *super* – 3 %, *gaze* – 3 %, *Universe* – 3 %, *falling* – 3 %; реакции со следующими словами составляют 1 %: *Tony Stark*, *light*, *wizard*, *spaceship*, *park*, *Orion*, *gas*, *favourite*, *dust*, *boy*, *celebrity*.

Обобщив зафиксированные реакции, полученные у респондентов, выделим следующие тематические группы:

1. Слова, связанные с небесными явлениями: *Milky Way* ‘Млечный Путь’, *Moon* ‘луна’, *sky* ‘небо’, *Universe* ‘Вселенная’, *Orion* ‘Орион’, *gas* ‘газ’, *dust* ‘пыль’, *night* ‘ночь’, *falling* ‘падающая’, *spaceship* ‘космический корабль’.
2. Слова, описывающие свет и яркость звезды: *yellow* ‘желтый’, *light* ‘свет’, *shine* ‘светить’.
3. Слова, характеризующие знаменитостей: *celebrity* ‘знаменитость’, *favourite* ‘любимый, фаворит’, *super* ‘супер (часть от суперзвезды)’.
4. Слова, связанные с литературными произведениями: *wizard* ‘волшебник’, *wars* ‘войны, часть от «Звездные войны»’, *Tony Stark* (герой комиксов Марвелл).

Некоторые слова не образовали отдельные тематические группы: *boy* ‘мальчик’ (комиксы *Star boy*), *gaze* (возможно ассоциация с новым искусственным интеллектом *Stargaze*), *park* ‘парк’.

Первые две тематические группы 1–2 указывают на то, что в сознании представителей юного возраста при ассоциировании стимула *star* актуализируется ЛСВ 1 чаще, чем ЛСВ 2.

Среди респондентов средней возрастной группы результаты получились такими: *fallen* – 17 %, *light* – 15 %, *night* – 12 %, *space* – 12 %, *date* – 7 %, *Merilyn Monroe* – 5 %, *Alain Delon* – 5 %, *love* – 5 %, следующие реакции получили по 1 %: *Al Pacino*, *wish*, *dust*, *Whitney Houston*, *sun*, *sky*, *super*, *magic*, *pentagram*, *lullaby*.

По зафиксированным реакциям можем выделить следующие тематические группы:

1. Слова, связанные с небесными явлениями: *fallen* ‘упавшая’, *light* ‘свет’, *night* ‘ночь’, *space* ‘космос’, *dust* ‘пыль’, *sky* ‘небо’, *sun* ‘солнце’.

2. Слова, связанные со знаменитостями: *Marilyn Monroe* ‘Мэрилин Монро (актриса)’, *Al Pacino* ‘Аль Пачино (актер)’, *Alain Delon* ‘Ален Делон (актер)’, *Whitney Houston* ‘Уитни Хьюстон (певица)’, *super* ‘супер’.

3. Слова, связанные с романтическими отношениями: *date* ‘свидание’, *love* ‘любовь’.

Слова, которые не попадают в категории: *home* ‘дом’, *magic* ‘магия’, *pentagram* ‘пентаграмма’, *lullaby* ‘колыбельная’ (ассоциация с «Гори, гори, моя звезда»), *wish* ‘желание’ (загадать желание на упавшую звезду).

В ассоциативных полях двух групп респондентов обнаружена общая тематическая группа названий небесных явлений. В тематических группах, выделенных у респондентов среднего и юного возраста, выявлены совпадения в ассоциациях, продемонстрированные в таблице.

Таблица – «Подобие реакций в двух возрастных группах»

Слово	Студенты, %	Преподаватели, %
<i>Light</i>	1	15
<i>Night</i>	5	10
<i>Dust</i>	1	1
<i>Sky</i>	10	1
<i>Super</i>	3	1

Исходя из данных таблицы, можно проследить тенденцию к ассоциированию лексемы *star* по ЛСВ 1 со стороны представителей обеих возрастных групп.

Близкие по смыслу группы имен знаменитостей, характеристик знаменитостей, слов, обозначающих известные объекты культуры (литературы, технологий и под.), указывают на актуальность ЛСВ 2, но его значение требуется уточнить: «знаменитый человек или артефакт, признаваемый лучшим и претендующий на известность».

Таким образом, проведенный эксперимент показал стабильность актуализации первичного значения лексемы *star* и вариативность в ассоциациях, связанных со вторичным значением.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Стернин, И. А. Психолингвистическое значение слова и его описание. Теоретические проблемы : монография / И. А. Стернин. – Saarbrücken : LAP, 2011. – 192 с.
2. Залевская, А. А. Интерфейсная теория значения слова: психолингвистический подход / А. А. Залевская. – Лондон, 2014. – 180 с.
3. Стернин, И. А. Проблемы анализа структуры значения слова / И. А. Стернин. – Воронеж, 1979. – 156 с.

[К содержанию](#)

А. А. ЛАВРУКОВИЧ

Брест, БГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Н. А. Тарасевич

КОНЦЕПТ «ПРОДУКТЫ ПИТАНИЯ» В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ КУЛЬТУРЕ

Специфические особенности каждой национальной кухни и уникальные интерпретации процесса питания в разных культурах приводят к появлению национально-культурных различий в выражении смыслового значения «еда». Концепт «продукты питания» охватывает такие аспекты, как ежедневные привычки питания, особенности национальных блюд, а также влияние современных «фишек» в еде.

Необходимость анализа языковых единиц, в которых проявляется многообразие национальной культуры и понимание которых зачастую невозможно без опоры на знание культурного плана, ощущается во всех случаях межкультурного общения, т. е. общения носителей различных культур и различных языков. Актуальность данного исследования заключается не только в лингвокультурных особенностях концептуальности понятия «еда», но и множественными подходами к понятию истины, концепта «продукты питания» в языковой культуре. Структура этого понятия и его языковые формы все еще недостаточно определены, что дает почву для дальнейшего анализа концепта «продукты питания» в английском языке и культуре.

«Продукты питания» также являются объектом, отражающим все экономические и социальные проблемы и события, образ человека, менталитет и особенности восприятия тех или иных ситуаций. «Человек есть то, что он ест» – говорил Г. Гейне. В этих словах подчеркивается как ключевая роль питания в формировании и поведении человека, так и характер питания, который может как пагубно влиять на человека, так и, наоборот, способствовать здоровому развитию человека.

Концепт «питание» представляет собой лингвокультурный феномен, относящийся к одному из самых древних аспектов материальной культуры и повседневной жизни, который является исторически первой областью возникновения и сохранения культурных ценностей. Основной слой (ядро) концепта совпадает с определением слова и обычно отражается в словарных статьях, однако концепт не идентичен значению слова, поскольку значение охватывает лишь часть концепта. Это подтверждается множеством описаний одного и того же концепта в различных словарях. Словарь-тезаурус Merriam-Webster 2005 г. содержит 18 синонимов, среди которых есть сленговые, устаревшие, диалектные и юмористические варианты для

существительного «еда» [3]. А словарь словосочетаний Oxford Collocations Dictionary предлагает 39 синонимов, включая диалектные, устаревшие и разговорные формы [4], что существенно расширяет рамки основных значений. Это значит, что синонимический ряд многозначной лексемы *food*, в рамках концепта «продукты питания» достаточно богат и содержит в себе около 40 синонимов.

На протяжении многих лет ученые различных областей науки обращают внимание на концепт «пища». Это внимание связано с социальными и научными мотивами. Исследование гастрономического дискурса и его ключевого элемента – пищи – начало активно развиваться во второй половине XIX в., когда укреплялись национальные движения в Европе, что способствовало возрастанию значения национальных культур и их составляющих [1].

Сегодня изучение этого концепта поддерживается актуальными трендами массовой культуры, такими как возрождение интереса к национальным и региональным кухням, в том числе с целью маркетинга в сфере общественного питания. Лингвисты указывают на важность изучения концепта «пища» в контексте макролингвистики и современных исследований, направленных на связь языка и культуры, а также их взаимосвязь с опытом и коммуникацией людей [2].

Концепт «продукты питания» в английском языке представлен различными лексико-семантическими средствами, которые позволяют описывать, классифицировать и оценивать еду и напитки. Эти средства включают в себя названия продуктов, их характеристики, а также культурные и ассоциативные значения, связанные с ними.

Рассмотрим основные лексико-семантические группы и средства, используемые для отображения данного концепта. Продукты питания можно классифицировать по различным критериям, и в английском языке для этого используются специальные термины:

- фрукты (Fruits): *apple, banana, orange, berry*;
- овощи (Vegetables): *carrot, potato, spinach, broccoli*;
- зерновые (Grains): *rice, wheat, oats, corn*;
- мясо (Meat): *chicken, beef, pork, lamb*;
- молочные продукты (Dairy products): *milk, cheese, yogurt, butter*;
- напитки (Beverages): *water, juice, tea, coffee*;
- сладости (Sweets): *chocolate, candy, cake, pastry*.

Прилагательные играют важную роль в описании характеристик продуктов:

- вкус: *sweet, sour, bitter, salty, spicy*;
- консистенция: *crunchy, soft, chewy, creamy*;
- пищевая ценность: *nutritious, healthy, organic, processed*.

Различные продукты питания могут вызывать специфические ассоциации и иметь культурные значения:

- традиционные блюда: *fish and chips* (Великобритания), *sushi* (Япония), *tacos* (Мексика) – каждое из этих блюд связано с определенной культурой и традициями.

- праздничная еда: *turkey* (индейка) на День благодарения в США, *mince pies* (пироги с мясным фаршем) на Рождество в Великобритании.

С семантической точки зрения номинации, сообщающие о способе приготовления и обработки можно подразделить на номинации со значением:

- способа нарезки: *chopped chicken salad*;
- добавления приправы: *seasoned fries; powdered duck breasts*;
- придания формы: *egg naan roll; bacon wrapped dates; eggs et cocotte*;
- качественного изменения продукта: *scrambled eggs; grinded beef*;
- термической обработки: *fried egg sandwich; baked beans; smoked salmon; roasted sprouts; poached eggs; grilled cheese; braised celery; iced caramel*.

Анализ количественного соотношения наименований блюд в английском дискурсе на основании отобранный выборки следующий:

- номинации, обусловленные составом и способом приготовления блюда – 24 %: *Vegetable Spring Rolls, Vegetable tricolore* (подразумевает наличие трех видов овощей), *Veggie pot*; блюда, содержащие морепродукты: *Seafood cocktail, Shrimp trio, Seafood basket, Seaside Sampler*;

- номинации, связанные с локальной отнесенностью блюда – 13 %: *Tupelo Honey Cafe's Herbed Panko Fish Risotto* – одно из фирменных блюд места под названием *Tupelo Honey Cafe's*;

- креативные номинации – 11 %: *Toast of the town* для тостов в утреннем меню, чье значение «человек, популярный в обществе» переносится на обжаренный хлеб и создает ему соответствующий образ;

- номинации по времени приема пищи – 4 %: сезон года (*Summer pudding, Seasonal fruit salad*), день недели (*Sunday roast, Thursday gnocci*), часть дня (*Overnight Crock-Pot Egg Casserole*);

- блюда, названные в честь праздника – 10 %: Рождество (*Christmas pudding, Christmas-ready mincemeat pies, Twelfth Night Cake* (традиционно подается в последний день Рождества), *Christmas turkey*); Пасха (*Easter cake, Pesach brownies*); День рождения (*Birthday cake, Birthday Pasta*);

- блюда с наименованием известных людей – 38 %: рисовый пудинг Энны (*Enna's Rice Pudding*), пудинг «Сливки Дина» (*Dean's Cream*).

В лингвокультурологической модели английских кулинарных терминов можно выделить:

– национальные кулинароримы – 51 %: *beefsteak, broth, cake, Christmas pudding, duff, flapjack, fritter, gruel, hotpot, oatcake, pie, plum duff, plum pudding, porridge, pudding, roastbeef, spotted dog* и др.;

– региональные кулинароримы – 31 %: *Eton Mess* ‘похлебка из Итона’, *Yorkshire pudding* ‘йоркширский пудинг’, *Whitley Goose* ‘Уитли Гуз’ (графство Нортумберленд) и др.;

– заимствованные кулинароримы – 18 %: *salade* «салат» (фр.), *soupe and onion pie* ‘пирог с кроликом и луком’ (Уэльс) и др.; ‘суп’ (фр.), *bouillon* ‘бульон’ (фр.), *entrecôte* ‘антрекот’ (фр.), *omelette* ‘омлет’ (фр.) и т. д.

Фразеологические средства, связанные с концептом «продукты питания», показывают, как еда используется в метафорах и идиоматических выражениях для передачи различных эмоций и оценок. Эти выражения обогащают язык, создавая многослойные значения и расширяя возможности коммуникации. Мы видим, что еда не только удовлетворяет физические потребности, но также служит важным инструментом для выражения идентичности, социального статуса и культурных традиций.

Фразеологизмы с едой:

– *bite the bullet* (‘переносить трудности с мужеством’) – здесь *bite* (‘кусать’) используется в контексте преодоления неприятностей;

– *bread and butter* (‘основной источник дохода’) – выражение, которое подчеркивает важность еды как основы жизни, а также является метафорой для основного дохода.

Метафоры и сравнения:

– *you are what you eat* – эта фраза подчеркивает связь между пищей и личной идентичностью, акцентируя внимание на том, как то, что мы едим, влияет на наше здоровье и образ жизни.

– *full plate* – может использоваться для описания человека с множеством задач или обязательств, что также связывает концепт еды с занятостью.

Идиомы и выражения:

– *too many cooks spoil the broth* (‘слишком много поваров портят бульон’) – это выражение говорит о том, что чрезмерное вмешательство может ухудшить результат, что также может быть интерпретировано как метафора для командной работы.

– *egg on your face* (‘выглядеть глупо, оказаться в неловком положении’) – здесь яйцо символизирует неудачу или смущение.

Кулинарные термины в метафорическом значении:

– *cut the mustard* (‘соответствовать ожиданиям, быть на уровне’) – выражение, которое указывает на то, что что-то или кто-то соответствует стандартам;

– *spill the beans* (‘раскрыть секрет’) – здесь бобы символизируют секретную информацию, которая может быть «пролита» или раскрыта.

Оценочные выражения:

- *in a pickle* ('в затруднительном положении') – фраза, где «огурец» символизирует сложную ситуацию;
- *cherry on the top* (вишенка на торте, последний штрих) – используется для обозначения чего-то, что делает ситуацию еще лучше.

Проведенное исследование позволяет сделать ряд выводов:

- 1) кулинарная лексика активно используется в качестве источника образных наименований и образных характеристик человека и его свойств в английской лингвокультуре;
- 2) активность вовлечения кулинарной образной лексики в процессы фразеологического моделирования антропосферы является различной на разных ее участках: например, в описании эксцентричных людей, чудаков;
- 3) один и тот же кулинарный образ может выражать разные значения в английском языке.

Таким образом, концепт «продукты питания» может включать различные ассоциации и эмоции, отражающие уникальные особенности культуры. Концепт является ключевым понятием при исследовании культурных норм и ценностей, способствуя межкультурной коммуникации. Следовательно, изучение концепта «продукты питания» в англоязычной культуре открывает богатый пласт культурных значений и предоставляет ценные инсайты для понимания не только лексической, но и культурной динамики, что подчеркивает важность междисциплинарного подхода в лингвистических исследованиях.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Воркачев, С. Г. Культурный концепт и значение / С. Г. Воркачев // Труды Кубанского государственного технологического университета. Серия : Гуманитарные науки. – 2003. – Т. 17, № 2. – С. 268–276.
2. Глушецкая, С. М. Диахроническая полисемия национально-культурных номинаций (на примере немецкой этнореалии *Karpe*) / С. М. Глушецкая // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. Серия : Филология. – 2008. – № 4 (18). С. 126–199.
3. Merriam-Webster Dictionary [site]. – URL: <https://www.merriam-webster.com/thesaurus/food> (date of access: 13.03.2025).
4. Oxford Online Collocation Dictionary. – URL: <https://www.freecollocation.com/search?word=food> (date of access: 13.03.2025).

[К содержанию](#)

М. С. ЛАТЫШЕВА

Минск, МГЛУ

Научный руководитель – Ю. В. Бекреева

ВАРИАТИВНОСТЬ АССОЦИАТИВНОЙ СВЯЗИ НАИМЕНОВАНИЙ ЧЕЛОВЕКА И БАЗОВЫХ ЭМОЦИЙ (ПО ДАННЫМ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА)

В психолингвистике термин «вариативность» обозначает способность языка адаптироваться и изменяться в зависимости от контекста, ситуации и индивидуальных характеристик говорящего. Вариативность является важным аспектом исследования взаимосвязи языка и мышления. В этом контексте особое внимание следует уделить лексико-семантическим группам, связанным с наименованиями людей, т. к. одни и те же лексические единицы могут восприниматься по-разному в зависимости от уровня эмоционального интеллекта и культурных различий.

Ассоциативный тезаурус “NRC Word-Emotion Association Lexicon” (EmoLex) содержит данные о наличии или отсутствии ассоциаций с одной из восьми базовых эмоций, основанных на теории Р. Плутчика: гневе, страхе, ожидании, доверии, удивлении, печали, радости и отвращении [1]. Работа с носителями языка была организована методом краудсорсинга, что позволило собрать данные об эмоциональных реакциях на слова от широкого круга участников [2, с. 26].

Настоящее исследование сосредоточено на вариативности ассоциативных связей существительных, обозначающих наименования человека. Уникальность нашего эксперимента заключается в том, что английский язык не является родным для участников. Целью исследования является выявление возможных расхождений в ассоциациях по сравнению с данными из тезауруса EmoLex.

В качестве исследуемых лексических единиц были выбраны десять английских существительных, связанных с наименованиями человечека: *hero* ‘герой’, *mother* ‘мать’, *volunteer* ‘волонтер’, *winner* ‘победитель’, *lover* ‘любовник’, *hunter* ‘охотник’, *prisoner* ‘заключенный’, *soldier* ‘солдат’, *teacher* ‘учитель’, *sinner* ‘грешник’. В эксперименте приняли участие 70 респондентов со знанием английского языка. Участникам была предложена анкета для указания эмоциональных ассоциаций, возникающих при упоминании каждого слова, с использованием тех же категорий эмоций, что и в EmoLex.

В таблице 1 представлены результаты для выбранных слов согласно данным из тезауруса.

Emotion	anger		anticipation		disgust		fear		joy		sadness		surprise		trust	
	EmoLex	Эксперимент	EmoLex	Эксперимент	EmoLex	Эксперимент	EmoLex	Эксперимент	EmoLex	Эксперимент	EmoLex	Эксперимент	EmoLex	Эксперимент	EmoLex	Эксперимент
Hero	-	-	+	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-
Mother	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Volunteer	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Winner	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Lover	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Hunter	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Prisoner	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Soldier	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Teacher	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Sinner	+	-	-	-	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-

Анализ данных из EmoLex позволяет выявить несколько ключевых тенденций в эмоциональных ассоциациях к словам:

- Слова *hero*, *mother*, *volunteer*, *winner*, *lover* в основном ассоциируются с положительными эмоциями, такими как радость, доверие и ожидание.
- Слова *prisoner*, *sinner*, *hunter*, *soldier* вызывают негативные эмоции, включая гнев, страх, отвращение и печаль.
- Эмоция ожидания присутствует в большинстве исследуемых слов, указывая на надежду или предвкушение, связанные с этими понятиями.
- Эмоция доверия часто возникает в контексте положительных слов (*hero*, *mother*, *volunteer*, *lover*), однако слово *teacher* также вызывает эмоцию доверия, но ассоциируется с печалью, что затрудняет его однозначную классификацию.
- Некоторые слова имеют смешанные эмоциональные ассоциации: *mother* вызывает одновременно радость и печаль, а *volunteer* сочетает радость и страх.

Наш эксперимент не только подтвердил наличие или отсутствие ассоциаций с указанными эмоциями, но и позволил определить процентное соотношение полученных ассоциаций к общему числу реакций. Для сравнения результатов нашего эксперимента с данными из EmoLex были выделены ключевые ассоциации для слов-стимулов – те, которые чаще всего выбирали респонденты. Данные респондентов были обработаны и представлены в таблице.

При сопоставлении результатов наблюдаются как совпадения, так и различия. В целом результаты подтверждают тенденции, выявленные в EmoLex, однако в некоторых случаях наблюдаются расхождения в эмоциональной окраске определенных слов.

Среди основных сходств:

1. Для слов *hero*, *mother*, *volunteer*, *winner*, *lover* и *teacher* наблюдается совпадение в эмоциях доверия и радости.

2. Результаты для слова *prisoner* полностью совпадают с данными EmoLex.

3. Эмоции гнева и печали для слова *soldier* присутствуют в обоих источниках.

Некоторые слова демонстрируют схожую структуру эмоциональных ассоциаций, как, например, *winner* и *lover*, где также наблюдаются радость и удивление/доверие.

Основные отличия заключаются в следующем:

1. Для слова *mother* в нашем эксперименте отсутствует ассоциация с эмоциями ожидания и печали, хотя они представлены в EmoLex. Аналогично, слово *volunteer* не вызвало ассоциацию со страхом, несмотря на его наличие в EmoLex. Это может указывать на различия в восприятии этих слов между участниками по созданию словаря EmoLex и нашими респондентами.

2. Эмоция гнева была ассоциирована со словом *hunter* в нашем эксперименте, чего не наблюдается в EmoLex. Слово *sinner* также демонстрирует различия, т. к. одной из ведущих эмоций в нашем исследовании была эмоция ожидания.

3. Наблюдается разница в приоритетах эмоций: в нашем эксперименте такие эмоции, как гнев и страх, имеют более выраженное значение по сравнению с EmoLex, особенно для слова *hunter*.

Таким образом, результаты нашего эксперимента выявили как сходства, так и различия в восприятии эмоций, связанных с определенными словами, по сравнению с данными из EmoLex. В процессе исследования возникли определенные сложности. Обратная связь от участников показала, что в некоторых случаях им было трудно соотнести тестируемые слова с предложенными эмоциями. Это может свидетельствовать о недостаточности категорий эмоций, которые не охватывают все возможные ассоциации. Кроме того, в отличие от данных EmoLex, тестируемые слова вызвали широкий спектр эмоциональных реакций, что может быть связано с субъективностью восприятия, а также культурными и личными различиями участников. Вероятно, некоторые респонденты не знали точного перевода слов, особенно термина *anticipation*, который имеет несколько значений и может быть малоизвестен для изучающих английский язык как иностранный. Эти аспекты требуют дальнейшего изучения и могут стать основой для будущих экспериментальных исследований.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Mohammad, S. Emotions evoked by common words and phrases: Using mechanical turk to create an emotion lexicon / S. Mohammad, P. Turney // Proceedings of the NAACL

HLT 2010 workshop on computational approaches to analysis and generation of emotion in text. –2010. – P. 26–34.

2. Mohammad, S. NRC Word-Emotion Association Lexicon / S. Mohammad. – Los Angeles, CA, 2010. – URL: <https://saifmohammad.com/WebPages/NRC-Emotion-Lexicon.htm> (date of access: 21.02.2025).

[К содержанию](#)

К. В. МИРОНЕНКО

Минск, МГЛУ

Научный руководитель – Т. А. Козлова

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВЕРБАЛЬНЫХ КОРРЕЛЯТОВ *GARDEN – САД*

Современные исследования в области лингвокультурологии показывают, что язык не только отражает, но и формирует особенности национального менталитета, закрепляя в себе ключевые концепты, характерные для определенной культуры. Р. Бальди в работе «Intersection of language and culture» отмечает, что наилучшим образом Англию и английский язык отражает категория «Англия/сад»: «Among the literary tropes that represent England and Englishness, some appear to be particularly effective and persistent, this is the case of the ‘England/garden’ paradigm» ‘Среди литературных тропов, представляющих Англию и английскость, некоторые кажутся особенно эффективными и стойкими, это случай парадигмы «Англия/сад»’ [1, с. 77]. Э. Хелмрек в исследовании, посвященном истории английского сада, утверждает, что сад в Британии является символом понятия Englishness: «It was universally agreed that the garden symbolized Englishness» ‘По общему мнению, сад символизировал английскость’ [2, с. 135].

Видение мира проявляется сквозь призму национального языка, который выступает как выражитель национальной ментальности. Рассмотрение особенностей национальной ментальности, зафиксированной в языке, осуществляется на примере вербальных коррелятов *garden* ‘сад’ – *сад*. Источником материала исследования выступают толковые словари английского языка “Oxford Advanced Learner’s Dictionary”, “Cambridge Dictionary”, “Longman Dictionary of Contemporary English Online” и толковые словари русского языка «Малый академический словарь», «Словарь русского языка» под редакцией С. И. Ожегова, «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова. В таблице 1 представлены словарные дефиниции лексемы *garden* ‘сад’ в английских лексикографических источниках.

Таблица 1 – Лексикографические описания лексемы *garden* ‘сад’

Слово/ Словарь	«Oxford Advanced Learner’s Dictionary»	«Cambridge Dictionary»	«Longman Dictionary of Contemporary English Online»
garden	1) a piece of land next to or around your house where you can grow flowers, fruit, vegetables, etc., usually with a lawn (= an area of grass); 2) (usually gardens) a public park; 3) (abbreviation Gdns) used in the name of streets.	1) an area of ground belonging to a house, often containing grass, flowers, or trees; 2) a park or large public area where plants and flowers are grown; 3) to work in a garden, growing plants and making it look attractive.	1) the area of land next to a house, where there are flowers, grass, and other plants, and often a place for people to sit; 2) a part of the area next to a house, which has plants and flowers in it; 3) a large area of land where plants and flowers are grown so that the public can go and see them; 4) used in the name of streets.

На основании данных толковых словарей английского языка в словарных дефинициях лексемы *garden* ‘сад’ выявлено совпадение следующих пяти сем: *area/piece of ground/land* ‘участок земли’, *house* ‘дом’, *grass* ‘трава’, *flowers* ‘цветы’, *plant* ‘растения’. При этом в дефиниции в «Oxford Learner’s Dictionaries» представлены также семы *fruit* ‘фрукты’, *vegetables* ‘овощи’, в «Cambridge Dictionary» – сема *trees* ‘деревья’, Longman «Dictionary of Contemporary English» – сема *place for people to sit* ‘место, где люди могут посидеть’.

Пользуясь принципом дополнительности словарных дефиниций, сформулируем определение лексемы *garden* ‘сад’: *garden is an area of land near or around the house where flowers, fruit, trees, vegetables and other plants are usually grown* ‘сад – это участок земли рядом с домом или вокруг него, где обычно выращивают цветы, фрукты, деревья, овощи и другие растения’.

Таким образом, английские дефиниции совпадают по пяти зафиксированным в словарях семам. Однако в каждой дефиниции представлены дополнительные семы, не зафиксированные в других лексикографических источниках.

Анализ дефиниций в русском языке позволил выявить пять совпадающих сем: ‘участок земли’, ‘засаженный деревьями’, ‘кустами’, ‘цветами’. Различие заключается в представленности в «Малом академическом словаре» сем, не зафиксированных в других источниках (‘кусты’, ‘проложенные дорожки’); в «Словаре русского языка» под редакцией С. И. Ожегова и в «Толковом словаре русского языка» под

редакцией Д. Н. Ушакова установлена сема ‘разнообразные растения’. Используя принцип дополнительности словарных дефиниций, было выявлено, что *сад* – это участок земли, засаженный разнообразными растениями, включая деревья, кусты и цветы, часто с проложенными дорожками. Словарные дефиниции лексемы *сад* в русских лексикографических источниках представлены в таблице 2.

Таблица 2 – Лексикографические описания лексемы *сад*

Слово / Словарь	Малый академический словарь	Словарь русского языка под авторством С. И. Ожегова	Толковый словарь русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова
сад	1) участок земли, засаженный деревьями, кустами, цветами, обычно с проложенным и дорожками.	1) участок земли, засаженный деревьями, кустами, цветами; сами растущие здесь деревья, растения; 2) в некоторых названиях: учреждение, коллекционирующее, разводящее и изучающее растения, животных; 3) то же, что детский сад.	1) участок земли, засаженный разного рода растениями (деревьями, кустами, цветами), обычно с проложенными дорожками.

Совпадение в английском и русском языках отмечается по наличию в дефинициях вербальных коррелятов *garden* ‘сад’ – *сад* следующих сем: ‘участок земли’, ‘цветы’, ‘растения’. При этом в английском языке выявлены семы ‘место, где люди могут посидеть’, ‘рядом с домом или вокруг него’, ‘фрукты’, ‘овощи’, не представленные в семантике русской лексемы. В значении слова *сад* установлены семы: ‘кусты’, ‘часто с проложенными дорожками’, не зафиксированные в англоязычных словарях. Общее и различное в семантике вербальных коррелятов *garden* ‘сад’ – *сад* представлено в таблице 3.

Таблица 3 – Компонентный состав вербальных коррелятов *garden* ‘сад’ – *сад*

Семы	Garden	Сад
‘участок земли’	+	+
‘дом’	+	–
‘трава’	+	–
‘цветы’	+	+
‘растения’	+	+
‘фрукты’	+	–
‘овощи’	+	–
‘деревья’	+	+

‘место, где люди могут посидеть’	+	-
‘засаженный деревьями’	-	+
‘проложенные дорожки’	-	+
‘разнообразные растения’	-	+
‘кусты’	-	+

Таким образом, анализ дефиниций лексем *garden* ‘сад’ и *сад* в английском и русском языках позволяет сделать ряд важных выводов. Во-первых, оба термина имеют общую пространственную и природную семантику, отражая представление о земельном участке, засаженном растениями. Во-вторых, различия в дефинициях демонстрируют уникальные аспекты английской и русской ментальности: английский сад акцентирует внимание на функциональности и близости к дому, тогда как русский сад подчеркивает природную красоту, разнообразие растений и ландшафтный дизайн.

Толковые словари обычно предоставляют наивную информацию о значениях слов. Выявление полного перечня сем, представленных в семантике единиц *garden* ‘сад’ и *сад*, возможно на основе анализа текстового материала.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Baldi, R. *Intersection of language and culture* / R. Baldi. – London : OUP, 2011. – 226 p.
2. Helmreich, Anne. *The English Garden and National Identity: The Competing Styles of Garden Design, 1870–1914* / A. Helmreich. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2002. – 302 p.

[К содержанию](#)

А. А. ПОЛЯНСКАЯ

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – А. Е. Саиди

ЗАИМСТВОВАНИЯ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Изучение заимствований в английском языке представляет собой многоплановое и насыщенное направление лексикологических исследований, отражающее сложные исторические, культурные и социолингвистические процессы, происходившие на протяжении более полутора тысяч лет. Влияние различных языков на английский – результат длительных контактов, включая миграции, завоевания, торговлю, колониальные экспансии, культурный и научный обмен. Это влияние

отразилось прежде всего на лексике – наиболее открытом и чувствительном к изменениям уровне языковой системы.

Источники заимствований в английском языке условно можно разделить по хронологическим периодам его развития:

1. Древнеанглийский период (V–XI вв.)

Формирование древнеанглийского языка началось с приходом на Британские острова англосаксонских племен (англов, саксов и ютов). Однако уже на этом этапе фиксируется влияние других языков. В первую очередь – **латинского языка**, проникшего в Британию вместе с римскими завоевателями. Латинские заимствования раннего периода преимущественно отражают торгово-экономические и материально-бытовые реалии (например: *pepper, wine, pear*).

С распространением христианства с VI–VII вв. усилилась латинизация религиозной и культурной лексики: *mass, devil, school, priest*. В этот же период начинается контакт со **скандинавскими языками**, обусловленный вторжениями викингов. В результате этих контактов в английский язык проникли многочисленные лексические единицы скандинавского происхождения, преимущественно существительные, глаголы и прилагательные повседневного употребления (*husband, skin, law, egg, ill*), а также грамматические элементы, что свидетельствует о глубокой степени языкового взаимодействия.

Несмотря на долгую историю сосуществования с кельтскими языками, кельтские заимствования в английском языке крайне ограничены. Основные заимствования касаются топонимов (*Aberdeen, Dunbar, Kildare*), а также отдельных лексем: *bard, bin, brock, brat, dun*. Некоторые исследователи, в частности М. А. Толлер, считают, что определенные латинские заимствования следует считать кельтскими по каналу заимствования, поскольку они проникли в английский через романизированных кельтов: *bannock, pillion, cross*.

2. Среднеанглийский период (XI–XV вв.)

После нормандского завоевания (1066 г.) французский язык стал языком правящего класса, судопроизводства, образования и религии. Это привело к значительному **галлизму** английского лексикона. Французские заимствования охватывали следующие сферы:

- юриспруденция: *justice, jury, court*;
- административное управление: *government, council, parliament*;
- военное дело: *army, battle, soldier*;
- кулинария: *menu, soup, restaurant*;
- культура и искусство: *poetry, music, drama*;
- мода: *fashion, couture, elegance*;
- наука и образование: *science, university, education*.

Важно отметить, что более половины современного английского словарного состава включает заимствованные французские слова, многие из которых воспринимаются как стандартная часть литературной нормы. Кроме того, часто наблюдается стилистическое варьирование: заимствованные французские эквиваленты употребляются в формальных контекстах (*comptence* вместо *begin, content* вместо *glad*).

3. Новоанглийский период (с XV в. до наших дней)

Эпоха Возрождения (XVI-XVII века)

Этот период ознаменовался массовыми книжными заимствованиями из **латинского и греческого языков**, преимущественно в области науки, философии, литературы и медицины: *animal, formula, theatre, harmony, clinic*. Эти заимствования носили сознательный, элитарный характер и использовались в научной и гуманитарной дискурсивной практике.

Итальянские заимствования

Влияние **итальянского языка** проявилось в лексике искусства, музыки, архитектуры и повседневной жизни: *opera, allegro, balcony, casino, pizza, mafia, paparazzi*. Особенно значительным было проникновение итальянской музыкальной терминологии в английский язык в XVII–XVIII веках, что связано с популярностью итальянской культуры в Британии.

Испанские и португальские заимствования

В период Великих географических открытий и колониальной экспансии английский язык заимствовал из **испанского языка** такие слова, как *tomato, potato, chocolate, cigar, banana, ranch, hurricane*, часто опосредованные языками коренных народов Америки. С **португальским языком** связано меньшее число заимствований, преимущественно в морской и бытовой лексике: *cobra, veranda, mandarin, Madeira*.

Нидерландское влияние

В области торговли, судоходства и военного дела английский язык активно заимствовал из **нидерландского языка** в XVI–XVIII вв.: *dock, yacht, skipper, freight, cruise*.

Современный период (XX–XXI вв.)

Современный английский язык активно заимствует лексику в условиях глобализации и цифровизации. Источниками выступают как **азиатские языки** (японский, китайский, корейский, хинди), так и **славянские языки**, особенно русский.

Из **русского языка** в XX в. в английский проникли слова, связанные с политикой и идеологией (*soviet, perestroika, glasnost, sputnik, cosmonaut, intelligentsia, babushka*). Влияние русской культуры и науки (особенно в советскую эпоху) также оставило след в английской лексике.

Из **арабского языка** английский язык заимствовал научные, математические и культурные термины (*algebra, algorithm, safari, coffee, sugar*), многие из которых попали в английский через латинскую и средневековую научную традицию.

Современные реалии способствуют активному проникновению лексики, связанной с едой, модой, технологиями, массовой культурой и интернет-дискурсом. Заимствования из китайского и корейского языков: *dim sum, tofu, taekwondo, kimchi, K-pop*.

Таким образом, история заимствований в английском языке демонстрирует его исключительную открытость, восприимчивость и адаптивность. Каждое заимствование – это не просто иностранное слово, а отражение глубинных процессов межкультурного взаимодействия, миграции, политического и экономического влияния, научных и технологических достижений. Заимствования не только обогащают лексику, но и создают новые семантические поля, адаптируя язык к нуждам новой эпохи. Английский язык по праву может считаться одним из наиболее гибких и интернационализированных языков современного мира, а анализ его заимствованной лексики является важнейшим этапом в осмыслении языковой эволюции как таковой.

[К содержанию](#)

A. O. РАДКОВЕЦ

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Е. Н. Стрижевич

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ИННОВАЦИИ В МИРЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Современный мир переживает эпоху ускоренной цифровизации, которая затрагивает все сферы жизни, включая язык. Особенno заметны изменения в профессиональной лексике, связанной с информационными технологиями (далее – ИТ). Новые технологии, процессы и явления требуют появления соответствующих терминов, что обогащает язык. Понятия, такие как искусственный интеллект, блокчейн или защита данных, стали неотъемлемой частью профессионального и повседневного общения. Изучение этих языковых новшеств важно для понимания эволюции языка, улучшения коммуникации и развития профессионального взаимодействия. Цель данной статьи – проанализировать механизмы формирования ИТ-терминов, выявить их ключевые источники и определить основные факторы, влияющие на этот процесс.

Языковые изменения в ИТ-сфере обусловлены развитием технологий, глобализацией и трансформацией общественных ценностей. Новые термины появляются для описания современных реалий, таких как кибератаки, облачные сервисы или автоматизированные системы. Например, *кибератака* отражает угрозы в цифровой среде, а *блокчейн* описывает технологию хранения данных. Иностранные термины часто адаптируются через калькирование (*облачные вычисления, интернет-магазин*) или прямое заимствование (*браузер, драйвер, файл*), приспосабливаясь к русской фонетической и грамматической системе. Английский язык, доминирующий в технологической сфере, служит основным источником заимствований, что связано с глобализацией и потребностью в единой терминологии для международного взаимодействия. Кроме того, активно используются аббревиатуры, такие как *API* (интерфейс программирования приложений) или *SaaS* (программное обеспечение как услуга), упрощающие профессиональное общение.

Новые термины возникают и закрепляются благодаря специализированным изданиям, интернет-ресурсам, профессиональным сообществам и блогам. Основные механизмы их создания включают прямое заимствование (*software, cloud, network*), калькирование, переносящее смысловую структуру из другого языка (*интернет-маркетинг*), акронимизацию (*CRM, AI, IoT*) и инновационное словообразование, сочетающее морфемы для формирования новых слов (*софт, хард*). Эволюция ИТ-терминологии также отражает социокультурные изменения. Например, слово *хакер* изначально обозначало специалиста, но со временем приобрело негативную окраску, а глагол *гулить* стал примером перехода имен собственных в обиход. В русском языке процессы транслитерации и калькирования приводят к появлению гибридных форм, таких как *инфраструктура*, что демонстрирует взаимовлияние лингвистических, социокультурных и профессиональных факторов. Эволюция ИТ-терминологии отражает не только языковые изменения, но и влияние социокультурных контекстов, подчеркивая необходимость междисциплинарного подхода к ее изучению.

Современные тенденции формирования ИТ-лексики связаны с глобализацией, технологической мобильностью, развитием цифровых коммуникаций и прагматическими потребностями профессионального сообщества. Глобализация способствует стандартизации терминологии, упрощая международное взаимодействие, а цифровые платформы ускоряют распространение новых слов, таких как *финтех* или *блокчейн-платформа*. Прагматизм профессионалов минимизирует семантические разногласия, способствуя унификации терминов. Однако в этом процессе возникает

конфликт между стремлением сохранить языковую идентичность и необходимостью использования международной лексики. Например, в русском языке активно применяются калькированные выражения, такие как киберзащита, но сохраняется тенденция к заимствованию, особенно в профессиональной среде.

Проведенный анализ подтверждает, что ключевыми механизмами формирования ИТ-терминов являются заимствование, калькирование, акронимизация и инновационное словообразование. Эти процессы, адаптирующиеся под влиянием глобальных и локальных факторов, обеспечивают точное отражение специфики и динамики ИТ-среды, способствуя унификации профессионального общения и созданию единого терминологического пространства. Полученные результаты подчеркивают значимость изучения лексических изменений для понимания современных языковых процессов и адаптации языка к цифровым реалиям. Перспективы дальнейших исследований включают более глубокий анализ языковых и социокультурных факторов, а также использование данных в образовательных программах, разработке терминологических словарей и профессиональной практике для повышения эффективности коммуникации.

[К содержанию](#)

Е. С. САЗОНОВА

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Н. А. Тарасевич

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ТРАКТОВКА ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ

В актуальной лингвистике исследование лексико-семантических полей приобретает особое значение, поскольку способствует структурированию и систематизации лексического состава языка, выявляя семантические взаимосвязи между лексемами. Лексико-семантическое поле (далее – ЛСП) представляет собой иерархически организованную систему лексических единиц, объединенных общим значением и отражающих определенную понятийную область языка.

В современной компаративистике наряду с развивающимися когнитивными и лингвокультурологическими направлениями в науке, продолжают оставаться традиционные описания языковой системы, к которым относятся исследование состава и содержания лексики в рамках лексико-семантического поля.

Многие лингвисты ставят перед собой задачу анализа отдельных лексем, словосочетаний, которые связаны парадигматическими отношениями. Такие сочетания включают в себя тематические и лексико-семантические группы, смысловые парадигмы и характеризуются значительным разнообразием. К этой же категории относится лексико-семантическое поле.

Теория лингвистического поля начала развиваться в первой половине 20 века. Основополагающими работами для теории стали исследования Ф. де Соссюра, сосредоточенного на языковой значимости, и В. фон Гумбольдта, который исследовал внутреннюю структуру языка. Семантическое поле вполне можно рассматривать как способ отображения реальности, инструмент для лексической организации языка и категорию лингвистики. Оно представляет собой философскую категорию. Согласно мнению лингвистов, изначально основными языковыми единицами были слова как основные компоненты лексического уровня. В дальнейшем описание различных семантических полей стало включать целые предложения и фразы.

Одно из ключевых свойств лексико-семантического аспекта языка – возможность группировки лексем по критерию семантического единства. Эта методология основывается на четком выявлении взаимосвязей между различными словами, что напрямую связано с особенностями лексико-семантического устройства языка. Лексико-семантические поля, которые отражают исторические изменения в окружающей действительности, также подвергаются изменениям в своем составе. Согласно С. В. Кезиной, новые элементы, которые добавляются, обогащают концепции, явления и признаки, а также выделяют новые свойства в уже существующих явлениях, понятиях и реалиях.

В области языкознания существует множество классификаций полей, одна из которых делит их на комплексные и элементарные. Элементарное поле включает только одно понятие в качестве ядра, в то время как комплексное поле состоит из нескольких понятий. Однако такое мнение не является общепринятым среди лингвистов, т. к. некоторые из них полагают, что в поле имеются лишь периферия и ядро.

К основным признакам, позволяющим различать периферию и ядро, относятся обязательность, частотность использования и семантическая наполненность элементов ядра. Ядро обычно формируется вокруг ключевой лексемы, которая служит семантическим центром и включает абсолютно все смысловые компоненты поля. Такая лексема называется гиперонимом. Она характеризуется расширенной семантикой и активным использованием, способностью объединять другие лексические единицы. Кроме того, лингвисты выделяют центр поля, включающий семантические единицы, близкие по значению к ядру и находящиеся с ним

в парадигматических отношениях, а периферия состоит из единиц, которые отстоят от ядра по значению.

Лексемы, формирующие периферию, часто обладают значительно более широким диапазоном значений по сравнению с ядерными, а также имеют множество смысловых нюансов и разнообразие стилистических оттенков.

На примере сравнения лексико-семантического поля «рельеф» в английском и немецком языках были выявлены следующие значимые моменты:

Ядерной лексемой лексико-семантического поля «рельеф» в английском языке является лексема *relief*, а в немецком языке – лексема *das Relief*. В обоих языках ядро изучаемого поля репрезентировано следующими значениями:

1. Рельеф в искусстве: скульптурные изображения, которые выступают над фоном.

2. Рельеф как географическое понятие: форма земной поверхности, включающая равнины, горы и долины.

3. Рельеф как план или схема: трехмерное представление объектов.

В английском языке ядро представлено дополнительно такими значениями, как:

1. Рельеф в медицине: обозначение состояния, в котором напряжение или давление снижается.

2. Рельеф в области архитектуры: использование данного термина для описания архитектурных элементов.

В отличие от английского языка, в немецком языке ядро включает такие значения, как:

1. Топографические карты: в контексте картографии используется термин *das Relief*.

2. Географический рельеф: акцент на физические характеристики местности.

Центром лексико-семантического поля «рельеф» в двух языках являются:

1. Трехмерные изображения.

2. Форма земли.

Синонимы, образующие центр ЛСП «рельеф» в немецком языке обладают следующими значениями:

1. *Höhenunterschied* ('высотные различия'): разница в высоте между разными участками земли.

2. *Topographie* ('топография'): описание формы местности.

Отличительные значения представлены в английском языке в центре ЛСП «рельеф»:

1. *Elevation*: высота над уровнем моря.

2. *Topography*: изучение физической формы местности.

Периферия ЛСП «рельеф» в двух сопоставляемых языках образуется значениями:

1. Искусство: термин используется в контексте художественных работ.

2. Физические характеристики: особенности местности: холмы, долины.

Периферия значений в английском языке:

1. *Bas-relief*: специфический термин для определенного вида рельефного искусства.

2. *Landform*: общее название разных форм рельефа.

Репрезентация периферии ЛСП «рельеф» в немецком языке представлена набором значений:

1. *Reliefkunst* ('рельефное искусство'): художественные работы с использованием рельефа.

2. *Gelände* ('местность'): описание окружающей среды.

Следовательно, сопоставление лексико-семантических полей «рельеф» в немецком и английском языках показывает как специфические, так и общие аспекты, которые отражают культурные и языковые различия в восприятии фрагмента реальной действительности.

В заключение необходимо отметить важность традиционного исследования лексико-семантических полей в современной лингвистике, несмотря на развитие лингвокультурологических и когнитивных направлений. Растущий интерес к семантическим исследованиям отражает стремление лингвистов к анализу не только отдельных лексем, но и их сочетаний, что приводит к более глубокому пониманию тематических групп и парадигматических отношений.

Таким образом, лексико-семантические поля являются не только ключевыми элементами в изучении языка, но и важными инструментами для анализа его семантических и структурных особенностей, способствующими более глубокому пониманию языковой системы и ее взаимодействия с реальностью.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кезина, С. В. Семантические поля в современном языкознании/ С. В. Кезина – СПб : Наука, 2010. – С. 15.
2. Левицкий, А. А. Классификация лексико-семантических полей / А. А. Левицкий –СПб, 2005. – С. 37.
3. Трир, Й. Лексические поля и их структура / Й. Трир – М. : Наука, 1976. – с. 12.
4. Де Соссюр, Ф. Курс общей лингвистики / Ф. Де Соссюр – М. : Наука, 1995. – с. 45.
5. Фон Гумбольдт, В. Язык и философия/ В. Фон Гумбольдт – М. : Прогресс, 1984. – с. 23.

[К содержанию](#)

О. С. СИДОРЕНКО

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Е. Г. Сальникова

ЯВЛЕНИЕ НОМИНАЦИИ В ЯЗЫКЕ

Имена и названия всегда занимали особое место в жизни общества, они имеют огромное значение для коммуникации и взаимопонимания между людьми. Существует целое направление в лингвистике, изучающее онимы как слова, словосочетания или предложения, которые служат для выделения именуемого им объекта среди других объектов, его индивидуализации и распознавания. Следовательно, оним является основным понятием и предметом изучения ономастики.

Лингвисты предлагают различные определения термину «оним». Так, И. О. Фонякова утверждает, что имя собственное представляет собой «универсальную функционально-семантическую категорию существительных, являющуюся особым типом словесных знаков, предназначенных для выделения и идентификации уникальных объектов (как одушевленных, так и неодушевленных), отражающих индивидуальные понятия и общие представления об этих объектах в языке и культуре народа» [1].

По определению Н. В. Подольской, «оним – это слово или словосочетание, которое используется для выделения конкретного объекта среди других, обеспечивая его индивидуализацию и идентификацию» [2, с. 91].

И. С. Алексеева определяет оним как «группу лексики, имеющую однозначную связь с предметами реальности» [3, с. 194].

Учитывая лингвистические и экстралингвистические характеристики имен, можно выделить несколько типов их классификации:

1. Классификация имен в зависимости от именуемых объектов (предметно-номинативная).

2. Естественно возникшие и искусственно созданные имена. Эта классификация тесно связана с классификацией имен по их назначению и с делением на «официальные» и «неофициальные» имена.

3. Классификация по шкале «микро» – «макро».

4. Структурная классификация имен.

5. Хронологическая классификация имен.

6. Классификация имен на основе мотивировки, включая этимологическую классификацию (разделение на апеллятивные и эпонимические, а также на первичные и «перенесенные»).

7. Классификация имен в зависимости от объема понятий, которые они закрепляют.

8. Классификация в контексте дихотомии «язык – речь».

9. Стилистическая и эстетическая классификация.

Чаще всего в исследованиях лингвистов используется предметно-номинативная классификация, в которую А. В. Суперанская предлагает включать следующие группы [4, с. 150]:

1) имена живых существ и тех, кто воспринимается как живой: например, антропонимы – имена людей; зоонимы – клички животных; мифонимы – имена, связанные с мифами, эпopeями, сказками и былинами;

2) наименования неодушевленных объектов: например, топонимы – названия населенных пунктов; космонимы и астронимы – названия космических объектов; фитонимы – названия растений; прагматонимы – названия вещей и др.;

3) имена собственные комплексных объектов: например, эргонимы – названия организаций и учреждений; хрононимы – имена значимых исторических периодов; названия праздников, юбилеев и торжеств, а также мероприятий и войн; фалеронимы – имена орденов и медалей.

Для изучения имен собственных используются различные методы.

В рамках социолингвистического подхода имя собственное рассматривается как социальный знак. И. Н. Королева подчеркивает важность имен для людей вокруг, т. к. собственные имена «отражают определенную традицию именования, характерную для данной социальной среды» [5, с. 10].

В рамках современного когнитивного подхода к изучению языка и культуры, а также взаимодействия языка и человека, образ последнего рассматривается как часть определенной языковой картины мира. Имена собственные также обладают концептуальным значением. Они, находясь в лексической системе любого языка, служат связующими элементами языковой картины мира конкретного народа, его пространственными и временными ориентирами, а также стереотипами и поведенческими характеристиками. В каждую новую эпоху, по мнению Л. Ц. Санжеевой, «имена собственные получают новое осмысление, при этом унаследовав определенные элементы из предыдущих эпох в соответствии с духом и социальным кодом времени» [6, с. 92].

В последние десятилетия психолингвистический подход к языку и речи, особенно в контексте ономастикона, становится все более актуальным. Как справедливо подчеркивают Н. Д. Голев и Л. М. Дмитриева, «возникновение, существование и развитие топонимической системы невозможно без участия сознания» [7, с. 6]. При помощи психолингвистических методов исследования выясняется, какое отражение находят различные именования в сознании носителей языка. Изучение имен собственных в психолингвистическом аспекте, предполагая взаимодействие языка и индивида, выявляет характер

восприятия онимов как части языковой картины мира, связанной с членением окружающего «ландшафта», выделением в нем отдельных объектов в связи с их практической и концептуальной значимостью для носителя определенной лингвокультуры [8].

До недавнего времени имена собственные воспринимались как отдельные слова, которые можно было выборочно включать в словари, определяя их происхождение и значение, основываясь на интересах составителей, которые рассматривали их не столько с лингвистической, сколько с общественно-познавательной точки зрения. Однако с 50–60-х г. XX в. ономастическую лексику начали рассматривать как сложную и самостоятельную систему. Системный подход к изучению имен собственных открыл новые горизонты для их исследования, позволил лучше понять их внутреннюю структуру и прояснил многие изменения и преобразования, происходящие с именами различных типов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Фонякова, О. И. Имя собственное в художественном тексте : учеб. пособие / О. И. Фонякова. – Л. : ЛГУ, 1990. – 103 с.
2. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Наука, 1988. – 187 с.
3. Алексеева, И. С. Введение в переводоведение : учеб. пособие для студ. филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений / И. С. Алексеева. – М. : Академия, 2008. – 368 с.
4. Суперанская, А. В. Общая теория имени собственного / А. В. Суперанская. – Изд. 2-е, испр. – М. : URSS, 2007. – 368 с.
5. Королева, И. Н. Использование онимов в процессах апеллятивации (на материале территориальных вариантов французского языка Франции, Канады, Африки): дис. ... канд. филол. наук ; 10.02.19 / Королева Ирина Николаевна ; Саратов. гос. ун-т. – Саратов, 2004. – 212 с.
6. Санжеева, Л. Ц. Когнитивный подход в изучении имен собственных / Л. Ц. Санжеева // Вестник Бурятского государственного университета. – 2009. – № 11. – С. 92–96.
7. Голев, Н. Д. Единство онтологического и ментального бытия топонимической системы (к проблематике когнитивной топонимики) / Н. Д. Голев, Л. М. Дмитриева // Вопросы ономастики. – 2008. – № 5. – С. 5–17.
8. Плешков, Е. С. Современные подходы к изучению имен собственных / Е. С. Плешков // Молодой ученый. – 2016. – № 4 (108). – С. 914–917. – URL:<https://moluch.ru/archive/108/25922/> (дата обращения: 03.03.2025).

[К содержанию](#)

М. А. ЧЕБ

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – М. В. Ярошук

СПЕЦИФИКА МОЛОДЕЖНОГО СЛЕНГА СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Сленг – совокупность последних значений существующих слов, которые употребляются в различных группах людей. Современный английский язык в настоящее время отличается высоким уровнем продуктивности и словообразования. Из-за увеличения объема информации присутствует тенденция в экономии усилий и времени. Языковая лексика обогащается за счет словообразования, которое отвечает за появление новых слов. Сокращениями называют регулярный способ образования морфологических неологизмов, он отражает тенденцию к рационализации языка. Появлению языка SMS поспособствовало огромное распространение информационных технологий (мобильных телефонов, разнообразных интернет-чатов) [1, с. 45].

В образовании слов английского языка существует несколько вариантов сокращений основ в виде:

- 1) удаление финальной части слова;
- 2) удаление первого слога у слова;
- 3) удаление слогов в начале и в конце слова [2, с. 86].

Популярность сленговых сообщений настолько велика, что он сильно повлиял на современный английский язык.

Использование упрощенного варианта общения также способствует грубому нарушению правил в русском языке:

- што, че – орфография фонетическая;
- лю – слоги или отдельные буквы подвергаются удалению [2, с. 62].

SMS-язык вызывает интерес и у врачей. Этому есть логическое объяснение: сообщения набираются пальцами рук и уже были зафиксированы случаи в медицине специфических заболеваний кистей (не только у подростков, но и у взрослых людей). Согласно исследованиям психологов из Америки, которые уже давно изучают психологию смс-сообщений, происходит формирование условной «СМС-зависимости», которая появляется, когда человек отправляет более пяти сообщений за один день. Этот феномен свидетельствует о боязни контактов «глаза в глаза» – бегство от реальности.

Существует мнение психологов, что увлечение СМС-языком – это проявление своей второй натуры (особенно у подростков), новый способ

самовыражения, который является оптимальным средством реализации естественной потребности в мире новых технологий.

Топ-10 самых употребительных слов английского сленга:

1. *UNREAL*.
 2. *PROPS* – выражение уважения или признания. Происхождение от *proper recognition* – ‘должное уважение’.
 3. *KUDOS* – ‘Респект!’.
 4. *DISS* – неуважительное высказывание в адрес кого-либо.
 5. *DIG* – ‘кайфовать’.
 6. *BOB'S YOUR UNCLE* – ‘Боб твой дядя!’ – это выражение часто употребляют в Великобритании. Его произносят в конце предложения, и означает оно ‘Вуаля!’.
 7. *ALL RIGHT?* – ‘Как дела?’ (как и *What's up?*).
 8. *FULL OF BEANS* – энергичный.
 9. *CHEERS*, это слово используется, когда кто-то хочет поднять бокал или произнести тост.
 10. *SMASHING* - замечательный.
- Феномен данного вида языка возник благодаря следующим факторам:
- досягаемость высоких технологий (Интернета);
 - стремление человека быть успешным в делах и жизни;
 - интерес к новым технологиям;
 - стремление рационализировать язык при помощи экономии времени и языковых средств.

Еще одним видом сленга современного языка является язык эмоджи или, другими словами, смайлов. Оксфордский словарь включил язык смайликов в свою лексическую базу, и они занимают место в специальном разделе. Представители данного словаря считают, что этот подвид языка уже настолько укоренился и получил такое широкое распространение, что можно его узаконивать.

Лингвисты предупреждают, что людям, изучающим английский язык, не следует злоупотреблять с сленговыми словами в разговорах с носителями языка, а именно с англичанами, американцами, австралийцами. Это может не только поставить коммуникатора в смешное и неловкое положение, но также привести к различным плачевным последствиям. Использование английского сленга следует свести к минимуму, т. к. он понятен лишь в малых кругах. Не секрет, что даже родители не всегда понимают, о чем ведут речь их дети. Английский сленговый язык имеет много фразеологизмов, которые не стоит употреблять в разговоре с не носителями языка: появляется риск недопонимания. Также следует уметь отличать сленг от жаргона и неформальной речи.

В заключение, мы можем утверждать, что язык SMS является средством неформального общения, который не способствует установлению деловых контактов. Поколение, которое практикует способ самовыражения через SMS, в будущем станет безграмотным.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арнольд, И. В. Лексикология современного английского языка = The English Word : учебник для ин-тов и фак. иностр. яз. / И. В. Арнольд. – 3-е изд., перераб. и доп. – М : Высшая школа, 1986. – 295 с.
2. Павлова, Е. Э. Специфика молодежного сленга современного английского языка (на примере SMS-переписки) / Е. Э. Павлова, Е. Д. Селифонова // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии, 2015. – № 12 (55). – С. 65–72.

[К содержанию](#)

Д. Р. ЩЕРБА

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Н. А. Тарасевич

КУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ ДИНАМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ КОНЦЕПТА «ФЛОРА» ВО ФРАЗЕОЛОГИИ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Исследование концепта «Флора» во фразеологии английского языка в настоящее время представляется актуальным, т. к. связана с языковым отображением реальной действительности в метафорическом аспекте.

Целью статьи является описание английских флоронимов: лексических и фразеологических единиц, наделенных флористическим компонентом, которые отражают особенности языковой картины мира, культуру и менталитет англоговорящих носителей.

Любой язык существует в тесной связи с национальной культурой его носителей: он отражает менталитет и систему ценностей нации, зашифрованные в лексике, фразеологии, грамматике, и передает эти символы новым поколениям носителей языка, формируя тем самым их национальную идентичность.

Информация, заложенная в языковой системе, закодирована в семантике, синтаксисе, фразеологии: это так называемый код культуры – макросистема характеристик объектов картины мира.

Для того чтобы изучить особенности мышления человека прошлого, можно обратиться к анализу тех языковых единиц, которые обладают особой устойчивостью и практически не меняются на протяжении многих веков. В этой связи особую роль играют фразеологизмы, т. к. в них отражается древнейшая материальная и духовная культура народа.

Фразеологизмы, формирование которых происходит на базе метафоры, на основе переосмыслиния конкретного явления к возможным его проявлениям или последствиям, называют «зеркалом жизни нации».

Фразеологизмы придают любому языку яркость и выразительность, они присутствуют во всех языках и делают языки неповторимыми и уникальными.

Обогащение английского языка проходило на протяжении всей его многовековой истории во многом благодаря заимствованию фразеологизмов из совершенно разных языков – не только европейских, но и восточных.

Одними из первых заимствований можно считать фразеологизмы, взятые из произведений древнеримских писателей или же появившиеся в Риме либо связанные с определенными событиями.

Например, В. С. Горбунова и С. В. Сботова считают, что выражение *a snake in the grass*, означающее змею подколодную и врага, претворяющегося другом, возникло благодаря частым предательствам и изменам на политической арене в Древнем Риме, а выражение *Caesar's wife must be above suspicion* изначально предполагало, что только жена Цезаря могла быть вне подозрений, теперь же так можно говорить о любом человеке независимо от его положения в обществе. У афинского законодателя Солона англичане заимствовали выражение *the unwritten law* ('неписаный закон').

По мнению В. С. Горбуновой и С. В. Сботовой, все европейские языки в той или иной мере внесли свой вклад в развитие английского языка, например:

- из французского языка пришли выражения *after us the deluge* ('после нас хоть потоп' – данную фразу приписывают Людовику XV или его фаворитке маркизе де Помпадур), *Buridan's ass* ('Буриданов осел', по имени французского философа, именно так охарактеризовавшего нерешительного человека, который не может выбрать одно из двух);

- из немецкого языка заимствовано выражение *blood and iron* ('огнем и мечом' – беспощадное применение силы, принцип политики Бисмарка);

- из итальянского языка взят фразеологизм: *every dog is a lion at home* ('всяк кулик в своем болоте велик', 'в своей семье всяк сам большой') [2].

Фразеологизмы не только отражают различные стороны жизни народа и поступки людей, но и дают советы, учат воспринимать реальность с разных сторон. Благодаря им становится возможным проследить становление культуры любой народности.

Когда одни фразеологизмы устаревают, на смену им приходят новые, не менее интересные и точно обыгрывающие все новые и новые стороны жизни общества.

Многие фразеологические выражения, в составе которых встречаются флоронимы, отражают не только древние культурные традиции, но и репрезентируют современную языковую картину мира.

Ярким примером тому является флороним *daisy* ('ромашка'), с которым современные носители английского языка связывают такие фразеологические обороты, как *push up the daisies* (разговорное выражение – 'отправиться на тот свет'), *under the daisies* (дословный перевод 'под ромашками', а в некоторых интерпретациях – 'под маргаритками', что в метафорическом контексте означает «находиться в могиле»). Несмотря на то, что данные выражения относятся к современному английскому языку, сама идея взаимосвязи флоронима *daisy* с концептом смерти восходит к древним обрядовым традициям захоронения и жертвоприношения. Другими словами, даже в относительно недавно образовавшихся фразеологизмах можно проследить древнюю языковую картину мира народа.

Отдельного внимания заслуживают не только номинации конкретных цветов, но и сам флороним *flower*, который в английском языке представлен широким спектром идиоматических выражений. При этом, в большинстве случаев этот флороним обладает положительными коннотациями, что указывает на специфику мышления англичан, издавна восхищавшихся красотою цветов.

Примером тому могут служить такие распространенные фразеологизмы, как *as welcome as (the) flower in May* ('долгожданный, желанный'); *the flowers of speech* ('красноречивые фразы'), *in the flower of life* ('в расцвете сил').

Широкий подход к изучению специфики языковой картины мира позволяет выделить огромное количество концептов в составе фразеологизмов.

Так, в английском языке в качестве отдельных образов-символов можно выделить такие флоронимы, как *grass* ('трава'), *tree* ('дерево'), *berry* ('ягода'); *to bark up the wrong tree* (дословно – 'лять не на то дерево', в значении – 'обратиться не по адресу'); *to be as brown as a berry* (дословно – 'быть коричневым, как ягода', значение – зардеться, стать румяным). Важно отметить, что содержательную специфику каждого фразеологизма с флористическим компонентом необходимо рассматривать в контексте – несмотря на то, что фразеологические выражения являются устойчивыми единицами языка, в зависимости от ситуации они могут приобретать разные коннотации.

Таким образом, языковая картина мира строится на основе отдельных компонентов – лингвокультурологических концептов, запечатленных в лексемах. Изучение таких концептов представляется возможным благодаря сохранившимся фразеологизмам, которые в силу устойчивости

своей семантики, позволяют рассмотреть специфику того или иного слова-образа в разные исторические эпохи.

Более того, активное использование фразеологизмов в современной речи свидетельствует о том, что идея, заложенная в них, не утрачивает своей актуальности. Каждому народу свойственны свои уникальные концепты, которые в совокупности представляют единую языковую картину мира. Так, например, многие флеронимы указывают на символическое значение того или иного растения для конкретной нации.

Для англичан особое значение играют образы розы, лилии, ромашки, поэтому номинации этих цветов сохранились во многих фразеологических выражениях, а также продолжают использоваться современными носителями языка для создания новых идиом.

Знания о мире представлены в сознании человека в виде концептов, которые обладают разной степенью сложности и абстрактности. Структура концептов не является застывшей, в ней все время появляются новые, индивидуальные характеристики.

Сложность структуры, объемность содержания концептов, разнообразие способов их репрезентации подчеркивает неоднородный характер предметов и явлений окружающего мира.

По способу репрезентации в языке выделяют лексические, грамматические и фразеологические концепты.

Под фразеологическими репрезентируемыми концептами понимаются концепты, передаваемые значениями фразеологических сочетаний.

Фразеологический концепт, как и лексический, обозначает то, что находится вне его самого. Но в отличие от лексического, фразеологический концепт является обозначением не только простого детоната (предмета в широком смысле слова), но и сложного образования, под которым понимается внеязыковая ситуация.

Кроме того, фразеологический репрезентируемый концепт является единицей вторичной номинации, в основе которой лежат три ступени абстракции: понятие – образное представление – денотат. Фразеологический концепт – это результат актов вторичной номинации, в основе которой лежит ассоциативная деятельность человеческого мышления.

Фразеологические концепты функционируют как семиотические символы культурно-специфической коммуникации, отражающие культуру разных народов и эпох.

Репрезентация реального мира с помощью фразеологически репрезентируемых концептов носит образный, социокультурный характер и приобретает определенные специфические черты, свойственные только данному национальному общественному сознанию.

В современном английском языке наблюдается большое количество флоронимов, которые характеризуют негативные явления.

К этой группе можно отнести те выражения, в состав которых имеются лексемы «шип» или «колючка» (*thorn, pin, prick, spike*), например: *the pricks of conscience* ('угрызения совести'), *to be (sit) on thorns* ('сидеть как на иголках'), *not worth a pin* ('никудышный, бесполезный'; эквивалент русского фразеологизма «гроша медного не стоит»).

Следует отметить, что специфика использования флоронимов в качестве образов-символов может меняться в зависимости от географических и культурных особенностей англоязычных народов.

Детальный анализ специфики того или иного флоронима позволяет существенно расширить не только лингвистические, но и культурологические аспекты знания.

Английская фразеология чрезвычайно богата как на интернациональные, так и сугубо национальные фразеологические единицы, в некоторых даже сохранились архаические элементы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алефиренко, Н. Ф. Фразеологическое значение и концепт / Н. Ф. Алефиренко // Когнитивная семантика : материалы Второй Междунар. шк.-семинара по когнитив. лингвистике в 2 ч. / Отв. ред. Н. Н. Болдырев: В 2 ч. – Тамбов : Изд-во Тамб. ун-та, 2000. – С. 33–36
2. Горбунова, В. С. Культурно-историческая значимость фразеологизмов английского языка / В. С. Горбунова, С. В. Сботова // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. Серия : Социально-гуманитарные науки. – 2015. – С. 148–153.
3. Меликян, А. А. Классификация библейских фразеологизмов английского языка на основе концептуальных моделей преобразования знания в семантические единицы языка : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Меликян Ануш Александровна, – Пятигорск, 1998. –203 с.

[К содержанию](#)

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

А. Р. АФАНАСЬЕВА

Брест, БГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – М. В. Романюк

ВИКТОРИАНСКИЙ ИДЕАЛ И ЖЕНСКИЕ ОБРАЗЫ В РОМАНЕ ЧАРЛЬЗА ДИККЕНСА «ОЛИВЕР ТВИСТ»

Викторианская эпоха диктовала строгий идеал «ангела в доме» – кроткой, скромной жены и матери, всецело преданной семье. В это время семейная жизнь считалась женской профессией; женщинам навязывалось ожидание, что они могут реализовать себя лишь в роли супруги и хранительницы очага. В своих романах Чарльз Диккенс с одной стороны воспевал этот идеал, а с другой – показывал трагедии тех, кто ему не соответствовал, тем самым критикуя общественные устои. Исследователи отмечают, что Ч. Диккенс хорошо понимал положение женщин в викторианской Англии и сочувственно изображал их страдания, обличая несправедливость патриархального общества. Вместе с тем, современники упрекали его в стереотипности героинь. Писатель Дж. Гиссинг язвительно заметил: «Если Джордж Элиот считала, что Шекспир несправедлив к женщинам, то неудивительно, что средние представительницы прекрасного пола видят в Диккенсе нечто вроде личного врага – отъявленного злословца в адрес всех, кто говорит на женском языке» [1, с. 146]. Современные критики рассматривают эти противоречия в контексте биографии Диккенса: например, разрыв с женой и тайная связь с молодой актрисой в конце 1850-х, по мнению П. Шекнера, усилили «нетерпимость автора к женщинам агрессивным или несоответствующим норме». Тем не менее, Ч. Диккенс нередко стремился реформировать взгляд общества на «падших» женщин – он лично финансировал приют для обездоленных (*Urania Cottage*) и даже писал обращения к арестованным женщинам, призывая их к раскаянию. Этот двойственный подход отразился и в галерее его героинь – от идеальных «ангелов» до «падших» и девиантных образов.

Во многих произведениях Ч. Диккенса присутствует образ молодой женщины, олицетворяющей добродетель и самоотверженность. В романе «Оливер Твист» таким идеалом выступает Роза Мэйли – милосердная, чистая девушка, которая спасает Оливера и воплощает нравственное начало. Исследователи называют Розу «образцом идеальной викторианской женщины – невинной, целомудренной, «бесполой» и чистой». Даже Нэнси, грешница, называет Розу «леди... ангелом», признавая ее высшее моральное

достоинство: “Oh, lady, lady!” – восклицает она, – “if there was more like you, there would be fewer like me... and it would be better for the world too!” («О, сударыня! Будь побольше таких, как вы, поменьше было бы таких, как я... и миру было бы лучше!»). Роза наделена всеми качествами «ангела в доме» – кротостью, состраданием и навыками ведения хозяйства, именно такую жену Ч. Диккенс, по мнению Х. Алдухиной, желал бы видеть и в собственной семье. Не случайно в финале Роза благополучно выходит замуж и оказывается родной тетей Оливера, тем самым восстановив порушенные семейные связи

Контрастом идеальным леди у Ч. Диккенса служат образы грешниц и своенравных женщин, чье поведение или статус выходят за рамки викторианского канона. В «Оливере Твисте» центральной «падшой» героиней выступает Нэнси. Она молодая воровка из лондонского дна, однако писатель наделяет ее глубоким внутренним конфликтом и способностью к самопожертвованию. Диккенс подчеркивает, что Нэнси – жертва жестокого общества: с детства она знала лишь нищету и насилие.

Несмотря на порок, в ней сохранилась «искра настоящей женственности», мужество и сострадание, что проявляется в ее помощи Оливеру и попытке вырваться из преступной среды. Даже погрязнув в грехе, Нэнси сохраняет совесть и жалость: в ее душе идет борьба добра и зла, “natural humanity” против “acquired misuse” («природное человечное начало против приобретенной испорченности»). По наблюдению М. Слейтера, душевные терзания Нэнси ярко драматизируются – она то срывается в ярости на Фейгина и Сайкса, то проливает слезы жалости над Оливером [2, с. 137]. Хотя Нэнси соучастует в преступлениях, автор всячески пробуждает к ней сочувствие читателя. В предисловии к третьему изданию «Оливера Твиста» Ч. Диккенс заявляет, что, изображая падшую девушку, он «сочувствует ей как одной из жертв жестокого общества». Тем самым Диккенс показывает трагедию женщины, которую общество не готово простить. Финал Нэнси горек: пытаясь сделать добро, она погибает от рук Сайкса. Ее гибель олицетворяет судьбу «падшей женщины», которую викторианская мораль не в силах спасти – мотив, который подробно анализируется, например, в работе А. Андерсон “Tainted Souls and Painted Faces: The Rhetoric of Fallenness in Victorian Culture” [3, с. 105].

Женские образы в романе Ч. Диккенса «Оливер Твист» представляют собой полярные типажи, сформированные под влиянием викторианских идеалов и стереотипов. Идеализированные героини воплощают образ «ангела в доме» – они наделены всеми добродетелями и выполняют важную социальную роль хранительниц морали, за что получают вознаграждение в виде семейного счастья. Стереотипно «порочные» или отклоняющиеся героини изображены как жертвы или злодейки, чьи трагические судьбы служат

критикой общественных пороков. При этом Ч. Диккенс не ограничивается плоскими изображениями: он стремится вызывать эмпатию к грешницам, сложными деталями, показывает причины их несоответствия идеалу.

Таким образом, в творчестве Ч. Диккенса прослеживается своеобразный баланс между следованием гендерным стереотипам Викторианской эпохи и попыткой их осмысливания: его женские персонажи изображены одновременно как продукт эпохи и как средство ее критики. Ответ на вопрос о женщине у Ч. Диккенса лежит в понимании социальной функции этих образов и в признании того, что судьбы героинь Ч. Диккенса неотделимы от представлений того времени о роли женщины в семье и обществе.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Gissing, G. Dickens the Novelist / G. Gissing. – London : Macmillan, 1897. – P. 145–150.
2. Slater, M. Dickens and Women / M. Slater. – Stanford : Stanford University Press, 1983. – 465 p.
3. Anderson, A. Tainted Souls and Painted Faces: The Rhetoric of Fallenness in Victorian Culture / A. Anderson. – Cornell University Press, 1993. – P. 101–107.

[К содержанию](#)

Р. Д. ГОЙНАШ

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – С. Н. Дягель

АРОМАТЫ КАК ЯЗЫК ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ОБЩЕСТВОМ В РОМАНЕ П. ЗЮСКИНДА «ПАРФЮМЕР. ИСТОРИЯ ОДНОГО УБИЙЦЫ»

Роман Патрика Зюскинда «Парфюмер. История одного убийцы» – мировой бестселлер немецкой литературы постмодернистской эпохи. Написанный в 1985 г., он содержит в себе различные аллюзии и метафоры, что делает его шедевром интертекстуальности. В романе рассказывается о гениальном парфюмере XVIII века, Жан-Батисте Гренуе, который рожден в нищете Парижа и, обладая даром чувствовать и распознавать самые тонкие запахи, он стремится создать аромат, который способен манипулировать людьми. Его одержимость приводит к убийству молодых девушек, на основе запаха которых он и создает идеальный аромат, способный подчинять толпу. Однако протагонист романа не испытывает чувства удовлетворения от этого. В конце романа Гренуэй умирает, растерзанный безумной толпой, опьяненной этим запахом.

Запахи и ароматы являются ключевым элементом произведения: они организуют его структуру, задают характеристики пространств и персонажей, с ними связаны основные мотивы произведения и ключевые

метафоры. Так, Жан-Батист Гренуй родился в Париже, в городе, в котором каждый квартал, каждая улица и дом имели свой запах. Охарактеризованный через призму запахов Париж – крайне непривлекательное место. Город сочетал в себе вонь, исходящую из кладбищ, гниль, наполненная человеческой деятельностью и городской жизнью и смрад нечистой совести жителей. Жан-Батист появился на свет в эпицентре самых ужасных запахов, под рыбным прилавком: *Und natürlich war in Paris der Gestank am größten, denn Paris war die größte Stadt Frankreichs. Und innerhalb von Paris wiederum gab es einen Ort, an dem der Gestank ganz besonders infernalisch herrschte, zwischen der Rue aux Fers und der Rue de la Ferronnerie, nämlich den Cimetiere des Innocents.* Achthundert Jahre lang hatte man hierher die Toten des Krankenhauses Hotel-Dieu und der umliegenden Pfarrgemeinden verbracht, achthundert Jahre lang Tag für Tag die Kadaver zu Dutzenden herbeigekarrt und in lange Gräben geschüttet, achthundert Jahre lang in den Grüften und Beinhäusern Knöchelchen auf Knöchelchen geschichtet [1]. Такое описание места рождения персонажа подчеркивает то, что с самого своего рождения он был изгоем и аутсайдером, не имел никакого социального статуса [2]. Начало жизни среди рыбных отбросов и зловония символизирует его отчужденность и отстраненность от мира. При этом парадоксальным образом среди всего разнообразия форм запахов и ароматов, исходящих от людей, Гренуй не обладал никаким запахом: *Es riecht überhaupt nicht, weder gut noch schlecht* [1]. Поэтому являясь аутсайдером и социальным отбросом, он не имел возможности взаимодействовать с другими людьми.

С самого детства, находясь в приюте мадам Гайар, Гренуй познавал мир через запахи. И если его ровесники, находящиеся также на попечении приюта, учились произносить слова, как обычные дети, то у главного героя первыми словами были те, которые называли предметы, воспринимаемые через обоняние. Первое слово, которое Гренуй произнес, было слово «дерево» (*Holz*), т. к. будучи ребенком он сидел на поленнице дров и смог ощутить аромат дров в полной мере: *Grenouille saß mit ausgestreckten Beinen auf dem Stapel, den Rücken gegen die Schuppenwand gelehnt, er hatte die Augen geschlossen und rührte sich nicht. Er sah nichts, er hörte und spürte nichts. Er roch nur den Duft des Holzes, der um ihn herum aufstieg und sich unter dem Dach wie unter einer Haube fing. Er trank diesen Duft, er ertrank darin, imprägnierte sich damit bis in die letzte innerste Pore, wurde selbst Holz, wie eine hölzerne Puppe, wie ein Pinocchio lag er auf dem Holzstoß, wie tot, bis er, nach langer Zeit, vielleicht nach einer halben Stunde erst, das Wort »Holz« hervorwürgte* [1]. Речь как абстрактная знаковая система была для него объектом чужеродным и навязанным, а вот ароматы были для него естественным языком. Он учил слова, познавая аромат предмета, запахи для него были подобны буквам

алфавита. Зато в абстрактных понятиях Жан-Батист постоянно путался, т. к. не знал, чем они пахнут: *Mit Wörtern, die keinen riechenden Gegenstand bezeichneten, mit abstrakten Begriffen also, vor allem ethischer und moralischer Natur, hatte er die größten Schwierigkeiten* [1]. Мы видим, что с раннего детства коммуникация Гренуя с окружающим миром была затруднена. Гренуй не чувствовал людей и не испытывал эмпатии, к ним ведь у чувств не было запаха, и абстрактная составляющая мира для него была неведома.

Вырастая, Гренуй создает на основе ароматов свой собственный язык – язык творения. Уже во время работы у парфюмера Бальдини он демонстрирует свои способности воспроизводить духи «по памяти», подобно художнику. Здесь он впервые показывает свой гений, используя свое мастерство для сотворения новых и неизвестных комбинаций запахов. Однако в полную силу свой язык творения Гренуй раскрывает за те семь лет, которые он проводит в добровольной самоизоляции в Плен-дю-Канталь. В пещере, где не было запахов, он впервые ощутил себя господином своей империи, которую он создал в своем воображении, и где он главенствовал: *Ja! Dies war sein Reich! Das einzigartige Grenouillereich!* [1]. В своем воображаемом царстве запахов Гренуй компенсирует свою неполноценность и отчужденность в обществе. Так сначала в мечтах раскрывается и вызревает его сокровенное желание повелевать миром. Однако, когда к нему, господину запахов, приходит осознание, что сам он не имеет своего собственного (*Er konnte sich, vollständig in sich selbst ertrinkend, um alles in der Welt nicht riechen!* [1]), его иллюзии и образы разрушаются, что и приводит героя к внутреннему конфликту между его фантомной личностью и тем, кем он является на самом деле. Это глубинное разочарование приводит к тому финальному толчку, который направит Гренуя на создание аромата, влияющего на человеческое сознание, подчиняющегося воле человека, который сам запахом не обладает.

Выбравшись из пещеры спустя семь лет, Жан-Батист Гренуй попадает к маркизу Тайад-Эспинассу, где на практике открывает для себя ароматы как способ взаимодействия с обществом. Здесь Жан-Батист Гренуй впервые изобретает духи для манипулирования людьми. Он создает для себя человеческий запах, своего рода фиктивную ольфакторную личину. Происходит настоящее чудо, люди замечают его, обращают внимание на человека, который все время был отстранен от общества: *Als er an einer Frau vorüberging, die über einen Brunnenrand gebeugt stand, bemerkte er, wie sie für einen Augenblick den Kopf hob, um zu sehen, wer da sei, und sich dann, offenbar beruhigt, wieder ihrem Eimer zuwandte. Ein Mann, der mit dem Rücken zu ihm stand, drehte sich um und schaute ihm eine ganze Weile lang neugierig nach. Kinder, denen er begegnete, wichen aus – nicht ängstlich, sondern um ihm Platz zu machen* [1]. Так, изобретая аромат человека, Гренуй понимает, что теперь

не является отвергнутым элементом социума, а ароматы – это инструмент, который позволяет взаимодействовать и подчинять разум на подсознательном уровне. Теперь Гренуй стремится воплотить в жизнь все те мечты и иллюзии, которые преследовали его в пещере: *Er wusste jetzt, wozu er fähig war. Er wusste jetzt, dass er noch mehr vermöchte. Er wusste, dass er diesen Duft verbessern konnte. Er würde einen Duft kreieren können, der nicht nur menschlich, sondern übermenschlich war, einen Engelsduft, so unbeschreiblich gut und lebenskräftig, dass, wer ihn roch, bezaubert war und ihn, Grenouille, den Träger dieses Dufts, von ganzem Herzen lieben musste* [1].

Жаждущий любви и признания от общества, Жан-Батист приступает к созданию аромата, который заставит видеть в нем самое прекрасное, что только может вообразить человек. Чтобы получить свой «ангельский» аромат, протагонист использует запахи 25 прекрасных юных девушек, которых он убивает. «Идеальный» аромат – аромат чистой любви, в первую очередь, любви к его создателю, поэтому жертвами Гренуя становятся непорочные девушки, нетронутые грехом [3].

Кульминация и апофеоз романа приходятся на сцену казни Гренуя за убийство девушек. Именно здесь проявляется влияние созданного им аромата на психоэмоциональный настрой общества. Дьявольский парфюм Гренуя превращается в идеальное средство манипуляции: вдохнувши его люди, теряют контроль над своим сознанием. Злость, ненависть и омерзение к преступнику сменяются любовью и благоговением. Аромат воздействует и на зрительную функцию человека. Толпа видела в Гренуе невинного, вызывающего жалость человека, который не мог совершить такое преступление: *Der Mann, der auf dem Richtplatz stand, war die Unschuld in Person. Das wussten in diesem Moment alle vom Bischof bis zum Limonadenverkäufer, von der Marquise bis zur kleinen Wäscherin, vom Präsidenten des Gerichts bis zum Gassenjungen* [1].

Однако эйфория Гренуя быстро сменяется разочарованием, когда к нему приходит осознание того, что абсолютная власть над обществом, которую он стремился получить, не может закрыть его внутреннюю пустоту, обусловленную отсутствием своего собственного запаха. Он смог вызвать эрзац самых разных чувств у других, но сам не в состоянии испытать ни одного. Желание быть любимым сменяется ненавистью ко всему живому: *...in diesem Moment stieg der ganze Ekel vor den Menschen wieder in ihm auf und vergällte ihm seinen Triumph so gründlich, dass er nicht nur keine Freude, sondern nicht einmal das geringste Gefühl von Genugtuung verspürte. Was er sich immer ersehnt hatte, dass nämlich die anderen Menschen ihn liebten, wurde ihm im Augenblick seines Erfolges unerträglich, denn er selbst liebte sie nicht, er hasste sie* [1].

Высший триумф превращается в самое большое разочарование. Возвратившись обратно в Париж, Гренуй обливает себя своим ароматом и становится всеобщим объектом любви. Толпа, очарованная этим парфюмом, стремясь заполучить предмет своего обожания, яростно разрывает его. Можно сказать, что в конце своей жизни Жан-Батист Гренуй стал центром общества и получил ту любовь, которую и хотел получить. Но получил он ее в достаточно трагической и извращенной форме.

Итак, мы видим, что аромат (вернее сказать, совокупность ароматов) для протагониста романа – это своего рода код, система знаков, с помощью которой он взаимодействует с окружающим его миром. На протяжении романа значение этого кода постоянно меняется. Сначала это язык познания и творения, затем язык коммуникации, к концу романа это уже язык манипуляции, орудие власти, которое становится инструментом контроля над человеческим разумом.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Süskind, P. Das Parfum / P. Süskind. – URL: <https://litlife.club/books/100699/read> (Zugriffsdatum: 25.03.2025).
2. Вигель, Н. Л. «Парфюмер»: восхождение к сверхчеловеку / Н. Л. Вигель, И. К. Жолобова // Гуманитарные и социальные науки. Филология. – 2017. – № 5. – С. 18–30.
3. Старостина, Ю. А. Концепты «Запах» и «Красота» в романе П. Зюскинда «Парфюмер. История одного убийцы» / Ю. А. Старостина // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2009. – № 7. – С. 164–169.

[К содержанию](#)

Т. В. ГРИГОРЯН

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Е. Г. Сальникова

ТЕМАТИКА ДЕТСКОЙ ПОЭЗИИ КЕННА НЕСБИТТА

Одним из ярких представителей современной поэзии для детей является американский поэт Кенн Несбитт. Его стихотворения имеют интересные и забавные сюжеты, отличаются юмором и содержат игру слов, которая и помогает добиться нужного эффекта у читателя. К. Несбитт пишет о школе, семье, друзьях, животных, хобби и просто о повседневной жизни. В стихах он использует довольно простой язык, понятный детям. Более того, поэт стремится создать яркие образы, чтобы они остались в памяти у ребенка после прочтения стихотворения. Отвечая на вопрос, для чего он пишет свои стихотворения, автор говорит, что хочет внести в этот мир некоторые изменения и стать причиной улыбок и счастья людей [1].

Множество стихотворений К. Несбитта посвящено школе, ведь это то место, где дети проводят большую часть своего времени. Недаром говорится, что школа – это второй дом. Про школьную жизнь, уроки, домашние задания и учителей можно прочитать в следующих стихотворениях: “Good Morning, Dear Students”, “Our Teacher’s Valentine”, “When the Teacher Isn’t Looking”, “My Teacher Took My iPod”, “Homework Stew” и др.

В некоторых стихотворениях автор показывает учителя с совершенно другой стороны, не свойственной для типичных строгих учителей. Например, в стихотворении “Our Teacher Likes Minecraft” автор говорит об учителе, который так увлечен игрой, что не выполняет свои школьные обязанности. Конечно, это удивительно, ведь игрой Minecraft, в основном, увлекаются дети. А тут взрослый человек, да еще и учительница. Эти строчки показывают, как глубоко учительница погрузилась в виртуальный мир:

*She’ll dig in her mine,
going deeper and deeper,
then fight off a skeleton,
zombie, or creeper [1].*

Но К. Несбитт ее не осуждает, стихотворение написано с мягкой иронией.

Еще одно стихотворение с похожим смыслом называется “Our Teacher’s a Football Fanatic”, где высмеивается поведение учителя, который является типичным футбольным болельщиком. Он смотрит матчи на уроках, ведет себя очень эмоционально, тем самым привлекая внимание своих учеников. И вновь мы видим, как хобби учителя мешает его работе, и, в конце концов, он получает за это наказание. Для этого автор использовал спортивный термин ‘to bench’:

*Our substitute started on Monday.
Our teacher’s been benched for a week[1].*

То есть, учителя заменили и посадили на скамейку запасных ровно так же, как это происходит с футболистами.

Говоря о школе, следует упомянуть, наверное, самое приятное в жизни ребенка, каникулы. Конечно, учиться в школе весело и интересно, но еще веселее отдыхать на летних каникулах, которые все школьники с нетерпением ждут каждый год. К. Несбитт как детский поэт не мог не написать об этом прекрасном времени. В стихотворении “I Can’t Wait for Summer” описываются мысли ребенка по поводу предстоящих каникул, которые будут полны радостных встреч с друзьями, игр и беззаботных моментов без выполнения тестов и других скучных заданий. Но, дочитывая стихотворение до конца, мы понимаем, что все мечты ребенка о лете сбудутся намного позже, ведь это только первый учебный день:

*It's hard to be patient. It's hard to be cool.
It's hard to believe it's the first day of school [1].*

Многие стихотворения К. Несбитта описывают детские увлечения: “The Games in My Room”, “The Football Game Is on TV”, “I Went to the Movies”, “My Mother Took Me to the Mall”. Например, в стихотворении “Basketball Is Lots of Fun” говорится о неудачных попытках героя заниматься то баскетболом, то хоккеем, то футболом. Но главная проблема заключается в том, что ни в каком из этих видов спорта главный герой не добивается успеха. Наконец, он находит выход из ситуации:

*At last I found some sports that I
can play and not get thrown.
I now play soccer, basketball,
and hockey on my phone [1].*

Следующая тема, которая очень привлекает внимание ребенка, – это домашние животные. Она представлена, например, в стихотворениях “I Went for a Walk”, “Computer Cat”, “My Dog Likes to Disco”, “My Sloth Is Supersonic”, “Good Morning, Mrs. Hamster”, “A Festival for Frogs”, “Tiny Todd the Turtle” и т. д. В стихотворении “My Cat Knows Karate” описываются животные, владеющие боевыми искусствами. Они смотрят по телевизору боевики с популярными актерами и учатся у этих непобедимых героев. Автор упоминает кота, лягушку, пуделя и черепаху, которые в глазах читателя являются настоящими мастерами спорта. Но все звери неспроста испугались мыши:

*You'd think they'd be good now
at guarding our house,
but, yesterday morning,
they ran from my mouse.*

*My mouse is a crack-up.
I laughed at his prank.
Do you think it's weird that
my mouse drives a tank? [1].*

Автор показывает, что такие навыки питомцев были лишь воображением ребенка, в мире которого животные ведут себя как люди. Это стихотворение учит нас ценить фантазию и юмор, именно данным качествам нам стоит поучиться у детей.

Приведем еще одно стихотворение, которое называется “My Dog Does My Homework”, целиком:

*My dog does my homework
at home every night.
He answers each question
and gets them all right.*

*There's only one problem
with homework by Rover.
I can't turn in work
that's been slobbered all over [1].*

В этом стихотворении мы видим, что питомец снова наделен человеческими качествами, ведь, как известно, дети часто присваивают животным или даже неживым объектам черты, которые есть у людей.

Безусловно, в поэзии К. Несбитта можно увидеть большое количество стихотворений о семье. Например, “Our Parents Were Kidnapped by Pirates”, “Please Don’t Prank Your Parents”, “My Brother Plays Dungeons & Dragons”, “I Let My Sister Cut My Hair”, “My Father Can’t Find Me”, “My Mother Took Me to the Mall” и мн. др.

На наш взгляд, стихотворение “I Think My Dad Is Dracula” может привлечь внимание благодаря своему таинственному названию, через которое раскрывается само содержание. Ребенок гиперболизирует поведение отца, который работает в ночную смену:

*I never see him go out
in the daytime when it’s light.
He sleeps all day till evening,
then he leaves the house at night.*

*He comes home in the morning
saying, “Man, I’m really dead!”
He kisses us goodnight, and then
by sunrise he’s in bed [1].*

Мама узнает о подозрениях ребенка и все ему объясняет: “Your father’s not a vampire. He just works the graveyard shift”. Вот такая история с нотками иронии скрывалась за интригующим названием стихотворения.

Как следует из рассмотренных нами стихотворений, традиционные темы детской поэзии (школа, друзья, семья, домашние питомцы) раскрываются К. Несбиттом с юмором и фантазией.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Nesbitt, K. Poems : [site] / K. Nesbitt // Poetry for Kids. – Poetry4kids. – URL: <http://www.poetry4kids.com/poems.html> (date of access: 14.04.2025).

[К содержанию](#)

Д. И. ДАНЮК

Минск, БГУ

Научный руководитель – А. М. Бутырчик

РОЛЬ ПЕРСОНАЛИЗМА В ФОРМИРОВАНИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО МЕТОДА Ф. О'КОННОР

Художественный метод Ф. О'Коннор представляет сложное образование, синтезирующее различные течения религиозно-философской мысли. В переплетении мировоззренческих, аксиологических и теоретических постулатов создается не просто эклектизм авторской позиции, а настоящее синкетическое единство, гармонично интегрирующее субстанционально независимые положения в единую, всеохватывающую парадигму миромоделирования. Подобная многоплановая однородность писательского взгляда находится в соответствии с антропологией, онтологией и праксиологией персонализма – философского направления, оказавшего сильное влияние на становление творческой идентичности Ф. О'Коннор.

Среди многочисленных вариаций персоналистских концепций наибольшую значимость для глубоко религиозной писательницы закономерно представляют те, формирование которых происходит в русле христианской, в частности католической, идеологии. Развиваясь в ситуации предельной экзистенциальной напряженности, персонализм XX в. в первую очередь занимается вопросами создания цельных организующих парадигм, отвечающих на необходимость поиска возможных путей и траекторий для человеческого существования. Подобный концептуальный модус позволяет христианскому персонализму стать богатым семантическим источником для произведений Ф. О'Коннор, в совокупности также являющих глобальный узор движения, развития и воплощения духовного аспекта личности.

Мировые гуманитарные катастрофы, тотальное бесчеловечивание всех форм общественной и индивидуальной жизни, удушающая атмосфера отчуждения и изоляции, управляющие духовно-социальным планом XX в., детерминировали направление персоналистских поисков, сосредоточившихся на разработке теории преодоления возникшего экзистенциального разрыва как между отдельными деятелями ноосферы, так и между человечеством и миром высших, трансцендентальных ценностей.

Ставя живую, активную, творческую личность в центр существующей действительности, философы-персоналисты осознают ее принципиальную субстанциальную незавершенность, неспособную к трансформированию в окончательный «человеческий проект» в рамках индивидуального, закрытого сознания. Развитие полноценного человека, обладающего не

только существованием, но и бытием, представляется возможным только при условии диалогического характера жизненной практики, движение которой идет в сторону внешнего мира посторонних, но не враждебных взглядов и ценностей.

Писательское сознание Ф. О'Коннор отличается удивительной, для феномена, внешне опосредованного исключительной авторитарностью католического вероучения, открытостью по отношению к семантическим системам иного идеологического, мировоззренческого порядка. Встреча с чужой личностью представляется онтологической необходимостью для католика, у которого, как и у любого другого человека, *the real self appears only when it enters into relation with the Other* [1, p. 85]. Двунаправленное коммуникативное общение с представителем иной ценностной системы позволяет укрепиться в собственной позиции и открыть новые глубины веры, вписанной в контекст реально существующей многогранной действительности. Одновременно с этим взаимные контакты с внекатолическим миром дают возможность избежать присущих многим авторам-католикам абстрактности и изобразительной неубедительности, порожденных склонностью к тотальному погружению в пласт церковного видения, единоличная власть которого превращает повествовательность в назидание или апологетику.

Воплощение качества, близкого к описанной М. М. Бахтиным «полифоничности», происходит в творчестве Ф. О'Коннор по двум магистральным направлениям: надтекстовой интенции автора и внутритечстовому устройству картины мира. Расценивая произведения как образно закодированное сообщение, писательница стремится к тому, чтобы опосредованное общение с читателем привело к максимально возможному адекватному восприятию. Известная доля скептицизма по отношению к ярко проявленному в католической словесности дидактизму не позволяет Ф. О'Коннор рассматривать литературу как иносказательный свод законов, но мотивирует к ее реализации как правильного со стороны автора, однако не авторитарного метафорического «Другого», призванного способствовать становлению личности реципиента. И хотя в этой магистральной творческой задаче проглядывается властная склонность к реорганизации мира, укорененная в любом догматическом религиозном сознании, она не принимает абсолютистскую форму благодаря имманентной «открытости» писательского взгляда.

Осуществление вышеуказанной цели затрудняется и одновременно стимулируется фактом того, что идейным «搭档ом» для Ф. О'Коннор, осмысливающей и измеряющей окружающую реальность в категориях религиозной парадигмы, выступают представители протестантизма, конфессии, конвенциально антонимичной по отношению к католичеству.

Проводя практически все время среди духовно чуждого населения южных штатов, писательница вырабатывает двойственную концепцию функционирования искусства, диалектика которой определяется постоянными колебаниями между позицией смысловой самодостаточности литературы, не требующей реализации в деформирующем читательском сознании, и пониманием ее неотъемлемой коммуникативности. С одной стороны, Ф. О'Коннор попадает под влияние устоявшейся стратегии изоляции ради мнимого сохранения личностной и творческой идентичности, которая в своей закрытости и внутренней непримиримости превращается в традиционного для католичества всевластного автора-проповедника. Однако эта склонность вступает в противоборство с имманентным желанием быть если не понятой, то воспринятой и услышанной. Художественное видение писательницы обретает существование только тогда, когда мировоззренческие постулаты находятся в состоянии динамического спора в попытках найти продуктивные способы совместной реализации в рамках образных миров.

Персоналистская философия диалога, далекая от идеализации человеческих способностей к согласию, рассматривает сопротивление, вызывающее движение души и субстанции жизни, как неотъемлемый элемент становления экзистенции, ее взаимоотношений с другими экзистенциями и бытием. Внешний мир величественных смыслов неизбежно противостоит человеку, стремящемуся через взаимодействие развить собственную целостность и полноценность. Необходимость делать выбор, утверждать позицию и защищать убеждения способствует рождению творческой, ответственной персоны, которая бесстрашно открывается навстречу противоречивой реальности.

Мотив духовного пути становится матрицей жизни личности, живая натура которой не согласна жить в рамках раз и навсегда установленных взглядов. Персонализм предполагает, что истинная человечность – это не постоянное переизобретение себя в угоду формальной изменчивости, а необъятный пласт путей для создания экзистенции в процессе творения и открытия нового. Для Ф. О'Коннор художественная литература становится дискурсом, через который она может подвергать мировоззрение испытаниям и таким образом углублять, расширять, развивать способность всматриваться в мир и охватывать его суть. Дистанцированный нарратор, присутствующий во всех произведениях писательницы, повествует в равной мере как о пути героя, так и о пути его создателя. В частности, такой посыл выражает Ф. О'Коннор, когда заявляет, что *you ought to be able to discover something from your stories. If you don't, probably nobody else will* [2, p. 106].

Для организации удивления при встрече, экзистенциальной активности в диалоге с двойственностью бытия, Ф. О'Коннор вводит в художественное

пространство образные и сюжетные элементы, существенно враждебные ее личностной установке и смысловой интенции текста, и наделяет их ролью коммуникативно доминантного участника литературного «диалога». Главные герои произведений – почти сплошь воинствующие протестанты, упорно восстающие против принудительности «католической» благодати; постижение истины осуществляется только через акты насилия и жестокости, проводником которых становится Дьявол, распространяющий власть на весь внешне лишенный божественного измерения мир. «Другой» становится принципиально «Иным» и при этом берется в качестве объекта не «изображения», а активного «переживания» в процессе развертывания нарратива. Осуждая закрытость католических писателей от показа любых испытаний веры, Ф. О'Коннор не боится ставить их в центр повествования и, таким образом, оставлять пласт авторского смысла в подтексте, который только в конце эксплицитно выводит тему Спасения. Проходя через линзы глубинной личностной и онтологической отличительности, католический взгляд обогащается истинно жизненным опытом и трансформируется в многомерный, конкретный и убедительный феномен, способный функционировать в различных парадигмах без потери субстанциональной сущности.

Художественная и бытийная доказательность католических воззрений поддерживается не только дискурсом диалогического преодоления, но и материальной оформленностью среды, в которой они реализуются. Философская концепция персонализма разрабатывает систему неразрывной связи внешней и внутренней сторон человеческой жизнедеятельности. Формирование личности, при всей трансцендентальности этого понятия, осуществляется только при условии погруженности в определенный исторический и социокультурный контекст, в неотторжимую зависимость от самого факта наличия у человека физического тела. Видимые детерминанты неизбежно влияют на процесс создания «индивидуального проекта», являющегося не идеальным мыслительным построением, а творческой задумкой реального существа.

Южные штаты, физические характеристики которых за все время мифологирования и концептирования трансформировались в метафизические, становятся для Ф. О'Коннор неотъемлемым и, по сути, единственным пространством творческого акта, которое придает произведениям правдоподобие достаточное для того, чтобы они воспринимались искусственными носителями действительных, духовно значимых смыслов. Писатель способен транспортировать в образную форму только ту реальность, которую непосредственно проживает, а не умозрительно предвосхищает или внушает себе в экстазе религиозной убежденности. Человек – это не только дух, но и тело, оборачивающееся

первой инстанцией познания мира. Ф. О'Коннор нагружает свои работы социокультурными и историческими пластами, поскольку понимает, что в этой материи герой единственно может реализовать внутренний потенциал, ввести настоящее, осознанное бытие. Она утверждает гармонию вечного и материального, отмечая, что *to my way of thinking, the only thing that keeps me from being a regional writer is being a Catholic and the only thing that keeps me from being a Catholic writer (in the narrow sense) is being a Southerner* [3, p. 134].

Структурный баланс, тем не менее, не предполагает параллельный баланс значимости. Не пренебрегая внешним, персоналисты, как и Ф. О'Коннор, признают онтологическую многослойность, в которой «тайство» всегда стоит за каждым «обычаем». Глобальная цель человека – это в процессе персонализации приобрести более глубокую перспективу видения действительности, которая также движется и мотивируется имманентными трансцендентальными законами. Личность должна вступить в «диалог» с первоначалом, с Богом; позволить ему наполнить тело, тем самым не растворив его, а открыв путь к совершенному бытию.

Так как антропологическое измерение жизни немыслимо вне модуса эмпирики, то и выстраивание отношений происходит прежде всего с видимым миром и пространством реализуемых экзистенций. Именно поэтому для Ф. О'Коннор принципиальным становится налаживание контакта как с различными мировоззренческими аспектами, так и с читателями. Полифоничность – это важный компонент сотериологической стратегии писательницы, в рамках которой достоин спасения только персонаж, открывшийся другим людям и «другому» бытию.

Таким образом, персонализм играет значимую роль в формировании художественного метода Ф. О'Коннор. Он определяет такие черты ее творчества как полифонизм, внутритекстовая и надтекстовая диалогичность, социокультурная и историческая конкретность существования, за которым находится имманентная сущность бытия.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Buber, M. Eclipse of God: Studies in the Relation Between Religion and Philosophy / M. Buber. – Princeton : Princeton University Press, 2016. – 117 p.
2. O'Connor, F. Mystery and Manners: Occasional Prose / F. O'Connor. – New York : Farrar, Straus and Giroux, 1970. – 256 p.
3. O'Connor, F. The Habit of Being : Letters / F. O'Connor. – New York : Farrar, Straus and Giroux, 1988. – 640 p.

[К содержанию](#)

А. Д. ЗИНОВЕНКО

Брест, БГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – С. Н. Дягель

РОМАН З. ЛЕНЦА «УРОК НЕМЕЦКОГО» И ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

Роман «Урок немецкого» (1968) – одно из самых известных произведений современной немецкой литературы, он является типичным образцом той эпохи послевоенной немецкой литературы, которая длилась примерно с 1945 по 1967 г., когда многие авторы были озабочены последствиями войны и шрамами, оставленными нацистским режимом. Этот роман стал важным высказыванием на тему вины и нацистского прошлого Германии. Рассуждая об историческом контексте и романе З. Ленца, следует отметить как внешний контекст, определивший проблематику романа, так и отраженный в самом романе исторический момент.

После Второй мировой войны многие деятели искусства задумались о том, как обычные люди становились соучастниками преступлений нацистского режима. Процесс осмысливания нацистского прошлого в немецком обществе получил название „*Vergangenheitsbewältigung*“. Это понятие определяется как «общественные дебаты в стране о проблемном периоде ее недавней истории – в Германии, в частности, о национал-социализме» [1]. *Vergangenheitsbewältigung* описывает все попытки проанализировать, осмыслить и научиться жить с прошлым, относится и конкретно к зверствам, совершенным в нацистской Германии, но также и к историческим и современным проблемам, связанным с тем, насколько сильно нацизм скомпрометировал и присвоил себе многие немецкие культурные, религиозные и политические институты. Эта тема проходит красной нитью через послевоенную немецкую литературу, в контексте этой темы написан и роман З. Ленца, посвященный детству, проведенному в нацистской Германии и анализирующий проблематику коллективной вины немцев. Обсуждение вопроса о виновности и соучастии немцев в преступлениях национал-социализма началось сразу же после войны. Однако особый интерес к этой теме появился в 1960-х гг., в то время когда З. Ленц работает над своим романом. Два важных общественных процесса запустили тему *Vergangenheitsbewältigung*: студенческие волнения в Европе и судебные процессы против сотрудников концлагерей. Студенческое движение 1968 г. (также называемое движением 68-х) представляло собой серию социальных и социально-критических политических движений, в основном левых студентов, которые были очень активны, особенно в период с 1967 по 1969 гг. В Западной Германии протестующие студенты

отвергали традиционализм и политическую систему того времени, в которую входили многие бывшие нацистские чиновники. Поколение детей высказалось обвинение родителям, что все они несут свою долю ответственности за преступления, совершенные во время войны. Публикация многочисленных протоколов судебных заседаний против сотрудников концлагерей показала, что в преступления нацизма было вовлечено огромное количество простых немцев. При этом они не признавали свою вину в этом, т. к., по их словам, выполняли приказ вышестоящего руководства. Роман «Урок немецкого» стал попыткой определить степень вины поколения родителей.

«Урок немецкого» – история трудного подростка Зигги Йепсена. Действие романа разворачивается в двух временных рамках: в 1950-х гг., когда главный герой находится в специальном учреждении для несовершеннолетних, а также в 1940-х гг., во время Второй мировой войны. В исправительном заведении Зигги получает задание написать сочинение на тему «Радость исполненного долга». Эта задача заставляет его вспомнить свое детство в небольшой северогерманской деревне Ругбюль. Постепенно погружаясь в свои воспоминания, Зигги начинает вспоминать о событиях прошлого, участниками которых был он сам, его отец и друг отца, художник. Его отец, деревенский полицейский, получает приказ следить за исполнением запрета на рисование, наложенного на его друга детства. Несмотря на то, что война идет к своему завершению, отец Зигги рьяно «исполняет свой долг», втягивая в слежку и самого Зигги.

Действие происходит в маленькой, изолированной от внешнего мира деревне, в герметичном мире которой, на первый взгляд, внешне мало что отражает бушующие общественно-политические катаклизмы. Военная атмосфера практически не чувствуется, разве что в самом конце войны в селе появляется английский танк. К тому же мы видим все события тех лет глазами десятилетнего мальчика, который мало что понимал о политической подоплеке происходящего.

Однако З. Ленц мастерски воспроизводит исторический контекст в своем произведении через ряд красноречивых деталей. Так, дезертирует с фронта старший брат Зигги Клаас. Его отказ служить в вермахте по соображениям совести отражает распространенную практику того времени, когда люди осознавали бесперспективность войны и стремились избежать участия в ней.

Одной из ярких примет того времени является феномен запрета на профессию, практиковавшийся гитлеровским режимом (*Schreibverbot, Malverbot*). Ограничения на исполнение профессии накладывались на неугодных деятелей искусства. Все виды искусства подверглись в Третьем рейхе деструктивному воздействию нацистского режима. Исходя из

принципов политического руководства культурой, нацисты создали систему подавления и поощрения культурного производства Германии. Подавление воплощалось в тоталитарном контроле и безусловном подчинении культуры нацистской идеологии, а поощрение выражалось в создании государственных учреждений и общественных организаций, призванных регулировать и стимулировать культурное производство [2]. В романе на одного из ключевых персонажей художника Макса Нансена наложен запрет на рисование (*Malverbot*), потому что его картины считались «дегенеративным искусством» (*entartete Kunst*). Термин «дегенеративное искусство» использовался нацистской пропагандой для описания работ, не отвечающих официальным идеологическим установкам Третьего рейха. Термин обрел известность в 1930-х гг., когда тысячи произведений искусства, признанных «дегенеративными», были изъяты из музеев и частных коллекций. Были предприняты попытки контролировать художников, многие подвергались преследованиям, теряли работу, средства к существованию, в некоторых случаях – жизнь [3].

Прототипом художника Нансена стал известный немецкий художник Эмиль Нольде, которому нацисты запретили рисовать, поскольку его работы были признаны «дегенеративным искусством». Через эту линию З. Ленц показывает, как режим подавлял культуру и искусство, навязывая собственные идеологические стандарты. Некоторые исследователи считают, что в имени «**Макс Людвиг Нансен**» автор зашифровал двух художников – Макса Бекманна и Эрнста Людвига Кирхнера. Оба – известные художники, чьи работы также считались «дегенеративными» при национал-социализме.

Следует отметить, что некоторые критики упрекали З. Ленца в том, как он отразил реальную атмосферу нацистской эпохи. Звучали претензии в том, что в романе страна, где господствует национал-социалистическая диктатура, якобы выглядит своего рода «райским уголком»; в том, что проявления этой диктатуры сводятся к довольно безобидному случаю, а слово «еврей» в книге ни разу не встречается. Несколько лет назад стало известно, что художник Эмиль Нольде, послуживший прототипом героя романа, вовсе не был убежденным противником национал-социализма: видимо, из-за этого и образ яростного противника сложившегося режима, представленный в книге, перестал быть столь однозначным. Однако даже эти разногласия свидетельствуют о том, что описываемые события в большой степени приближены к реальности [4].

В заключение хотелось бы отметить, что роман «Урок немецкого» Зигфрида Ленца – это не просто история одного человека, но и попытка осмысливать сложное наследие нацистской эпохи. Через призму личных судеб автор исследует универсальные вопросы морали, ответственности

и человечности. Исторический контекст, в котором создан роман, играет ключевую роль в понимании его глубинного смысла, делая произведение актуальным и сегодня.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Duden. – URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.8bb53f45-67cf2a26-d7b10355-74722d776562/https/www.duden.de:443/rechtschreibung/Vergangenheitsbewaeltigung (Zugriffsdatum:: 10.03.2025).
2. Ковригина, И. А. Культурная жизнь в Третьем рейхе на примере массовых культурных мероприятий, литературы и искусства (1933–1945 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 24.00.01 / Инесса Анатольевна Ковригина ; Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. – Улан-Удэ, 2004. – 22 с.
3. Дегенеративное искусство // Большая советская энциклопедия : в 30 т. / гл. ред. А. М. Прохоров. – 3-е изд. – М. : Совет. энцикл., 1969–1978. – Т. 8. – С. 275–276.
4. Зигфрид Ленц. «Урок немецкого». Что делает человека человеком? // Книжная индустрия: Люди. События. Технологии. – 2016. – № 4–5 (136–137). – С. 44–48.

[К содержанию](#)

И. В. КЛИМЧУК

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Н. Н. Столлярчук

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ГРАФИЧЕСКИХ ВЫРАЗИТЕЛЬНЫХ СРЕДСТВ В РОМАНЕ Р. РИГГЗА «ДОМ СТРАННЫХ ДЕТЕЙ»

«Дом странных детей» – дебютный роман американского писателя Рэнсома Риггза, изданный в 2011 г. Книга быстро завоевала популярность благодаря уникальному сочетанию элементов фэнтези, ужасов и мистики, а также оригинальному визуальному стилю. Роман рассказывает историю мальчика по имени Джейк Портман, который после трагической потери отправляется на поиски ответов на вопросы о своем дедушке, пережившем ужасные события во время Второй мировой войны.

Для актуализации пространственно-временных отношений Р. Риггз активно использует графические средства, а именно фотографии. Сам писатель определяет подлинные, найденные старинные фотографии, которые появляются на протяжении всего романа, как маленькие тайны. Странные и пугающие, эти снимки включены в роман как способ более объемно и подробно раскрыть истории персонажей.

Фотографии в книге можно условно разделить на два основных типа:

- 1) фотографии, изображающие людей и существ (Эйба в разных возрастах, странных детей, мисс Пелегрин);
- 2) фотографии, изображающие различные артефакты.

Рассмотрим фотографии людей и существ. Первоначально Эйб показывает Джейкуbu фотографии детей в доме Мисс Перегрин, чтобы установить связь между Джейкобом и самим Эйбом (Джейкоб тоже обладает странностью, хотя он не знает об этом). Эйб использует фотографии как канал трансляции историй о взрослении в детском доме. Но Джейкоб отказывается верить в реальность фотографий, он также отвергает свое прежнее чувство связи с прошлым своего деда, полагая, что его дед в значительной степени преувеличивал истории и порой лгал о том, что происходило в описываемом доме. Именно с помощью снимков читатель знакомится с тремя странными детьми: Миллардом, невидимым мальчиком, Олив, девочкой легче воздуха, и необычайно сильным Виктором.

Так, описывая момент знакомства Джейкоба с фотографией Олив, автор делает акцент на магическом компоненте: *A minute later he came back holding an old cigar box. I leaned in to look as he drew out four wrinkled and yellowing snapshots. <...> He slipped me another photo. Once I'd had a moment to look at it, he said, 'So? What do you see?'*

'A little girl?'

'And?'

'She's wearing a crown.'

He tapped the bottom of the picture. "What about her feet?"

I held the snapshot closer. The girl's feet weren't touching the ground. But she wasn't jumping – she seemed to be floating in the air. My jaw fell open. 'She's flying!'

'Close,' my grandfather said. 'She's levitating. Only she couldn't control herself too well, so sometimes we had to tie a rope around her to keep her from floating away!'

*My eyes were glued to her haunting, doll-like face.
'Is it real?'*

'Of course it is,' he said gruffly [1] (рисунок 1).

Рисунок 1

Рисунок 2

В этом образе представлен магический элемент, который присутствует как в изображении маленькой девочки, включенном в текст, так и в самом тексте, описывающем восприятие этой информации Джейкобом: *'Is it real?'*.

Еще одним странным ребенком является Виктор: *Taking the picture and replacing it with another, this one of a scrawny boy lifting a boulder. 'Victor and his sister weren't so smart,' he said, 'but boy were they strong!' [1]* (рисунок 2).

Р. Риггз использует фотографии в произведении, чтобы создать тревожную атмосферу и в то же время волшебный и веселый тон повествования. Так, например, невидимый мальчик Миллард представлен своей фотографией, изображающей кучу пустой одежды, просто стоящей там, без головы. Этого достаточно, чтобы встревожить любого ребенка.

The first was a blurry picture of what looked like a suit of clothes with no person in them. Either that or the person didn't have a head. 'Sure, he's got a head!' my grandfather said, grinning. 'Only you can't see it... Millard, his name was. Funny kid. Sometimes he'd say, 'Hey Abe, I know what you did today,' and he'd tell you where you'd been, what you had to eat, if you picked your nose when you thought nobody was looking. Sometimes he'd follow you, quiet as a mouse, with no clothes on so you couldn't see him – just watching!.. Of all the things, eh?' [1] (рисунок 3).

Рисунок 3

Рассказы дедушки частично снимают атмосферу мрачности и страха. Образ Милларда, который рисует дедушка Джейкоба, сосредоточен на личности мальчика, а не его странностях, что резко контрастирует с тревожным первым впечатлением. Таким образом, внушающие благовение истории дедушки скорее волшебны, чем страшны.

На первый взгляд, фотоизображения и вербальные образы противоречат друг другу. Тем не менее, иллюстрации являются дополнением к словесным описаниям, создавая у читателя ощущение интриги. Р. Риггз эффективно комбинирует тайну (пустая одежда) и юмор (глупые проделки Милларда).

Обращаясь непосредственно к фотографиям, считаем необходимым заметить тот факт, что фотографии появляются в книге с определенной задержкой. Так, например, читатель получает возможность увидеть письмо, которое мисс Перегрин отправила дедушке Джейкоба, только после описания содержимого подарка, который мать Джейкоба дарит ему на день рождения.

Данная техника сочетания верbalного и неверbalного компонентов встречается на протяжении всего романа: сначала писатель использует текст, чтобы сформировать определенный образ в сознании читателей. Только после нескольких страниц развивающегося сюжета Р. Риггз вставляет изображение. Странные дети чаще всего сначала представляются визуально, без каких-либо подписей; их имена даются гораздо позже, когда Джейк на самом деле встречает их. Также и фотография самого дедушки с пистолем следует после подробного описания арсенала оружия и сообщения о том, что он никогда не расставался с пистолетом: *The key in question opened a giant locker in Grandpa Portman's garage. Inside was a stockpile of guns and knives*

sufficient to arm a small militia. He'd spent half his life collecting them, traveling to out-of-state gun shows, going on long hunting trips. He loved his guns so much that sometimes he even slept with them. My dad had an old snapshot to prove it: Grandpa Portman napping with pistol in hand [1] (Рис. 4).

Рисунок 4

По этой же схеме представлены и все странные дети: прежде, чем автор демонстрирует их фотографию, он подробно описывает их характеристики. Фотографии детей намеренно избыточны, в них находят отражение и сам текст, и дополнительные детали. Такая техника позволяет рассказывать одну и ту же историю, обеспечивая при этом повторение ключевых идей: *Other pictures seemed manipulated in much the same way as some of my grandfather's had been. One was of a lone girl in a cemetery staring into a reflecting pool – but two girls were reflected back [1]* (рисунок 5).

Рисунок 5

Читатель-зритель следует примеру Джейкоба, устанавливая связи между фотографиями и текстом (описание или упоминание людей на снимках) и встречая описание странных детей, возвращается к фотографиям в поисках визуального образа. На фоне винтажных снимков Р. Риггз разворачивает историю о добре и зле в период Второй мировой войны. Эйб и его друзья детства (некоторые из Восточной Европы, как и он), спасенные от монстров в великолепном доме на валлийском острове, вероятно, были еврейскими сиротами, которые нашли убежище от нацистов в Великобритании.

В результате ряда событий Джейкоб все же приходит к принятию того, что фотографии связаны с прошлым его деда. Когда он разбирает старый сундук в доме мисс Перегрин, он находит похожие фотографии, а затем встречает некоторых детей. При этом он не только понимает, что истории

Эйба были правдой, но и восстанавливают свою личную связь с прошлым своего деда, поскольку он узнает больше о своей собственной идентичности.

В конце повествования сообщается, что дети покидают остров на трех лодках, но на последней фотографии изображена только одна лодка с четырьмя людьми на ней (рисунок 6). Так автор выражает неопределенность, которая отражает его сомнения относительно будущего странных детей в мире пустот и зла: *Ten peculiar children and one peculiar bird were made to fit in just three stout rowboats, with much being jettisoned and left behind on the dock. When we'd finished, Emma suggested that one of us say something – make a speech to dedicate the journey ahead – but no one seemed ready with words. And so Enoch held up Miss Peregrine's cage and she let out a great screeching cry. We answered with a cry of our own, both a victory yell and a lament, for everything lost and yet to be gained [1]* (рисунок 6).

Рисунок 6

Вторым типом фотографий являются письма или открытки. Они необходимы для разворачивания сюжета, поскольку содержат и представляют читателю информацию, не упомянутую в основном тексте. Качество этих фотографий разное. Некоторые из них более высокого качества, очевидно, снятые в студии или на более современную камеру. Другие более низкого качества, и они сделаны в разные моменты жизни. Все они отделены от текста, даже если это означает пустое место на странице. Снимки каждый раз находятся на одном и том же фоне и всегда идут после текста, который объясняет, что происходит. В конце книги дается указатель.

Фотографии не полностью связаны с текстом. Их расположение заставляет читателя отделять фотографии от истории. Снимки прерывают процесс чтения. Такое графическое решение имеет объяснение: расположение фотографий в тексте указывает на обособленное положение самого Джейкоба. Более того, фотографии не просто размещаются на отдельных страницах, они выделены отчетливым контрастным фоном. Выбранная техника ставит своей целью подчеркнуть их временную отнесенность: их задача – рассказать о прошлом, а не настоящем.

Важным моментом является тот факт, что, отплывая с острова, дети не берут с собой никаких фотоальбомов. Вместо этого Бронвин берет камеру мисс Перегрин и делает новые снимки. Тем самым, он намерен начать свою собственную историю, а будущие фотографии будут использованы им как связь со своим собственным прошлым: *We'd brought none of the old photo albums with us; maybe this would be the first picture in a brand new one. It was*

strange to think that one day I might have my own stack of yellowed photos to show skeptical grandchildren – and my own fantastic stories to share [1].

Таким образом, проведенный анализ свидетельствует о том, что графический компонент играет важную роль в конструировании пространственно-временного континуума в романе Р. Риггза «Дом странных детей». Именно через взаимодействие изображений и текста в анализируемом произведении конструируется смысл. Взятые вне контекста, фотографии были переосмыслены Р. Риггзом для достижения художественного эффекта. Благодаря четко выстроенной системе соотнесения текста и фотографий и возник дом для странных детей, управляемый мисс Перегрин, и параллельная вселенная (или петля) острова Кэрнхолм вечно повторяющееся 3 сентября 1940 г.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Riggs, R. Miss Peregrine's Home for Peculiar Children / R. Riggs. – URL: <https://www.docdroid.net/e9v7/miss-peregrines-home-for-peculiar-child-ransom-riggs-pdf#page=13> (date of access: 25.02.2024).

[К содержанию](#)

С. В. КУЛИК

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Н. Н. Столярчук

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ВРЕМЕНИ В ПОВЕСТИ К. С. ЛЬЮИСА «ПЛЕМЯННИК ЧАРОДЕЯ»

В «Литературной энциклопедии терминов и понятий» под редакцией А. Н. Николюкина художественное время и пространство определяются как «важнейшие характеристики художественного образа, обеспечивающие целостное восприятие художественной действительности и организующие композицию произведения» [1].

Художественное время является одним из фундаментальных компонентов смысловой структуры текста. Оно позволяет читателю наблюдать за развитием событий и/или конфликтов, устанавливать психологические, ассоциативные и причинно-следственные связи между ними, формируя сложную и насыщенную последовательность сюжетных моментов.

Тематика литературного произведения во многом определяется временем. Авторы часто связывают свои тексты с конкретными временными отрезками, которые могут быть достаточно детально описаны, как, например, в исторических романах. Благодаря этому читатель узнает об особенностях эпохи, включая ее уникальные черты, стиль и атмосферу.

В художественных произведениях время представляет собой не только образную модель реальной или ирреальной, объективной или субъективной действительности, но также служит средством выразительности и важным литературным приемом. Художественный текст, будучи вымыслом (хотя и отражающий реальность), предоставляет автору особенно широкие возможности для свободного изображения хода времени и создания таким путем различных смысловых и стилистических эффектов [2, с. 110].

Важным элементом в построении хронотопа является *линейность*, т. е. последовательность развития событий в определенном направлении: от прошлого к будущему. Благодаря такому художественному приему произведение приобретает динамику.

Повесть К. С. Льюиса «Племянник Чародея» относится к жанру фэнтези. Главной характеристикой этого жанра является наличие магии в произведениях. Именно она позволяет не только вновь оказаться в прошлом с помощью воспоминаний, но и дает возможность поменять ход времени либо изменить пространство. Также у читателя данного жанра есть возможность заглянуть в будущее и увидеть еще не случившиеся события при помощи видений или предсказаний.

Художественное время фэнтезийного жанра является одной из важнейших составляющих картины мира. Оно также характеризуется большей гибкостью и может протекать с иной скоростью, чем время нашей действительности.

В произведениях жанра фэнтези для разных персонажей время может протекать по-разному. В анализируемом произведении главные герои, которые вернулись из волшебной страны Нарнии, прожили в ней довольно длительный период времени, в то время как для других персонажей, остававшихся в реальном мире, прошло лишь несколько секунд или минут.

Иногда автор наделяет персонажи уникальными способностями. Одной из таких является свободное перемещение между пространственно-временными континуумами различных миров. В цикле повестей «Хроники Нарнии» такую способность имеет Лев Аслан, который может присутствовать в различных временных реальностях, не только в волшебной стране Нарнии, но и за ее пределами.

Главными героями повести «Племянник Чародея» являются мальчик Дигори и девочка Полли, живущие по соседству. Их путешествие в магические миры начинается с комнаты дяди Эндрю, когда Полли надевает волшебное кольцо: *Polly's hand went out to touch one of the rings. And immediately, without a flash or a noise or a warring of any sort, there was no Polly. Digory and his uncle were alone in the room* [3].

Вскоре Дигори тоже надевает кольцо, чтобы спасти свою подругу: *Then he buttoned up his coat, took a deep breath, and picked up the ring... UNCLE ANDREW and his study vanished instantly* [3].

Первое перемещение детей в пространстве является началом их путешествия в неизвестный мир, который полон загадок и тайн.

Место, в котором оказались Дигори и Полли, называется Лес-между-мирами (*the Wood between the Worlds*). Это пространство представляет собой густой лес с множеством прудов, каждый из которых является воротами в другой мир. Лес – это вечное пространство, которое всегда было, есть и будет, на которое не влияет ход времени. Время здесь течет по-другому, а те, кто сюда попадают, и вовсе забывают все. Примером является диалог детей: *'I think I've seen you before,' she said. 'I rather think so too,' said Digory. 'Have you been here long?' 'Oh, always,' said the girl. 'At least – I don't know a very long time.'* *'So have I,' said Digory. 'No, you haven't,' said she. 'I've just seen you come up out of that pool.'* *'Yes, I suppose I did,' said Digory with a puzzled air, 'I'd forgotten'* [3].

Еще одним важным примером изменения пространственно-временной структуры является перемещение детей в город Чарн. В этом городе время остановилось, и мир находится в состоянии разрухи и вечного сна: *It's all in ruins. We haven't heard a sound since we came ... This place was at least as quiet as the Wood between the Worlds. But it was a different kind of quietness. The silence of the Wood had been rich and warm (you could almost hear the trees growing) and full of life: this was a dead, cold, empty silence. You couldn't imagine anything growing in it'* [3].

Разное восприятие времени описывается в следующем отрывке: *So while Digory was staring out of the dining-room window, Polly was lying in bed, and both were thinking how terribly slowly the time could go. I think, myself, I would rather have been in Polly's position. She had only to wait for the end of her two hours: but every few minutes Digory would hear a cab or a baker's van or a butcher's boy coming round the corner and think 'Here she comes', and then find it wasn't. And in between these false alarms, for what seemed hours and hours, the clock ticked on and one big fly – high up and far out of reach buzzed against the window* [3].

Время может казаться не одинаковым для разных людей в зависимости от их ситуации. Для Дигори, который ждет возвращения Полли, время тянется очень медленно, и каждая минута кажется вечностью из-за ложных сигналов. Для Полли время тоже тянется, но она знает точно, когда ее ждать – через два часа. Этот пример подчеркивает, как восприятие времени может зависеть от эмоционального состояния и обстоятельств героев, их вовлечения в ожидаемое событие.

Ключевым моментом является создание нового волшебного мира Нарнии. Лев Аслан, как создатель Нарнии, становится центральной фигурой, которая связывает пространство и время. Он создает новый мир

и управляет им, что влияет на течение времени и развитие событий в магическом мире.

Течение времени в Нарнии и нашем мире не совпадает. В Нарнии проходят часы, недели, месяцы и годы, в то время как в нашем мире может пройти всего лишь несколько минут. При этом, если в нашем мире проходит год, в Нарнии могут пройти десятилетия, столетия или даже тысячелетия. Однако это не означает, что время в Нарнии течет быстрее, скорее, оно течет по-другому. Такое различие придает уникальность хронотопу повести.

В результате анализа художественного времени в повести «Племянник Чародея» можно сделать вывод, что писатель использует концепцию «двоемирия» и путешествий между мирами, чтобы показать читателю темы создания и взаимосвязи множества реальностей. Кроме того, автор использует концепцию временной «асимметрии», когда время течет по-разному в разных мирах. Это позволяет увидеть и понять, насколько сложна и глубока временная структура произведения.

Также в повести время представлено как гибкая и многогранная категория, которая позволяет автору менять хронологию и создавать ощущение бесконечности и взаимосвязи временных линий.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Литературная энциклопедия терминов и понятий / гл. ред. и сост. А. Н. Николюкин. – М. : Интелвак, 2001. – 799 с. – URL: <https://biblio.imli.ru/index.php/teor-litr/24-literaturnaya-entciklopediya-terminov-i-ponyatij-2001> (дата обращения: 23.03.2025).
2. Пелевина, Н. Ф. Стилистический анализ художественного текста / Н. Ф. Пелевина. – Л. : Просвещение, 1980. – 270 с.
3. Lewis, C. S. The Chronicles of Narnia ‘The Magician’s Nephew’ / C. S. Lewis. – URL: https://mscerdasenglish.weebly.com/uploads/8/3/7/2/83721436/chronicles_of_narnia-_magicians_nephew_by_c.s.lewis.pdf (date of access: 23.03.2025).

[К содержанию](#)

Е. А. ЛИВАДИНА

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – М. В. Романюк

СИНТЕЗ КУЛЬТУР И ФИЛОСОФСКИХ ТРАДИЦИЙ В РОМАНЕ ГРЕГОРИ ДЭВИДА РОБЕРТСА «ШАНТАРАМ»

Роман Грэгори Дэвида Робертса «Шантарам» отражает сложное переплетение культурных и философских традиций Востока и Запада. Автобиографический характер произведения позволяет раскрыть авторское восприятие культурного и философского синтеза через призму главного героя Лина. Столкновение философских традиций, разных мировоззрений,

особенно касающихся свободы и судьбы, становится ключевым элементом романа. В условиях глобализации, когда культурные и идеологические границы стираются, «Шантарам» и подобные ему произведения играют важную роль в осмыслении того, как различные философские традиции могут не только сосуществовать, но и обогащать друг друга [1].

Одним из центральных философских конфликтов в романе является противопоставление западной концепции индивидуальной свободы восточному понятию судьбы. Главный герой Лин, австралиец по происхождению, представляет собой воплощение западного идеала свободы, который находит выражение в его побеге из тюрьмы и стремлении к личной независимости [2]. Однако, оказавшись в Индии, он сталкивается с философией, основанной на карме и судьбе, где жизнь человека подчиняется не только его личным выборам, но и «высшим» силам. Таким образом, противопоставление этих мировоззрений становится важным аспектом не только сюжета, но и философского контекста произведения.

Идея судьбы находит яркое воплощение в образе Кадер-Бая, наставника Лина, который учит его принимать неизбежность судьбы. В одном из эпизодов Кадер-Бай говорит: “Destiny will find you, and if you don’t take a hand in its game, you’ll be lost” [3]. В данном контексте философия Востока ставит под сомнение абсолютную свободу воли, характерную для западного мышления, и предлагает более комплексное понимание человеческого существования, где личный выбор тесно переплетается с предопределенностью.

Вторым важным аспектом философского конфликта является противостояние между моралью закона, присущей западной правовой системе, и моралью улицы, характерной для неформальных сообществ. В западных странах закон воспринимается как нечто объективное и универсальное, но в «Шантараме» автор показывает, как мораль может зависеть от социального контекста. В частности, Лин, став частью жизни трущоб Бомбея, сталкивается с моралью, основанной на верности и выживании. Например, его решение помочь в контрабанде медицинских препаратов в Афганистан, несмотря на незаконность такого поступка, иллюстрирует принятие моральных решений, основанных на общественной этике. Как отмечает сам Лин: “Sometimes the only way to survive is to break the law” [3]. Этот переход от юридической морали к уличной подчеркивает философскую трансформацию героя, а также затрагивает более глубокие вопросы морального выбора и ответственности.

Таким образом, «Шантарам» раскрывает важную тему синтеза западной и восточной философии. Лин, находясь в Индии, начинает воспринимать свободу не как абсолютное самоуправление, а как способность принимать и адаптироваться к силам судьбы. Он осознает, что жизнь не всегда

подчиняется личным выборам, но истинная свобода заключается в способности ориентироваться в этих обстоятельствах. Это осознание становится частью его философского роста и трансформации как личности.

Кроме того, роман также показывает ситуации, когда мораль и справедливость не всегда диктуются законами и имеют четкие границы, а могут быть результатом социального взаимодействия и культурных ценностей. Это особенно ярко проявляется в отношениях Лина с Прабакером, его другом, который помогает ему увидеть, что законы не всегда соответствуют истинной справедливости. Прабакер учит Лина: “Justice is not the same thing as law, my friend.” [3] Это утверждение подчеркивает необходимость гибкости в восприятии моральных и правовых норм, что особенно актуально в контексте многообразия культур и традиций.

В заключение можно отметить, что «Шантарам» Грегори Дэвида Робертса представляет собой синтез культурного и философского исследования. Роман демонстрирует, как противоположные традиции могут сосуществовать и обогащать друг друга. Лин, как центральный персонаж, проходит путь, на котором он учится принимать философию Востока, не отказываясь при этом от своих западных идеалов. Этот синтез, по мнению автора, является важным для понимания человеческой природы и межкультурного диалога в условиях современной глобализации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Magner, B. Shantaram: Portrait of an Australian Bestseller / B. Magner // Antipodes. – 2014. – Vol. 28, no. 1. – P. 213–225.
2. Реале, Дж. Западная философия от истоков до наших дней / Дж. Реале, Д. Антисери. – Т. 1 : Античность. – СПб. : Петрополис, 1997. – С. 160–178.
3. Roberts, G. D. Shantaram / G. D. Roberts. – New York : St. Martin’s Griffin, 2005. – 994 p.

[К содержанию](#)

К. В. МАСЛОВСКИЙ

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – М. В. Романюк

КОМИЧЕСКОЕ КАК СРЕДСТВО СОЦИАЛЬНОЙ КРИТИКИ В РОМАНАХ КУРТА ВОННЕГУТА

Курт Воннегут – выдающийся американский писатель XX века, известный своим сатирическим стилем и нестандартным взглядом на общество. В своих произведениях он активно использует комическое, превращая его в мощное средство социальной критики. Юмор в его романах не только развлекает читателя, но и заставляет задуматься над важными философскими и общественными проблемами. В данной статье

анализируется роль комического в романах Воннегута и его эффективность как инструмента критики общественных норм и институтов.

Комическое – это категория, которая включает в себя множество форм и приемов, таких как сатира, ирония, пародия, гротеск и абсурд. В литературе оно часто используется для того, чтобы подчеркнуть нелепость или противоречивость определенных явлений. В философском смысле комическое может рассматриваться как способ преодоления трагического восприятия действительности, позволяющий читателю осознать проблемы общества, сохраняя при этом дистанцию от их эмоционального воздействия [1, с. 79].

Писательский стиль К. Воннегута часто характеризуют как трагикомедию – сочетание драматических и комических элементов. Он использует юмор для демистификации сложных социальных и философских вопросов, таких как абсурдность войны, разрушительное влияние технологий, капитализм и бессмысличество жизни. Один из его любимых приемов – гротеск, который позволяет ему преувеличивать до абсурда определенные аспекты реальности, чтобы продемонстрировать их иррациональность.

Роман «Бойня номер пять» (1969) – одно из самых известных произведений К. Воннегута, в котором он анализирует трагедию Второй мировой войны через призму гротеска и черного юмора. Главный герой Билли Пилигрим становится жертвой судьбы, которая кажется абсолютно хаотичной и абсурдной. Вместо героического повествования о военных действиях автор предлагает нелинейный сюжет, наполненный парадоксами и сатирическими элементами [2].

К. Воннегут демонстрирует иррациональность войны через юмор, показывая, как Билли переживает бомбардировку Дрездена, не понимая ее смысла. Фраза «Таков расклад», повторяемая на протяжении всего романа, подчеркивает философскую пассивность героя перед событиями, которыми он не может управлять. Это своеобразный способ выразить протест против бессмысленных разрушений и массового насилия, используя юмористическое дистанцирование.

В «Завтраке для чемпионов» (1973) К. Воннегут экспериментирует с формой романа, включая в него примитивные иллюстрации и разрозненные мысли, имитирующие хаотичный поток сознания. Гротескное представление реальности используется для того, чтобы подчеркнуть механистичность человеческого поведения, обусловленного социальными нормами и ожиданиями [3].

В этом романе К. Воннегут развивает идеи детерминизма и навязанности культурных стандартов, высмеивая капиталистическую систему, которая заставляет людей жить по заранее установленным

шаблонам. Гротескные описания обычных вещей делают их комическими, но при этом тревожными, побуждая читателя задуматься о природе собственного восприятия.

Роман «Колыбель для кошки» (1963) – один из наиболее ярких примеров сочетания сатиры и философской критики. В нем автор описывает гипотетическое вещество «лед-девять», которое имеет способность мгновенно превращать воду в лед, что неизбежно ведет к апокалипсису. Используя абсурдную концепцию, К. Воннегут поднимает важные вопросы о научной ответственности и о том, как технологии могут выйти из-под контроля [4].

Комическое в этом романе проявляется через иронию, абсурдные описания и нелепые диалоги между персонажами, которые не понимают всей серьезности происходящего. Это позволяет К. Воннегуту создать одновременно комическую и пугающую картину мира, в котором люди бездумно принимают решения с катастрофическими последствиями.

Комическое в романах К. Воннегута выполняет несколько ключевых функций. Во-первых, это создание дистанции, так как комическое позволяет читателю воспринять сложные и тяжелые темы без излишнего эмоционального давления. Во-вторых, комическое направлено на обострение проблем, т. к. с помощью гротеска и иронии автор преувеличивает социальные пороки, делая их очевидными. В-третьих, с помощью комического писатель мотивирует читателя к размышлению. Юмор К. Воннегута не только развлекает, но и заставляет читателя задуматься над реальными проблемами мира, являясь таким образом глубоким философским методом, через который автор показывает абсурдность и нелепость многих аспектов человеческой жизни.

Комическое в романах Курта Воннегута – важный элемент его писательской стратегии. Оно служит не только средством облегчения восприятия тяжелых тем, но и мощным инструментом социальной критики. С помощью сатиры, гротеска и абсурда К. Воннегут обнажает пороки современной цивилизации, раскрывая истинную природу социальных институтов и человеческого поведения. Его юмор не только помогает читателю смеяться, но и побуждает задуматься о необходимости изменений в обществе.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Борев, Ю. Комическое, или О том, как смех казнит несовершенство мира, очищает и обновляет человека и утверждает радость бытия / Ю. Борев. – М. : Искусство, 1970. – 272 с.
2. Воннегут, К. Бойня № 5 / К. Воннегут. – М. : АСТ, 2017. – 320 с.
3. Воннегут, К. Завтрак для чемпионов / К. Воннегут. – СПб. : Азбука, 2021. – 384 с.
4. Воннегут, К. Колыбель для кошки / К. Воннегут. – М. : Эксмо, 2019. – 288 с.

[К содержанию](#)

Л. В. НОВИК

Брест, БГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – С. Н. Дягель

ЛИТЕРАТУРНАЯ СКАЗКА ЭПОХИ ПОСТМОДЕРНИЗМА (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА МИХАЭЛЯ ЭНДЕ «ИСТОРИЯ, КОТОРОЙ НЕТ КОНЦА»)

Постмодернизм – направление в философии и культуре второй половины XX в., возникшее как реакция на модернизм. Период расцвета постмодернистской эстетики приходится на 1960–1990-е гг. Истоки постмодернизма наблюдаются во влиянии философии (Деррида, Фуко, Лиотар), а также в кризисе веры в «великие метанarrативы», такие как прогресс, религия, идеология. Постмодернизм отвергает «единственную правду», проповедуя нравственный релятивизм, и активно пародирует, деконструирует и переосмысливает традиционные нарративы.

Постмодернизм плодотворно проявил себя в литературе, породив жанр постмодернистского романа (Т. Пинчон «Радуга тяготения», У. Эко «Имя розы», М. Павич «Хазарский словарь», В. Пелевин «Generation П» и др.). Обычно выделяют следующие черты постмодернистского романа:

1. Интертекстуальность – автор постоянно ссылается на другие книги, мифы, фильмы или культурные явления.
2. Метафикациональность – текст говорит сам о себе. Персонажи могут знать, что они в книге, а автор иногда напрямую обращается к читателю.
3. Игра с жанрами – постмодернистские произведения не следуют строгим правилам. Они могут быть одновременно сказкой, философским романом, пародией и приключенческой историей.
4. Нелинейное повествование – сюжет может прыгать во времени, рассказывать одну и ту же историю с разных точек зрения или даже закручиваться в петлю.
5. Ирония и переосмысление – постмодернизм любит смеяться над старыми клише.

Хотя роман – главная форма постмодернистской литературы, эти специфические черты проникли и в другие жанры, в том числе в литературную сказку и фэнтези. Под литературной сказкой понимают авторское произведение, использующее фольклорные мотивы, но с философским или игровым подтекстом. Литературная сказка отличается от народной сказки сложной структурой, психологизмом персонажей и многослойностью смыслов. Рассмотрим, как проявляется эстетика постмодернизма в романе-сказке немецкого писателя Михаэля Энде «История, которой нет конца» (1979).

«История, которой нет конца» – это сказочная история о путешествии мальчика Бастиана Бальтазара Букса (*Bastian Baltasar Bux*), который, прочитав загадочную книгу, оказывается втянутым в волшебный мир Фантазии, где царят магия и приключения. Фантазии угрожает уничтожение, вызванное загадочной силой под названием Ничто (*Nichts*), и только Бастиану, обретшему храбрость, фантазию и веру в себя, предстоит найти способ спасти этот мир, преодолев собственные страхи и сомнения.

Остановимся подробнее на постмодернистских элементах в повествовании. В традиционных сказках добро побеждало зло, герои проходили испытания и получали награду. Постмодернистская сказка усложняет эту схему. Мы видим элементы разрушения канонов, деконструкцию жанра литературной сказки. Если в обычных сказках мы встречаем смелого принца или мудрого волшебника, которые точно знают, что делать, то у М. Энде все не так. Один из ключевых персонажей Атрей (*Atreju*), пытающийся спасти свою погибающую страну, хоть и воин, но на самом деле маленький мальчик, который не может справиться один. А настоящим спасителем становится вовсе не он, а обычный толстый школьник Бастиан, который просто читал книгу на чердаке. Причем он не сражается с мечом в руках, а спасает мир силой своего воображения. Герои сомневаются, Бастиан, например, не уверен, что он настоящий спаситель: *Ich weiß ja gar nicht, was ich tun muss. Und vielleicht ist der Name, der mir eingefallen ist, auch gar nicht der richtige* [1, с. 32]. Зло в тексте сказки не так очевидно. В «Истории, которой нет конца» уничтожающее волшебную страну Ничто – это не конкретное чудовище, а нечто абстрактное, символ разрушения фантазии: *Es war kein Wesen. Es war die Abwesenheit von allem* [1, с. 35].

Сказка М. Энде интерактивная, читатель становится частью истории. Книга предлагает читателям, как и Бастиану, самим придумывать продолжение: *Doch das ist eine andere Geschichte und soll ein andermal erzählt werden* [1, с. 10]. Причем эта интерактивность работает и внутри повествования: когда Атрейо оказывается в смертельной ситуации, читающий о его приключениях Бастиан не выдерживает и кричит его имя вслух, – в этот момент происходит нечто невозможное – книга словно отвечает ему. Бастиан с ужасом понимает, что события в книге реагируют на его действия и он больше не просто читатель, а участник романа. Такие моменты, когда разрушается граница между читателем и текстом, превращают сказку М. Энде в типичный пример постмодернистской метапрозы. М. Энде использует такие приемы не только ради игры, но и чтобы показать, что настоящая магия происходит, когда читатель становится соавтором. Разрушая стену между текстом и реальностью, книга превращает чтение в акт творения.

Следующая черта постмодернистской эстетики, широко представленная в сказке – это интертекстуальность. Н. Н. Больщакова отмечает, что М. Энде активно использует мифологические архетипы и имена, создавая многомерное пространство волшебной страны Фантазии. Таким является антагонист героя Гморк (*Gmork*) – огромный волкоподобный хищник, слуга Ничто. Эта фигура отсылает к скандинавским мифам, однако роль в повествовании сближает его также с Цербером из древнегреческой мифологии – он выслеживает тех, кто пытается спасти Фантазию [2]. Образ персонажа Уюлула (*Uylala*) перекликается с образом сирен: у нее такой же магический голос, завораживающий героя. В греческой мифологии кентавр Хирон – бессмертный целитель и учитель героев, сочетающий мудрость и силу [3]. В мире Фантазии эту роль выполняет лекарь правительницы волшебной страны кентавр Цейрон (*Cairon*). Морла (*Morla*), черепаха, изрекающая глубокомысленные мудрости (*Was entsteht, muss wieder vergehen, was geboren wird, muss sterben* [1, с. 12]) напоминает Дельфийского оракула. Ее слова – загадки, требующие интерпретации. Морла отражает постмодернистскую идею «истины, которые нужно выстрадать». Следует отметить, что подобных аллюзивных онимов, отсылающих к различным прецедентным текстам, в сказке множество. Интертекстуальность романа проявляется также на уровне организации повествования. Так, М. Энде использует ту же сюжетную схему, что в сказке «Алиса в Стране чудес», где главная героиня переходит между мирами. Также автор применяет структуру квеста, что делает сказку похожей на роман «Властелин Колец», где герои преодолевают испытания ради достижения цели.

Важным элементом постмодернизма является наличие под верхним, развлекательным пластом философского слоя. Через призму фантастического повествования автор раскрывает фундаментальные истины. Так, сказка поднимает важную проблему выбора между бегством от реальности и принятием ответственности. Кроме этого она демонстрирует силу воображения как инструмента спасения и разрушения. Такой подтекст соединяет детскую сказку с философской притчей, что делает ее актуальной для разных поколений. Перед читателем предстает универсальная модель человеческого существования в мире утраченных смыслов.

Итак, роман-сказка Михаэля Энде «История, которой нет конца» – это яркий пример постмодернистской литературной сказки, которая сочетает классические фантастические мотивы с игрой форм, глубокой философией и интерактивностью, заставляет задуматься о природе воображения, реальности и соавторстве читателя и писателя.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ende, M. Die unendliche Geschichte / M. Ende. – Stuttgart: K. Thienemanns Verlag, 1979. – 428 S.

2. Большакова, Н. Н. Игровая поэтика в литературных сказках Михаэля Энде : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Большакова Наталья Николаевна. – Смоленск, 2007. – 24 с.

3. Мифы народов мира: энциклопедия / гл. ред. С. А. Токарев. – М.: Советская энциклопедия, 1987. – Т. 2. – С. 584–585.

[К содержанию](#)

К. Р. ПИЛИПЕНКО

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – М. В. Романюк

ТЕМА ПОЭЗИОТЕРАПИИ В РОМАНЕ ПЭТ БАРКЕР «ВОЗРОЖДЕНИЕ»

Концепция человеческого бытия подразумевает баланс между позитивными и негативными переживаниями. Способность человека к самореализации, поддержанию стабильного психологического равновесия и наличию опоры во многом определяется комплексом факторов, включая исторический контекст с его особенностями, социальную среду и культурные тенденции. Важным представляется прямая связь радости и страдания, т. к. осмысление одного невозможно без практического переживания другого, оба феномена обладают значимостью для формирования целостного опыта [1].

Война, как экстремальное историческое явление, несет в себе исключительные страдания. Их переизбыток диктуется обстоятельствами, независящими от воли вовлеченных в нее индивидов. Опыт военного и послевоенного периодов трансформирует не только устройство быта и физическое состояние, но и оказывает глубинное воздействие на психику человека, требуя от него полной адаптации и принятия попыток возвращения к нормальной жизни.

Художественное осмысление феномена войны в литературе, в частности, Великой Отечественной, традиционно базировалось на свидетельствах поэтов-фронтовиков или писателей, глубоко погруженных в данную проблематику. Роман Пэт Баркер «Возрождение» представляет собой уникальный пример изображения ужасов и последствий Первой мировой войны (как физических, так и психологических) без прямого выхода на поле боя. Центральная для настоящего исследования тема поэзии неразрывно связана с антивоенным пафосом произведения, выступая как терапевтическим инструментом для персонажей, так и средством социально-политической критики.

С первых страниц романа обращение к поэзии представлено как один из значимых мотивов. Персонаж Зигфрида Сассуна активно обращается к ней,

находит единомышленников и ведет дискуссии. Важным элементом в романе является солдатский журнал «Гидра», служивший платформой для обмена фронтовыми впечатлениями, новостями (включая письма и карикатуры) и публикации литературных опытов – здесь публиковался Уилфред Оуэн. Функционально журнал выступал инструментом рефлексии и самофиксации, был дополнительным средством психологической реабилитации солдат [1].

Данная практика соотносится с понятием поэзиотерапии или терапии поэзией. Эта терапевтическая методика сочетает в себе психологию, поэзию и творчество. [2, с. 59] Истоки терапевтического применения письменных практик прослеживаются исторически. В Пенсильванской больнице (основанной в 1751 г.) пациентам разрешалось чтение и письмо, а их работы публиковались в газете «Просветитель». Однако методологическое оформление поэзиотерапии как дисциплины связано с именем А. Лернера – клинического психолога, поэта и профессора, он первый использовал поэтическую терапию в Южной Калифорнии. В 1976 г. написал один из главных своих трудов «Поэзия в терапевтическом опыте». Цель метода, по А. Лернеру, заключается в том, чтобы «помочь индивиду освоить искусство помогать себе самому» [3]

Архаические корни практики прослеживаются в ритуальных песнопениях, заговорах и библейских псалмах, служивших целям исцеления и духовного восстановления [4, с. 12].

В романе П. Баркер поэзия функционирует прежде всего как терапевтический инструмент. Метод доктора Риверса предполагал работу с травматическим опытом солдат через повторное его переживание, включая поэтическое творчество. Для Сассуна и Оуэна написание стихов стало формой самопомощи и самофиксации, способом осмысления и выражения невыразимого ужаса войны, что прямо отмечает Риверс, анализируя стихи Сассуна: “Writing the poems had obviously been therapeutic...” [5, с. 26]. Для Сассуна поэзия была не только терапией, но и актом саморефлексии и психологической опорой.

В то же время поэзия выполняет в романе функцию антивоенного протеста. Она позволяет персонажам осуществлять открытую критику войны, ее моральных и этических провалов. Наиболее яркий пример – “A Soldier’s Declaration” Зигфрида Сассуна, приведшая к его госпитализации. Этот акт носит одновременно личный и политический характер, усиливая общий критический пафос произведения.

Кроме того, поэзия выступает как механизм связи прошлого и будущего. Она позволяет солдатам установить связь с дооценной идентичностью и представить будущее за пределами конфликта. Поэзия становится напоминанием об утраченной человечности и источником надежды.

Пасторальные образы довоенной Англии в стихах Сассуна, контрастирующие с окопным кошмаром, обеспечивают ему чувство преемственности и утешения [1].

Роман Пэт Баркер «Возрождение» представляет собой значимый вклад в художественное исследование психологических последствий Первой мировой войны. Произведение выходит за рамки героического нарратива, акцентируя трагедию личности и глубину травмы. Фигуры реальных поэтов Зигфрида Сассуна и Уилфреда Оуэна, включенные в художественное повествование романа, вносят историческую достоверность и демонстрируют многофункциональность поэзии как средства совладания с травмой (терапевтическая функция), инструмента социальной критики (протестная функция) и способа сохранения личностной целостности (функция связи времен).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Mason, R. The Healing Power of Poetry / R. Mason – URL: <https://www.k-state.edu/english/westmank/regeneration/hydra.mason.html> (date of access: 10.02.2025).
2. Даниленко, А. В. Исторические аспекты использования поэзии в терапии и коррекции эмоциональных состояний / А. В. Даниленко, С. С. Даниленко // Актуальные вопросы помощи личности в кризисных состояниях : материалы науч.-метод. семинара, Брест, 23 марта 2016 г. / Брест.гос.ун-т имени А.С. Пушкина. – Брест : БрГУ, 2016. – С. 59–63.
3. Oliver, M. Arthur Lerner; Promoted Use of Poetry in Therapy / M. Oliver // Los Angeles Times. – URL: <https://www.latimes.com/archives/la-xpm-1998-apr-08-mn-37268-story.html> (date of access: 08.02. 2025).
4. Юнг, К. Об отношении аналитической психологии к поэзии / К. Юнг // Психоанализ и искусство / К. Юнг, Э. Нойман. –Ваклер, Рефл-бук, 1998 – 304 с.
5. Barker, P. Regeneration / P. Barker. – London : Penguin Books, 1992. – 252 p.

[К содержанию](#)

Ю. А. РЫЖКОВСКАЯ

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – М. В. Романюк

АНАЛИЗ ВНУТРЕННЕГО МИРА ПЕРСОНАЖЕЙ РОМАНОВ **Ф. С. ФИЦДЖЕРАЛЬДА «ВЕЛИКИЙ ГЭТСБИ» И «НОЧЬ НЕЖНА»**

Психологизм – это подробное и глубокое изображение чувств, мыслей и переживаний вымышленной личности (литературного персонажа) с помощью специфических средств литературы [1]. Особенно важным психологизм становится в произведениях, где акцент делается на внутреннем мире человека, сложности взаимоотношений и противоречиях личности. В творчестве Фрэнсиса Скотта Фицджеральда, одного из ярких представителей литературы «потерянного поколения», психологизм

занимает центральное место. Романы Ф. С. Фицджеральда «Великий Гэтсби» и «Ночь нежна» являются показательными примерами того, как автор использует этот метод для раскрытия внутреннего мира своих героев.

Ф. С. Фицджеральд мастерски использует психологизм, чтобы показать, как внешние обстоятельства влияют на внутреннее состояние персонажей. Он использует тонкие детали, такие как описание взглядов, жестов и интонаций, чтобы передать глубину переживаний героев. Через психологизм Ф. С. Фицджеральд раскрывает трагедию человека, который не может найти себя в мире иллюзий.

Психологизм в романе Фрэнсиса Скотта Фицджеральда «Великий Гэтсби» проявляется через глубокое исследование внутреннего мира персонажей, их эмоций, мотивов и переживаний. Автор использует различные приемы, такие как внутренние монологи, описание жестов, взглядов и символических деталей, чтобы раскрыть психологическую сложность героев.

Джей Гэтсби – центральный персонаж, чей внутренний мир построен на символом его стремления к недостижимому идеалу. Ф. С. Фицджеральд идеализированной мечте о прошлом. Его любовь к Дэйзи становится раскрывает психологию Гэтсби через его действия, слова и символические детали.

Один из самых известных символов романа – зеленый огонек на конце пристани Дэйзи. Для Гэтсби он символизирует надежду и мечту: *Gatsby believed in the green light, the orgastic future that year by year recedes before us. It eluded us then, but that's no matter – tomorrow we will run faster, stretch out our arms farther... And one fine morning* [2, с. 193]. Этот отрывок показывает, как Гэтсби живет в мире иллюзий, веря, что сможет вернуть прошлое и достичь своей мечты. Зеленый огонек становится метафорой его внутреннего состояния – вечного стремления к недостижимому.

Гэтсби – это одинокий человек, который живет ради мечты, но его мечта оказывается иллюзией. Его внутренний мир наполнен ностальгией и верой в то, что прошлое можно вернуть. Несмотря на свои вечеринки, Гэтсби все так же остается одиноким: *He had thrown himself into it with a creative passion, adding to it all the time, decking it out with every bright feather that drifted his way. No amount of fire or freshness can challenge what a man will store up in his ghostly heart* [2, с. 103]. Это описание показывает, как Гэтсби пытался заполнить внутреннюю пустоту внешними проявлениями успеха, но, несмотря на все усилия, внутри он оставался глубоко несчастным. Он не мог избавиться от чувства одиночества и тоски по прошлому, которое он идеализировал. Его мечта о Дэйзи и их возможном будущем становится для него одновременно источником надежды и причиной глубокого разочарования.

Дейзи Бьюкенен – персонаж, чей внутренний мир полон противоречий. Она кажется хрупкой и нежной, но на самом деле эгоистична и безразлична к чувствам других. После смерти Гэтсби Дейзи не проявляет никаких эмоций: *They were careless people, Tom and Daisy – they smashed up things and creatures and then retreated back into their money or their vast carelessness* [2, с. 191]. Дейзи не может признаться Тому, что никогда его не любила. Тем не менее, она не готова отказаться от комфорта и стабильности, которые ей дает брак с Томом, даже ради любви к Гэтсби. Ее слова показывают, что она живет настоящим моментом и не хочет брать на себя ответственность за прошлое или будущее. Это подчеркивает ее эгоизм и неспособность к глубоким, искренним чувствам.

В романе Ф. С. Фицджеральда «Ночь нежна» психологизм проявляется еще более явно. Дик Дайвер, будучи психиатром, сам становится объектом психологического анализа. Его внутренний конфликт между желанием помочь Николь и постепенной потерей собственной идентичности показан через мысли, диалоги и поступки героя. Собственный внутренний мир Дика оказывается довольно сложным и противоречивым. Дик постепенно теряет себя, погружаясь в мир иллюзий и алкоголя.

Алкоголизм и саморазрушение становятся факторами, которые ведут Дика к внутреннему краху. Постепенно он теряет контроль над своей жизнью, погружаясь в пучину жалости к самому себе *He was so terribly sorry for himself that he could hardly contain the sweet pleasure of his pity* [3, с. 312]. Эта фраза показывает, как Дик начинает находить странное, почти болезненное удовольствие в собственных страданиях. Его алкоголизм становится не просто способом убежать от реальности, но и символом его внутреннего упадка. Это состояние саморазрушения подчеркивает трагедию человека, который не смог найти баланс между своими мечтами и реальностью.

Дик жертвует собой ради Николь, но это приводит к его внутреннему краху. Он размышляет: *I can't do anything for you any more. I'm trying to save myself* [3, с. 455]. Дик постепенно теряет себя, пытаясь спасти Николь и поддерживать их отношения. Его жертвенность, которая изначально казалась благородной, оборачивается для него разрушительной силой. Он понимает, что больше не может быть опорой для Николь, т. к. сам находится на грани эмоционального и физического истощения.

Дик теряет связь с тем, кем он был раньше: *He had lost himself – he could not tell the hour when, or the day, or the week, or the month. He tried to think of Rosemary, but he could not remember her face. He tried to think of Nicole, but she was far away, too. He was alone* [3, с. 321]. Этот отрывок подчеркивает его одиночество и потерю себя. Дик теперь не может даже вспомнить лица тех, кто был ему дорог. Его попытки вернуться к прошлому оказываются

тщетными. Он чувствует себя отрезанным от мира, потерянным во времени и пространстве. Это состояние одиночества становится высшей точкой его внутреннего упадка, когда он осознает, что больше не может быть тем человеком, которым был раньше.

Николь зависит от Дика, но постепенно обретает независимость. Ее слова раскрывают разочарование в нем: *You're a coward! You've made a failure of your life, and you want to blame it on me* [3, с. 324]. Эта фраза становится кульминацией их сложных отношений, где Николь, которая когда-то полностью полагалась на Дика, теперь видит его слабости и неспособность справиться с собственными проблемами. Ее обвинение показывает, что она больше не готова быть его «пациенткой» или нести ответственность за его неудачи.

Психологизм в романах «Великий Гэтсби» и «Ночь нежна» является важным методом Ф. С. Фицджеральда, позволяющим раскрыть сложность человеческой природы. Через внутренние монологи, диалоги, описания эмоций и поступков автор показывает, как его герои борются с иллюзиями, одиночеством и потерей себя. Эти произведения остаются актуальными и сегодня, напоминая читателям о том, как важно понимать себя и свои мотивы, чтобы не потеряться в мире противоречий и иллюзий.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Есин, А. Б. Психологизм русской классической литературы: книга для учителя / А. Б. Есин. – М.: Просвещение, 1988. – 174 с.
2. Fitzgerald, F. S. The Great Gatsby / F. S. Fitzgerald. – URL: <https://dracarys983.github.io/library/to-read/The-Great-Gatsby.pdf> (дата обращения:: 10.03.2025).
3. Fitzgerald, F. S. Tender Is The Night / F. S. Fitzgerald. – URL: https://s3.amazonaws.com/scschoolfiles/112/tender_is_the_night.pdf (дата обращения:: 10.03.2025).

[К содержанию](#)

А. Е. САШКО

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Н. Н. Столлярчук

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ОБРАЗЫ В РОМАНЕ Н. ГЕЙМАНА «НИКОГДЕ»

Роман британского писателя Нила Геймана «Никогде» представляет собой яркий образец современного произведения жанра фэнтези, в котором пространственные образы играют ключевую роль в создании художественного мира и выражении авторской концепции. Творчество Н. Геймана привлекает внимание исследователей глубиной философского содержания и оригинальностью художественных решений.

Данная статья посвящена анализу пространственных образов в романе «Никогде». Методологической основой исследования послужили взгляды М. М. Бахтина, который рассматривает пространство в литературе «не только как фон для действия, но и как активный элемент, влияющий на развитие сюжета и характеры персонажей» [1]. В романе «Никогде» пространственные образы приобретают символическое значение и становятся важнейшим элементом художественной структуры произведения.

Центральными пространственными образами в романе являются два противоположных мира: Верхнего Лондона и Нижнего Лондона. Верхний Лондон представляет собой обыденный мир, населенный обычными людьми, живущими привычной жизнью и не подозревающими о существовании параллельной реальности [2]. Нижний Лондон, напротив, является тайным миром, скрытым под улицами и зданиями мегаполиса, населенным странными существами и живущим по своим законам [2].

Эта пространственная дилемма не только структурирует художественное полотно романа, но и выполняет важную символическую функцию. Нижний Лондон можно интерпретировать как воплощение внутреннего мира человека, его скрытых страхов, надежд и мечтаний [2]. Таким образом, путешествие главного героя Ричарда из Верхнего Лондона в Нижний Лондон и обратно символизирует процесс самопознания и личностного роста. Лабиринт подземных туннелей и каналов Нижнего Лондона символизирует жизненный путь, полный препятствий и выбора [2]. Преодоление лабиринта героями романа, такими как Ричард Мэйхью и Дверь, символизирует процесс преодоления внутренних страхов и обретения новых знаний и опыта.

Особую роль в пространственной организации романа играет образ «Моста Ангелов», который выполняет функцию границы между Верхним и Нижним Лондоном. Мост символизирует переход от одного состояния к другому, от обыденности к приключениям, от неведения к знанию. Пересечение моста героями романа означает окончательное погружение в мир Нижнего Лондона и принятие его правил.

Важным элементом пространственной организации романа является мотив бегства от реальности, который реализуется через путешествие главного героя Ричарда Мэйхью из обыденного мира Верхнего Лондона в фантастический мир Нижнего Лондона. Этот мотив парадоксальным образом сочетается с противоположным стремлением героя вернуться домой, в привычный мир Верхнего Лондона: *<...> he thought about London Above, and a world in which no one fought like this – no one needed to fight like this – a world of safety and of sanity and, for a moment, the homesickness engulfed him like a fever* [3].

Однако в процессе развития сюжета происходит переоценка ценностей, и в finale романа герой осознает, что его истинный дом – это фантастический мир Нижнего Лондона: *I thought I wanted this*”, said Richard. “*I thought I wanted a nice, normal life. I mean, maybe I am crazy. I mean, maybe. But if this is all there is, then I don't want to be sane. You know?* [3]. Этот внутренний конфликт и его разрешение подчеркивают важность пространственных образов в раскрытии идейного содержания романа.

В пространственной организации романа важное место занимает оппозиция света и тьмы, которая символически связана с противопоставлением Верхнего и Нижнего Лондона. Хронотоп Верхнего Лондона характеризуется освещением, шумом, многолюдностью и другими атрибутами урбанистического пространства. Нижний Лондон, напротив, связан с образами тьмы, тишины, заброшенности: *And then they set foot on Night's Bridge and Richard began to understand darkness: darkness as something solid and real, so much more than a simple absence of light. He felt it touch his skin, questing, moving, exploring: gliding through his mind. It slipped into his lungs, behind his eyes, into his mouth...* [3]. Это противопоставление усиливает эмоциональное напряжение повествования и подчеркивает контраст между двумя мирами, что является важным элементом в создании атмосферы произведения и развитии сюжета.

Анализ пространственной организации романа Нила Геймана «Никогда» позволяет сделать вывод о том, что пространственные образы в произведении выполняют важную художественную функцию, являясь не только фоном для развития сюжета, но и активным элементом, влияющим на понимание характеров персонажей и выражающим идейное содержание произведения. Двойственность художественного пространства, символическое значение пространственных образов, мотив бегства от реальности и оппозиция света и тьмы создают многомерную художественную реальность, которая отражает сложность и противоречивость современного мира. Н. Гейман мастерски использует пространственные образы для раскрытия характеров персонажей и передачи глубоких философских идей, делая роман «Никогда» не только увлекательным произведением жанра городского фэнтези, но и серьезным размышлением о природе человеческой личности и ее месте в современном мире.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин, М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике / М. М. Бахтин. – URL: https://psv4.userapi.com/s/v1/d/ThZSau0EGmuU3cj3kLCdyrcGOpMZBYIU4xED9J9ituMKQG4KSxZDy-MLTMQtr4Mfq10Nw1iHN36r_hdeDScxFIkGXutBteBx503aoN_Cfspg4gx8RdUVuw/bakhtin_formy_vremeni_i_khronotopa_v_romane.pdf (дата обращения: 24.02.2025).

2. Гейман, Н. Никогда / Н. Гейман. – URL: https://psv4.userapi.com/s/v1/d/l9lvrAmoV4oSgFw3aPKPVCSI5Vw9MsvLNiy1Qx_o8ko8wIPSEMC-8QJTP7wjZdhYzTOtsEPXePLOyO5mxvj74iJD1T0tSNlux9rkvkkKLefqnNoEIalMIA/Nikogde.pdf (дата обращения: 26.02.2025).

3. Gaiman, N. Neverwhere / N. Gaiman. – URL: https://psv4.userapi.com/s/v1/d/emXhE0W8mIP_TU_Sq5iIXeI37kBDvXw0dhhUx0-8i6o-k6tjFwqgPcjFo8UD8qRoxCLsPPhswd93XL9E3vcrqUszBl2Cfk1mRsdWnX2UNUMpov-FUTc3aQ/Neverwhere.pdf (date of access: 28.02.2025).

[К содержанию](#)

А. И. ТОКУН

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – М. В. Романюк

ОБРАЗ КАРДИНАЛА ТОМАСА УОЛСИ В РОМАНЕ Х. МАНТЕЛ «ВУЛФХОЛЛ»

Исторический роман Хилари Мантел «Вулфхолл» (2009), открывающий знаменитую трилогию о Томасе Кромвеле, предлагает принципиально новый взгляд на эпоху Генриха VIII. Особого внимания заслуживает трактовка образа кардинала Томаса Уолси – одной из самых противоречивых фигур английской истории. Мантел сознательно отходит от традиционного изображения Вулси как властолюбивого и алчного прелата, создавая сложный, психологически достоверный образ, который становится ключом к пониманию всей нарративной структуры романа [1].

В начале повествования Вулси предстает как могущественный лорд-канцлер, *alter rex* ('второй король') Англии, чья власть кажется незыблемой. Однако уже на этом этапе можно заметить признаки надвигающегося кризиса: неудачу в деле аннулирования брака Генриха VIII с Екатериной Арагонской, растущее влияние фракции Болейн, недовольство дворянства. Х. Мантел мастерски передает атмосферу двора, где даже самый могущественный министр зависит от королевской милости.

Особую глубину образу Вулси придают его отношения с Томасом Кромвелем, которые выходят далеко за рамки обычных служебных связей. Вулси становится для Кромвеля не только покровителем, но и духовным наставником, почти отцовской фигурой. Эта линия отношений раскрывает неожиданные грани характера Вулси – его способность к искренней привязанности, педагогический дар, человеческая уязвимость.

Психологический портрет Вулси у Х. Мантел резко контрастирует с его традиционными изображениями в историографии и литературе – от «Генриха VIII» У. Шекспира до современных биографий. Если в большинстве источников он предстает как воплощение гордыни и алчности (вспоминая его прозвище «сын мясника»), то Х. Мантел показывает

сложную, противоречивую личность. Ее Вулси – блестящий администратор, «лучший управленец, которого когда-либо имела Англия», но при этом человек, глубоко осознающий бренность земной власти.

Образ Вулси выражает в романе несколько символических значений. Он олицетворяет собой уходящую средневековую Англию с ее идеалом служения и церковной иерархией. Его падение предвещает грядущий разрыв с Римом и Реформацию. Через судьбу кардинала Х. Мантел исследует природу власти – как абсолютная монархия уничтожает даже самых преданных слуг. Особенno показательна сцена, где Вулси, уже лишенный должностей, говорит Кромвелю: *The king's favor is like morning dew – it sparkles at dawn but evaporates by noon* [2].

Падение Вулси становится поворотным моментом не только для английской истории, но и для формирования личности главного героя. В качестве наставника и покровителя он буквально создает Кромвеля-политика, передавая ему знания о механизмах власти. В романе многократно подчеркивается, как Кромвель перенимает административные методы Вулси. После позорного падения и смерти Вулси Кромвель клянется восстановить справедливость. Эта клятва становится скрытым двигателем его последующих действий при дворе.

Вулси используется Х. Мантел как «зеркало», отражающее сущность других ключевых фигур. Он pragmatik в противовес идеалисту Томасу Мору. Его конфликт с Анной Болейн демонстрирует разницу между институтами власти и личным влиянием. Отношения кардинала с Генрихом VIII – трагедия слишком могущественного слуги

История Вулси становится наглядной иллюстрацией тезиса о том, что власть – это иллюзия. Его стремительное падение с вершины могущества демонстрирует шаткость положения даже самого влиятельного политика и слуги народа. Трагедия кардинала заключается еще и в том, что он оказался «слишком средневековым» для новой эпохи Реформации.

Таким образом, образ Вулси в «Вулфхолле» – это психологически сложный исторический портрет, обладающий комплексным символическим смыслом. Описывая судьбу кардинала, Х. Мантел исследует механизмы власти, природу исторических перемен, проблему нравственного выбора в эпоху радикальных преобразований.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Mantel, H. Wolf Hall / H. Mantel. – London : 4th ESTATE, 2019. – 654 p. – (The Wolf Hall Trilogy).
2. Mantel, H. The Art of Fiction : interviewed by M. Simpson // *The Paris Review*. – 2015, N. 226. – URL <https://www.theparisreview.org/interviews/6360/hilary-mantel-the-art-of-fiction-no-226-hilary-mantel> (date of access: 03.03.2025).

[К содержанию](#)

А. Н. ЧАБАН

Брест, БГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – М. В. Романюк

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ В РОМАНЕ Д. СЕТТЕРФИЛД «ПОКА ТЕЧЕТ РЕКА»

Образ в литературе – это художественное воплощение явлений, персонажей, событий или идей через слово, созданное с помощью авторского воображения. Литературные образы не просто воспроизводят реальность, но и обогащают ее, передавая эмоции, мысли и оценки автора. Они могут быть конкретными (например, персонажи, пейзажи) или абстрактными (символы, аллегории). Литературный образ – это чувственно-словесная конструкция, которая позволяет читателю воспринимать и интерпретировать мир произведения через призму авторского замысла [1].

В романе Дианы Сеттерфилд «Пока течет река» одним из центральных мифологических образов выступает река, которая функционирует не только как физическое место действия, но и символизирует переход между различными мирами, преодолевая пропасть между обыденным и фантастическим.

Персонажи романа придерживаются убеждения, что река обладает некой формой жизненности, воспринимая ее как живое существо. Они считают, что в ее водах присутствует дух, наделяющий реку особым смыслом и значением. Это представление о реке как о носителе духовной сущности подчеркивает их глубокую связь с природой и отражает их культурные и мифологические представления о мире, в котором окружающая среда насыщена жизнью и духами, что, в свою очередь, влияет на их восприятие реальности и взаимодействие с ней.

Одним из ярких примеров мифологического образа в романе Дианы Сеттерфилд «Пока течет река» является паромщик Молчун. Он занимает промежуточное положение, находясь между мирами, и его задача заключается в переправе душ умерших в иной мир. Молчун воплощает архетип психопомпа – фигуры, которая сопровождает души в загробный мир. Этот мотив встречается в мифологиях разных культур: например, Харон в древнегреческой мифологии перевозит души через реку Стикс, а в кельтском фольклоре подобную роль выполняют лодочники или перевозчики.

Молчун появляется, когда человек оказывается в беде на воде: *He appeared when you were in trouble on the water* [2, с. 32]. Его мастерское владение шестом и способность управлять лодкой с помощью

«потусторонней силы» подчеркивают его связь с миром сверхъестественного. Однако его роль не ограничивается простым перевозом. Молчун обладает двойственной природой: он одновременно спаситель и посланник смерти. Если человеку везет, он доставляет его на берег, чтобы тот мог продолжить жить: “*guided you safely to the bank so you would live another day*” [2, с. 32]. Тем, кому не повезло, он указывает путь в «другой мир», откуда нет возврата: *those poor souls did not return to the Swan to lift their pint of ale and tell of their encounter* [2, с. 32]. Эта двойственность делает Молчуна фигурой, которая символизирует не только переход между мирами, но и непостижимость судьбы.

Река Темза в романе становится символом границы между мирами, а Молчун – ее хранителем. Его лодка движется по водам с такой легкостью, что кажется, будто ее ведет невидимая сила. Это подчеркивает его связь с рекой как с живой, одушевленной сущностью. Молчун не просто перевозчик, он часть реки, ее дух. Его молчаливость и загадочность усиливают ощущение, что он является воплощением самой реки, ее таинственной и могущественной природы.

Сравнительный анализ с другими литературными произведениями, такими как «Божественная комедия» Данте или «Орфей и Эвридики», позволяет глубже понять уникальность образа Молчуна. Например, в отличие от Данте, где проводник Вергилий ведет героя через четко структурированные круги ада, Молчун действует в более амбивалентном пространстве, где границы между мирами размыты. Это отражает современное восприятие смерти как процесса, а не конечной точки. Молчун взаимодействует только с душами, погибшими в Темзе. Более того, ему делегированы функции, схожие с божественными: он решает, кого вернуть к жизни, а кого переправить на “back side of the river”.

Таким образом, паромщик Молчун – это сложный персонаж, который сочетает в себе черты мифологического проводника и современного интерпретатора темы смерти. Его образ подчеркивает связь между миром живых и миром мертвых, а также символизирует неизбежность перехода, который каждый человек должен совершить.

Девочка, которую находят в реке, сначала кажется мертвой, но затем необъяснимым образом возвращается к жизни. Это событие нарушает привычные законы природы и науки, ставя перед героями и читателями вопрос: как такое возможно? Ее «воскрешение» становится чудом, которое невозможно объяснить рационально. Это чудо становится отправной точкой для размышлений о том, что в мире существуют силы и явления, выходящие за пределы человеческого понимания.

Появление девочки становится испытанием для веры героев. Для одних она окажется символом надежды, подтверждением того, что даже в самых

страшных ситуациях возможно чудо. Для других она – вызов их рациональному мировоззрению, заставляющий их пересмотреть свои убеждения.

Девочка не говорит, и это делает ее загадочной. Ее молчание становится метафорой непостижимости жизни и смерти, а также тех тайн, которые лежат за пределами человеческого понимания. По этой причине каждый из героев начинает проецировать на нее свои собственные надежды, страхи и желания. Она становится «чистым холстом», на котором каждый видит то, что хочет увидеть. Для одних она – потерянный ребенок, для других – знак свыше, для третьих – шанс на искупление прошлых ошибок. Медсестра Рита, которая из-за страха перед родами так и не решилась завести собственных детей, вдруг задумалась о том, чтобы взять девочку к себе: *An idea came floating towards her in the dark. If she doesn't belong to this man. If nobody wants her. She could be mine...* [2, с. 39]. Миссис Воган в свою очередь заново обрела смысл жизни: *Helena's eyes were drawn constantly to the child, and every word she spoke, whatever the subject, came out of a smiling mouth, for it seemed the mere sight of the girl was enough to make her happy* [2, с. 136].

В мифологии и фольклоре молчание часто ассоциируется с тайной, магией или связью с потусторонним миром. Девочка, которая не говорит, может быть интерпретирована как дух или посланник из другого мира, чье молчание – это знак ее иной природы. Это является одним из ключевых элементов ее образа, добавляя ему мистичности и глубины. Она становится символом тайны, невысказанности и связи с чем-то запредельным, что выходит за рамки обыденного понимания.

В конце романа девочку видели на пароме Молчуна, она помогала выполнять его работу, а затем и вовсе сама в силах была справиться с ней: *"For a time these reports were of a man and a child together in the punt. With the years the child grew until she did the punting herself, and then came the time – nobody can remember when exactly – when it was no longer the two of them, but she alone"* [2, р. 337].

Таким образом, роман Дианы Сеттерфилд «Пока течет река» демонстрирует глубокую связь между мифологическими традициями и современным повествованием, где река Темза становится символом перехода между мирами, а ее обитатели – проводниками между жизнью и смертью. Через образы реки, девочки и паромщика Молчуна исследуются темы духовной связи человека с природой, принятия неизбежности смерти и важности сохранения мифологического сознания в условиях быстро меняющегося мира. Роман подчеркивает, что даже в эпоху рациональности и прогресса человек продолжает искать смысл в иррациональном, стремясь осмысливать свою связь с высшими силами и окружающим миром.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хализев, В. Е. Теория литературы : учебник для вузов / В. Е. Хализев – М., 1999. –400 с.
2. Setterfield, D. Once upon a river. / D. Setterfield. – London : The Penguin Random House, 2018. – 352 р.

[К содержанию](#)

К. С. ЧИРИК

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – С. Н. Дягель

НЕМЕЦКИЙ ЭМИГРАНТСКИЙ РОМАН: ИСТОРИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

Истоки эмигрантского романа как жанра литературы сформировались еще в XIX в., но настоящую массовость он приобрел в XX в. Причинами данной массовости стали культурные, исторические, политические и социальные изменения: мировые войны, революции, экономическая нестабильность, смена власти и режимов. Эмиграция затронула не только простое население, но и культурный слой (ученые, деятели искусства, писатели). Немецкая эмиграция XX в. оказала огромное влияние на литературу и сформировала впоследствии отдельное направление «литературы в изгнании» (*Exilliteratur, Literatur in Exil*). Ведущим жанром литературы в изгнании стал эмигрантский роман, который отражал весь пережитый опыт, эмоции и лишения эмигрантов.

Самые массовые волны немецкой эмиграции приходятся на следующие периоды:

1. Нахождение у власти национал-социалистов (1933–1945).
2. Эмиграция в период существования ГДР (1949–1990).

Эмигрантский роман каждого из этих периодов имеет свою специфику, обусловленную историческим контекстом.

Смена власти в Германии в 1933 г. привела к культурному упадку в стране. Вводилась цензура в прессе, кино, началось преследование писателей за иные взгляды или же расовую принадлежность. Массовая эмиграция деятелей культуры во время власти национал-социалистов привела к необратимым последствиям для немецкой литературы, т. к. «установление в Германии фашистской диктатуры привело к беспрецедентному в истории факту эмиграции не просто отдельных писателей, но едва ли не целой литературы. За некоторыми исключениями

Германию покинули все широко известные за ее пределами писатели, объединенные неприятием фашизма как идеологии и политической системы. Около тысячи немецких литераторов были вынуждены искать пристанища за рубежом, среди них – десятки художников слова с мировым именем» [1, с. 426]. Событием, которое стало отправной точкой для эмиграции писателей в этот период, стало сожжение книг, противоречивших политике того времени 10 мая 1933 г. Среди авторов, книги которых сжигались, были Т. Манн, Э. М. Ремарк, Г. Манн, З. Фрейд, К. Маркс и другие известные авторы. Данный список насчитывает 313 человек. Общее количество эмигрировавшего населения в период с 1933 по 1944 г. насчитывает около 500 тыс. человек, из которых свыше пяти тысяч человек – это ученые, деятели искусства, писатели и мн. др.

В истории немецкой эмигрантской литературы первой волны выделяют два этапа: «первый из них, более спокойный по своим внешним условиям, приходится на 1933–1938 гг. Второй последовал после «канцлюса» Австрии, захвата гитлеровцами Чехословакии, разбойниччьего нападения на Польшу, «странной войны» во Франции и длился вплоть до окончания Второй мировой войны, а для многих писателей и несколько дольше – вплоть до их возвращения на родину» [1, с. 427]. Во время первой волны большинство писателей эмигрировало в близлежащие страны, к примеру, Францию, Чехословакию, Англию, Швейцарию, Голландию и СССР, т. к. надеялись, что режим в стране скоро рухнет и у них появится возможность вернуться на родину, а также это было хорошей возможностью выпускать свои произведения на родном языке. Амстердам стал центром литературной борьбы с фашизмом. Большую роль в развитии литературы в изгнании сыграли два издательства в Амстердаме – «Кверидо» и «Аллерт де Ланге». На долю Голландии пришлась значительная часть всей художественной продукции литературы антифашистской эмиграции [1, с. 433]. В указанных выше издательствах публиковались Э. М. Ремарк, А. Деблин, Б. Франк, Л. Франк, Л. Фейхтвангер, А. Зегерс и многие другие представители немецкой литературы. Однако после событий в 1938–40-х гг. многие из стран, предлагавших укрытие, попали под влияние Германии. Так началась вторая волна эмиграции. Писатели, спасаясь от фашизма, кочевали из города в город, из страны в страну. Вся трагедия данного периода представлена в романе А. Зегерс «Транзит», где она на своем опыте описала с какими рисками и опасностями встречается эмигрант. Во время второй волны основными направлениями эмиграции были США и СССР. Тут писатели могли продолжать активную антифашистскую деятельность и выпускать книги на родном языке. Так, например, журнал «Интернациональная литература» в Москве с 1939 начал издаваться и в немецких вариантах, где в свое время были напечатаны Л. Фейхтвангер

(«Изгнание»), А. Зегерс («Седьмой крест»), а также Г. Манн («Зрелые годы Генриха IV»).

Особенностью эмигрантской литературы во время национал-социалистов была ориентация на темы потери родины, идентичности и сопротивления фашизму. Многое в произведениях этого периода рассматривалось через призму прошлого или было основано на личном опыте писателей-эмигрантов. Одним из главных произведений немецкой эмигрантской литературы стал роман Т. Манна «Доктор Фаустус», где автор проецирует судьбу главного персонажа Лаверкюна на всю Германию, исследуя при этом природу добра и зла. Важный вклад в немецкую литературу эмиграции внес Э. М. Ремарк, создавший цикл известных романов об эмиграции. Среди них были «Триумфальная арка», «Ночь в Лиссабоне», «Возлюби ближнего своего», «Время жить и время умирать», которые стали символами трагедии эмиграции и борьбы за свободу.

Последствия эмиграции по-разному отразились на писателях-эмигрантах. Некоторые из них страдали от депрессии (Г. Манн), заканчивали жизнь самоубийством (Э. Вэйс, Э. Толлер) или же умирали от болезней и голода (Ф. Верфель, Й. Рот), другие же за рубежом получали признание и славу (Т. Манн, Л. Фейхтвангер).

Следующей значимой волной эмиграции, которая оставила отпечаток в истории немецкой литературы, стала эмиграция в период существования ГДР. Литература в ГДР была инструментом для достижения политических целей, пропаганды идеологии и прививания социалистических ценностей. Полной творческой свободы в ГДР не было, что и привело к эмиграции культурного слоя населения. В отличие от периода нацистского режима, эмиграция в ГДР имела одну особенность – это была эмиграция из одной части Германии в другую, поэтому писатели-эмигранты не испытывали особых трудностей с поиском новой аудитории. Эта волна эмиграции также делится на два этапа:

1. До возведения Берлинской стены (1949–1961).
2. После выдворения из страны В. Бирмана (1976).

В самом начале существования ГДР особых ограничений в передвижении через границу не было, что привело к эмиграции в Западную Германию более двух миллионов человек в связи с непринятием проводимой политики в стране, экономическими проблемами и послевоенной разрухой. Довольно популярным произведением этого времени стал роман-миф А. Деблина «Гамлет, или долгая ночь подходит к концу», где описывается Вторая мировая война, ее причины и поиск себя в послевоенном пространстве. Известным писателем-эмигрантом стал У. Йонсон («Догадки насчет Якова»), у которого «соседство двух противоположных друг другу государств, культур, мировоззрений,

неизбежная проблема выбора стали темами его произведений» [2]. В результате первой волны эмиграции возводится Берлинская стена между ФРГ и ГДР, ситуация ухудшается из-за жестокого контроля на границе со стороны государства. Теперь легальный выезд практически невозможен, а нелегальный может повлечь за собой опасные последствия. Даже в таких условиях свобода творчества становится стимулом покинуть ГДР, однако лишь немногие, несмотря на риск, пытались бежать из страны через стены, туннели или же другие социалистические страны. Вторая волна эмиграции в условиях ГДР была связана с выдворением из страны В. Бирмана, чьи песни и стихотворения с политическим подтекстом уже успели стать народными, цитировались и передавались из уст в уста. В результате многие авторы выразили протест (Ульрих Пленцдорф, Гюнтер де Брайн и др., всего 150 человек). За этим событием последовала целая волна эмиграции в ФРГ: ГДР покинули Райнер Кунце и Томас Браш. Саре Кирш дали понять, что она должна освободить занимаемую ей берлинскую квартиру. Десятки авторов находят новое место жительства в Западном Берлине [3]. Эмиграция из ГДР была сложным и трагическим выбором, но также и хорошей возможностью для свободы творчества и самовыражения.

После депортации В. Бирман продолжал свои выступления, но уже в Западной Германии, а писателей, эмигрировавших вслед за ним, ждала разная судьба. Одни быстро обосновались на чужбине и не имели проблем с аудиторией (Г. Кунерт), другие же испытывали творческий кризис, проблемы с потерей читательской аудитории, но впоследствии через некоторое время все равно получили признание (С. Кирш, Р. Кунце). Писатели первой и второй волны эмиграции критиковали различные аспекты политической и социалистической жизни своей бывшей страны. В основном критика касалась политических репрессий в адрес инакомыслящих и идеологической пропаганды, а также частым явлением была критика разделения между двумя частями Германии и цензуры, которая в свою очередь ограничивала свободу творчества писателей.

Эмигрантский роман – это уникальный культурный и литературный феномен, появившийся в немецкой литературе в условиях глобальных исторических потрясений XX в. Произведения писателей-эмигрантов изучаются как отдельное направление современной немецкой литературы, поскольку они не только являются историческим документом и отражают личную пережитую трагедию, но и становятся мостом между культурами, сохраняя память о потерявшей родине и осмысливая потерю идентичности в эмиграции.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. История немецкой литературы: в 5 т. / под. общ. ред. Н. И. Балашова [и др.], Б.И. Пуришев. – М. : Наука, 1976.– Т.5 : 1918–1945 гг. – 696 с.

2. Романова, Ж. И. Трансформация библейского сюжета в рассказе Уве Йонсона «Например, Йона» («Jonas zum Beispiel») / Ж. И. Романова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 12 (2) : в 3 ч. Ч. II. С. 144–146. – URL: <http://www.gramota.net/materials/2/2014/12-2/37.html> (дата обращения: 22.03.2025).

3. Савина, В. В. О восприятии литературы ГДР в Федеративной Республике Германии в 50–80 годы XX века / В. В. Савина, Г. А. Сенина // Международный научно-исследовательский журнал. – 2019. – №7 (85). Ч. 2. – С. 56–59). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-vospriyatii-literatury-gdr-v-federativnoy-respublike-germaniiv-50-80-gody-xx-veka> (дата обращения: 16.03.2025).

[К содержанию](#)

П. Ю. ШЕРЕМЕТА

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Н. Н. Столярчук

ОСОБЕННОСТИ ПОЭТИКИ СКАЗКИ ДЖ. ТЁРБЕРА «13 ЧАСОВ»

Сказка Джеймса Тёрбера «13 часов» представляет собой яркий пример литературного произведения, балансирующего на грани между детской и взрослой литературой. Несмотря на наличие традиционных сказочных мотивов (злой герцог, прекрасная принцесса, храбрый принц, волшебные предметы), Дж. Тёрбер использует ряд художественных приемов, которые придают произведению иронический и пародийный характер, делая его интересным для читателей всех возрастов. Цель данной статьи – рассмотреть особенности поэтики сказки «13 часов», выявить и проанализировать приемы, используемые автором для создания уникального художественного мира.

Дж. Тёрбер активно использует прием иронии, подрывая традиционные каноны построения сказки. Злой герцог Холодный не просто жесток, он одержим маниакальной страстью к убийству времени и замораживанию всего вокруг. Его образ гротескный и абсурдный, что вызывает не столько страх, сколько смех. Принцесса Саралинда, хоть и прекрасна, но не является пассивной жертвой. Она обладает острым умом и саркастическим чувством юмора. Принц Зорн, маскирующийся под менестреля Голькуса, не идеализированный герой, а скорее неуклюжий и часто попадающий в нелепые ситуации персонаж.

Дж. Тёрбер пародирует и сюжетный ход сказки. Задача принца – заставить остановившиеся часы замка снова идти – превращается в абсурдную гонку со временем, наполненную нелогичными препятствиями и неожиданными поворотами. Например, помочь принцу оказывает странный персонаж Голькус, который выдает себя за менестреля, но его песни и речи полны каламбуров и бессмыслиц.

Мир сказки «13 часов» пронизан абсурдом. Замороженные часы, которые не идут, но и не стоят на месте, являются центральным символом этого абсурда. Логика в произведении часто нарушается, события развиваются непредсказуемо, а персонажи действуют вопреки здравому смыслу. Например, Герцог боится «Тудла», несуществующего чудовища, описание которого меняется от персонажа к персонажу. Этот страх перед неизвестным и необъяснимым подчеркивает иррациональность мира сказки. Также разговоры персонажей часто лишены логики и наполнены игрой слов, которая создает комический эффект и подчеркивает абсурдность происходящего. Примеры включают диалоги Зорна (под видом Голькуса) с Герцогом и песни настоящего Голькуса.

Дж. Тёрбер мастерски использует игру слов, каламбуры, рифмованные фразы и аллитерации. Имена персонажей часто говорящие (Hagga – ведьма, Golux – сочетание слов “gold” и “flux”, намекающее на непостоянство и обманчивость). Диалоги персонажей наполнены остроумными репликами и словесными перепалками. Этот языковой фейерверк создает особую атмосферу сказки, делая ее не только увлекательной, но и эстетически привлекательной. Примеры включают в себя постоянные рифмованные проклятия Герцога и песни Голькуса, полные бессмыслиц, но звучных слов.

Интертекстуальность в сказке «13 часов» проявляется многогранно, создавая сложную сеть отсылок и аллюзий, обогащающих повествование и придающих ему дополнительную глубину. Дж. Тёрбер активно использует элементы классических сказок и баллад: мотив заточения прекрасной принцессы в замке, охраняемом злым персонажем (аналогия с Синей Бородой и другими сказками о похищенных невестах); поиски волшебных предметов (драгоценностей), напоминающие о многочисленных квестах в фольклоре; образ благородного принца, спасающего принцессу, и наличие волшебного помощника (Голькуса). Однако Дж. Тёрбер не просто копирует эти элементы, а переосмысливает их в ироническом и пародийном ключе. Он деконструирует сказочные клише, выворачивая их наизнанку и наполняя абсурдом. Например, традиционный образ «спящей красавицы» трансформируется в образ Саралинды, которая вовсе не спит, а находится в заточении, сохраняя острый ум и саркастическое чувство юмора. Кроме того, Дж. Тёрбер использует архаичную лексику и стилизацию под старинные тексты, что создает эффект «сказки о сказке», метатекста, который одновременно и рассказывает историю, и рефлексирует над самим жанром сказки. Это создает эффект диалога с традицией, когда знакомые мотивы предстают в новом, неожиданном свете, заставляя читателя переосмыслить привычные сказочные представления. Таким образом, интертекстуальность в «13 часах» служит не только для создания узнаваемого сказочного антуража, но и для иронического переосмысления

этого антуража, создания многослойного текста, обращенного как к детям, так и к взрослым, знакомым с литературной традицией.

Элементы постмодернизма в сказке «13 часов» проявляются в нескольких ключевых аспектах, делая произведение Дж. Тёрбера ярким примером этого литературного направления в контексте детской литературы. Прежде всего, это игра с жанровыми канонами. Дж. Тёрбер, беря за основу структуру волшебной сказки, намеренно искажает и подрывает ее устоявшиеся элементы. Он пародирует классические сказочные мотивы, создавая ироничный и абсурдный мир, где ожидания читателя постоянно обманывают. Ирония и пародия пронизывают все повествование, от образов персонажей до сюжетных поворотов. Злой Герцог – не столько страшный злодей, сколько карикатурный тиран, одержимый абсурдными идеями. Принц Зорн – не идеализированный герой, а неуклюжий и часто попадающий в нелепые ситуации персонаж. Эта деконструкция традиционных образов характерна для постмодернистского подхода.

Интертекстуальность, о которой говорилось ранее, также является важным элементом постмодернизма, создающим многослойность текста и вовлекающим читателя в диалог с культурным наследием. Разрушение границ между высоким и низким, между детской и взрослой литературой, также показательно. Сказка, с одной стороны, использует простой язык и сказочный сюжет, доступный детям, а с другой – содержит сложные аллюзии, игру слов и философские подтексты, рассчитанные на взрослого читателя. Этот синтез «простого» и «сложного» создает эффект многоуровневости, характерный для постмодернистской эстетики.

Наконец, фрагментарность повествования и отсутствие однозначной морали (сказка не дает простых ответов и не учит «правильному» поведению, оставляя место для различных интерпретаций) также сближают «13 часов» с постмодернистской литературой. Таким образом, Дж. Тёрбер, экспериментируя с формой и содержанием сказки, предвосхищает многие черты постмодернизма, создавая произведение, которое выходит за рамки традиционной детской литературы и обращается к широкому кругу читателей.

Исходя из этого, можно сделать вывод, что сказка Джеймса Тёрбера «13 часов» – это уникальное произведение, которое выходит за рамки традиционной детской литературы. Благодаря использованию иронии, абсурда, игры слов, пародии и интертекстуальности, Дж. Тёрбер создает оригинальный художественный мир, который очаровывает и увлекает читателей всех возрастов. Поэтика сказки отражает авторское стремление к эксперименту и переосмыслению жанровых канонов, что делает сказку «13 часов» значимым явлением в истории литературы XX века.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тёрбер, Дж. 13 часов / Дж. Тёрбер; пер. с. англ. Н. Брагина. – М. : Союз писателей, 2023. – 37 с.

[К содержанию](#)

Е. Ю. ШПАК

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Н. Н. Столлярчук

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ В РОМАНЕ Т. ПРАТЧЕТТА «ЦВЕТ ВОЛШЕБСТВА»

На современном этапе интертекстуальность стала неотъемлемым элементом текстов различных функциональных стилей, однако наибольший интерес представляет собой изучение данного явления в произведениях художественной литературы. Понимание большинства современных литературных произведений невозможно без учета интертекстуальных связей, порождающих определенные ассоциации в сознании реципиента. Для этого необходим тщательный анализ интертекстуальных включений, который позволит верно интерпретировать имплицитную информацию, заложенную в литературных произведениях.

Интертекстуальность, присутствующая в творчестве Терри Пратчетта, приобретает особую актуальность в связи с тем, что жанр фэнтези в последние два десятилетия переживает заметный рост популярности среди читателей. Творчество Т. Пратчетта заслуживает особого внимания исследователей, поскольку созданная им разновидность жанра – комическое фэнтези – завоевала популярность среди читателей и литературных критиков, но остается сравнительно малоизученной в более широком контексте литературы фэнтези. Уникальное сочетание комедии и пародии, а также интертекстуальная природа жанра привлекают внимание исследователей и читателей.

Интертекстуальность – термин, не имеющий единого толкования, и ученые расходятся во мнениях относительно его определения и сферы применения. В широком смысле интертекстуальность определяется как «текст внутри другого текста». Согласно этой концепции, текст воспринимается как любой вид текста, который был упомянут, заимствован или переписан в каком-то другом тексте.

Типологию интертекстуальности предложил один из основателей теории интертекстуальности и интертекста Ж. Жаннетт, а затем активно использовали в своих научных работах другие исследователи (Н. А. Фатеева, Н. С. Олизько, И. П. Смирнов и др.). Согласно этой классификации, интертекстуальные формы подразделяются на «собственно

интертекстуальные, образующие конструкцию «текст в тексте», паратекстуальные, метатекстуальные, гипертекстуальные, архи-текстуальные. А собственно интертекстуальные элементы включают в себя цитаты, аллюзии, реминисценции» [1, с. 27].

Самая распространенная интертекстуальная форма в литературе – цитата. В «Литературном энциклопедическом словаре» (1987) приводится следующее определение цитаты: «В художественной речи и публицистике цитата – стилистический прием употребления готового словесного образования, вошедшего в общелитературный оборот. Частный случай цитаты – крылатые слова» [2, с. 333].

Ярким примером является цитата из романа «Цвет волшебства»:

The Wise Man said: “Every truth contains a grain of falsehood, and every falsehood a grain of truth” [3].

Это перефразированная цитата из «Дао дэ цзина» Лао-Цзы.

Более сложная форма интертекстуальности – аллюзия. «Большая советская энциклопедия» дает такое определение: «Аллюзия (от лат. *allusio* – ‘шутка, намек’), в художественной литературе, ораторской и разговорной речи одна из стилистических фигур: намек на реальный политический, исторический или литературный факт, который предполагается общеизвестным» [4, с. 215].

В качестве примера аллюзии можно рассмотреть отрывок из произведения «Цвет волшебства», в котором описывается игра в кости. В Плоском мире звук бросаемых игральных костей обозначается с помощью прилагательного *strange* ‘странный’, что придает описанию оттенок необычности, неожиданности и диссонанса с привычной спокойной атмосферой утреннего времени:

The sound of hoof beats died away, leaving the air to the hum of bees and the occasional rustle of butterfly wings. There was another sound, too, a strange noise for the bright time of noonday. It sounded like dice [3].

В данном отрывке выражение, использующее сравнение для описания звука катящихся игральных костей – *sounded like dice* – является аллюзией на тот же текст, в котором Боги Плоского мира занимаются игрой в кости.

Некоторые литературоведы ставят вопрос о разграничении цитаты и реминисценции. В литературоведческом исследовании Н. И. Усачевой решающее значение при различении цитаты и реминисценции придается критерию «точности» цитирования, который положен в основу классификации различных форм цитирования: «собственно цитата» определяется как «точное воспроизведение какого-либо фрагмента чужого текста», а реминисценция – как «не буквальное воспроизведение, невольное или намеренное, чужих структур, слов, которые наводят на воспоминания о другом произведении» [5, с. 15].

Например, образ Смерти как персонажа, который появляется в романе, является отсылкой к традиционным представлениям о Смерти в фольклоре и мифологии.

Таким образом, основные способы выражения интертекстуальности в романе «Цвет волшебства» – аллюзия, цитата, реминисценция. Анализ интертекстуальности позволяет глубже понять замысел автора и выявить скрытые смыслы, что делает данное направление исследования актуальным и перспективным для изучения творчества Терри Пратчетта и других современных писателей.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Фатеева, Н. А. Типология интертекстуальных элементов и связей в художественной речи / Н. А. Фатеева. – М. : Флинта : Наука, 2005. – 284 с.
2. Гришунин, А. Л. Цитата / А. Л. Гришунин // Литературный энциклопедический словарь. – М. : Сов. энциклопедия, 1987. – С. 333.
3. Pratchett, T. The Colour of Magic / T. Pratchett – URL: https://royallib.com/read/Pratchett_Terry/the_colour_of_magic.html#0 (date of access: 15.01.25).
4. Прохоров, А. М Аллюзия / А. М. Прохоров // Большая советская энциклопедия : [в 30 т]. – М. : Сов. энцикл., 1960. – Т. 1. – С. 215.
5. Усачева, Н. И. Пародийное использование цитаты / Н. И. Усачева // Вестник Ленинградского университета. История, язык, литература.– 1974. – № 4. – С. 28–40.

[К содержанию](#)

ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СФЕРЕ ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ЛИНГВОДИАКТИКА

К. В. АНДРЕНКО

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – В. А. Головко

ТОНАЛЬНОСТЬ ТЕКСТА В ЛИНГВОДИАКТИКЕ

Персонализированное обучение неразрывно связано с развитием личности обучающегося [1]. Поэтому для повышения эффективности образовательного процесса необходимо учитывать эмоциональное состояния учащихся и педагогов, а также их отношение ко всем его элементам. В контексте цифровизации современного образования, применение элементов сентимент-анализа (определения тональности) способно оптимизировать данный процесс, позволив учитывать настроения всех его участников.

Тональность (сентимент) представляет собой комплексную лингвистическую категорию, отражающую эмоционально-оценочную составляющую коммуникативного акта. Она реализуется как на лексическом уровне через отдельные языковые единицы (лексическая тональность), так и на уровне целостных коммуникативных фрагментов [2].

Анализ тональности предполагает идентификацию и классификацию тех элементов текста или речи, которые выражают эмоциональное отношение субъекта коммуникации (говорящего, автора) к объекту, являющемуся предметом эмоциональной оценки. Эмоциональность субъекта может быть представлена в виде трех основных категорий: позитивной, нейтральной или негативной. Таким образом, тональность отражает позицию автора по отношению к обсуждаемой теме, которая, как правило, описывается в рамках одномерного эмотивного пространства, где основными полюсами выступают «положительная» и «отрицательная» оценки.

Для целей лингводидактики может быть определена как эмоциональная окраска речи или текста, которая отражает отношение говорящего (или пишущего) к предмету обсуждения, собеседнику или описываемой ситуации. Определение тональности может иметь несколько приложений в контексте обучения иностранным языкам.

Так, анализ тональности играет значительную роль в создании адаптивных учебных материалов. Возможно отследить предпочтаемые упражнения, определить наиболее сложные и неинтересные темы, найти пути повышения вовлеченности учащихся. Например, система определения тональности текста может анализировать комментарии учащихся и, обнаружив негативную тональность (*It's hard for me to remember these words, I don't know what to talk about in this topic*), предложить дополнительные упражнения на запоминание лексики и фактологической информации в игровой форме или видеоуроки с носителями языка. При интеграции с искусственным интеллектом можно создавать более сложные адаптивные системы, которые будут учитывать не только эмоциональное состояние, но и когнитивные особенности учащихся.

Мониторинг вовлеченности учащихся является второй немаловажной задачей, которую можно решать посредством анализа тональности текста. В контексте традиционного обучения учитель способен считывать невербальные сигналы (жесты, мимика). Однако отследить всех учащихся за занятие просто невозможно, к тому же временные проявления каких-либо эмоций на уроке могут быть обусловлены внешними факторами, не связанными с самим образовательным процессом. В отличие от традиционного обучения, где учитель ориентируется на невербальные сигналы, автоматический анализ помогает учитывать больше факторов. Система может автоматически анализировать письменные ответы

учащихся, выявляя маркеры эмоционального состояния, такие как использование эмоционально окрашенной лексики (*excellent, terrible, uninteresting*) или паттерны поведения (уменьшение объема текста в ответах). Так, преподаватель может оперативно корректировать образовательный процесс, добавляя мотивирующие элементы, меняя фокус и формат заданий, учебный материал.

Если удалось определить отношение к заданию или теме, то все еще остается проблема обратной связи. Иногда преподавателю трудно сформулировать ответ, чтобы он не был клишированным. В то же время, неподходящий тон (например, излишне критичный или формальный) может демотивировать учащегося, усилить его негативное отношение к предмету. Например, в эссе студент пишет “*I don’t know if I’ve made a convincing argument for my point of view*”. Система анализа тональности классифицирует это как негативную или неуверенную тональность и предлагает преподавателю следующий комментарий: *You’ve already laid a good foundation for your argument, let’s add some examples to strengthen your position*. Такой подход помогает повысить уверенность студента и мотивировать его на дальнейшую работу.

Анализ тональности не ограничивается только письменными работами. Современные системы автоматического распознавания речи способны фиксировать речь педагогов и учащихся на занятиях, после чего система анализа тональности может обрабатывать эти данные.

Это может быть полезным для педагогов, которые желают улучшить свою речь на занятиях с позиции эмоциональной окраски. Например, студентам-педагогам крайне важно контролировать свою речь во время формирования профессиональной речи (отслеживание негативной лексики, императивов и т. д.). Например, педагог использует большое количество императивов: “*Go to the blackboard. Open your books*”, модальных глаголов со значением долженствования “*You have to do it. You must write down these words*”.

Для студентов лингвистических специальностей важно понимать эмоциональную окраску текста. Так, система анализа тональности может проверять эссе, запись устной речи, комментарии, просто предложения, определяя уровень эмоциональной окраски текста. Например, *The book left me with a deep sense of sorrow and contemplation. The protagonist’s fate was truly heartbreaking*. Текст содержит эмоционально окрашенные слова (*sorrow, heartbreaking*), что указывает на негативную тональность, а именно печаль и грусть. *This explanation is so confusing. I have no idea what the teacher meant*. Фразы *so confusing, no idea* указывают на разочарование и непонимание. Возможно, стоит предложить дополнительное объяснение.

Таким образом, анализ тональности может помочь студентам лучше понимать эмоциональную окраску текста и улучшать свои языковые навыки. Однако, несмотря на его значительный потенциал, важно учитывать ряд ограничений, связанных с применением данного анализа в образовательной среде. Рассмотрим основные из них.

Современные алгоритмы анализа тональности, хотя и демонстрируют высокую точность в стандартных ситуациях, могут ошибаться при анализе сложных текстов, содержащих иронию, сарказм, культурные аллюзии или нестандартные языковые конструкции. Это особенно актуально в образовательном контексте, где тексты учащихся могут быть неформальными, содержать ошибки или отражать индивидуальные особенности стиля.

Система классифицирует сообщение студента *Oh great, another five-page essay due tomorrow. I just love staying up all night writing!*. Ожидаемая тональность данного комментария негативная (сарказм, недовольство). Возможная ошибка алгоритма – оценка тональности как позитивной (из-за слов “*great*”, “*love*”), не распознав сарказм.

Использование анализа тональности для мониторинга эмоционального состояния учащихся поднимает серьезные вопросы конфиденциальности и этики. Одной из ключевых проблем является сбор данных без явного согласия студентов. Это может привести к тому, что они начнут сдерживать себя в выражении мыслей, опасаясь, что их комментарии будут использованы против них.

Другой важный аспект – использование результатов анализа для принятия академических решений. Если алгоритм определяет, что студент часто использует негативно окрашенные выражения, такие как *I don't understand anything* или *This topic is frustrating*, и на этом основании система помечает его как недостаточно мотивированного, это может повлиять на его оценку или уровень обучения. Однако эмоциональная окраска речи не всегда коррелирует с реальной успеваемостью.

Кроме того, существует риск стигматизации. Если преподаватель получает отчет, в котором один из студентов отмечен как склонный к негативным высказываниям, это может повлиять на его отношение к учащемуся. Человеческое восприятие подвержено влиянию подобных меток, и педагог может начать видеть в студенте проблемного ученика, даже если реальных причин для этого нет.

Также следует учитывать возможность манипуляции системой. Если студенты понимают, что анализ тональности влияет на их образовательный процесс, они могут намеренно использовать позитивные выражения, такие как *This lesson was amazing!* или *I feel super confident!*, даже если на самом деле испытывают трудности. В результате преподаватель получает

недостоверные данные, что снижает эффективность обратной связи и мешает адаптации учебного процесса к реальным потребностям учащихся.

Таким образом, анализ тональности обладает значительным потенциалом для применения в лингводидактике, позволяя персонализировать обучение, отслеживать вовлеченность студентов и учитывать их эмоциональное состояние. Однако его эффективное использование требует комплексного подхода, включающего не только технологическую, но и этическую составляющую. Необходимо учитывать языковые и культурные особенности, возможные ошибки алгоритмов. Важно, чтобы внедрение подобных технологий происходило с соблюдением принципов прозрачности, добровольности и защиты личных данных.

Кроме того, анализ тональности не должен рассматриваться как изолированный инструмент. Его применение будет наиболее эффективным в сочетании с другими методами оценки и адаптации учебного процесса, включая искусственный интеллект, индивидуальные стратегии обучения и педагогический анализ. Только комплексный подход позволит создать настоящему гибкую и поддерживающую образовательную среду, где технологии помогают учитывать не только знания и навыки учащихся, но и их эмоциональное состояние.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Асмолов, А. Г. Избыточная конкретизация. Нельзя превращать стандарт в корсет / А. Г. Асмолов // Образовательная политика. – 2019. – № 1–2 (77–78). – С. 18–23.
2. Гаспаров, Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования / Б. М. Гаспаров. – М. : Новое литературное обозрение, 1996. – 352 с. – URL: <https://yanko.lib.ru/books/lit/1%3D1.pdf> (дата обращения: 15.02.2025).

[К содержанию](#)

A. С. КАЧАНОВСКАЯ

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – В. А. Захарова

АУТЕНТИЧНЫЕ ВИДЕОМАТЕРИАЛЫ КАК СРЕДСТВО РАЗВИТИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ НА УРОКАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА: ПРЕИМУЩЕСТВА И НЕДОСТАТКИ

В современном мире изучение английского языка приобретает особое значение, т. к. он является языком международного общения, бизнеса и культуры. Одной из главных задач в обучении языку считается развитие

коммуникативной компетенции обучающихся, которое включает в себя не только языковые знания, но и умение эффективно использовать их в реальных повседневных ситуациях. Рассмотрим некоторые подходы к определению коммуникативной компетенции.

Под коммуникативной компетенцией Л. А. Петровская понимает «способность устанавливать и поддерживать необходимые контакты с другими людьми» [1, с.106]. В ее состав включают некоторую совокупность коммуникативных знаний и умений, обеспечивающих эффективное протекание коммуникативного процесса.

Ю. Н. Емельянов определяет коммуникативную компетенцию как «способность к коммуникации; как способность человека взаимодействовать вербально, невербально или молча; как интегративную способность целесообразно взаимодействовать с другими на своем уровне обученности, воспитанности, развития, на основе гуманистических личностных качеств (общительности, искренности, такта, эмпатии, рефлексии и т. п.) и с учетом коммуникативных возможностей собеседника» [2, с.16].

Одной из эффективных методик, способствующих формированию коммуникативной компетенции, является использование аутентичных видеоматериалов на уроках английского языка. Такие материалы создаются носителями языка для практического использования и, благодаря этому, предоставляют учащимся возможность погружения в естественную языковую среду. Данные материалы помогают обучающимся познакомиться с живой речью, разнообразными акцентами, культурными особенностями, повседневными выражениями и сленгом, что делает процесс обучения более увлекательным и мотивирующим.

Слово «аутентичный» имеет значение ‘подлинный’. Соответственно, под аутентичными видеоматериалами мы подразумеваем некоторые видео (фильмы, новости, телешоу, клипы и т. д.), которые были созданы носителями языка для носителей. Отечественные авторы отмечают, что «аутентичный материал не предназначен для учебных целей и не адаптирован для нужд учащихся с учетом их уровня владения языком. Он отражает национальные особенности и традиции построения функционирования текста» [3, с. 34].

Применение аутентичных видеоматериалов в обучении английскому языку имеет свои преимущества и недостатки. Среди преимуществ можно выделить следующие:

1. Контекстуальность: язык демонстрируется через естественные реальные ситуации. Учащиеся лучше понимают, как и в каком контексте использовать то или иное выражение на практике. Это повышает уверенность студентов в своих знаниях, что снижает уровень стресса при первом реальном взаимодействии с изучаемым языком.

2. Культурный аспект: учащиеся знакомятся с традициями, образом жизни и культурными особенностями стран изучаемого языка. Это помогает им лучше понять некоторые культурно-языковые особенности и национальный характер носителей языка. Язык тесно связан с культурой, и многие устойчивые выражения, идиомы и фразеологизмы становятся понятными только в контексте культурных традиций.

3. Разнообразие акцентов: видеоматериалы позволяют слышать разные акценты и интонации, что улучшает восприятие речи. Это очень важный фактор, т. к. когда студент слушает всегда лишь адаптированную идеальную речь, он привыкает понимать только ее. Это создает большие проблемы, когда дело доходит до реального общения.

4. Эмоциональная вовлеченность: наглядный и эмоционально насыщенный материал удерживает внимание учеников и пробуждает интерес к языку. Это в свою очередь повышает мотивацию к изучению иностранного языка, делает процесс обучения более продуктивным.

5. Развитие навыков понимания на слух: студенты учатся воспринимать речь в естественных условиях, включая фоновые шумы, помехи, оговорки.

6. Многообразие тем: в Интернете можно найти немалое количество аутентичных видео на любой вкус и тематику: от повседневной жизни до научных и профессиональных сфер. Таким образом, ученики расширяют словарный запас и кругозор.

Несмотря на все очевидные преимущества, аутентичные видеоматериалы имеют свои недостатки. К ним относятся:

1. Сложность восприятия: учащиеся с недостаточным уровнем владения языком могут испытывать трудности из-за скорости речи носителей, сленга и переизбытка незнакомых слов. Таким образом, подобный способ изучения языка становится для них бесполезным и оставляет негативное впечатление.

2. Технические ограничения: к сожалению, не у всех образовательных учреждений есть возможность на приобретение необходимого технического оборудования и стабильного интернета для работы с видеоматериалом.

3. Трудоемкость подготовки: учителю требуется много времени, чтобы подобрать подходящие видео и составить задания на отработку языковых навыков.

4. Отвлечение от основной цели: сюжет и визуальная сторона видео могут сместить фокус учеников с языковых аспектов на внешнее содержание.

Таким образом, использование аутентичных видеоматериалов на уроках английского языка представляет собой мощный инструмент для развития коммуникативной компетенции учащихся. Эти материалы создают условия для погружения в естественную языковую среду, стимулируют мотивацию и интерес к изучению языка, а также способствуют освоению культурных

особенностей англоговорящих стран. Однако эффективность их применения напрямую зависит от уровня подготовки учащихся, технического оснащения и методической организации уроков. Преодолевая эти вызовы, учителя могут раскрыть весь потенциал аутентичных видеоматериалов, сделав процесс изучения языка более эффективным, увлекательным и разнообразным. Следовательно, их интеграция в образовательный процесс становится не только актуальной, но и необходимой в условиях современного мира, ориентированного на коммуникацию и международное взаимодействие.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Петровская, Л. А. Компетентность в общении: социально-психологический тренинг/ Л. А. Петровская. – М. : Изд-во МГУ, 2009. – 216 с.
2. Емельянов, Ю. Н. Теория формирования и практика совершенствования коммуникативной компетентности : дис. ... д-ра психол. наук / Емельянов Юрий Николаевич. – Л. : ЛГУ, 1991. – 403 л.
3. Азимов, Э. Г. Словарь методических терминов (теория и практика языков) / Э. Г. Азимов, А. Н. Щукин. – СПб. : Златоуст, 1999. – 139 с.

[К содержанию](#)

К. С. КУЛЕШ

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Ю. А. Тищенко

РОЛЬ ФОНЕТИЧЕСКИХ НАВЫКОВ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Как известно, язык является важнейшим средством общения между людьми. С помощью него человек способен передавать свои мысли, эмоции, идеи и знания. Благодаря языку люди могут взаимодействовать друг с другом, устанавливать социальные связи, выражать чувства, решать конфликты и достигать общие цели. Однако существует большая разница между овладением родным языком и изучением иностранного языка. Родной язык познается легко благодаря естественной среде, в которой ребенок растет и развивается. Этот процесс происходит бессознательно, через постоянное взаимодействие и эмоциональную связь с окружающими людьми, что делает его естественным и органичным. Изучение иностранного языка же является сознательным и намеренным процессом, что делает его более трудным [1].

Освоение новых языков всегда оказывает положительное влияние на когнитивные способности учащихся, развивая логическое мышление, улучшая память и расширяя возможности коммуникации. Оно включает

в себя развитие фонетических навыков, расширение словарного запаса, изучение грамматики, навыков чтения, письма и аудирования, а также понимание культурного контекста и регулярную практику.

Фонетические навыки играют ключевую роль в успешном обучении иностранному языку. Формирование этих навыков у учащихся способствует не только правильному произношению слов и фраз на иностранном языке, но также и развитию навыка слушания и различения лексических единиц в потоке речи другого человека. Проще говоря, они помогают нам быть понятными и понимать других людей. Развивать эти навыки у учащихся необходимо как на раннем этапе обучения иностранному языку, так и в старших классах. Это помогает заложить прочную основу еще в начале пути изучения языка и продолжать совершенствовать ее для достижения высоких результатов.

Формирование фонетических навыков предполагает развитие у учащихся способности правильно воспроизводить звуки изучаемого языка, владеть интонацией, ритмом и мелодикой речи, а также умение воспринимать и различать звуки на слух. Этот процесс необходимо осуществлять поэтапно, поскольку он является сложным и требует постепенного освоения его компонентов, от базовых звуков до сложных элементов и конструкций в речи. Именно поэтому на начальном, среднем и старшем этапах обучения учащихся иностранному языку перед учителем стоят абсолютно разные задачи.

Фонетические навыки включают в себя не только корректное воспроизведение речи, но и правильное ее восприятие на слух. Учащиеся, обладающие хорошими фонетическими навыками, лучше распознают и понимают речь носителей языка. Знание фонетических правил и норм изучаемого языка способствует более быстрому и точному пониманию услышанного. В данном случае учащиеся развиваются свои слуховые способности и формируют «наслышанность», что снижает вероятность допущения ошибок в будущем и дает возможность свободно говорить на изучаемом языке.

Постановка правильного произношения и соблюдение всех звуковых особенностей, специфики интонации и ритма языка помогают учащимся чувствовать себя спокойнее и комфортнее в процессе речевого акта. Это помогает им успешно адаптироваться в языковой среде и повышает уверенность в своих возможностях говорения на иностранном языке. Их речь становится понятной и приемлемой для носителей языка. Это в свою очередь снижает страх ошибки и осуждения, которые часто мешают свободному общению.

Стоит отметить, что соблюдение интонации и произносительных норм может влиять и на смысл сказанного. Так, например, в предложении на

английском языке *I never said she stole my money* акцент на *never* подчеркивает, что утверждение не происходило вовсе, в то время как ударение на *she* указывает на то, что говорящий отрицает вину именно этого человека (возможно кто-то другой украл). Сильный глагол *to read* в настоящем и прошедшем времени имеет одинаковые формы написания *read – read*, однако они имеют разное произношение. В настоящем времени произносится длинный гласный звук [*ri:d*], когда в прошедшем времени – краткий гласный звук [*red*]. В зависимости от произношения и контекста слово *read* может восприниматься и переводиться по-разному. Это пример омографов – слов, которые пишутся одинаково, но произносятся и интерпретируются иначе. Знание правильного произношения позволяет избежать заблуждения и путаницы в речи.

Владение фонетическими навыками помогает учащимся легче адаптироваться к различным вариантам произношения, диалектам и акцентам, которые неизбежно встречаются в реальном мире. В повседневной жизни учащиеся могут сталкиваться с новыми для них языковыми ситуациями, которые значительно отличаются от стандартной языковой нормы, изученной в учебниках. Именно поэтому учителям иностранных языков стоит также использовать в своей работе дополнительные материалы: аудиозаписи, интервью знаменитостей, новостные репортажи, интеллектуальные и настольные игры – все, что может разнообразить уроки, сделать их более увлекательными и приближенными к реальной языковой среде, способствовать развитию не только фонетических, но и лексических, и коммуникативных навыков, а также мотивировать учащихся активнее использовать язык на практике.

Таким образом, можно сделать вывод, что фонетические навыки играют важную роль в обучении иностранному языку, так как они помогают учащимся правильно воспроизводить звуки, интонацию и ритм речи, улучшая произношение и восприятие речи на слух. Эти навыки способствуют более свободному и уверенному общению, помогают адаптироваться к различным языковым ситуациям и диалектам, уменьшая барьеры, с которыми учащиеся могут столкнуться в процессе общения. Развитие фонетических навыков облегчает понимание и выражение мыслей, делая речь учащихся понятной и приближенной к стандартам носителей языка.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Щукин, А. Н. Обучение иностранным языкам: Теория и практика : учеб. пособие / А. Н. Щукин. – М. : Филоматис, 2004. – 416 с.

[К содержанию](#)

Ю. В. МАТУСЕВИЧ

Брест, БГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Ю. А. Тищенко

ПОИСКОВОЕ ЧТЕНИЕ КАК ЭФФЕКТИВНЫЙ СПОСОБ РАБОТЫ С АНГЛОЯЗЫЧНЫМИ ТЕКСТАМИ НА УРОКАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В ШКОЛЕ

Изучение иностранного языка в контексте школьного образования подразумевает под собой многогранный процесс, включающий в себя следующие аспекты: говорение, аудирование, письмо и чтение. Говорение представляет собой форму устного общения, осуществляющую средствами языка, устанавливающую контакт и взаимопонимание, а также оказывающую воздействие на собеседника в соответствии с коммуникативным намерением говорящего [1, с. 94]. С помощью говорения активизируются коммуникативные умения говорящего. Аудирование заключается в восприятии речи на слух и предполагает понимание воспринимаемой на слух информации. Письмо формирует умения и навыки письменного выражения мыслей. Чтение, в свою очередь, позволяет воспринимать написанную информацию читающим и расширять его словарный запас.

Необходимо отметить, что чтение занимает особое место в образовательном процессе. В современном мире можно наблюдать нескончаемый поток новой информации, большинство из которой является общедоступной. В таких обстоятельствах обучение чтению представляется особенно важным, т. к. для нынешнего поколения учащихся основным источником информации является визуальный контент в относительно скатой форме. При этом наблюдается появление трудностей при работе с объемными текстами, ведь в рамках цифровой эпохи доминирует «клиповое мышление», в результате чего наблюдается снижение к длительной концентрации внимания при работе с развернутыми текстами. Исходя из вышесказанного, представляется целесообразным обучать учащихся работе с текстами для минимизации проблем, которые могут возникнуть в их дальнейшей учебной и профессиональной деятельности при работе с печатными источниками информации.

В методике преподавания иностранных языков выделяют четыре вида чтения, использование каждого из которых зависит напрямую от поставленных целей и задач при работе с текстом. Общепринятой и наиболее распространенной считается классификация видов чтения на базе преследуемых целевых установок по С. К. Фоломкиной. Так, чтение делится на изучающее, ознакомительное, просмотровое и поисковое.

В основу своей классификации исследователь положила практические потребности читающих: *просмотр* рассказа, статьи или книги, *ознакомление* с содержанием, занятие *поиском* нужной информации, *детальное изучение*, если нужно, языка и содержания [1, с. 235].

Изучающее чтение предполагает детальное понимание и осмысление содержания текста и работу с его структурой. Особое внимание уделяется деталям текста. При ознакомительном виде чтения предметом внимания читающего становится текст целиком, а в результате работы над этим видом чтения у учащихся формируется общее представление о содержании текста. Второстепенные детали неважны. Просмотровое чтение используется для быстрого просмотра текста с целью нахождения нужной информации.

Остановимся подробнее на последнем четвертом виде чтения – поисковом чтении, ориентированном на поиск конкретной информации в тексте в рамках ограниченного времени. Поисковое чтение предполагает активное взаимодействие читающего с текстом и направлено на отбор только информации, которая необходима для ответа на поставленный учащемуся вопрос или при выполнении заданий по тексту. Немаловажным представляется тот факт, что поисковое чтение позволяет формировать селективное внимание – фокусировку на конкретном фрагменте текста, игнорируя при этом несущественную информацию, которая также присутствует в произведении.

Качественная работа с текстом с применением стратегии поискового чтения реализуется в три этапа: предтекстовый, текстовый и послетекстовый. Предтекстовый этап – это подготовка к чтению, ознакомление с темой и понятиями, встречамыми в тексте. Это этап мотивации к работе с текстом на основе личного опыта или примеров из других областей знаний [2]. На данном этапе учитель обозначает, какую информацию учащимся предстоит найти в тексте, организует вопросно-ответную работу, а также актуализирует ключевые слова или фразы, которые будут встречаться в тексте.

На текстовом этапе осуществляется контроль понимания прочитанного. Как правило при первом прочтении учащиеся без труда могут определить тему и главную идею текста. Повторное прочтение позволяет обратить внимание учащихся на детали текста, что в свою очередь обеспечивает полное понимание прочитанного. На данном этапе целесообразно использовать такие упражнения, как нахождение конкретной информации по прочитанному тексту: фактов, дат, определений, цифр. Можно также выполнять задания на восстановление правильной последовательности событий, освященных в тексте и активно обсуждать прочитанную информацию, с целью выражения собственного мнения.

Послете́кстовый этап направлен на закрепление полученной информации и развитие навыков анализа прочитанного текста. При этом послете́кстовый этап характеризуется активным взаимодействием читателя с текстом на уровне анализа и оценки. На данном этапе происходит контроль степени понимания прочитанного материала и в дальнейшем грамотное его использование. Это позволяет учащимся совершенствовать навыки устной и письменной речи, в результате чего они могут свободно аргументировать свою точку зрения относительно прочитанного. На послете́кстовом этапе формируется и далее развивается критическое мышление учащихся, которое в контексте чтения помогает обучаемым не просто запоминать информацию, но и соотносить ее с их знаниями и опытом.

Безусловно, выбор тех или иных видов упражнений на каждом из этапов работы над текстом может отличаться и зависит от уровня подготовки учащихся и тематики предлагаемого текстового материала.

В общем и целом применение поискового чтения в обучении иностранному языку помогает учащимся эффективно извлекать нужную информацию из текстов, в результате чего наблюдается повышение эффективности обучения и развитие у учащихся навыков критического мышления.

Таким образом поисковое чтение становится не только методическим приемом, применимым в образовательном процессе, а «спасательным кругом» в современном информационном обществе. Планомерная и систематическая работа с разными видами чтения в целом и поисковом чтении в частности на уроках английского языка позволит частично преодолеть последствия клипового мышления у учащихся и научит их работать с текстом вдумчиво и осознанно. Для положительной динамики данного вида работы учителю стоит как можно чаще включать в уроки поисковые задания, при этом используя аутентичные тексты (новостные заметки, публицистические и научные статьи).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Гальскова, Н. Д. Теория обучения иностранным языкам: Лингводидактика и методика : учеб. пособие / Н. Д. Гальскова, Н. И. Гез. – 2-е изд., испр. – М. : Академия, 2005. – 336 с.
- Шамрина, А. А. Этапы работы с текстом при обучении английскому языку детей среднего школьного возраста / А. А. Шамрина // Теория и практика современной науки. – 2018. – № 6 (36). – С. 800–803. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etapy-raboty-s-tekstom-pri-obuchenii-angliyskomu-yazyku-detey-srednego-shkolnogo-vozrasta> (дата обращения: 04.03.2025).

[К содержанию](#)

И. С. СЕЛЕЗНЁВ

Брест, БГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – В. А. Захарова

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ПРЕПОДАВАНИИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ: ОБЗОР ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПЛАТФОРМ

В современном мире технологии играют ключевую роль в образовательном процессе. Искусственный интеллект (далее – ИИ) становится все более популярным инструментом, который может значительно улучшить качество обучения. В частности, использование ИИ на уроках в средней школе представляет собой перспективное направление, требующее детального изучения. Искусственный интеллект – это интеллект, демонстрируемый машинами, в частности компьютерными системами; технология, которая использует алгоритмы машинного обучения для создания новых данных, таких как тексты, изображения, музыка и мн. др. ИИ способен генерировать контент, который выглядит и звучит как созданный человеком [1].

Использование ИИ на уроках в школе это не только модный тренд, но и необходимость, позволяющая преподавателю и ученикам более эффективно добиваться поставленных целей. ИИ позволяет персонализировать обучение, адаптируя материалы и задания под индивидуальные потребности каждого ученика. Это особенно важно в условиях, когда классы становятся все более разнородными, и учителям необходимо учитывать разные уровни подготовки и интересы обучающихся. ИИ помогает создавать интерактивные и увлекательные учебные материалы, которые стимулируют интерес к учебе и повышают мотивацию обучающихся. Кроме того, ИИ способствует развитию навыков критического мышления и самостоятельного обучения. Учащиеся могут получать мгновенную обратную связь по сделанным заданиям, что позволяет им быстрее исправлять ошибки и совершенствовать свои знания.

На уроках английского языка можно предложить к использованию несколько платформ, которые работают на основе искусственного интеллекта. Рассмотрим некоторые из них:

1. **Teacher Bot** – это продвинутый инструмент ИИ, специально разработанный для поддержки педагогов в различных аспектах преподавания. Он помогает создавать полные планы уроков, различные тесты, оценивать задания и проектировать раздаточный материал. Для планирования уроков Teacher Bot учитывает разные стили обучения и особые потребности. При оценке он может анализировать задания на

соответствие предоставленному ключу или использовать визуальный анализ для субъективных оценок, предлагая подробный отзыв.

2. Reading Coach – это образовательный инструмент, разработанный в 2024 году для развития навыков грамотности через практику чтения на английском языке. Вместе с учениками можно создать свою собственную историю с помощью ИИ, выбрать любую историю из библиотеки или добавить свой собственный отрывок для чтения. ИИ предлагает выбрать забавных персонажей, место действия и уровень сложности (8 уровней). Каждые 20 минут чтения активируется новый персонаж и место. ИИ может генерировать тысячи историй. При чтении вслух Reading Coach отслеживает беглость чтения, точность, количество слов в минуту и время чтения. При завершении чтения платформа выдает результат, указывая на области, которые нуждаются в улучшении.

3. StoryWizard – это инновационный инструмент, который использует искусственный интеллект для создания интерактивных историй на английском языке. За считанные секунды платформа создает историю с красочными картинками, которая адаптирована к интересам и уровню владения языком учащихся, что помогает сделать процесс обучения более персонализированным и мотивирующим, развить творческие способности, улучшить понимание грамматики и расширить словарный запас. Для создания истории нужно придумать сюжет, выбрать главных героев и картинки. Понимание прочитанного можно проверить с помощью интерактивных заданий, которые можно сгенерировать с помощью ИИ (правда или ложь, заполни пропуски, соедини слово с определением, поставь предложения в правильном порядке, создай альтернативную концовку). StoryWizard прослеживает правильность выполнения заданий и дает рекомендации по исправлению ошибок.

4. Quizlet – это обучающая платформа, которая включает в себя несколько режимов, главным из которых является создание флеш-карточек. Учитель может создавать наборы флеш-карточек с новыми словами и фразами, грамматическими явлениями, которые учащиеся должны просматривать и постараться запомнить. После этого они переходят в режим изучения. Он включает различные типы упражнений, такие как вопросы с множественным выбором, правда/ложь и письменные вопросы. Этот режим адаптируется к темпу обучения и фокусируется на областях, где учащийся делает много ошибок. Режим тестирования предлагает различные задания, после выполнения которых платформа выдает окончательный результат запоминания слов.

Quizlet помогает расширить словарный запас, избегая механического заучивания слов, благодаря интерактивным заданиям. Это делает процесс

обучения более интересным и увлекательным, что способствуют лучшему усвоению и использованию новых слов в различных контекстах.

5. **Knowt** – это полезный инструмент для учителей, который позволяет превращать заметки и документы в интерактивные флеш-карточки и упражнения. В отличие от Quizlet, эта платформа позволяет загружать и хранить все учебные материалы (лекции, заметки, тексты), которые доступны для учащихся в любое время. На основе этих материалов Knowt автоматически генерирует флеш-карточки и упражнения к ним. Knowt также позволяет отслеживать прогресс учащихся, выявлять области, требующие дополнительного внимания, и предоставлять мгновенную обратную связь. Платформа поддерживает 30 языков и может быть использована другими учителями предметниками.

6. **Simpleshow** – это инструмент для создания анимационных видео. Для этого необходимо выбрать уровень владения языком, аудиторию, которой будет представлено видео, и написать текст видео. После этого платформа автоматически преобразует его в анимационное видео, добавляя иллюстрации и анимации. Платформа помогает объяснять сложные темы. Учителя могут создавать короткие анимационные видео, чтобы объяснить грамматические правила или вводить новые лексические единицы. Это делает материал более доступным и интересным для учащихся.

Видео можно использовать для повторения и закрепления материала. Учащиеся могут пересматривать видео дома, что помогает лучше усваивать информацию. Они также могут сами создавать видео, что развивает их творческие способности, навыки презентации и умение объяснять материал другим.

7. **Akinator** – это интерактивное приложение, которое использует алгоритмы машинного обучения и базы данных для угадывания персонажей, о которых думает пользователь, задавая последовательные вопросы. Ученики могут играть в Akinator, отвечая на вопросы джинна о выбранном персонаже. Это помогает им запоминать структуру вопросов на уроке английского языка. Приложение особенно актуально при изучении темы «Известные люди», когда ученики после изучения текста могут закрепить информацию, загадав известную личность и ответив на вопросы.

Akinator учит логически думать и анализировать. Играя в Akinator, обучающиеся узнают больше о различных известных личностях, что расширяет их культурный кругозор.

8. **Copilot** – это инструмент искусственного интеллекта, запущенный в 2023 г. Copilot может выполнять широкий спектр задач, таких как ответы на вопросы, создание контента и изображений. Этот инструмент также можно использовать учителю для подготовки к урокам английского языка.

Платформа может создавать упражнения и тесты для закрепления новых слов и грамматических правил. Copilot генерирует тексты для чтения и создает задания для проверки понимания прочитанного. Платформа также создает аудиозаписи текстов или диалогов, которые ученики могут слушать и выполнять задания на понимание услышанного. Copilot можно использовать для составления заданий к видео или аудиотексту. Ученики могут практиковать разговорную речь, задавая и отвечая на вопросы ИИ. Платформа может моделировать диалоги, помогать с произношением и давать обратную связь по грамматике и лексике. Copilot может проверять эссе, письма или другие тексты на грамматические ошибки, предлагать улучшения и давать советы по стилю и структуре.

9. **Twee** – это инструмент на базе искусственного интеллекта, специально разработанный для преподавателей английского языка. Он помогает создавать и персонализировать образовательный контент, упрощая планирование уроков и подготовку материалов.

С помощью Twee можно быстро генерировать вопросы для любого видео на YouTube, а также создавать диалоги, истории, письма или статьи на любую тему и для любого уровня. Инструмент позволяет создавать различные типы упражнений, такие как вопросы с множественным выбором, открытые вопросы и утверждения «правда или неправда». Twee также предлагает интересные вопросы для обсуждения, факты и цитаты известных людей, связанные с темой урока. Кроме того, он помогает создавать лексические упражнения на заполнение пропусков, сопоставление слов и определений. Грамматические упражнения включают задания на заполнение пропусков, перестановку слов и открытие скобок. Таким образом, Twee значительно сокращает время на подготовку уроков.

10. **Character AI** – это чат-бот на основе искусственного интеллекта, который позволяет общаться с вымышленными, историческими и известными личностями. Одной из ключевых особенностей Character AI являются интерактивные разговоры, предполагающие общение с персонажами из различных областей, включая популярную фантастику, игры и развлекательные программы. На уроках английского языка ученики могут взаимодействовать с искусственным интеллектом, создавая диалоги и участвуя в ролевых играх. Это помогает развить навыки общения и улучшить произношение.

11. **Kapwing** – еще один инструмент, использующий ИИ. Ученики могут создавать свои собственные видеопроекты в соответствии с придуманным сюжетом, добавлять текст, аннотации и другие эффекты, чтобы выделить важные слова или фразы. Kapwing позволяет добавлять субтитры на более чем 70 языках, включая английский. Учителя могут использовать эту

функцию для создания учебных материалов с субтитрами, что сделает материал легким для усвоения.

Использование искусственного интеллекта в образовании открывает новые горизонты для улучшения учебного процесса. ИИ помогает автоматизировать рутинные задачи, такие как проверка домашних заданий и тестов, что позволяет учителям сосредоточиться на более творческих и индивидуальных аспектах преподавания. Персонализированное обучение, поддерживаемое ИИ, способствует более глубокому пониманию материала и повышению мотивации учащихся, делает обучение более интерактивным и увлекательным. Однако важно помнить о необходимости этичного использования ИИ и постоянного контроля за его применением, чтобы избежать возможных негативных последствий. В целом, интеграция ИИ в образовательный процесс обещает значительные преимущества и улучшения, делая обучение более эффективным и доступным для всех.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Рассел, С. Искусственный интеллект: современный подход / С. Рассел, П. Норвиг. – 4-е изд. – М. : Диалектика : Вильямс, 2021. – Т. 1 : Решения проблем: знания и рассуждения. – 704 с.
2. Loor, M. Integration of Artificial Intelligence in English Teaching / M. Loor, D. Solorzano, A. Moreira. – 2024. – 157 p. – URL: <https://biblioteca.ciencialatina.org/wp-content/uploads/2024/04/Integration-of-Artificial-Intelligence-in-English-Teaching.pdf> (date of access: 09.03.2025).

[К содержанию](#)

К. А. СТАСЮК

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – О. С. Корнеева

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СОВРЕМЕННЫХ МЕДИА В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

На данный момент человечество переживает серьезную трансформацию, которая затрагивает все сферы нашей жизнедеятельности: экономическую, социальную, культурную и политическую. И, бесспорно, образование также проходит через некоторые изменения. Традиционные методы обучения уступают место более инновационным подходам, причем современные медиа играют в этом процессе значительную роль. Современные медиа – это коммуникационные средства, появившиеся в связи с развитием цифровых технологий. К ним относят различные формы коммуникации, обмена сообщениями, ставшие возможными благодаря распространению персональных компьютеров, смартфонов и Интернета [1].

В нынешних реалиях новые медиа представлены большим количеством форм. Среди них можно выделить следующие: интернет-СМИ, социальные сети, подкастинг, блогинг, виртуальные игры, форумы и Wiki.

Современные педагоги и психологи подчеркивают, что выросшее в эпоху технологических революций поколение молодежи все чаще отдает предпочтение взаимодействию в сети Интернет, нежели реальному общению. Это ставит перед педагогическим сообществом задачу адаптации образовательного процесса к новым реалиям, к осмыслению потенциала современных медиа и разработке инновационных методов, которые позволяют эффективно использовать их для вовлечения учащихся в обучение [2, с. 63].

Видео уже долгое время используется как эффективное средство для обучения и преподавания не только на уроках иностранного языка, но и на других предметах. Так, *YouTube*, благодаря использованию слухового и зрительного каналов поступления информации, помогает формировать навыки и развивать умения восприятия речи на слух, а также стимулирует устно-речевое общение. *YouTube* – бесплатный видеохостинг и социальная сеть, известная своим широким спектром материалов: фильмы, сериалы, музыка, влоги, интервью, документальные фильмы, образовательные видео и т. д. – каждый учитель вправе выбрать подходящий ему формат.

Использование видеоматериалов, как с *YouTube*, так и с других платформ, должно проводиться в три этапа: преддемонстрационный, демонстрационный и последдемонстрационный. На преддемонстрационном этапе важно облегчить дальнейшее понимание материала, например, выписать все слова, которые могут вызвать затруднения у учащихся. Также могут быть представлены упражнения на предсказание темы будущего прослушивания: по картинкам, диаграммам, названию аудиотекста. В дополнение к этому подойдут упражнения следующего рода: назвать как можно больше слов по теме видеоролика; угадать по кадру из видео его тему или сюжет; поставить картинки кадров из видео в правильном порядке; после аудирования проверить правильность выполненного.

На демонстрационном этапе учитель может на основе видео создавать следующие задания: ответить на вопросы по содержанию видео; заполнить пропуски в предложениях, где пропущена информация, которую учащиеся должны услышать и потом записать; предложить учащимся список утверждений о видео, часть из которых правдивые, а часть ложные; расположить события видео в правильной последовательности.

Последдемонстрационный этап характеризуется закреплением полученных знаний, воспроизведением собственного «продукта» на основе видео. Можно предложить: 1) обсудить спорные моменты из видео и выразить свое мнение в виде дебатов; 2) разыграть сцены из видео, взяв на

себя роли персонажей; 3) придумать альтернативную концовку для видео; 4) если это диалог, то составить на его основе собственный; 5) написать письмо персонажу из видео, выразив свое мнение о его действиях или предложив ему совет; 6) написать эссе, раскрывающее одну из тем, затронутых в видео; 7) подготовить презентацию по теме видео; 8) сравнить информацию, представленную в видео, с информацией из других источников.

Еще одной популярной социальной сетью является *TikTok*. Несмотря на то что большая часть контента в *TikTok* имеет развлекательный характер и не несет смысловой нагрузки, в последнее время можно наблюдать увеличение количества образовательных видео, что делает эту платформу потенциальным средством обучения иностранным языкам. Платформа *TikTok* схожа по своим характеристикам с *YouTube*: там также делается акцент на зрительно-слуховом восприятии информации; она располагает богатым выбором тематического материала. Отличительной же особенностью *TikTok* является его «малометражность», простота использования и чрезвычайная популярность среди молодежи, что дает возможность привлекать учащихся к созданию собственных коротких видеороликов на иностранном языке, тем самым повышая мотивацию и вовлеченность в учебный процесс.

Самостоятельные задания с использованием *TikTok* могут быть следующими: 1) короткие сценки с ролями (разыгрывание сценок на заданные темы: в магазине, в кафе, в отеле и т. д.); 2) челленджи (участие в популярных челленджах с использованием иностранного языка, например, челлендж «Что в моей сумке?» на английском); 3) показ своих увлечений (демонстрация своих хобби на видео, комментируя все на иностранном языке, это могут быть видео рецептов или обзоры на любимые книги, игры, фильмы, сериалы и т. п.); 4) пройдя по хештегу *#NewsAnchorChallenge*, дети могут попробовать себя в роли ведущих новостей и прочитать отрывок из англоязычной газеты или новостного сайта, или по хештегу *#DubbingChallenge* можно наложить свой голос на видеоролик на английском языке, при желании, изменив диалоги и создав новую историю.

Так же как *Instagram*, *TikTok* обладает некоторым количеством масок, которые можно успешно интегрировать в учебный процесс. Например, маски под названием *Road food*, *Animals Name Challenge*, *Color Road Challenge*, *Hardest English*, *Road Days*, *Road Body Parts*, *Fruit Party*, *Vegetables Challenge* отлично подойдут для оттачивания своих произносительных навыков, а также активизации словарного запаса. Задача учащихся: снять видео, используя эти маски, и четко произносить слова, которые появляются на экране. Если учащийся произносит слово правильно, то открывается следующее слово. Позже нужно поделиться результатом

с одноклассниками и учителем. Или же еще одни маски – *this or that, This or That by Shishi, Perfect Roast Dinner*, подходящие для практики грамматических конструкций, выражающих предпочтения. С маской *letters game* можно поиграть в игру, где учащиеся должны будут по очереди называть любые или заданные на определенную тему слова, согласно появляющимся на экране буквам.

Социальные сети *Facebook*, *X*, *Instagram* широко используются в изучении иностранных языков, поскольку обеспечивают живую и интерактивную среду для общения, практики письменной и устной речи, а также развития межкультурной компетенции. В этих социальных сетях существует множество страниц, посвященных изучению иностранных языков, а именно специализирующихся на грамматике, лексике, произношении, культуре и других аспектах языка. Они больше подходят для самостоятельного изучения языка, однако, учителя также могут успешно интегрировать контент этих страниц на своих уроках, используя их в качестве дополнительного материала или основы для обсуждений.

Так как основа поста в *X* (ранее *Twitter*) – это текст, можно предложить следующие задания для выполнения: 1) определить части речи в предложении; 2) найти прилагательные или наречия, которые делают описание более ярким и выразительным; 3) найти посты с грамматическими ошибками (их, к сожалению, в *X* достаточно) и попросить учеников исправить их, это может быть ошибка в использовании времени, артикля, или согласования; 4) выбрать посты, содержащие незнакомые для учеников слова, попросить их найти определение этих слов в словаре и использовать их в собственных предложениях; 5) найти твит известного человека, определить основную мысль и выразить свое мнение на этот счет.

Среди существующих форм современных медиа находятся *Wiki* серверы, которые отличаются своей доступностью и возможностью создания общих творческих проектов. Для учебных целей лучше использовать следующие вики-серверы, так как они позволяют ограничить доступ лиц к определенной вики-странице: www.pbworks.com, www.mediawiki.com, www.wikihost.org. Так, например, можно дать ученикам такое творческое задание: разработать проект, посвященный юбилею своего города, например, “*Brest is 1000*”. Класс предлагается разделить на 4 группы, каждой из которых достается своя тема: общая информация о городе, история, достопримечательности и известные люди. Ученики загружают информацию, добавляют фотографии, а потом проверяют и исправляют ошибки на страничках других групп. В итоге получаются тексты, которые потом могут войти в буклет о Бресте.

Как видно из представленных примеров, с помощью новых медиа можно создавать разнообразные и эффективные упражнения, которые

ориентированы на совершенствование уровня владения всеми аспектами языка: грамматикой, лексикой, говорением, аудированием, чтением и письмом. Использование медиа позволяет не только разнообразить учебный процесс, но и повысить мотивацию учащихся к изучению языка, т. к. дети используют привычные и интересные им инструменты. Это особенно важно для современного поколения, выросшего в цифровой среде.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Котенев, А. А. Новые медиа / А. А. Котенев // Большая российская энциклопедия : науч.-образоват. портал. – URL: <https://bigenc.ru/c/novye-media-eb906a/?v=7922460> (дата обращения: 22.03.2025).
2. Гольцова, Т. А. Использование блогов и социальных сетей в процессе обучения иностранному языку / Т. А. Гольцова, Е. А. Проценко // Ярославский педагогический вестник. – 2019. – № 3. – С. 62–68.

[К содержанию](#)

Е. С. ЧИЖИК

Брест, БрГУ имени А. С. Пушкина
Научный руководитель – Г. В. Нестерчук

К ВОПРОСУ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИКТ НА ЗАНЯТИЯХ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

В современном мире, где технологии развиваются с беспрецедентной скоростью, сфера образования переживает период трансформации. Традиционные методы обучения все чаще дополняются, а порой и заменяются инновационными технологиями, открывающими новые горизонты для познания и освоения изучаемых дисциплин. В мировой системе образования накоплен определенный опыт реализации обучения с использованием инновационных технологий, бесспорным преимуществом которых является более высокая результативность. Их использование в обучении помогает педагогу решить такие дидактические задачи, как активизация мыслительных способностей учащихся; привлечение к работе пассивных учеников; повышение интенсивности учебного процесса; обеспечение учебного процесса современными материалами; приучение учащихся к самостоятельной работе с различными источниками информации; повышение индивидуализации обучения.

Сегодня существует огромное число информационно-коммуникационных технологий, которые активно применяются при обучении, в том числе и иностранному языку, и предполагают активное использование мультимедийных средств, среди которых:

- цифровые библиотеки и онлайн-архивы, такие как JSTOR, Internet Archive и Europeana, которые открывают доступ к беспрецедентному объему информации;
- электронные учебники и образовательные платформы, такие как Coursera, edX и Moodle, предлагающие интерактивные учебные материалы, которые могут быть адаптированы к индивидуальным потребностям обучаемых;
- технологии коммуникации и сотрудничества Slack, Discord, Google Groups и Zoom, позволяющие организовывать онлайн-дискуссии и конференции;
- инструменты для совместного написания и редактирования документов Google Docs и Microsoft Word Online, которые обеспечивают возможность совместной работы над проектами в режиме реального времени;
- виртуальная и дополненная реальность (VR/AR), позволяющая создавать учебные среды, которые имитируют реальные ситуации, повышая вовлеченность;
- искусственный интеллект (AI), который может адаптировать учебный материал и темп обучения к индивидуальным потребностям и стилям обучения и т. д. [1].

Невозможно представить преподавание иностранного языка на современном этапе без информационных технологий, которые являются важным фактором повышения мотивации учащихся к учению, делают занятия более насыщенными, продуктивными и интересными, создают условия для развития всех, кто участвует в процессе обучения.

Так, использование в образовательном процессе мультимедиа-систем, характерной особенностью которых является объединение в одном программном продукте нескольких информационных потоков, как традиционных (выдержки из текстов, иллюстрации), так и оригинальных (музыка, фрагменты видеороликов), позволяет обучаемым достигнуть нового уровня интерактивного общения «человек – машина» в реальном режиме времени. Динамичные мультимедийные средства, в отличие от распространенных словесных методов подачи знаний, дают возможность одновременного воздействия на несколько органов чувств человека (зрение, слух, осязание), передачи информации в разнообразных ощущениях, воздействия на долговременную память, и как следствие – прочное усвоение новых знаний. На уроке иностранного языка использование мультимедиа обеспечивается зрительной информацией, которая в ходе обучения может выполнять самые разные функции, а именно:

- 1) служить опорой для понимания речевой структуры;

2) быть связующим звеном между смысловой и звуковой стороной слова и таким образом облегчать запоминание;

3) проецировать на экран различные ситуации для обучения говорению;

4) исполнять роль обратной связи в форме ключей [2].

Использование видео в процесс обучения меняет характер традиционного урока иностранного языка, расширяет общий кругозор учащихся, обогащает их языковой запас и страноведческие знания, создавая реальную иноязычную среду, которая способствует лучшему пониманию, отражает поведение собеседников, обогащает опыт учащихся в общении.

В сети Интернет существует огромное количество видеоматериалов, которые можно использовать на уроках английского языка [3]. Однако, подбирая материал к уроку, учителю необходимо тщательно подойти к отбору видеоматериала для учащихся в соответствии с темой и целью урока, возрастом учеников и их уровнем владения языком. Следует заметить, что важно адекватно оценивать обучающий потенциал того или иного видеоматериала, придерживаться основных критериев его отбора, уделяя особое внимание 1) аутентичности; 2) функциональности и 3) познавательной ценности [4, с. 141].

Анализ англоязычных сайтов с видеоресурсами показал, что практически невозможно найти сайты, обучающие только одному аспекту языка или виду речевой деятельности. Создатели сайтов стараются максимально заполнить их, загружая видео по грамматике, лексике, а также видеофайлы на страноведческую тематику. В наибольшей степени в сети Интернет посредством видеоресурсов представлены возможности для развития навыков аудирования и обучения лексико-грамматическому аспекту английского языка. Самым распространенным источником видеоматериалов является ресурс YouTube, предоставляющий свободный доступ к большому количеству видеороликов, передач, учебных видеофильмов и т. д., и не подлежит сомнению тот факт, что использование аутентичных видеоматериалов данного ресурса делает урок интересным и познавательным, а видеоматериалы могут применяться как для введения нового материала и его активизации, так и на заключительном этапе работы.

Очевидно, что ИКТ в образовании, и при обучении иностранному языку, в частности, должны рассматриваться как вспомогательные по отношению к мыслительной деятельности участников образовательного процесса. Они позволяют повысить эффективность обучения, расширить доступ к знаниям, сформировать критическое мышление и подготовить обучаемых к жизни в сложном и быстро меняющемся мире. Существенно меняется место, роль и функции преподавателя в учебном процессе, которому необходимо владеть навыками эффективного использования новых технологий и уметь органично интегрировать их в учебный процесс.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кухарчик, Е. Ю. Дистанционное образование и инновационные технологии в области гуманитарного образования как средство повышения эффективности процесса обучения / Е. Ю. Кухарчик, К. А. Василькова, Н. И. Белодед // Дистанционное обучение – образовательная среда XXI века : материалы XII Междунар. науч.-метод. конф., Минск, 26 мая 2022 г. – Минск : БГУИР, 2022. – С. 58–59. – URL: <https://search.app/hqxXPmzZjZZgg9Lv8> (дата обращения: 11.03.2025).
2. Савченко, Н. А. Использование мультимедиатехнологий в общем среднем образовании / Н. А. Савченко. – М. : Академия, 2006. – 178 с.
3. Карева, Н. В. Использование аутентичных аудио- и видеоматериалов для повышения мотивации изучения иностранного языка / Н. В. Карева // Науковедение : интернет-журнал. – 2014. – Вып. 3. – URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/71PVN314.pdf> (дата обращения: 10.0.2025).
4. Чикунова, А. Е. Критерии отбора аутентичных видеоматериалов для студентов экономических специальностей в процессе обучения английскому языку / А. Е. Чикунова // Известия Уральского государственного университета. Серия 1, Проблемы образования, науки и культуры. – 2010. – №3. – С. 138–144.

[К содержанию](#)